

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
Факультет социально-политических наук

ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

материалы конференции

Всероссийская научно-практическая конференция
«Возможности и угрозы цифрового общества»
Ярославль, 18–19 апреля 2024 г.

Ярославль
ЯрГУ
2024

УДК 316.3(063)

ББК С550я43

В64

Редакционная коллегия

- А. В. Соколов, доктор политических наук, заведующий кафедрой социально-политических теорий, ЯрГУ;
А. А. Фролов, кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий, ЯрГУ.

Рецензенты

- А. И. Кольба, доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет;
Л. Г. Титова, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий, ЯрГУ.

Организатор конференции

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.

Финансирование

Сборник издан при финансовой поддержке Правительства Ярославской области (грант 2023 года, шифр 636, проект 3).

Возможности и угрозы цифрового общества: материалы

В64 конференции / под ред.: А. В. Соколова, А. А. Фролова. – Ярославль : ЯрГУ, 2024. – 485 с. – (Всероссийская научно-практическая конференция «Возможности и угрозы цифрового общества», Ярославль, 18–19 апреля 2024 г).

ISBN 978-5-8397-1243-0

Сборник статей подготовлен по итогам работы Всероссийской научно-практической конференции «Возможности и угрозы цифрового общества», организованной 18–19 апреля 2024 г. Ярославским государственным университетом им. П. Г. Демидова. В него вошли материалы участников конференции – исследователей, представляющих научные центры Ярославля, Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара и ряда российских регионов. В них отражены результаты научных исследований перспектив и проблем, связанных с распространением цифровых технологий в современном обществе. Основные научные направления представленных материалов: социальные и политические аспекты развития цифровых технологий, безопасность в цифровом обществе, сетевая культура и человек в цифровом обществе, социальное управление в цифровом обществе, влияние цифровых технологий на общественно-политические процессы.

УДК 316.3(063)

ББК С550я43

ISBN 978-5-8397-1243-0

© ЯрГУ, 2024

Содержание

Акопова Т. С. Применение цифровых технологий на выборах в Российской Федерации: расширение возможностей доступа к голосованию	6
Бирючева Е. И. Кризисные политические коммуникации в цифровом пространстве современной России (на примере губернаторов регионов с режимом среднего уровня реагирования)	11
Будко Д. А., Калашникова Е. А. Отражение частной жизни в пабликах политиков (опыт изучения воздействия визуального сторителлинга)	21
Бурангулов Э. Р. Возможности цифровых технологий в модернизации высшего образования современной России	29
Бурда М. А. Миграционная политика России: предпосылки к цифровизации управления миграцией	34
Бурда М. А., Челнокова А. П. Противоречивость социального рейтингования как инструмента управления обществом	39
Власова А. А., Шаматонова Г. Л. Оцифровка vs цифровизация: вызовы для университетов	48
Гнедаш А. А., Катермина В. В. Репрезентации патриотизма в цифровом пространстве	58
Головин Ю. А., Дан-Чин-Ю Е. Ю. Современные цифровые технологии; социальные и политические аспекты	68
Гребенко Е. Д., Фролов А. А. Системы социального рейтингования: международный опыт	78
Денисов Д. С. Об исследовании политических эффектов цифровых экосистем	85
Денисов Д. С. Создание позитивного имиджа Китая в русскоязычной версии Интернета	95
Елархина О. В. Социально-политические практики просьюмеризма в цифровом обществе	109
Завершинский К. Ф. Политика «цифровой памяти»: либеральные и консервативные инверсии	117
Зазнаев О. И. Политические последствия цифровизации парламентов: что показал зарубежный опыт?	130
Исаева Е. А. Правовые аспекты социального рейтингования	143
Киселева Д. А., Сунгуров А. Ю. Городские цифровые сервисы правительства СПб: от удовлетворения потребностей жителей к поддержке гражданской активности?	151
Кожухова К. Е. Китайский цифровой суверенитет – изоляция или самосохранение?	158

Крайнов Г. Н. Социальные аспекты цифровой трансформации транспортной отрасли России	165
Крайнова Н. В., Прусов Д. А. Феномен Баадера-Майнхофа в локальных сетевых сообществах как форма проявления гражданской активности (на примере отношения граждан к транспортной реформе)	172
Кулакова Т. А. Генеративный искусственный интеллект: pro et contra	182
Кулакова Т. А., Волкова А. В., Лукьянова Г. В. Современные технологии управления массовым сознанием	188
Лебедева М. М. Цифровые технологии как фактор трансформации политической организации мира	197
Макаренко К. М. Локальная гражданская активность и парадоксы ее цифровизации	202
Морозова О. С. Технологии блокчейна в организации электронного голосования	209
Неверов К. А. Проблемы цифровизации городского управления и адаптивный подход к управлению	218
Негуляев С. В. «Центр управления регионом» как модель аутсорсинга цифрового публичного управления в субъектах Российской Федерации	223
Нестерчук О. А., Зогранян Е. В. Цифровая политическая дезинформация как угроза для интернет-аудитории	229
Олимзода С. Ш. Проблема исламского экстремизма в современном российском цифровом пространстве	235
Палатников Д. Е., Ратманова Е. В. «Fake news» как инструмент манипулирования общественным сознанием	244
Панкратов С. А., Панкратова Л. С. Воспроизводство российской цивилизационной идентичности личности – общества – государства в условиях утверждения доминант глобальных цифровых технологий	252
Ромашкина А. Б., Киричук Д. А. Особенности цифровых СМИ в современной политической жизни	261
Рябченко Н. А., Малышева О. П. Моделирование цифровой социально-политической повестки дня: от сетевого анализа к графовым нейросетям	269
Саляхутдинов В. Ф. Становление сетевого государства в условиях цифровой трансформации	279
Самарин Я. В., Контрерас Луна Р. Влияние новых медиа на становление популистских движений в контексте президентских выборов в Мексике 2024 г.	284

Самиев А. М., Дусян Р. О. Лукьянова Г. В. Установление политической повестки дня в третьих пространствах.....	293
Смирнова Ю. Г. К вопросу о соотношении рисков и выгод применения технологии онлайн-голосования на выборах в Российской Федерации: анализ отечественного и зарубежного опыта.....	304
Соколов А. В., Бабаджаниян П. А. Причины уклонения от социального рейтингования.....	315
Соколов А. В., Мавричева А. Особенности технологии экспертного разбора в цифровом пространстве.....	326
Сухонина Н. А. Исторический дискурс в отражении этнополитических конфликтов в российских интернет-СМИ.....	338
Сухонина Н. А., Георгиев Я. Д. Дискурсивные приемы отражения этнополитического конфликта в интернет-СМИ (на примере грузинских и абхазских СМИ).....	344
Тебякина Е. Е. Нейросети – путь к свободе или поворот в никуда? Философско-антропологический анализ	352
Туркина Е. В. Искусственный интеллект: опасности и риски (на основе «речевого портрета» по данным корпусного исследования современного медиадискурса).....	364
Филатова О. Г., Файзулина Я. Ю. Экосистема городских сервисов «Цифровой Петербург» как уникальный кейс российской управленческой практики	373
Филиппов А. Р., Зубов В. В. Медиа в эпоху постиндустриализма: политологический аспект	386
Храмова Е. В., Ташмухамедова К. Ш. Цифровое партнерство: Россия и Узбекистан на пути к современному обществу	394
Цветкова Н. Б. Государственное регулирование в условиях цифровой трансформации общества: риски и угрозы.....	400
Челан А. И. Новые методики исследования политической повестки дня и выводы для будущего	408
Чугунов А. В. Цифровые платформы взаимодействия власти и граждан: формирование коммуникационных моделей	423
Шашкова Я. Ю., Казанцев Д. А. Роль игрового контента в политической социализации современной российской молодежи.....	433
Шевченко Е. С. Политико-правовые аспекты цифровой повестки США на современном этапе	440
Щенина О. Г. Измерения цифровизации: технологическое, антропологическое, сетевое.....	450
Эрштейн Л. Б. Доступность информации как фактор невротизации современного общества	457
Юпланов М. Н. Экосистемный подход взаимодействия власти и бизнеса в контексте доверия населения.....	468

Применение цифровых технологий на выборах в Российской Федерации: расширение возможностей доступа к голосованию

Т. С. Акопова

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Ярославль, Россия

t.akopova@uniyar.ac.ru

В статье представлены результаты исследования, посвященного применению цифровых технологий в избирательном процессе в контексте их влияния на расширение возможностей участия граждан в избирательном процессе в качестве избирателей. На основе анализа данных программно-технического комплекса дистанционного электронного голосования выявлены возможные направления влияния цифровых технологий в избирательном процессе на общественные отношения в области избирательной системы, в частности на доступность голосования для граждан Российской Федерации.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование; голосование по месту нахождения; мобильный избиратель; цифровые технологии; цифровые инструменты голосования

Введение

Применение перспективных инструментов голосования на выборах становится все более актуальным с развитием цифровых технологий. Избирательный процесс на современном этапе невозможно себе представить без цифровых технологий. До недавнего времени цифровые нововведения в избирательной системе воспринимались как новации, но в настоящее время они превратились в стандарты проведения выборов в Российской Федерации. Цифровые и интернет-технологии значительно улучшают процесс выборов, делают его более открытым, удобным и эффективным для избирателей. Названные технологии позволяют повысить прозрачность выборов, обеспечить достоверность результатов и сократить время на подсчет голосов.

Теоретическая рамка исследования

Теоретическую базу настоящего исследования составили работы таких отечественных исследователей как Арутюнов А.Г., Васильев Ю.В., Набатникова Е.А., Челнокова А.П. [1] и многие другие ученые и аналитики, изучающие проблемы применения цифровых технологий и выборах с различных аспектов (правовых, технических, социологических и политологических).

Цель и методы исследования

Целью настоящего исследования является определение результативности применения цифровых технологий на выборах в Российской Федерации в направлении расширения возможностей участия граждан. Основными методами настоящего исследования является анализ аналитических источников [2], электоральной статистики ПТК ДЭГ [3], метод включенного наблюдения.

Основная часть

Применение на выборах в Российской Федерации одномоментно нескольких цифровых инструментов, включая дистанционное электронное голосование (ДЭГ) и систему голосования по месту нахождения («Мобильный избиратель»), позволяет избирателям использовать предпочтительный для них способ голосования.

Цифровой инструмент «Мобильный избиратель» применяется в Российской Федерации с 2017 года и пришел он на смену использовавшимся ранее открепительными удостоверениями. В настоящее время данный вид голосования сложился в упорядоченную систему с понятной инфраструктурой. Названная система предполагает несколько вариантов доступа избирателя к голосованию по месту нахождения: через заявление в территориальную или участковую избирательную комиссию, в МФЦ или на портал госуслуг. Она позволяет избирателю, проголосовать на любом удобном для него избирательном участке, если он по каким-либо причинам не может проголосовать по месту постоянной регистрации, но в пределах территории, на которой проводятся выборы. Предположительно, избиратель проживает не по месту своей регистрации и не имеет возможности там проголосовать, но при этом он не хочет голосовать с помощью ДЭГ, то он может воспользоваться технологией «Мобильный избиратель» и выбрать удобный для себя участок, на котором он будет находиться в дни голосования. Это позволяет расширить возможности участия в выборах тех граждан, у ко-

торых система дистанционного электронного голосования вызывает недоверие, либо ДЭГ не применяется в этом субъекте РФ на текущих выборах. Технология голосования по месту нахождения прозрачна, удобна и применима на территории всей страны.

Дистанционное электронное голосование применяется в избирательной системе РФ с 2020 года и имеет множество других преимуществ, с точки зрения, расширения возможностей доступа к голосованию. Использование ДЭГ на выборах помогает вовлечь в процесс голосования большее количество избирателей, включая молодежь, которое активно пользуется интернетом и цифровыми технологиями. Тем самым понижая уровень абсентеизма на выборах, что успешно было продемонстрировано в ходе избирательной кампании по выборам Президента России в марте 2024. Повышение явки важное условие демократических выборов. Особенность избирательной кампании по выборам Президента РФ с позиций явки избирателей, состоит в демонстрации гражданами России высокого уровня ответственности за будущее страны, проявляющееся в широком участии избирателей в голосовании (77,49 %). Такой результат стал возможен, в том числе благодаря цифровым технологиям, которые дали возможность прироста явки в среднем на 11-12 %, а в некоторых регионах участвующих в ДЭГ на выборах Президента и более 20 %.

Тем не менее, ограничением расширения участия является проблема доверия избирателей в отношении цифровых технологий в избирательном процессе. Она является одной из главных причин, которая влияет на показатели участия избирателей в выборах и легитимность результата. Но эта проблема заслуживает отдельного обсуждения и дискуссии, мы не будем касаться ее в рамках данного исследования.

Анализ электоральной статистики ПТК ДЭГ по выборам Президента РФ в 2024 году и сравнение средних показателей регионов, где применяются сразу двух технологии и где применяется только «Мобильный избиратель» показывает, что в субъектах РФ, где используются обе технологии увеличивает возможности участия граждан на 2,26% (среднее значение по регионам РФ), по отношению к 4,41% среднего значения по регионам РФ, где применяется лишь «Мобильный избиратель». Данные показатели демонстрируют, что наличие двух цифровых систем голосования (ДЭГ и голосование по месту нахождения) расширяет возможности избирателей к выбору способа голосования, увеличивает явку на выборы. При этом следует заметить, что при наличии ДЭГ в регионе, значительно уменьшается доля заявлений о вклю-

чении в список избирателей по месту нахождения. Можно предположить, что граждане отдадут большее предпочтение дистанционному электронному голосованию при наличии данной возможности на выборах в регионе.

Данные системы могут оказывать позитивное влияние на результативность голосования, так как проблему невозможности проголосовать на избирательном участке по месту регистрации могут решить сразу обе технологии. Избиратель сам вправе выбрать более удобный способ голосовать: прийти на избирательный участок, проголосовать с использованием технологии «Мобильный избиратель» или проголосовать дистанционно – с помощью ДЭГ.

Исследуемые цифровые инструменты не единственные в цифровой экосистеме избирательного процесса, на ряду с комплексом обработки избирательных бюллетеней, проверкой подписей в подписных листах кандидатов с применением технологий искусственного интеллекта и др. Именно ДЭГ и «мобильный избиратель», в первую очередь, расширяют возможности доступности голосования для избирателей и обеспечивают политическое участие, демократизируя и легитимизируя результаты выборов.

Выводы

На основе проведенного анализа можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, применение системы ДЭГ и «мобильного избирателя» повышает доступность граждан к выборам Российской Федерации, увеличивая явку и усиливая возможности выбора способа голосования.

Во-вторых, увеличение доступности голосования на выборах для избирателей расширяется по мере разрастания цифровых инструментов голосования в цифровую экосистему избирательного процесса со сложной и безопасной цифровой инфраструктурой удобной и доступной в использовании избирателем, как конечным потребителем.

Таким образом можно заключить, что цифровые технологии в избирательном процессе имеют существенный потенциал влияния на электоральное поведение граждан, обеспечивая им, в том числе, возможности использования права свободы волеизъявления.

Не вызывает сомнения то обстоятельство, что дальнейшее изучение данной проблематики имеет широкие перспективы.

Список источников

1. Арутюнов А.Г. ДЭГ в региональном измерении в современной России: кольцо прозрачности и спираль недоверия // Политические институты и процессы в России в условиях современной международно-политической напряжённости. сборник материалов научно-практической конференции Донецкого регионального отделения РАПН ко Дню политолога в Донецком государственном университете. Донецк, 2023. С. 120-121. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60059187> (дата обращения 06.03.24);

2. Поправки в Порядок ДЭГ: гарантии избирательных прав, трехуровневое наблюдение и электронная очередь // Независимый общественный мониторинг. URL: https://nom24.ru/info/events/popravki-v-poryadok-deg-garantii-izbiratelnykh-prav-trekhurovnevoe-nablyudenie-i-elektronnaya-ochereh/?sphrase_id=19667 (дата обращения 20.03.24);

3. Наблюдение_за_ходом_ДЭГ_на_выборах_Президента_Российской_Федерации_2024.pdf. URL: https://vybory.gov.ru/resources/static/landing_content/files/ дата обращения 25.03.24)

The application of digital technologies in elections in the Russian Federation: expanding access to voting

T. S. Akopova

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

The article presents the results of the study on the application of digital technologies in the electoral process in the context of their impact on expanding the opportunities for citizens to participate in the electoral process as voters. Based on the analysis of data from the software-technical complex of remote electronic voting, possible areas of influence of digital technologies in the electoral process on public relations in the field of the electoral system, in particular on the accessibility of voting for citizens of the Russian Federation, have been identified.

Keywords: electronic voting; voting at location; mobile voter; digital technologies; digital voting tools

Кризисные политические коммуникации в цифровом пространстве современной России (на примере губернаторов регионов с режимом среднего уровня реагирования)

Е. И. Бирючева

Кубанский государственный университет, Краснодар,
Российская Федерация
biriu4yova.ek@yandex.ru

В современном мире политические коммуникации являются важной константой, особенно при взаимодействии представителей власти и граждан. Геополитический контекст является одной из причин изменения форматов современных политических коммуникаций, поскольку является одним из факторов кризисных ситуаций, влияющих на политические процессы в целом. В данном исследовании была рассмотрена кризисная политическая коммуникация губернаторов регионов Российской Федерации с режимом среднего уровня реагирования. Методы исследования – контент-анализ, визуальный анализ и лингвотекстовый анализ. Эмпирическая база представлена корпусом текстов, фото- и видеоматериалов, содержащихся в telegram-каналах восьми глав регионов: Белгородской области, Брянской области, Воронежской области, Краснодарского края, Республики Крым, Курской области, Ростовской области и города федерального значения Севастополь. Результаты исследования заключаются в следующем: были описаны три преимущественные коммуникационные стратегии, которые используют российские губернаторы в своих социальных сетях для построения кризисной политической коммуникации.

Ключевые слова: российские губернаторы; цифровое пространство; кризисные коммуникации; цифровые коммуникации; telegram-канал; коммуникационная стратегия

Турбулентность современного мира, насыщенного разноплановыми явлениями и событиями, становится причиной появления кризисов и других чрезвычайных ситуаций, которые имеют влияние на существующие социально-экономические процессы, что становится вызовом для устойчивости государства как на национальном, так и на международном уровне. Привычные политические процес-

сы также меняются под воздействием цифровизации, становясь сложнее и многоаспектней. Претерпевают изменения и политические коммуникации – их высокая скорость и многовекторность, обусловленная цифровым развитием в том числе, становится причиной усложнения и кризисных явлений, которые выступают объектами политического управления.

В результате традиционные формы политической коммуникации и привычные политические роли, которые на протяжении долгого времени использовались различными уровнями власти, претерпевают серьезные трансформации. Несмотря на активно развивающуюся сферу исследования политических коммуникаций, всё же в центре внимания остается линейная модель коммуникации, предложенная Г. Лассуэллом. Структура данной модели заключается в виде представления коммуникативного акта в виде последовательных этапов: кто говорит, что говорит, в каком канале, кто получатель и каков эффект коммуникации [6, с. 136]. Каждая составляющая претерпевает определенные изменения и приобретает новые свойства под воздействием процессов цифровизации.

Недавние кризисы, с которыми столкнулось всё мировое сообщество, стали причиной глобальных трансформаций во всех сферах общества, политика не исключение. То, что раньше считалось не столь важным, теперь признано системообразующим процессом, а малозначимые ранее факторы, теперь находятся под пристальным вниманием.

Весьма показательным стало изменение отношения к политическим коммуникациям и пересмотр их роли в деятельности политического лидера как субъекта антикризисного управления. Стефан Фукс, изучающий векторы развития кризисной коммуникации в контексте пандемии COVID-19, убеждает уходить от идеи того, что коммуникация – это форма исполнения власти, когда на самом деле, «коммуникация не вторична по отношению к действию, она сама момент действия, в котором внутренне участвует» [3, с. 223]. Ещё один ключевой посыл монографии С. Фукса заключается в том, что нельзя быть руководителем, не будучи коммуникатором, так же как не стоит расценивать коммуникационную политику в качестве поддерживающей силы – это полноправная сфера деятельности. Более того, подчеркивает С. Фукс, «без коммуникации ваших действий не существует» [3, с. 223].

Кризисные явления и политическая коммуникация – это два взаимовлияющих процесса. Политический лидер, который хочет разви-

вать взаимоотношения с гражданами и гражданскими объединениями, противостоя возникающим кризисным ситуациям, не должен воспринимать коммуникацию как дополнительный процесс. Отсутствие понимания важности коммуникационных процессов приводит к тому, что кризис не устраняется и даже не решается, а лишь усугубляется. На примере исследования, описанного А.В. Корниенко, можно увидеть, что «непоследовательность в формулировках, нечитабельность документов, неопределенность используемых понятий, а также структурная неполнота информации» [2, с. 53], которую представители институтов государственного и муниципального управления транслировали населению, стали причинами отсутствия полноценного двухстороннего диалога между властью и обществом, без которого дискурс власти превратился лишь в формализованный ритуал. При этом кризисная ситуация перешла в свою следующую стадию, которую, конечно, имплицитность дискурса и непрямая коммуникация не смогли предотвратить.

Для рассмотрения процессов кризисной коммуникации нами было проведено исследование, основная цель которого заключалась в изучении и анализе кризисной коммуникации, проводимой губернаторами восьми российских субъектов – регионов с режимом среднего уровня реагирования [4]. Среди основных методов исследования – контент-анализ, визуальный анализ и лингводикурсивный анализ. Эмпирическая база представлена контентом восьми telegram-каналов, принадлежащих российским губернаторам: «Настоящий Гладков», «AV БогомаZ», «Гусев», «Вениамин Кондратьев», «Роман Старовойт (эмодзи флага РФ)», «Аксёнов Z 82», «Василий Голубев», «PaZVoжаев» представленных в социальной сети Telegram, содержащий корпус текстов, видео- и фотоматериалов, а также все комментарии и «реакции», содержащиеся в данных аккаунтах за период июнь 2023 г.

Исходя из существующих механизмов обратной связи в telegram-каналах, мы разделили исследуемые медиаресурсы на три группы. К первой группе относятся каналы губернаторов, в которых закрыты и комментарии, и реакции. Ко второй относятся главы, в чьих telegram-каналах подписчики могут ставить реакции на публикуемые сообщения. В третья группу входят полностью открытые главы, в аккаунтах которых больше всего способов получения обратной связи.

Рассмотрим губернаторов первой группы, на данный момент в неё входят два главы – В.В. Гладков (Белгородская область) и С.В. Аксёнов

(Республика Крым). Отметим, что данные каналы среди исследуемых имеют максимальное количество подписчиков. Медиаресурс Гладкова насчитывает около четырехсот тысяч, а канал Аксёнова порядка ста тридцати пяти тысяч пользователей.

Закрытые комментарии не всегда означают отсутствие обратной связи и нежелание её налаживать. Существует ещё ряд причин, по которым политики с такой большой аудиторией могут избегать открытых комментариев. Прежде всего это своеобразная защита от негативных комментариев. Политики могут закрывать комментарии для того, чтобы избежать оскорбительных или дезинформационных сообщений со стороны иных пользователей или ботов. Закрытые комментарии помогают поддерживать более контролируруемую и позитивную обстановку в своих социальных сетях.

Ещё одной причиной, менее распространенной, но всё же значимой является желание снижения негативного медийного влияния на свой образ. Со стороны общественных социальных медиа могут следовать не самые позитивные высказывания и манипуляции в адрес губернаторов. Механизм закрытых комментариев может помочь им избежать участия в конфликтных обсуждениях и сохранить репутацию.

Особенно значимой причиной для такой стратегии поведения может быть забота о безопасности своих подписчиков – граждан региона. Губернаторы в данной группе возглавляют территории, которые в большей степени сталкиваются с атаками и их последствиями. Соответственно, жители этих регионов существуют в достаточно напряженной обстановке уже длительное время и поэтому любая прямая или косвенная угроза их жизни, даже через комментарии в социальных сетях может быть воспринята более резко, чем могла бы в обычных условиях.

Последняя, по нашему мнению, возможная причина отказа от открытия комментариев может заключаться в фокусировании на других формах взаимодействия. Политики рассматривают весь спектр возможностей и выбирают более удобные для себя способы, чем работа с комментариями, которая является очень трудозатратной деятельностью. Опросы, прямые эфиры, вебинары – это лишь малая доля вариантов для выстраивания коммуникаций с гражданами. Поэтому закрытие комментариев в таком случае может быть связано с перенаправлением внимания на другие каналы взаимодействия.

Политики с большим количеством подписчиков, а Гладков и Аксёнов относятся к их числу, сталкиваются с более высоким уровнем внимания, ожиданий и потенциальных угроз в социальных медиа.

Вторая группа политиков, это губернаторы с возможностью ставить реакции на сообщения в их канале. К таковым относятся главы Брянской области, Воронежской области, Краснодарского края и Курской области.

Реакции в telegram – это некая разновидность обратной связи, которая заключается в том, что комментирующий может выбрать одну из предложенных эмодзи, которая наилучшим образом отображает его настроение. Сами по себе эмодзи являются экстралингвистическими компонентами системы коммуникации [5, с. 116]. Исследователями также предлагается следующее определение эмодзи – это мультимодальные средства, используемые с целью передачи максимально ярко выраженного смысла минимальными речевыми средствами [1, с. 769].

Во второй группе мы обозначили четырех губернатора, но отметим, что в каналах двух из них есть возможность ставить реакции, которые имеют и негативную коннотацию (Р.В. Старовойт, А.В. Гусев), а на информационных страницах других губернаторов можно ставить лишь «хорошие оценки», то есть изначально исключен вариант какой-либо критики, которую граждане могли бы проявить хотя бы экстралингвистическими способами.

Рассмотрим более подробно как происходила оценка тем событиям, которые описывали в своем telegram-канале губернаторы данной группы. Наиболее интересным нам кажется Старовойт, поскольку наличие возможности оставить негативную реакцию не отразилось на имидже губернатора. На самом деле «плохих» реакций не так много, либо они там, где должны быть, например, больше всего реакций с «нецензурно ругающимися» эмодзи на постах, которые описывают последствия атак на территории Курской области.

Проанализировав все публикации за июнь 2023 года, мы выяснили какие темы собрали наибольший отклик со стороны граждан. Прежде всего это тема атак и их последствий, на сообщениях этой тематики от 1,1 тыс. до 1,5 тыс. самых разных реакций из тех, что можно поставить в канале. Также много реакций имеют публикации, в которых говорится об экологии и ситуации с ремонтом дорог. Однако больше всего реакций мы видим у сообщения, которое относится к теме мятежа ЧВК, более 3,6 тыс. «сердечек», а также множество других реакций.

Именно в этой публикации Р.В. Старовойт обозначил свою отличающуюся позицию насчёт произошедшего – «После открытого мятежа многие советуют вычеркнуть и удалить все упоминания про это, но я не буду этого делать. Амбиции руководителя не должны перечеркивать прошлых заслуг рядовых бойцов».

Вторым главой с возможностью ставить «плохую» оценку является глава Воронежской области. В аккаунте Гусева наиболее «отзываемыми» являются три темы. Прежде всего это сообщения, касающиеся атак и их последствий, каждая публикация из этой категории набирает более 350 реакций. Далее следует тема спорта, а именно участие Гусева как болельщика на футбольном матче региональной команды – этот пост набрал более 400 реакций. Третья по активности тема связана с мятежом ЧВК, каждое сообщение губернатора об этом набирало около 700 реакций независимо от того писал ли Гусев о принятых мерах для усиления безопасности или о поддержке президента Воронежской области.

Далее проанализируем активность в каналах других глав. В сообществе А.В. Богомаза практически нет постов за исследуемый период, которые бы собрали больше тысячи реакций, отклик намного меньше. Но всё же наибольшее количество реакций «набрали» сообщения о ремонте аэропорта – более 1,2 тыс, сообщение в категории «здравоохранение» - более 500 реакций. Отдельно выделим, что максимальное количество реакций на публикации об атаках – около 600, а пост с поддержкой президента во время мятежа ЧВК собрал около 1000 реакций пользователей.

Следующий аккаунт, который мы рассмотрим, принадлежит главе Краснодарского края. Отметим темы, вызвавшие наибольшее количество реакций в его канале. Из «общих» тем, это пост, поздравляющий граждан с днём России – около 500 реакций и сообщение, посвященное выпускникам, набравшим максимальное количество баллов на ЕГЭ – более 400 реакций. Но наибольший всплеск пользовательской активности вызвали посты, относящиеся к мятежу ЧВК. Публикация, в которой Кондратьев выражает поддержку президенту, собрала около 1000 реакций, все остальные сообщения в этой тематике порядка 800.

Теперь же рассмотрим губернаторов третьей группы, под публикациями в данных каналах пользователи могут оставлять комментарии. Рассмотрим в первую очередь сообщество Развожаева, главы

Севастополя. При анализе данного аккаунта мы выделили несколько интересных особенностей.

Прежде всего отметим, как ведется работа с комментариями. Поскольку не было встречено откровенно негативных и насыщенных нецензурными выражениями комментариев, то их скорее всего «чищают» администраторы, работающие с каналом. Также, что немаловажно, на все комментарии пользователей, где есть вопрос или хотя бы просьба, дается подробный, развернутый ответ от аккаунта соответствующего ведомства или управления.

О том насколько регулярно ведется работа с комментариями позволяет оценить следующая ситуация. Развожаев выложил пост от 1 июня о проведении в скором времени прямого эфира по различным вопросам от граждан. В комментариях к этому посту было много самых разных вопросов и претензий, но были даны даже ответы на вопросы от пользователей, поступившие после 19 июня несмотря на то, что эфир главы прошёл ещё 1 июня.

Говоря о самых «насыщенных» комментариями публикациях, то это посты, темы которых относятся больше к обычной жизни. Сообщения о тренировочных «хлопках» вызывают сильный эмоциональный отклик – много эмодзи, восклицательных знаков, благодарности главе, что он предупреждает граждан. При этом сами комментарии не носят многочисленный характер, их обычно не больше 70, поскольку такие сообщения от губернатора уже стали в известной мере «рутиной».

Достаточно волнующими темами стали «городская среда» и «транспорт/дороги». Количество сообщений под постами этих категорий переходит за отметку в 1000. Достаточно сильная реакция на тексты о сфере ЖКХ, один из постов имеет 993 комментария. Также очень дискуссионной является категория «итоги», в которой Развожаев публикует итоги аппаратных совещаний и совещаний с Правительством. Под данными постами появляется обычно больше всего граждан, описывающих различные проблемы, требующих от государства содействия в их решении. Как правило, здесь подключаются аккаунты самых разных ведомств для ответа гражданам: департамент транспорта и развития дорожного хозяйства, «Севприроднадзор», департамент по имущественным отношениям, аккаунт Парки и скверы города, и другие.

Последний аккаунт, который мы исследуем, принадлежит главе Ростовской области. Сперва отметим, что работа с комментариями

ведется схожим образом, однако ответы более типовые и нет разбора каждой ситуации, как мы это видим в комментариях в канале М.В. Развожаева. Сами комментарии жителей, конечно, очень эмоциональны, много восклицательных знаков, некоторые пишут целые «полотна», пытаясь привлечь внимание ставят бессчётное количество эмодзи «SOS» и т.д., а также обычных комментариев довольно много, они накапливаются и только потом соответствующие службы начинают отвечать на них.

Есть аккаунты региональных профильных министерств, которые мониторят комментарии пользователей, а также каналы Администрации Ростова-на-Дону, Батайска, Таганрога, Каменск-Шахтинского и других городов области.

Нельзя не отметить, как отличаются и сами комментирующие. Люди достаточно грубы и нетерпеливы, в отличие от пишущих в комментариях в канале главы Севастополя. Кроме того, граждане очень активно пытаются даже вести диалоги с отвечающими каналами или аккаунтами, но это не всегда получается. Ещё одна особенность заключается в том, что очень много обращений повторяются от публикации к публикации, даже если дали пояснения и эти пояснения не удовлетворяют написавших, люди весьма настойчивы и хотят, чтобы им оказали максимально возможную помощь.

Необходимо также отметить, что во время мятежа ЧВК комментарии в канале Голубева были закрыты несколько дней, так как поток пользователей был просто огромен, уровень паники и тревожности среди людей был очень высок и во избежание распространения фейковой информации, в том числе и в комментариях, было принято решение закрыть этот способ обратной связи. На первой публикации с открытыми комментариями после произошедшего их насчитывается около 930, но при этом они напрямую касаются темы сообщения, а не мятежа.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. Мы рассмотрели примеры трёх различных коммуникационных стратегий в telegram-каналах губернаторов. Первая стратегия заключается в сосредоточении внимания на других формах обратной связи. Комментарии в интернет-сообществах закрыты, поскольку при таком большом количестве подписчиков это единственный вариант контролировать ситуацию и создавать позитивную обстановку. Вторая стратегия – это возможность подписчикам оставлять реакции – определенные эмодзи, наиболее близкие по смыслу тем чувствам, которые испытывает

подписчик. Тут можно увидеть какие темы вызывают наибольший отклик и вызывают активность среди граждан. В исследуемых аккаунтах это темы как связанные с СВО, мятежом ЧВК, которые становятся источником нестабильности и волнений для населения, так и темы более «мирские», связанные с ремонтом дорог, социальными вопросами и т.д. Третья стратегия поведения заключается в том, что пользователям дают полную свободу – они могут публично оставлять комментарии под любыми публикациями в канале. Для того, чтобы такая стратегия работала и не создавался хаос, необходима сеть «поддерживающих» аккаунтов различных служб и ведомств, которые смогут брать на себя коммуникацию с пользователями. Каждая стратегия имеет свои достоинства и недостатки, которые влияют на восприятие имиджа губернаторов гражданами.

Список источников

1. Кольцова Е.А. Мультимодальный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении / Е.А. Кольцова, Ф.И. Карташкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 769–783.
2. Корниенко А.В. Особенности директивного дискурса петербургской власти, вызванного коронавирусом / А.В. Корниенко // Политическая лингвистика. 2020. № 6 (84). С. 53–66.
3. Лебедева Т.Ю. Пандемия как фактор трансформации парадигмы международной коммуникации. Рецензия на книгу S. Fouks «Pandémie médiatique. Com de crise / crise de com» / Т.Ю. Лебедева, Л.В. Минаева, А.Д. Кривоносов // Вестник Московского Университета. Сер.: XXV. Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 1. С. 223–240.
4. Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756». URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/77560.html>
5. Фролов К.А. Эмодзи в политической интернет-коммуникации: универсальное и национальное / К.А. Фролов, И.В. Фролова // Власть. 2020. № 6. С. 116-121.
6. Lasswell H. D. The structure and function of communication in society //The communication of ideas. 1948. Vol. 37. No 1. P. 136-139.

Crisis political communication in the digital space of modern Russia (using the example of regional governors with a medium-level response regime)

E. I. Birucheva

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

In the modern world, political communication is an important constant, especially in the interaction of government representatives and people. The geopolitical context is one of the reasons for the change in the formats of modern political communications, since it is one of the factors of crisis situations affecting political processes in general. In this study, the crisis political communication of the governors of the regions of the Russian Federation with a medium-level response regime was considered. The research methods are content analysis, visual analysis and linguistic analysis. The empirical base is represented by a corpus of texts, photos and video materials contained in the Telegram channels of eight heads of regions: the Belgorod Region, the Bryansk Region, the Voronezh Region, the Krasnodar Territory, the Republic of Crimea, the Kursk Region, the Rostov Region and the federal city of Sevastopol. The results of the study are as follows: three communication strategies that Russian governors use in their social networks to build crisis political communication were described.

Keywords: Russian governors; digital space; crisis communication; digital communication; telegram channel; communication strategy

Отражение частной жизни в пабликах политиков (опыт изучения воздействия визуального сторителлинга)

Д. А. Будко, Е. А. Калашникова

Санкт-Петербургский государственный университет

d.budko@spbu.ru, e.a.kalashnikova@spbu.ru

В докладе речь идет о том, какое место в пабликах политических деятелей занимает публикация постов, связанных с их частной жизнью, а также восприятию подобного контента гражданами. Нами были использованы материалы, полученные в рамках исследования, проведенного в 2023 г., включавшего в себя два этапа. Первый этап – анализ политических пабликов, в которых присутствовали посты с визуальным сторителлингом. Второй этап состоял в проведении серии из 8 фокус-групп с гражданами (состав участников формировался в соответствии с возрастными когортами). На основании данного исследования был сделан вывод о том, что чем старше была возрастная когорта респондентов, тем позитивнее она относилась к публикации личных фотографий в пабликах политических деятелей.

Ключевые слова: визуальный сторителлинг; паблик; фокус-группы; имидж; политическая коммуникация

Введение

В настоящее время ведение паблика представителем власти является своего рода сопровождением его деятельности. Контент-план таких официальных страниц часто связаны с деятельностью АНО «Диалог», целью которого с самого начала было содействие в выстраивании цифрового взаимодействия между гражданами и государством [1;2]. Тем не менее многое в наполнении пабликов зависит в том числе от представлений их владельца (или в некоторых случаях его команды) о том, что должно быть в них опубликовано. В особенности, когда это касается постов, связанных с личной жизнью политика. С одной стороны, эти публикации могут свидетельствовать о степени открытости перед публикой, а с другой – способствовать формированию определенных черт в образе. Однако трактовка таких постов теми, кому

они адресованы может отличаться от того, какой посыл был в них заложен. Таким образом, целью нашего доклада является обозначить восприятие контента, посвященного частной жизни, различными когортами населения.

Теоретическая рамка исследования

В качестве теоретической базы исследования нами были взяты работы К. Леви-Стросса [3], Ж.-Ф. Лиотара [4], Г. Гадамера [5], Р. Барта [6,7], Д. Армстронга [8].

Методом исследования выступили дискурс-анализ по Н. Фэрклоу и подход к исследованию визуальных материалов П. Штомпки.

Цель и методы исследования

Для раскрытия данной темы нами было проведено исследование, состоявшее из двух этапов.

Первый этап состоял в отборе визуального материала и определения его нарративной составляющей. Его основной целью было выявление ведущих нарративов, используемых российскими политическими силами в визуальном сторителлинге посредством публикации в социальной сети ВКонтакте, видеохостинге YouTube, мессенджере Telegram.

В выборку попали все типы сообществ и пабликов, где можно обнаружить визуальный сторителлинг, далее они были разделены нами на категории:

1. политические партии,
2. национальные/федеральные проекты,
3. политические деятели федерального уровня,
4. главы субъектов федерации,
5. министерства,
6. оппозиционные политики.

В каждой из категорий были отобраны 15 наиболее популярных страниц в социальной сети ВКонтакте (российская социальная сеть), YouTube (прозападная платформа), Telegram (буферный мессенджер, в котором присутствует контент обоих направлений). В ряде случаев происходило пересечение популярных авторов по присутствию в той или иной социальной или наоборот отсутствию страниц в ней.

Хронологические рамки изучения пабликов: 01.03.2023 – 01.11.2023 г.

В рамках исследования пабликов нами были выделены четыре основных нарратива, обозначенных нами следующим образом (для наглядности в качестве примера нами были выбраны несколько иллюстраций.):

1. «Путь героя» – рассказ о собственных достижениях и ежедневной работе, личной жизни.

2. «Стабильность» – позиционирование планомерного достижения основных целей и задач, которые необходимо реализовать в рамках региональной политики; поддержка традиций.

3. «Свой-чужие» – обстоятельства, связанные с проведением СВО (например, поддержка наших бойцов и их семей; опасности вражеских провокаций, устранение их последствий).

4. «Планы на будущее» – часто связан с развитием региона и темой материнства и детства.

Второй этап исследования состоял в проведении фокус-групп в онлайн-формате с использованием стимульного материала.

Цель исследования – выявление реакций респондентов на визуальный контент, представленный в социальных сетях.

Выборку составили граждане России в возрасте от 18 лет. Всего 64 человека.

Было проведено 8 фокус-групп в формате онлайн с помощью приложения ЯндексТелемост.

Хронология исследования: даты проведения фокус-групп 04.11.2023, 05.11.2023, 11.11.2023, 12.11.2023 г.

С каждой из групп было проведено фокус-групповое интервью, которое длилось в среднем два часа. Ход записывался на видео. Во время интервью демонстрировался стимульный материал, собранный на первом этапе исследования (лица всех политических деятелей были анонимизированы).

Основная часть (результаты сбора данных)

Результаты фокус-групп продемонстрировали следующие результаты.

Респонденты в возрасте от 18 до 25 лет в целом не очень позитивно одобрили выкладку подобного контента, что отчасти разрушает гипотезы о том, что молодежь настроена более позитивно к неформальному контенту и как раз является двигателем идей так называемой «новой искренности». Более того, одинаковый скепсис вызывают как постано-

вочные фото, так и совершенно неформальные: «Ну, говоря про вот эти картинки, наверное, слева сверху приятная как бы да, стоит семья все как бы счастливы, вызывает доверие. Какая-то обыденная что ли. Но вот картинка слева внизу у меня больше какой-то иронии вызывает. Немного мне забавно это видеть, кажется, что почему, не знаю, что это какая-то постановочная штука, что вот я такой обычный, но это в контексте политических лидеров. Если бы я увидел условно такую картинку у политика, за которым я слежу, то я, наверное, бы спросил что это такое. Ну и картинка в лесу у меня тоже вызывает мало доверия, потому что для меня, честно, это заезженная тема, что я там в лесу и тут, и там, и здесь. Для меня этим занимается каждый второй политик, показывает, как он отдыхает в лесу, поэтому доверие не вызывает. Всё» (муж, 18-25); «Я бы хотела сказать, во-первых, все четыре картинки сильно приятнее, чем предыдущие, но у меня сейчас в голове вопрос: насколько актуально размещение таких фотографий, кроме школьной на страницах публичных каких-то деятелей, которые допустим на своей страничке ведут блог в политическом формате и выкладывают вот фотографии из жизни? То есть, насколько это уместно? Это было бы уместно, если бы деятель где-то в другом сообществе свою политическую деятельность освящает, а на личной странице, никакой работы, ни публичной деятельности не происходит – вот там, это было бы уместно. А на страничке, если он там, можно сказать работает, какие-то вещи публичные пишет, мне кажется, это не совсем уместно. Но, в целом, фотографии приятные, они отторжения не вызывают никакого. Но это, наверное, не то, что я бы хотела увидеть, зайдя на страницу политика с желанием какие-то, либо новости, либо мнения его узнать. Наверное, мне важнее его мнение относительно какой-то ситуации узнать, а не то, сколько грибов он насобирал» (жен., 18-25).

Между тем группа 26-35 лет скорее приветствует наличие в пубlike политиков неформального контента и одобряет его в том случае, когда фотографии фиксируют моменты, запечатленные как бы невзначай, но не постановочные кадры. При этом подчеркивается, что в определенных ситуациях ряд нарративов может быть воспринят сугубо положительно для имиджа того или иного деятеля и даже резонировать с его деятельностью в регионе: «Ну мне тоже эти фотографии нравятся больше, чем предыдущие. Больше всего, конечно, грибы поражают воображение. Семья мне меньше нравится. Я бы, наверное, больше на качающуюся парочку обратила внимание, это второе ме-

сто. Третье место на пьедестале - не знаю... Вот первая фотография, в ней все равно есть такой флер, не знаю, строгости, формальности. Понимаю, что возле школы, конечно, с детьми, но тем не менее. Из-за того, что все так в линейчку стоят, менее расслабленно выглядят по сравнению с остальными фотографиями. Последняя, конечно, с парником, своеобразная. Мне кажется, если там условно южные жители, они бы это восприняли вообще как-то по-другому, может быть. Особенно, если это какой-нибудь депутат местного значения. Может быть, оно было бы нормально. Или, там, приехал к родственникам и так далее. Это вот что-то допустим. Но на постоянной основе нет» (жен., 26-35); «Ну если судить по всем 4 фотографиям, показывается какой-то бытовой момент жизни определенных людей. Это хорошие такие фотографии. Допустим, что это кандидаты, эти фотографии показывают их с человеческой стороны. Показывают, что они такие же люди как и мы с вами, что у них тоже есть личная жизнь. На первой фотографии: примерный отец, пришел на 1 сентября. А вот на фотографии снизу: это какой-то праздник. На третьей – муж с супругой сидит. А на последней, то, что он ходит в лес. Больше нечего сказать про эти фотографии – они показывают обыденные жизни» (муж., 26-35).

Когорта 35 – 55 лет неоднозначно трактует выкладку частного контента. Зачастую в их высказываниях преобладает восприятие контента не с точки зрения позиционирования политика, а оценки его человеческих достижений и возможностей (во многом аналогично с тем, как оценивались бы, например, фотографии соседа по даче): «Мне кажется это обыкновенные фотографии социальной сети. Это некоторая такая человеческая релаксация, поделиться с людьми, которые не будут завидовать, а которые просто являются ближним кругом, и которые может быть далеко. Я бы даже порадовался, если бы здесь были фотографии не политиков, а обыкновенных людей – политики к которым тоже относятся. Особенно на первой фотографии, порадоваться можно, что человек радуется тому, что учится в школе и о какой-то зависти... это очень нехорошее чувство зависти. Значит что-то в самом себе не так, если ты испытываешь такие чувства. С арбузом – может человек один там или друга попросил сфотографировать. Все фотографии абсолютно нормальные, это релаксация для самого себя и копать хорошо это или плохо... это жизнь. Личная жизнь, которая стала уже давно не только абсолютно личной. И позволяет нам общаться с людь-

ми, которые далеко от нас. Здесь искать какое-то второе дно... это где-то в себе надо сначала покопаться» (муж, 35-55 лет).

Возрастная когорта от 56 лет не видит ничего дурного в подобном контенте и воспринимает его с точки зрения приятного или неприятного визуала, зачастую проскальзывают аллюзии к житейским событиям близким каждому человеку. Отметим большую степень эмоционального сопереживания происходящему и соотнесение с личным опытом. В целом эта когорта больше склонна видеть положительное в таких постах и приветствует подобные фотозаметки: «Значит вот чисто эмоционально - это восприятие как бы семьи, дружбы, праздника, день рождения. Ну, понятно, там еще урожай грибов кто-то набрал хороший, (смеется), вот. А так - отдых, семья, праздник. То есть, ну, такое достаточно спокойное, взвешенное отношение, потому что явно, что это больше такое как бы восприятие чисто человеческое, что вот ближе к понятию дружбы, семьи, отдыха, вот такого» (муж., 56+); «А мне фотографии понравились. Да, там семья, отдых, а мужчина с грибами это точно мой зять. Он всегда такие фотографии присылает, картину с грибами. Мне понравилось. Все!» (жен., 56+); «На фотографиях изображена чужая семья. Если бы там были близкие для меня люди, наверное, меня, не наверное, эти фотографии меня заинтересовали бы. А чужая семья, ну, как-то не вызывает никаких эмоций» (муж., 56+); «Мне все-таки фотографии такие положительные во мне эмоции возникают. Ну, по крайней мере, вот верхняя там левая фотография эта. Это первое сентября, День знаний. Если там было лицо узнаваемого политика, конечно, я бы внимательно рассмотрела жену, детей. Понимаете, это чувствуется, да, в День знаний. А на второй фотографии - это просто человек, у него праздник, день рождения. Понимаете, скорее всего, ждет торт уже готов, и человек, за человека можно порадоваться. Молодая пара тоже счастливая, сидит, качается беззаботно, у них своя радость. Ну уж про грибника и у меня вообще слов нету. Это много радости. Понимаете, да? У меня лично положительные все фотографии. И, возможно, если бы были открыты лица, я бы там пыталась бы рассмотреть и порадоваться за, если это знакомые или узнаваемые люди, за них. А так, у меня только положительные все четыре...[...] Ничто человеческую человеку не чуждо, почему нет? И политик может радоваться грибам, Господи, Боже! Тортику даче на свежем воздухе. Любой торт, сделанный собственными руками. Конечно, я думаю, там арбуз нарезанный стоит. Конечно, я думаю, что впечат-

ление такие и должны быть. Должно быть. В общем, в целом положительные эмоции должны быть и у политиков, они люди. И ничто человеческое не должно быть им чуждо. Ну, в общем то, за редким исключением. Я так считаю» (жен., 56+).

Выводы

По итогам проведенных фокус-групп можно сделать следующие выводы. С большой долей вероятности можно утверждать: респонденты 18-25 лет со скепсисом относятся к публикации фотографий частной жизни. Более того для данной возрастной группы это представляется скорее способом заигрывания с публикой, нежели искренним желанием рассказать о себе. В пабликах политиков они скорее предпочитают видеть контент, связанный с профессиональной деятельностью (при этом, как ни парадоксально, интерес к красивым изображениям в целом не очень велик). Можно наблюдать, что чем старше респонденты, тем спокойнее и доброжелательнее они относятся к публикациям подробностей личной жизни политических деятелей. Более того, если группы 26-34 и 35-54 в целом реагируют на фотографии достаточно нейтрально, то у самой старшей возрастной когорты происходит экстраполяция на собственную жизнь и сильный эмоциональный отклик. Именно они скорее склонны воспринимать публикации не как часть плана, а как обычные фотографии, сделанные в кругу семьи или во время сбора грибов.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках гранта «Визуальный сторителлинг как технология формирования политического доверия в онлайн-пространстве» (№123091200060-8) при поддержке ЭИСИ в ИНИОН РАН (руководитель – д.полит.наук, профессор Волкова А.В.)

Список источников

1. ДИАЛОГ о нас // ДИАЛОГ: сайт [2023]. URL: <https://dialog.info/about/ano-dialog/> (дата обращения: 01.12.2023).
2. ДИАЛОГ цифровые коммуникации. Методические материалы по госпабликам // ДИАЛОГ: сайт [2023]. URL: <https://dialog.info/metodicheskie-materialy-po-gospablikam> (дата обращения: 01.12.2023).
3. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс. 2001. 512 с.

4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии, Спб.: Алетейя. 1998. 160 с.
5. Гадамер Х.-Г. Что такое истина? // Логос. Философско-литературный журнал. 1991. № 1. С. 30–37.
6. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М.: Моск. гос. ун-т. 1987. С. 387–422.
7. Барт Р. Смерть автора / Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. 1994. С. 384–391.
8. Armstrong D. Managing by Storying Around: A New Method of Leadership // New York: Crown Business. 1992. 272 p.

Reflection of private life in the public of politicians (experience in studying the impact of visual storytelling)

D. A. Budko, E. A. Kalashnikova

St. Petersburg State University d.budko@spbu.ru

The report deals with the place in the public of political figures occupied by the publication of posts related to their private lives, as well as the perception of such content by citizens. We used materials obtained as part of a study conducted in 2023, which included two stages. The first stage is the analysis of political publications, in which there were posts with visual storytelling. The second stage consisted of conducting a series of 8 focus groups with citizens (the composition of participants was formed in accordance with age cohorts). Based on this study, it was concluded that the older the age cohort of respondents, the more positively they reacted to the publication of personal photos in public of political figures.

Keywords: visual storytelling; public; focus groups; image; political communication

Возможности цифровых технологий в модернизации высшего образования современной России

Э. Р. Бурангулов

Уфимский государственный нефтяной технический университет, г.

Уфа, Россия

burangulovemil@mail.ru

В статье анализируется роль цифровых технологий в модернизации системе высшего образования современной России. Автор пришел к выводу, что цифровые технологии уже стали ведущей силой в российском высшем образовании, а также они могут эффективно способствовать его текущей модернизации. Предлагается следующая модель обновленного российского высшего образования с использованием цифровых технологий: электронное обучения на базе классических университетов в форме коротких модулей, в программах которых делается акцент на практические навыки. Кроме того, обосновывается, что модернизация высшей школы России должна проходить с сохранением ориентации на общественный прогресс и свободный поиск нового знания, воспитание разносторонне развитой и духовно богатой личности.

Ключевые слова: государственная политика в сфере высшего образования; высшее образование; Россия; цифровизация; цифровые технологии

Введение

В последнее время среди выпускников российских вузов наблюдается рост эмиграционных настроений, повышение фрустрации, неуверенности в будущем. Ситуация осложняется перестройкой системы высшего образования в России, которая по самой своей природе должна обеспечивать комфортную социализацию и давать путевку в жизнь на благо общества и Отечества.

В условиях цифровизации и цифровой среды стоящие перед Российским государством задачи преобразования высшей школы должны решаться непременно при помощи новейших аппаратных и программных средств. Речь идет о формировании в киберпространстве

оригинальной и конкурентоспособной системы высшего образования, ориентированной на подготовку молодых специалистов, желающих способствовать развитию именно нашей страны, как альтернативе Болонской системы. Это весьма амбициозная и в чем-то пока трудно осуществимая задача. Вместе с тем российская история и практика содержит немало культурных достижений, на базе которых возможно создать действенную стратегию развития российского высшего образования, которая позволила бы придать новый импульс отечественным традициям высшей школы и учесть требования «академического капитализма» в условиях цифровизации. Концептуальной рамкой могут служить идеи, которые применительно к образованию сформулировали Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, С.Л. Франк и др. [2]

Также в России накоплен довольно большой опыт применения цифровых средств и технологий в высшей школе: многофункциональные интернет-сервисы («Университет без границ», Moodle, iSpring), онлайн-инструменты (Kahoot, Buncsee, Quizizz), виртуальные доски (MIRO, Twiddla, Scribblar) и др. стали стратегическими составляющими современной высшей школы и способствует ее совершенствованию.

Модернизация высшей школы России происходит на фоне укрепления тенденции коммерциализации высшего образования во всем мире. На этом фоне возникло отдельное направление – академический капитализм, в рамках которого в работах Ш. Слотера и Л. Лесли вузы представляются коммерческими предприятиями, которые должны конкурировать на рынке оказания платных образовательных услуг, осуществлять деятельность по реализации результатов исследований и разработок, должны учреждать малые предприятия, заниматься фондрайзингом, привлечением грантов, пожертвований и пр. [14]. Такие организации Б. Кларк предложил называть предпринимательскими университетами, идея которых состоит в «осознанном усилии по созданию института, которое требует целенаправленной работы и напряжения», в «принятии рисков при освоении новых практик, результат которых неясен» [10]. Эти тренды трансформируют вузы, образовательные программы, направления подготовки, специализации, что в свою очередь меняет и структуру управления высшей школы, подчиняет ее принципам «нового менеджериализма» и ставке на финансовую эффективность. Например, в итальянских университетах, которые становятся похожи на коммерческие корпорации, наибольшее

влияние приобретают технократически ориентированные менеджеры, как Д. Роджеро на примере итальянских университетов, которые все более походят на коммерческие корпорации [6]. В свою очередь, Д. Диксон, проанализировав большой массив данных, продемонстрировал, как вследствие нацеленности на извлечение прибыли вузы оказываются подчинены крупному капиталу их экономическим потребностям, как наносится ущерб ориентации на общественный прогресс и свободный поиск нового знания [11]. Также наблюдается все большее ограничение доступа к качественной научной и общественно значимой информации, все шире распространяются технологии слежения и контроля над общественностью, чаще используются манипуляции разного рода в информационном пространстве [7, 9, 15, 16].

На сегодняшний день коммерциализация приводит к тому, что в высшей школе цель воспитания разносторонне развитой и духовно богатой личности замещается решением сугубо практической задачи по ускоренную эффективной подготовке узкоспециализированного исполнителя, который будет востребован и может приносить прибыль в условиях цифрового общества.

Однако автор данной статьи убежден, что высшая школа невозможна без своих фундаментальных принципов, обоснованных, например, В. Гумбольдтом, который писал, что университет – «не что иное, как духовная жизнь людей, которых досуг или внутреннее стремление приводят к науке и исследованиям» [4], это корпорация преподавателей, ученых и студентов, деятельность которых основана на таких сформулированных Р. Мертоном принципах, как универсализм, коллективизм, бескорыстность и организованный скептицизм [12].

Выводы

Цифровые технологии являются ведущим фактором модернизации российской высшей школы, они способствуют повышению качества образования, ответственности вузов, интеграции, увеличивают доступа к высшему образованию, повышают престижа высшего образования, приближают его к условиям рынка.

В наиболее общем виде модель обновленного российского высшего образования с использованием цифровых технологий может выглядеть следующим образом: электронное обучения на базе классических университетов в форме коротких модулей, в программах которых делается акцент на практические навыки. Успех и жизнеспособность

этой модели базируется на накопленном опыте, на фундаментальность подготовки, на относительно низкой стоимости образовательных услуг (в сравнении с мировыми), на ориентации на обучение по направлениям естественных наук и массовым специальностям

Список источников

1. Бурангулов Э.Р. Философские основания модернизации российской государственной политики в сфере высшего образования // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2023» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2023.

2. Бусыгин А.Е. Российская государственная образовательная политика: в какой степени она содействует становлению новой социальной реальности? // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29(1). С. 8-20.

3. Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. 462 с.

4. Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине // Современные стратегии культурологических исследований: сборник. М.: РГГУ, 2000. С. 68-83.

5. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. 304 с.

6. Роджеро Д. Из руин в кризис: об основных трендах в жизни глобального университета // Неприкосновенный запас, 2011. № 3. С. 88-102.

7. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе, У-фактория, Екатеринбург, 2004, 328 с.

8. Устинович Е.С. Государственная образовательная политика в России: дайджест экспертных оценок. часть I. Современные вопросы и проблемы // Социальная политика и социальное партнерство. 2023. № 1. С. 9-15.

9. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980, 326 с.

10. Clark B. Collegial Entrepreneurialism in Proactive Universities: Lessons from Europe // Change. 2000. Vol. 32. № 1. Pp. 10-19.

11. Dickson D. The new politics of science. University of Chicago press, 1988. 404 p.

12. Merton R. The Sociology of Science. Chicago: Chicago University Press, 1973. 606 p.

13. Rhoades G., Slaughter, S. Academic Capitalism, Managed Professionals, and Supply-Side Higher Education // *Social Text*. 1997. № 51. Pp. 9-38.

14. Slaughter, S., Leslie, L. *Academic Capitalism: Politics, Policies and the Entrepreneurial University*. Johns Hopkins University Press, 1997. 276 p.

15. Yakovlev M.V., Gareev E.S., Burangulov E.R. Commercial Use of Distance Learning Technologies in the Digital Knowledge Economy: Trends and Prospects // *Education in the Asia-Pacific Region: Issues, Concerns and Prospects*. 2022. Vol. 65. P. 391-396.

16. Yakovlev Maksim V., Gareev Eduard S., Burangulov Emil R., Valitova Nika E., Ivanova Maria E. Development features of the Russian higher education system in present-day conditions // *SHS Web of Conferences*. 2021. Vol. 103. P. 1-4.

Possibilities of digital technologies in modernizing higher education in modern Russia

E. R. Burangulov

Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russia

The article analyzes the role of digital technologies in modernizing the higher education system of modern Russia. The author came to the conclusion that digital technologies have already become a leading force in Russian higher education, and they can also effectively contribute to its ongoing modernization. The following model of updated Russian higher education using digital technologies is proposed: e-learning based on classical universities in the form of short modules, the programs of which emphasize practical skills. In addition, it is substantiated that the modernization of higher education in Russia should take place while maintaining an orientation toward social progress and the free search for new knowledge, and the education of a well-rounded and spiritually rich personality.

Keywords: state policy in the field of higher education; higher education; Russia; digitalization; digital technologies

ГРНТИ 11.15.25

Миграционная политика России: предпосылки к цифровизации управления миграцией

М. А. Бурда

Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ
Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и
политического управления
г. Москва, Российская Федерация
burdam584@gmail.com

В статье рассматривается современная миграционная ситуация в России, где интенсификация миграционных потоков требует выработки новых подходов к повышению эффективности миграционного управления. Особенности миграционного режима современной России обусловили ее миграционную привлекательность на постсоветском пространстве, а экономико-демографическая потребность в мигрантах зачастую превалирует над необходимостью обеспечения национальной безопасности. Одним из таких подходов является цифровизация миграционной сферы, в том числе в области оказания миграционных услуг, контроля за перемещением и предоставления информации о миграционном законодательстве. Активное внедрение цифровых технологий в сферу управления миграции является одним из направлений концепции государственной миграционной политики, утвержденной еще в 2018 году. При этом развитие цифровых миграционных сервисов окажет положительное влияние на гармонизацию международных отношений.

Ключевые слова: миграция; миграционная политика; внешняя миграция цифровизация; Российская Федерация

Введение

Российская миграционная политика все время своего существования проходила различные этапы своего формирования, подходов к реализации, которые были зависимы от идейных нарративов органа исполнительной власти в сфере миграции. Мы помним миграционный комитет при Министерстве труда и занятости населения, потом период в структуре МВД, образование Федеральной миграционной службы, ее выход из структуры МВД, как самостоятельного федерального органа исполнительной власти, потом расформирование и возвращение все-

го миграционного функционала в структуру Министерства внутренних дел в рамках созданного Главного управления по вопросам миграции.

Рассматривая миграционную политику России, как государства являющегося одним из главных мировых центров миграционного притяжения, необходимо обратиться к основным подходам понимания миграционных процессов. В каком ключе мы будем рассматривать миграцию и какие задачи в связи с этим ставить в рамках миграционной политики.

Теоретическая рамка исследования

Российская Федерация продолжает оставаться одним из крупнейших центров миграционного притяжения в мире и крупнейшим государством приема мигрантов на пространстве бывшего СССР. Факторы миграционной привлекательности России на постсоветском пространстве обусловлены особенностями миграционного режима, в соответствии с которым в отношении граждан из государств-членов СНГ выделяется отсутствие необходимости оформления трудовых виз и разрешений на работу, вместо которых оформляются патенты. При этом, на основании положений Договора о Евразийском экономическом союзе, граждане Киргизии, Армении, Казахстана и Белоруссии освобождены от необходимости оформления и патентов.

Достаточно-распространенный экономико-демографический подход рассматривает миграцию, как один из главных инструментов решения проблем в области старения населения и удовлетворения потребностей рынка труда, однако часто совершенно забывает о безопасности государства, где таким образом формируется миграционная зависимость целых отраслей, безопасности общества, где не работают механизмы интеграции инокультурных внешних мигрантов, что приводит к формированию мест их компактного проживания, радикализации, увеличения роли диаспор и неформальных лидеров, что в конечном итоге оказывает негативное влияние на межнациональные отношения с местными жителями, где наконец увеличивается количество преступлений, совершаемых иностранцами в отношении местных жителей.

Цель и методы исследования

Как справедливо отметил в своей речи в ходе XV Всемирного Русского Народного Собора Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл: текущие миграционные процессы и их характер представляют серьезный вызов нашей культурной традиции, меняют облик российских городов,

приводят к деформации единого правового, культурного и языкового пространства страны, а ценность прибыли от использования труда мигрантов не может быть выше ценности государства, готового отстаивать интересы государствообразующего народа.

В этой связи, цифровизация государственной миграционной политики становится неотъемлемым требованием обеспечения государства, общества и личности, что подразумевает использование как формально-юридических, так и системных методов исследования миграционной политики.

Основная часть

По данным Единой межведомственной информационной системы (ЕМИСС), пограничной службы ФСБ России и МВД России, всего в 2023 году на территорию Российской Федерации въехало порядка 15 млн иностранных граждан, в 2022 г. – 13,4 млн, в 2021 – 12,8 млн. При этом, в 2021 году с территории постсоветских государств с безвизовым порядком въезда на территорию Российской Федерации въехало 9 млн 850 тыс. чел, в 2022 году – 10 млн 560 тыс. чел., в 2023 году – 11 млн 419 тыс. чел [3].

Миграционный режим Российской Федерации выделяет три категории государств,

в отношении которых действуют различные подходы, связанные с уровнем миграционных

преференций. К первой группе относятся государства-члены Евразийского экономического союза (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия) – государства, пользующиеся максимальным уровнем преференций в рамках единого экономического пространства. Ко второй группе следует отнести иные государства СНГ, не являющиеся членами ЕАЭС (Азербайджан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан), государства, с которыми у России установлен безвизовый порядок въезда, в том числе и для осуществления трудовой деятельности. К третьей группе отнесем государства с визовым порядком миграционного взаимодействия.

Современная внешняя миграция носит комплексный характер. Среди первоочередных вопросов, решение которых давно назрело, выделяются вопросы привлечения иностранных граждан к временной трудовой деятельности, знания мигрантами русского языка, разработки программ репатриации соотечественников, представляющих коренные народы Российской Федерации, не имеющих собственной государственности, а не бездумной раздачи российских паспортов иностран-

ным гражданам, не рассматривающих Россию, как свою Родину, не желающих ее защищать, не желающих жить по нашим законам, правилам и традициям.

Кроме того, актуализируется вопрос реальной потребности привлечения иностранной рабочей силы, в том числе в рамках квотированного привлечения неквалифицированных работников, разработки программ организованного и возвратного привлечения трудовых мигрантов по подобию реализуемой в арабских странах системы «Кафала».

В Российской Федерации с каждым годом всё активнее внедряются новые виды электронных государственных услуг, оказываемых населению. В рамках недавно принятой Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы государство нацелено на формирование информационного пространства, с учетом потребностей в получении качественных и достоверных сведений, и оказание качественных услуг населению в разных областях [1].

Вопрос регулирования миграционных процессов не стал исключением и нашел свое отражение в глобальной сети. Одна из главных функций Интернета – это предоставление информации, а потенциальные мигранты, на своей первой стадии принятия решения о переезде, остро нуждаются в информации о работе, жилье, правилах въезда и другой полезной информации о стране - реципиенте, которая бы помогла им обустроиться и адаптироваться.

Сайты, интернет-приложения, социальные сети, электронные СМИ, мессенджеры становятся частью повседневности, позволяют мигрантам лучше и быстрее адаптироваться к жизни в Российской Федерации, поддерживать связь с родными, узнавать о правилах пребывания в Российской Федерации и о новостях на родине, быстро передавать важную информацию, да и просто работать в Российской Федерации. Таксисты и курьеры в России уже просто не могут приступить к работе, если не используют смартфоны и специальные приложения в них. С помощью социальных сетей и современных мессенджеров мигранты передают друг другу информацию и решают актуальные для них проблемы, быстрее преодолевают сложности.

Заключение

Развитие информационного общества, наращивание объемов оказания государственных услуг, расширение взаимодействия с гражданами, направленного на формирование устойчивой обратной связи, ведут к качественным улучшениям на данном направлении. Появляются шан-

сы быть услышанными мигрантам, для того, чтобы наладить комфортный эффективный процесс адаптации, и не противопоставлять себя принимающему сообществу.

Список источников

1. Бурда М. А. Хорева Е. Е., Герасимова И. В. Миграционная политика в современной России: информационно-коммуникационные технологии в управлении миграцией // PolitBook. – 2022. – № 2. – С. 54-66.

2. Бурда М. А., Иванова М. М Миграционная политика современной России: условия обеспечения общественно-политической стабильности / М. А. Бурда, // Россия и мир: научный диалог. – 2022. – № 2(4). – С. 238-245.

3. Единая межведомственная информационная статистическая систем (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru/indicator/38479> (дата обращения 24.02.2024).

Migration policy of Russia: prerequisites for digitalization of migration management

M. A. Burda

RANEPA, Moscow, Russian Federation

The article examines the current migration situation in Russia, where the intensification of migration flows requires the development of new approaches to improving the efficiency of migration management. The peculiarities of the migration regime of modern Russia have determined its migration attractiveness in the post-Soviet space, and the economic and demographic need for migrants often prevails over the need to ensure national security. One of these approaches is the digitalization of the migration sector, including in the provision of migration services, movement control and provision of information on migration legislation. The active introduction of digital technologies in the field of migration management is one of the directions of the concept of state migration policy, approved back in 2018. At the same time, the development of digital migration services will have a positive impact on the harmonization of interethnic relations.

Keywords: migration; migration policy; external migration digitalization; Russian Federation

Противоречивость социального рейтингования как инструмента управления обществом

А. П. Челнокова, М. А. Бурда

РАНХиГС, Москва, Россия

angelinka_chelnokova@mail.ru, burdamix@mail.ru

В настоящей работе проведён анализ элементов социального рейтингования в Китае и возможные проявления системы цифрового ранжирования граждан в России. Проведен сравнительный анализ примеров реализации социального рейтингования в цифровом сообществе Китая и России. Рассмотрены пути цифрового урегулирования таких сфер деятельности человека, как: (1) отношения с государственной властью, (2) общественное поведение – деятельность «на благо общества», а также (3) цифровой этикет и имидж. Особое внимание уделяется противоречивым факторам формирования системы социального рейтингования, среди которых: юридический, этический, социальный и психологический. В статье показано, каким образом социальное рейтингование влияет на общество и его взаимодействие с органами власти, и выявлены возможные форматы дальнейшего развития системы социального рейтингования.

Ключевые слова: система социального рейтинга; общественные отношения; государственные цифровые платформы; система социального кредита; цифровизация общества

Введение

На сегодняшний день информационно-коммуникационные технологии являются «всеобъемлющей паутиной» в силу распространения своего влияния на все сферы жизни современного общества. Цифровые технологии становятся стратегически важным инструментом государственного управления и регулирования экономического и социального развития. Изменяющийся и усложняющийся мир диктует необходимость постоянной выработки инновационных подходов к выстраиванию коммуникации между институтами власти и гражданским обществом. Говоря о развитии «электронного государства», Ю. В. Ирхин акцентирует внимание на формировании новых управ-

ленческих технологий и соответствующих навыков субъектов управления и взаимодействия в рамках государства как общей «цифровой платформы» [3, с. 1859]. В России создание такой платформы реализуется Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ согласно указу Президента РФ от 21.07.2020 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и Правительством РФ согласно национальной программе «Цифровая экономика».

Теоретическая рамка исследования

Развитие государственных цифровых платформ приводит к накоплению, распространению и более упрощенному процессу передачи и контроля данных граждан, появляются новые форматы использования этих данных. В производстве цифровой информации о себе, как утверждает Е.Н. Вишневецкая, люди участвуют самостоятельно при использовании цифровых гаджетов, систем онлайн-кредитований и онлайн-оплат, регистрации и обмене сообщениями в социальных сетях, [2, с. 40].

Помимо «цифровых фактов» в виде данных и документов, в сети остается и «цифровой след» - зафиксированный в Интернете уникальный набор действий, выполненный на сетевом устройстве. Анализ «цифрового следа» позволяет «сконструировать» коммуникативный портрет пользователя, определить модели поведения и выявить особенности общественных интенций. Кроме оценивания общественного настроения цифровизация дает возможность вести индивидуальный социальный рейтинг для оценки поведения, деятельности и социального статуса гражданина, формирование которых происходит на основе собранных данных, онлайн-активностях и взаимодействии в сети. Если история классического рейтингования начинается с конца XX века и представляет собой систему личного банковского обслуживания, целью которой является недопущение «закредитованности» бизнеса и населения, то система социального рейтинга и цифрового рейтинга складывается из понимания необходимости урегулирования трех сфер деятельности человека:

1. Отношения с государственной властью – своевременная оплата счетов и перечисление налогов, наличие правонарушений;

2. Общественное поведение – деятельность «на благо общества» (соблюдение правил передвижения автотранспорта, контроль рождаемости, наличие образования);

3. Цифровой этикет и имидж – поведение личности в виртуальном пространстве, соблюдение правил коммуникации в сети, ответственность за публикуемые во всеобщий доступ материалы, анализ запросов потребителей.

Цель и методы исследования

Цель настоящей работы – сравнить элементы системы социального рейтингования в цифровом обществе России и Китая в контексте корректности их применения, положительного и отрицательного влияния на развитие государственно-гражданских отношений.

В рамках методологической базы исследования были выделены сравнительный анализ и метод «case study», позволившие выявить черты сходства и различия социального рейтингования в России и Китае.

Основная часть

Главным идеологом «системы социального рейтинга» и построения «честного общества» стала КНР. В 2014 году правительством Китая был объявлен запуск проекта «Социальный кредит», направленный на:

- усиление «мягкой силы» страны;
- углубление международного сотрудничества и обмена;
- создание международных брендов и международной репутации.

Создание системы социальных баллов подразумевает под собой начисление каждому гражданину стартового рейтинга в 1000 баллов и дальнейшее его повышение или понижение с помощью алгоритмов искусственного интеллекта в автоматическом режиме. Право на снятие баллов рейтинга имеют только уполномоченные банки, контролирующие бизнес органы, полиция и региональные власти. Вычет баллов происходит в связи с экономическим, социальным, морально-этическим, политическим и иным факторов. Например, «убыточными» являются аморальное поведение и нарушение общественного порядка, отказ от помощи престарелым родственникам, продажа некачественной продукции или предоставление некачественной услуги, частые звонки за границу, неуплата налогов и т.д. Начисление же баллов происходит

за «общественно-полезные» действия – участие в благотворительных акциях и волонтерство, внедрение новых технологий на производстве, сдача донорской крови и т.д. Соответственно, формирование рейтинга зависит не только от профессионального и экономического критерия, но и от общественно-бытовых факторов, социальной активности.

Таким образом, выстраивая социальный рейтинг граждан, правительство КНР определяет и приоритетность предоставления тех или иных услуг и льгот: участие в государственных закупках, конкурсах на высокооплачиваемые должности. Низкий социальный рейтинг, в свою очередь, означает невозможность получения кредитов, покупки билетов по ряду направлений, посещения Европы и других.

С одной стороны, система социального рейтингования основана на отчасти объективных оценках, облегчающих контроль и управление общественным поведением. Как отмечают Э.А. Бекирова и Д.В. Крылов, система социального рейтинга в экономике страны обладает главным преимуществом – объективностью уровня доверия между хозяйствующими субъектами [4, с. 82]. Кроме того, введение социального рейтингования создает дополнительную мотивацию к соблюдению правил и выстраивает интуитивно понятную систему «поощрения» полезных действий и их «вознаграждения» в виде доступа к образованию, получения кредитов, решения вопроса занятости и других аспектов жизни граждан. Однако система «благонадежности» в виде социального рейтингования изменяет образ государства в восприятии граждан и может оказаться деструктивным воздействием в вопросе социальных отношений. Во-первых, система вызывает дискуссии относительно этики, приватности и контроля со стороны государства. Автоматизированное социальное рейтингование приводит к «цифровой» дискриминации. Так, Р.В. Антропов отмечает, что «Система социального кредитования» рассматривается в Германии как цифровая диктатура, а КНР – как «полицейское государство» в связи с непредоставлением гражданам права на частную жизнь [1, с. 26]. Оценка каждого действия фиксируется и сохраняется со стороны не только в реальном, но и в виртуальном мире, что напоминает «цифровое закрепощение», в рамках которого граждане «низких позиций» имеют недостаточно возможностей вновь зарекомендовать себя как «благонадежного человека» и реабилитироваться. Во-вторых, система социального рейтингования ведет к социальной дестабилизации

в связи с непрозрачностью алгоритмов. Несмотря на «социальность» рейтингования и «общественное одобрение», принятие решений на основе рейтинга происходит на уровне государства, а не на уровне независимой комиссии. Наконец, цифровой рейтинг может стать причиной нарушения индивидуальных прав и свобод граждан – в связи с ошибочным списанием баллов и наличием большого количества звеньев в системе гражданин может лишиться доступа к тому или иному благу неправомерно.

Рассмотрев введение и действие социального рейтингования в Китае, перейдем к вопросу о возможности внедрения подобной системы в России. На сегодняшний день существует несколько форм сбора данных об «общественных действиях» граждан, в основе которых заложена идея связи скоринг-кода (изначально как параметра, свидетельствующего о платежеспособности человека и безопасности предоставления кредита) с номером телефона гражданина и основными документами: СНИЛС, ИНН, паспорт. Социальный «скоринг» подразумевает под собой разделение граждан на классы исходя из их «коэффициента полезности» для государства. Однако, в отличие от КНР, где позиция в рейтинге зависит практически от каждого выполненного действия, рейтингование в России носит «локальный» характер и распространяется на отдельные сферы жизни. Например, портал «Госуслуги» и приложения банков отслеживают «надежность» гражданина в финансово-экономическом вопросе, однако не выходят на уровень «поощрения» или «наказания» в общественном понимании в связи с задолженностью.

Что же касается социально-полезной деятельности, то с 2022 года началась разработка системы «Мы» сотрудниками РГСУ. Работа системы предполагается посредством сбора полноты данных, касающихся личности (пол, возраст, семейное положение), образования и места работы, участия в общественной деятельности. Данные три направления способны раскрыть такие вопросы, как: заслуга перед обществом и вклад в развитие совместного будущего. Двухкомпонентный скоринг-код соответствует данным направления: первое число кода соответствует социальному статусу человека, то есть текущему уровню гражданина, текущий «счетчик» его заслуги, второе число – обозначение социального уровня, являющееся индикатором дальнейших перспектив личности и его возможности.

Еще одним примером является ЕСИА (единая система идентификации и аутентификации), которая позволяет осуществлять сайтами сбор данных о гражданах, начиная от школьных достижений и заканчивая количеством пройденных за день шагов. Так, в Камчатском крае каждый шаг жителя фиксируется в обществе и конвертируется в баллы социального рейтинга. Отметим, что российская система рейтингования в данный момент направлена по большей своей части только на поддержание положительного образа гражданина, на начисление бонусных баллов и их обмена.

Таким образом, можно отметить сходства отличительные черты «социального рейтингования» в России и Китае. Как российская, так и китайская система рейтингования порождает у граждан стремление к саморазвитию благодаря существованию вознаграждения, льгот и других «бонусов». Однако в России система поощрения не имеет «противовеса» в виде снижения рейтинга и трудности восстановления социальной репутации. Использование цифрового рейтинга в Китае направлена на повышение «дисциплинированности» населения, искоренение мелких правонарушений, «прививание» поведенческие правил. Что же касается варианта российского социального рейтингования – нарушение «бытовых» правил не отражается на полотне цифровой репутации. Исключения составляют частные компании, которые ведут собственный рейтинг посетителей, пользователей, клиентов (например, в приложении «ЯндексGo» не только заказчик такси, но и водитель могут оценить друг друга, что помогает формировать культурное и безопасное взаимодействие между всеми участниками поездки).

В отличие от российских проектов, цифровое рейтингование в Китае используется и как инструмент мобилизации граждан в кризисный период. Например, граждане Китая беспрекословно принимали принять участие в строительстве больницы Лейшеншань в Ухане в виде смоделированного их строительных вагонов городка.

Сравнение элементов двух систем социального рейтингования позволяет выделить несколько противоречивых точек в вопросе развития системы. Первый вопрос – как социальное рейтингование ограничивает юридические свободы граждан? Социальное рейтингование для выявления нарушений или общественно-полезных требует постоянного отслеживания «неблагонадежных» людей, использование

средств массового видеонаблюдения и искусственного интеллекта. Анализ каждого действия и «сканирование» всех цифровых следов означает, что реализация «императива общественного договора» о призвании правового государства «обеспечивать для человека и гражданина одновременно и безопасность, и возможность полноценной реализации прав и свобод. В том числе – в информационной (цифровой) среде» реализуется не полностью. Необходим тщательный отбор и упорядочение личных данных во избежание утечки данных и несоответствия стандартам информационной безопасности.

Вторым не менее важным пунктом является вопрос разработки критериев и унификации шкалы рейтингования. На сегодняшний день в открытом доступе не существует четкого ранжирования правонарушений по степени их «несоответствия» образу благонадежного гражданина. В связи с этим возникает и проблема «наказания» - какая степень действия или бездействия приводит к снижению конкретного количества баллов? Какие действия или бездействия должны входить в систему оценивания, а какие – нет?

Объединение первого и второго вышесказанных положений отображает противоречивость одновременного использования системы социального рейтингования и законодательства. Существует необходимость в различении и разграничении правонарушений и последующих за ними наказаний – выбора между снижением уровня в цифровом рейтинге и юридическими санкциями и их соизмеримости.

Завершающее спорное положение относится к психологической составляющей социального рейтингования. Как было сказано ранее, социальное рейтингование может стать катализатором дестабилизации социума. Прежде всего, в рамках функционирования цифрового рейтинга будет происходить сравнение уровней граждан и процветать доносительство из-за желания дискредитировать условного «соперника», что является дополнительной причиной разрушения социальных связей. Кроме того, тотальный контроль, допущение несправедливого уменьшения баллов по причине ошибок сканирования и обдумывание «каждого шага» означает постоянное нахождение личности в напряжении, что негативно может сказаться на его психо-эмоциональном состоянии и взаимодействии с окружающим миром.

Выводы

Итак, развитие государственных цифровых платформ обеспечивает органам управления доступ к широким базам данных граждан. На основе имеющейся информации и благодаря возможности отслеживать точечные «проявления» каждой личности в Китае формируется культура «социального рейтингования», являющаяся мощным инструментом контроля и оценки общественного поведения. В России, в отличие от всеохватывающей системы «социального сканирования» и цифрового рейтингования Китая, появление механизмов ранжирования можно наблюдать в национальных программах, инновационных разработках, работах частных компаний. Внедрение социального рейтинга в России возможно, однако оно может характеризоваться и «местным» применением в определенной сфере общественной жизни, где для каждого направления будут разработаны точные критерии оценки действий (например, социальное рейтингование в области активной общественной деятельности; социальное рейтингование в вопросе проведения семейной политики и т.д.). Кроме того, для полноценного внедрения системы социального рейтингования необходимо обеспечить прозрачность, безопасность и соблюдение прав граждан, чтобы избежать потенциального нарушения личной свободы и конфиденциальности, а также проанализировать и проработать психологическую готовность граждан к ограничению некоторых действий для блага развития гармоничного общества.

Список источников

1. Антропов Р. В. Система социального рейтинга в Китае: прогрессивный механизм поощрения и наказания или цифровая диктатура? / Р. В. Антропов, И. И. Лиценберг // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации : материалы XII Международной научно-практической конференции, Чита, 27 марта 2020 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Забайкальский государственный университет. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2020. – С. 20-27.

2. Вишневецкая Е.Н. Проблемы и перспективы построения эффективного государства в условиях цифровой революции // Инженерная экономика и управление в современных условиях: Материалы научно-практической конференции, приуроченной к 50-летию инженерно-экономического факультета. Донецк, 2019. – С. 39-45.

3. Ирхин Ю. В. Преимущества и проблемы современного государственного управления на принципах цифровой платформы: методология, теория, опыт России / Ю. В. Ирхин // Вопросы политологии. – 2019. – Т. 9, № 9(49). – С. 1858-1864.

4. Крылов В.С., Бекирова Э.А., Крылов Д.В. Цифровая экономика в Китае: качественный анализ системы социального рейтинга // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2018. – № 3(61). – С. 79-83.

The inconsistency of social rating as a tool for managing society

A. P. Chelnokova, M. A. Burda

RANEPA, Moscow, Russia

This article analyzes the elements of China's social rating and possible manifestations of the digital ranking system of citizens in Russia. A comparative analysis of examples of the implementation of social rating in the digital community of China and Russia is carried out. The ways of digital regulation of such spheres of human activity as (1) relations with government, (2) public behavior – activities "for the benefit of society", as well as (3) digital etiquette and image are considered. Special attention is paid to the contradictory factors of the formation of the social rating system, including: legal, ethical, social and psychological. The article shows how social rating affects society and its interaction with authorities and identifies possible formats for further development of the social rating system.

Keywords: social rating system; public relations; government digital platforms; social credit system; digitalization of society

Оцифровка vs цифровизация: вызовы для университетов

А. А. Власова, Г. Л. Шаматонова

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,

Ярославль, Россия

fspn@bk.ru

Процесс цифровизации включает в себя не только преобразование информации из традиционных (аналоговых) в цифровые форматы (оцифровка), но и создание новых моделей взаимодействия в цифровой среде. Цель статьи - исследование этих процессов в контексте высшего образования, анализ вызовов, которые они представляют для университетов, и поиск путей эффективного реагирования на них. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что несмотря на масштабность перспектив, обозначаемых современными трендами развития технологий, многие университеты застыли в стадии оцифровки образовательного контента, так и не перейдя к более высоким уровням цифровой трансформации, включая, например, цифровизацию всех административных и управленческих процессов, в чем они сильно отстают от бизнес-структур. В статье отмечается, что новая перспектива для университетов в контексте продолжающейся цифровизации – построение образовательных экосистем, а в будущем – встраивание цифровых университетских экосистем в метавселенные.

Ключевые слова: оцифровка; цифровизация; цифровая трансформация; университет; высшее образование; EdTech

Введение

Цифровизация играет ключевую роль в развитии всех сфер деятельности современного общества, включая образование. Университеты, как важнейшие центры знаний и инноваций, и в тоже время как хранители опыта и традиций, сталкиваются с значительными вызовами в этой динамично меняющейся среде. Образование, особенно формальное, в отличие от бизнес-структур реагирует на изменения крайне ригидно. Пандемия и дистант оказались своеобразным стресс-тестом для многих университетов. Однако, окончание пандемии, хотя и было воспринято некоторыми из вузов как сигнал к возвращению

к привычным способам взаимодействия с обучающимися, вовсе не означало, что устоявшиеся веками методы и инструменты обучения останутся такими же эффективными, какими были еще десять лет назад. Напротив, современный мир не только обострил уже имеющиеся проблемы в функционировании образовательных систем многих стран, но и заставил их столкнуться с новыми вызовами.

Теоретическая рамка исследования

Исследования в области внедрения цифровых технологий в образование за последние 10 лет обогатились изысканиями в самых различных сферах – от непосредственно онлайн-курсов и дистанционных технологий [9] до анализа использования мобильных технологий в образовании [8], применения игровых технологий и геймификации в образовании [7], исследование виртуальной и дополненной реальности, а также ИИ в образовании [3]. Отдельным блоком можно выделить исследования, касающиеся цифровой трансформации университетов в части организации учебных и административных процессов [4]. Такое многообразие аспектов и ракурсов исследований отражает всю сложность и многоаспектность процессов внедрения цифровых технологий в сферу образования. В то же время скорость, динамика и глубина изменений технологий не позволяют зафиксировать в текущем моменте хоть сколько-нибудь полную картину происходящего в сфере образования. Многообразие современных информационно-коммуникационных технологий породила и специфический терминологический хаос в определении цифровых решений в образовании. Например, возникает вопрос, что включается в достаточно простое понятие «цифровизация».

Часть авторов определяет цифровизацию как все процессы внедрения новых неаналоговых инструментов в какую-либо сферу, например, образование. В то же время в обыденной речи встречается термин «оцифровка» (например, в контексте «оцифровка данных» или «оцифровка бизнес-процессов» [5]). На стратегическом уровне предпочитают говорить о цифровой трансформации образования [11]. Таким образом, понятия «оцифровка», «цифровизация» и «цифровая трансформация» требуют не только операционализации в рамках конкретного исследования, но и проведения граней демаркации и установления системных связей между этими процессами и их соотношения с понятиями «электронное обучение» и «дистанционные образовательные технологии».

Цель и методы исследования

Целью данного исследования является анализ понятий «оцифровка», «цифровизация» и «цифровая трансформация» в системе университетского образования, а также определение вызовов, связанных с внедрением цифровых технологий. Основным методом исследования стал анализ литературы по проблемам цифровизации образования, а также анализ фактических статистических данных о российских университетах, доступных в открытых источниках.

Основная часть (результаты сбора данных)

Согласно ИТ-гlossарию Gartner, «оцифровка — это процесс перехода от аналоговой формы к цифровой» [2]. Оцифровке в образовании, исходя из этого определения, может подлежать информация, например, учебный материал, когда печатный учебник приобретает форму электронной книги. Создание цифровых образовательных ресурсов – яркий пример оцифровки в образовании. Этот этап работы был выполнен всеми российскими вузами еще до пандемии COVID-19: фактически каждый университет в России имеет доступ к национальному электронному библиотечному хранилищу; электронным библиотекам научной периодики; ресурсам открытого доступа; собственным репозиториям учебных заведений, зачастую на платформе электронно-библиотечных систем (ЭБС) и самим ЭБС.

НИУ ВШЭ приводит следующую статистику использования различных электронных инструментов в высшем образовании: электронные библиотечные системы используют 98,4 % вузов, электронные версии учебных пособий по отдельным предметам или темам – 95,1 % электронные справочно-правовые системы 88,6 %, обучающее компьютерные программы по отдельным предметам или темам, пакеты программ по специальности – 90,4 %, программы компьютерного тестирования - 88,5 %, виртуальные тренажеры – 58,5 %, специальные программные средства 57,4 %, электронный документооборот – 36,4 %.[10].

Кроме того, к оцифровке можно отнести создание преподавателями собственного обучающего контента в цифровой форме, например, мультимедийных презентаций, записи лекций в видеоформате или формате подкастов.

В этом контексте интересно посмотреть на соотношение понятий «оцифровка» и «электронное обучение», закрепленное в Федеральном законе «Об образовании в РФ». Закон определяет электронное обуче-

ние как «организацию образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников» [12]. Законодательное толкование цифровых технологий, как «информации, содержащейся в базах данных» и «обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств и .. сетей», на наш взгляд, позволяет считать электронным обучением любой компонент образовательного процесса, если он представлен в оцифрованном виде. Согласно этой логике использование интерактивной доски (которая является по сути техническим средством обработки и вывода информации) вместо доски с мелом или флипчарта позволяет назвать такое обучение электронным. Это позволяет нам утверждать, что оцифровка образования в России охватывает 100% вузов, однако в реальности многие университеты не указывают в описании своих образовательных программ, что они используют электронное обучение (ЭО), трактуя его, видимо, очень узко, исключительно как онлайн-курсы

Когда речь идет об оцифровке образовательного процесса, используют уже термин цифровизация. Согласно глоссарию Gartner «цифровизация — это использование цифровых технологий для изменения бизнес-модели и создания новых способов получения доходов и создания ценности. Это процесс перехода к цифровому бизнесу» [2]. В контексте высшего образования эти процессы могут обозначать использование цифровых данных для оптимизации образовательных процессов, программ (продуктов) и услуг, переход к онлайн-обучению.

В настоящее время из 501 государственной образовательной организации высшего образования в РФ в десятку лучших по различным рейтингам с возможностью дистанционного онлайн-обучения входят: РГГУ, РГСУ, РЭУ им. Г.В. Плеханова, МГППУ, НИУ МГСУ, Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ)), Национальный исследовательский университет «МИЭТ» и др. Значительная часть негосударственных образовательных организаций высшего образования также ведет онлайн-обучение. К ним относятся: Московский международный университет, Московская международная академия, Московский институт психоанализа, Университет Синергия, Московский институт технологий и управления, Институт междуна-

родных экономических связей, Российский университет кооперации, Московский гуманитарно-экономический университет и другие. В соответствие с требованиями федерального законодательства, а также федеральных государственных образовательных стандартов все вузы в России создали электронно-информационные образовательные среды, включающие, как правило, системы управления обучением (LMS), автоматизированные системы учета успеваемости и посещаемости, платформы для дистанционного обучения, личные цифровые портфолио обучающихся, цифровые инструменты для проведения текущей и промежуточной аттестации и тестирования, что можно отнести уже не к простой оцифровке аналоговых источников информации, а о создании явлений и процессов принципиально нового характера и содержания. Для определения вовлеченности университетов России в процесс цифровизации можно опираться на данные НИУ ВШЭ: в 2022-2023 учебному году доля обучающихся на программах с использованием ЭО составила 45,7 % от всех студентов.

Интересно соотнести эту цифру с приведенной нами ранее - с более, чем 98 % обеспеченности вузов доступом к электронным-библиотечным системам, указанным в этом же исследовании НИУ ВШЭ. Такое расхождение свидетельствует, вероятно, об отсутствии единого понимания и трактовки термина «цифровой», «электронный» в академической среде: преподаватели и администрация используют это наименование применительно уже к процессам цифровизации образования, а не простой оцифровки контента. Обратим внимание также на процессы цифровизации в системе управления образовательным процессом – только треть университетов России внедрили электронный документооборот [10].

Цифровизация – принципиально более сложный и глубинный процесс, нежели простая оцифровка, она включает в себя и готовность и навыки большей части субъектов образовательного процесса использовать новые технологии в учебной деятельности. Согласно исследованиям цифровизация так или иначе затрагивает большинство учебных заведений: результаты комплексной оценки по методике Евростата показывают, что студенты и преподаватели вузов обладают большей грамотностью в области цифровых soft skills по сравнению с базовыми группами населения. Не менее 85% (в зависимости от группы навыков) работают с программным обеспечением, имеют цифровые коммуникационные навыки, респонденты активно общаются с помощью соцсетей, но ограниченно осваивают специальные программные

приложения для обмена информацией и совместной работы (45% преподавателей и 32% студентов), сервисы для организации онлайн-мероприятий (86 и 59% соответственно); как минимум базовый уровень грамотности в установке и настройке цифровых устройств, операционных систем или программного обеспечения имеют 60% представителей профессорско-преподавательского состава [6]. По данным НИУ ВШЭ К 2030 году 90 процентов сотрудников вузов должны обладать цифровыми компетенциями.

Таким образом, оцифровка и цифровизация являются двумя различными, но взаимосвязанными процессами. Оцифровка — это процесс преобразования информации из аналоговой в цифровую форму, что является первым шагом к цифровой трансформации.

Цифровая трансформация университетов – заключительный термин триады «оцифровка-цифровизация-цифровая трансформация». Она определяется как этап «цифровой зрелости» университета, при которой «цифра» не только внедрена в учебный и административно-управленческий процессы, но и принципиальным образом изменяет сам образовательный ландшафт. «Этот более широкий термин описывает стратегическое преобразование бизнеса, нацеленное на клиентов и требующее, помимо внедрения цифровых технологий, сквозных организационных изменений» [5]. Несмотря на единое понимание глубины и сложности процессов цифровой трансформации образования, в академической среде и в сфере управления образованием продолжают споры о параметрах и критериях цифровой трансформации [13], среди которых можно назвать оцифровку учебных материалов и создание качественно нового учебного контента в соответствии с принципами цифрового педагогического дизайна, дальнейшее развитие образовательных сред, включая LMS и VLE, использование больших данных и аналитики для оптимизации всех процессов обучения (на основе цифрового следа обучающегося), в том числе для построения адаптивного обучения и индивидуальных образовательных траекторий, Автоматизация административных и управленческих процессов (включая цифровизацию документооборота, учета и контроля), геймификацию и развитие мобильного обучения, развитие цифровой инфраструктуры, методической базы не только для традиционного, но и для онлайн-образования, а также решение проблем компьютерной безопасности и защиты персональных данных. Цифровая трансформация университетов в России охватывает широкий спектр изменений, от внедрения инфор-

мационных технологий в учебный процесс до полной реорганизации административно-управленческих и образовательных систем.

Новая перспектива для университетов в контексте продолжающейся цифровизации – построение образовательных экосистем, а в будущем – и встраивание цифровых университетских экосистем в метавселенные. Экосистемность означает новую парадигму образовательных отношений, где университеты могут стать ключевой «точкой сборки» для совместно развивающихся сообществ, состоящих из множества провайдеров образовательных услуг. Также экосистемность для университетов означает значительное расширение их функционала, в том числе за счет «третьей миссии», когда университет и его инфраструктура становится центром притяжения жителей региона присутствия. Несмотря на масштабность перспектив, обозначаемых современными трендами развития технологий, многие университеты застыли в стадии оцифровки образовательного контента, так и не перейдя к более высоким уровням цифровой трансформации, включая, например, цифровизацию всех административных и управленческих процессов, в чем они сильно отстают от бизнес-структур. Это еще один вызов для современного образования – увеличивающийся цифровой разрыв между ведущими мировыми образовательными центрами и периферийными вузами, что заставляет последние искать новые ниши в образовании. 2023 год ознаменовался массовым распространением генеративного искусственного интеллекта, способного создавать продукты творчества, что всегда считалось отличием и прерогативой человеческого разума.

Первой реакцией университетов на использование генеративного ИИ стали споры об этичности и даже запрете его применения в студенческих и научно-исследовательских работах, однако будущее его использования гораздо шире – от освобождения преподавателя от рутинных действий (например, автоматизация проверки при контроле знаний, внедрение чат-ботов и доказательное образование) до генерации цифровых моделей в образовательных целях и создании цифровых двойников. Хрупкость и неустойчивость современного мира, многовариантность жизненных и карьерных линий для каждого человека ставит вопросы психического благополучия. Важным для современных студентов становится не только предоставление нужных знаний и формирование требуемых компетенций, но то, каким образом и в каких условиях это происходит. Это заставляет университеты пересматривать подходы к образованию с точки зрения пути обучающегося,

его опыта, педагогики заботы, удобства образовательных сервисов. В целом, продолжающаяся цифровая трансформация предъявляет все новые и новые вызовы для университетов, заставляя пересматривать как методики обучения, так и в целом образовательную парадигму.

Для университетов цифровая трансформация означает возможность дальнейшего существования на фоне усиления конкуренции со стороны множества новых акторов образовательного процесса – например, большого количества платформ и сервисов для онлайн-образования, различного толка бизнес и лайф-коучей, институтов корпоративного обучения и т.п. Диплом университета все в меньшей степени становится конкурентным преимуществом на рынке труда, а сами университеты уже не могут претендовать на монополию в предоставлении знаний, обучение на протяжении всей жизни лишает их привилегированного положения как ключевого института образования. Как правило, независимые провайдеры образовательных услуг предлагают более удобные форматы обучения (в том числе за счет цифровых решений), более гибкие и кастомизированные учебные программы, более адекватные рынку труда компетенции в более короткие сроки, что в большей степени отвечает требованиям концепции непрерывного образования. Будущее видится в коллаборативных решениях и сотрудничестве университетов с независимыми образовательными сервисами и платформами, в том числе, в цифровом пространстве.

Выводы

Цифровая трансформация образования – это комплексное изменение учебных процессов, методик обучения и процессов управления образовательными учреждениями, обусловленное интенсивным внедрением цифровых технологий. Она охватывает широкий спектр аспектов – от введения электронных образовательных ресурсов и дистанционного обучения до использования больших данных и искусственного интеллекта для персонализации учебного процесса и повышения его эффективности обучения и управления институтами образования в целом.

Цифровая трансформация предоставляет университетам новые возможности для развития образовательных программ и исследовательских проектов, обеспечения высокого уровня взаимодействия с обучающимися и повышения качества образовательных услуг. Однако успешная реализация этих возможностей требует от университетов не только значительных финансовых инвестиций, но и глубоких

изменений в организационной культуре и подходах к обучению. Исследование показало, что наиболее значимыми вызовами для университетов являются необходимость обновления ИТ-инфраструктуры, разработка и внедрение новых учебных и управленческих программ, обучение персонала работе в новой цифровой среде и защита данных. Кроме того, в процессе цифровизации университеты сталкиваются с необходимостью переосмысления традиционных подходов к обучению и исследованиям.

Важным фактором успеха является также разработка эффективной стратегии цифровой трансформации, ориентированной на потребности всех участников образовательного процесса.

Список источников

1. Environments in University STEM Education; Akinwalere, Susan & Ivanov, Ventsislav // Artificial Intelligence in Higher Education: Challenges and Opportunities. Border Crossing. 2022. №12. P. 1-15.

2. <https://www.gartner.com/en/information-technology/glossary/digitization>

3. Investigation of virtual & augmented reality classroom learning environments in university STEM education / T. Lee [et al] // Interactive Learning Environments. 2022. №12. P. 1-16.

4. Shelepaeva A. Management of digital transformation in the system of higher education: Global practice // Vestnik of Saint Petersburg University. Management. 2023. № 22. P. 580-604.

5. Блумберг Д. Оцифровка, цифровизация и цифровая трансформация: не перепутайте [Электронный ресурс] URL: <https://bpms.ru/post/20230103-digitization-digitalization-digital-transformation/>

6. узы опережают колледжи и школы в сфере цифровой трансформации [Электронный ресурс] URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/810589174.html>

7. Коваль Н.Н. Геймификация в образовании // Педагогическая наука и практика. 2016. №2 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-v-obrazovanii-1>

8. Курейчик В.В., Родзин С.И., Родзина Л.С. Мобильное обучение: контекстная адаптация и сценарный подход // Открытое образование. 2013. №4(99). – С. 75-82.

9. Мур М.Г. Теория транзакционного расстояния / Теоретические принципы дистанционного обучения. Под ред. Кигана Д. Нью-Йорк: Рутледж, 1993.

10. Образование в цифрах: 2023 : краткий статистический сборник / Т. А. Варламова, Л.М. Гохберг, О. К. Озерова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 132 с.

11. Приказ Минцифры России от 18.11.2020 № 600 «Об утверждении методик расчета целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации «Цифровая трансформация» [Электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mintsify-rossii-ot-18112020-n-600-ob-utverzhdanii/>

12. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

13. Цифровая трансформация: ожидания и реальность: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. [Текст] / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский, М. А. Гершман, Л. М. Гохберг и др.; рук. авт. кол. П. Б. Рудник; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 221 с.

Digitization vs digitalization: challenges for universities

A. A. Vlasova, G. L. Shamatonova

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

The digitalization process includes not only the transformation of information from traditional (analog) to digital formats (digitization), but also the creation of new models of interaction in the digital environment. The purpose of the article is to study these processes in the context of higher education, analyze the challenges they pose to universities, and find ways to effectively respond to them. Based on the analysis, it is concluded that despite the scale of the prospects indicated by modern trends in technology development, many universities have frozen in the stage of digitization of educational content, without moving to higher levels of digital transformation, including, for example, digitalization of all administrative and managerial processes, in which they lag far behind the business structures. The article notes that a new perspective for universities in the context of ongoing digitalization is the construction of educational ecosystems, and in the future, the integration of digital university ecosystems into metaverses.

Keywords: digitization; digitalization; digital transformation; university; higher education; EdTech

Репрезентации патриотизма в цифровом пространстве

А. А. Гнедаш, В. В. Катермина

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

anna_gnedash@inbox.ru, katermina_v@mail.ru

В статье представлены результаты исследования репрезентаций гражданской идентичности и патриотизма в социальной сети ВКонтакте. Эмпирической базой стало сообщество «Я РУССКИЙ» с числом участников более 240 000. Глубина выборки выборки постов и комментариев составила 3 года, метод выборки постов и комментариев – сплошная выгрузки данных за указанный период. Сформированные датасеты (1000 постов и 1936 комментариев к ним) были подвергнуты статистической и лингводискурсивной обработке с помощью нейросети «Концептоскоп». Результат был визуализирован в виде связей Субъект-Воздействие-Объект (SVO). Исследование репрезентаций патриотизма и гражданской идентичности в социальной сети ВКонтакте позволило выявить основные тренды, направления и особенности, характерные для цифрового пространства России.

Ключевые слова: гражданская идентичность; патриотизм; социальная сеть ВКонтакте; языковая идентичность; цифровое пространство

Репрезентации патриотизма в цифровом пространстве относятся к способам, которыми патриотические идеи, символы, и ценности представляются, интерпретируются и распространяются через Интернет, социальные сети, цифровые медиа и другие онлайн-платформы. В целом, репрезентации патриотизма в цифровом пространстве являются отражением сложного взаимодействия между технологией, культурой, политикой и общественными ценностями.

Сложность понимания текущих социально-политических процессов во многом связана с амбивалентностью современных российских языковых идентичностей и социокультурным дисбалансом, обусловленным дискурсивными различиями языковых идентичностей постсоветского пространства. Основной проблемой является отсутствие ясности и неоднозначность российских языковых идентичностей, которые не полностью определяют этнические и языковые особенности постсоветских культур [7].

Ведущие исследователи в области анализа идентичности, этничности и национализма [3, 4, 8, 15, 23, 24, 26] пишут о мозаичном характере идентичности и обосновывают зависимость данного характера от исторического дискурса, социокультурного контекста, многообразия онтологических смыслов и национальных стереотипов.

В современных социально-гуманитарных науках идентичность определяется как осознание связи между объектом или/и субъектом, рассматриваемые как части общности и одновременно уникальные и тождественные сущности [14]. Зарубежные исследователи этническую идентичность также определяют как плюралистический фундамент разнообразия культур [21].

Феномен языковой идентичности используется для изучения коммуникативных интеракций индивидов и/или социальных групп, в том числе и для определения роли культуры патриотизма в межличностных и межгрупповых коммуникациях. В подобных исследованиях помимо языковых аспектов анализируется экстралингвистический фон, мотивация участников общения и другие факторы, влияющие на коммуникативные процессы. Российские лингвисты акцентируют исследовательский фокус на характеристиках культурно-языковой общности, зарубежные исследователи в основном сконцентрированы на макроуровне анализа взаимодействий между различными культурными группами.

Язык представляет собой динамичную и многоаспектную систему, которая отражает сложные процессы взаимодействия между индивидами, культурами и обществами в целом. Как отмечал Дж. Эдвардс, язык играет роль ключевого индикатора коллективной идентичности и становится важнейшим фактором в определении этнической и культурной принадлежности, а языковая система функционирует как многогранный механизм, отражающий и формирующий сложные социокультурные взаимосвязи и отношения в обществе. По словам Дж. Эдвардса, «не все мы являемся билингвами и мультилингвами, однако многие из нас являются носителями двух и более диалектов, и все мы - носителями двух и более стилей» [18, с. 27]. В разных коммуникативных условиях и контекстах индивид, представляющий коллективную идентичность, может использовать различные «роли». Несмотря на это разнообразие ролей, члены группы сохраняют чувство принадлежности и единства, что обуславливает их восприятие как отдельного и обособленного сообщества.

Гражданская идентичность – это устойчивой и стойкой конструкт, несмотря на быстро меняющиеся условия современного мира, (анти)гло-

бализационные и растущую зависимость индивидов от цифровых технологий [16]. В противовес резистентному качеству идентичности отечественные ученые диагностируют феномен «кризисе идентичности»: современные геополитические процессы стимулируют индивидов адаптироваться к постоянно меняющимся реалиям, что влечет за собой активное проникновение элементов других культур и языков и может привести к «унификации» культур и утрате их уникальности и индивидуальности [1]. Например, Э.Т. Майборода и М.И. Цапко подчеркивают, что «в современных условиях России необходимо формирование надгрупповой идентичности, однако не только общегражданской (имеющей, как минимум, два недостатка – изоляционизм (ограничена пространством государства) и объединение на основе маркера, принадлежащего индустриальной фазе развития общества), но и языковой, так как пространство русского языка шире пространства российского гражданства и не угрожает суверенитету сопредельных государств» [10].

Как мы уже писали, языковая идентичность тесно связана с национальным само осознанием, в связи с чем вопросы национализма и дискриминации на основе пола, возраста, политики и этнической принадлежности находятся в центре внимания многих ученых. Так, исследования Рут Водак, Мартин Рейзигль, Катерина Карта, Карин Стегнер, Джон Джозеф и Йенс Мэссе посвящены выявлению взаимосвязи дискурса и идентичности в международном и национальных контекстах [17, 19, 20, 22, 25]. Они применяли дискурсивно-исторический метод в рамках критического анализа дискурса и социолингвистики для изучения идентичности как процесса самоопределения и восприятия других. Анализ сопряжения идеологического дискурса и дискурса власти указывает на то, что идентичность может стать дискриминационным основанием для генезиса негативных стереотипов об общностях, коллективах и группах и в дальнейшем узакониться в виде определенных действий властных структур. Указанная методология и подходы подчеркивают ключевую роль дискурса в создании определенной «социальной реальности» [13].

Как указывает Е.В. Леонова, идентичность индивида формируется преимущественно в дискурсивных практиках, так как дискурс не только отображает реальность, но и конструирует интерпретацию событий [9]. Языковая система организует социокультурное пространство и играет ключевую роль в этнических и социокультурных взаимодействиях. Отражая эти взаимодействия, язык обладает потенциалом для изменений и адаптации [5].

Для анализа дискурсивной идентичности Л. В. Ениной предлагается определенный методологический подход, в рамках которого идентичность это «дискурсивный концепт, организованный по сетевому принципу, то есть это нецентрированный комплекс идентификаций одного объекта дискурса, этот комплекс идентификаций связан тематически, может иметь разные смысловые конфигурации на основе отношений подобия, различия, смежности и др. и способен трансформироваться за счет добавления / исключения идентификаций и изменения смысловых отношений между ними» [6, С. 164].

Механизм формирования идентичности базируется на нескольких ключевых принципах. Принцип экспрессии подчеркивает, что самосознание индивидов выражается через дискурс, следовательно, для выявления идентичности требуются специфические условия языкового общения. Идентичность не возникает автономно от языковых и символических явлений, а формируется в рамках социокультурного окружения. Принцип позиционирования представляет собой систему категорий, которая помогает структурировать идентичность, включая такие аспекты как пол, возраст, социальное положение, этнические и культурные характеристики, а также динамику интеракционных ролей. Принцип относительности: идентичность не существует в вакууме и приобретает социальный контекст только во взаимодействии с другими формами идентичности в процессе коммуникации.

В современных социально-гуманитарных науках постулируется, что формирование национальной идентичности на уровне государства или определенной группы основывается на определенных символах национальной культуры. Эти символы (маркеры), интерпретируемые как важные для членов национальной группы / общности, определяются и распространяются при участии лидеров общественного мнения, обладающих значительным авторитетом, доступом к средствам массовой коммуникации и широким набором социальных связей. Данные интерпретации далее распространяются внутри общества через коллективные нарративы, устные и письменные рассказы, часто основанные на одобренных авторами трактовках национальных символов [2, с. 90-91].

В 2023 г. нами было отобрано 10 самых популярных групп и сообществ в социальной сети ВКонтакте по следующим параметрам: в описании или названии групп и сообществ должно было быть словосочетание «я русский»; контент группы или сообщества должен был быть «пророссийским» (2 сообщества, попавших в Топ-10, были исключены из анализа и не приведены в таблице 1 по причине

антироссийского характера создаваемого контента); группы или сообщества должны быть «живыми», т.е. контент активно создается и комментируется участниками. Далее группы и сообщества были ранжированы по количеству участников и проанализированы по характеру контента. В результате из анализа были исключены: первая группа (культурно-историческое и филологическое сообщество любителей русского языка), вторая группа (сообщество киноманов и любителей художественных фильмов). Третья группа «Я РУССКИЙ» (<https://vk.com/public24701625?w=club24701625>) с числом участников более 240 000 подошла всем исследовательским критериям для дальнейшего анализа.

Глубина выборки выборки постов и комментариев составила 3 года, метод выборки постов и комментариев – сплошная выгрузка данных за указанный период. Сформированные датасеты (1000 постов и 1936 комментариев к ним) были подвергнуты статистической и лингводискурсивной обработке с помощью нейросети «Концептоскоп». Результат был визуализирован в виде связок Субъект-Воздействие-Объект. Подробно инструментарий и методика, а также этапы работы нейросети «Концептоскоп» описаны в научных статьях [11, 12].

Маркерами, репрезентирующими идентичность в анализируемом материале, послужили соответствующие средства:

Имена участников конфликта – *Сергей, Дмитрий, Юрий*. Очень часто помимо указания имен особое внимание стоит обращать и на действия данных людей – например, *Юрий управлял экипажем; Сергей занял место товарища; Егор обошел позиции противника/ не допустил прорыва врага / Василий подавил расчет противника*.

Фамилии участников конфликта – *Михеев, Синюшкин, Белов, Петров, Урумов (Урумов бросился в бой, Урумов вступал в бой с националистами; Синюшкин уничтожил солдат ВСУ)*.

Некоторые фамилии стали известными, так как обозначают людей, совершивших подвиги: *в конце 2022 года Президент страны Владимир Путин своим указом присвоил Степану Белову звание Героя России и вручил Золотую Звезду*.

Фамилии известных российских и зарубежных политических деятелей: *Путин, Пригожин, Шольц*.

Путин вручил орден Терешковой, Путин проведет совещание./Путин обсуждал программу маткапитала./ Путин заботится о здоровье народа.

Такое разнородное использование контекстов, связанных с именем президента нашей страны, не является случайным, так как охватывает все важные стороны жизни.

Пригожин поздравляет солдат

Зеленский подписал указ.

Кличко сделал заявление.

Шольц произносит фразы.

Обама пришел к власти.

Мифонимы и библионимы: *Иисус, Пилат (Иудеи просили Пилата), Богородица (Богородица не является мифом), Бог.*

Употребленные метафорически (Иисус – извлекать; спасать, Пилат – «вооружённый дротиками». Понтий Пилат – римский префект, с 6 по 41 годы. Согласно Новому Завету, Понтий Пилат во время суда трижды отказывался предать смерти Иисуса Христа, в которой был заинтересован синедрион во главе с первосвященником Каиафой) они точно передают свой метафорический потенциал.

Номинация «Бог» в материале получает следующее концептуальное развитие: *Бог помогает верным/претерпел смерть/дай здоровья/храни вас (тебя).*

Топонимы и этнонимы.

Названия городов и стран: *Киев, Германия, Белгород, СССР, Россия, США, Украина.*

С номинацией Запада, Киева и Германии связаны отрицательные коннотации:

Киев получит [...] Германии. Можно предположить, что речь идет о поддержке.

Запад проигнорировал трагедию/снабдил Украину.

США поставляют поддержки.

Отметим употребление топонимов Украина и Россия:

В нашем материале встречаются следующие случаи употребления:

Украина – наносит ущерб/согласится на переговоры/делает все/стала колонией США.

Топоним Россия ассоциируется со следующими коллокациями: *получила помощь в объеме/настроена [...] конфликт/получает прибыль/достигла соглашений/считает архитектуру безопасности.*

Важным выступает предложение *Россия гордимся вами* – предложение, наполненной патриотизмом и положительными коннотациями, а также *Россия ценит взаимодействие между странами* (в обоих предложениях предикаты имеют мелиоративную оценку: *гордиться* – ис-

пытывать гордость (гордость – положительно окрашенная эмоция, отражающая положительную самооценку; наличие самоуважения, чувства собственного достоинства, собственной ценности); ценить – определять или признавать ценность (ценность – важность, значимость, польза, полезность чего-либо)).

Интересно, с нашей точки зрения, является предложение *СССР объявил войну Японии*, которая является аллюзией и связана с историческими событиями.

Еще одной неоднозначной аллюзией можно считать следующее: *Германия начала наступление на Москву*.

К этнонимам мы отнесли следующие номинации: *украинцы, хохлы, бендеровцы (Бендеровцы убивали русскоговорящих)*.

Показательна фраза *украинцы объявили Бахмут [...]*. Очевидцы понимают связь с недавними событиями: *Интенсивные бои идут в окрестностях Орехово-Васильевки – крупнейшего села Бахмутского района, расположенного к северо-западу от Бахмута. ВСУ пытаются закрепиться к югу от Бахмута/Артемовска, в том числе на восточной стороне железнодорожной линии Артемовск – Горловка, чтобы выйти к связывающей два города автодороге*

Также отметим и отдельные аббревиатуры: ВСУ, НАТО, ТОФ:

ВСУ несут потери/отступают отрядами/обстреляли самолетами НАТО двигается на восток

ТОФ признается лучшим (Тихоокеанский флот)

В рассматриваемых связках Субъект-Воздействие-Объект можно выделить преобладание положительно окрашенных прагмасемантических элементов, таких как существительные, отражающие идею общности; прилагательные, подчеркивающие улучшение, а также глаголы с позитивным потенциалом. Этот прагматический эффект формируется благодаря комплексному взаимодействию сравнительных конструкций, антитез, метафор, аллюзий и других лингвистических инструментов: *Земля отпускала души; Иудеи просили Пилата*.

Анализ материала позволил выделить большое количество глаголов (глагольных сочетаний) с положительными коннотациями: *занимать место товарища, проявлять мужество, уничтожать противника, оказывать поддержку, итурмовать, вручать орден, обеспечивать связь с командованием; подавить расчет противника*.

Согласно мнению ряда исследователей [8, 17], в заключительной трети XX века произошла глубокая трансформация в понимании и проявлении национальной идентичности. Этот переход обусловлен

как распадом биполярной структуры мирового сообщества, так и рождением новых независимых государств, при чем государств sporadически конфликтующих на уровне макрорегионов. Такие конфликты на наднациональном уровне и активные глобальные миграционные процессы только усилили проявление и формирование национальных стереотипов и представлений.

С учетом современных вызовов и требований, исследования вопросы патриотизма, в том числе и в цифровом пространстве, приобретают все больший вес в рамках социально-гуманитарных наук. Гражданская идентичность отражает ключевые процессы самоопределения как отдельного индивида, так и общества в целом и является фундаментом для сохранения культурного, социального и психологического единства в условиях быстрого распространения глобализации и активных социокультурных трансформаций. Кроме того, языковая идентичность, как элемент гражданской идентичности и проявление патриотизма, сегодня представляет собой не просто процесс распознавания и понимания культурных особенностей, но и динамичный механизм интеграции индивида в социокультурное пространство, требующий непрерывного взаимодействия и адаптации.

В целом, репрезентации патриотизма в ВКонтакте отражают сложную мозаику социокультурных, исторических и политических процессов в России. Они выступают как индикаторы национальной идентичности, коллективного самосознания и социального взаимодействия в цифровой эпохе.

Список источников

1. Азначеева Е.Н. Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире: коллективная монография / под ред. Е.Н.Азначеевой. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 232 с.

2. Вальгер О.А. Личность в освоении маркёров национальной идентичности // Человек.RU. № 11. 2016. С. 89-95.

3. Губогло М.Н. Этничность как истина и как правда. Опыт лексико-семантического исследования // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2017.

4. Дробижева Л.М. Гражданская идентичность как потенциал межэтнического согласия в обществе // Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. С. 177–216.

5. Евсеева Л.Н. Роль языка в создании национальной идентичности: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Архангельск, 2009.
6. Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Полит. лингвистика. 2016. № 6. С. 159–167.
7. Замятин Д. Географический образ России и постсоветские языковые идентичности // Космополис. 2008. № 1(20). С. 97-105.
8. Караваева Д.Н. Английская идентичность и ее дискурс: Британия – Англия – Северная Англия. Екатеринбург: Изд-во УРОРАН, 2016.
9. Леонова Е.В. Реализация стратегии самоидентификации языковой личности в дневниковом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2016.
10. Майборода Э.Т., Цапко М.И. Языковая идентичность как условие обеспечения информационной безопасности в сфере межнациональных отношений // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сборник научных трудов. Выпуск XVII. М.: «Век книги-3», 2008. С. 127-130.
11. Малышева О.П., Рябченко Н.А. 2022. Опыт анализа сетевых лингвистических данных на примере социальной сети "ВКонтакте" // Вестник Пятигорского государственного университета: научный журнал. № 3. С. 142-147.
12. Малышева О.П., Рябченко Н.А. 2023. Интеллектуальный анализ данных: опыт применения методов сетевой и когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка: научный журнал. № 4 (55). С. 952-955.
13. Радюк А.В., Храменко Д.С. РЕЧЕВЫЕ МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. № 4. 2018. С. 53-65.
14. Смирнова А.Г., Киселёв И.Ю. Идентичность в меняющемся мире. Ярославль: ЯрГУ, 2002. 300 с.
15. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. N.Y.: Verso, 2006
16. Brooks D. All Cultures Are Not Equal [Text] // New York Times. # A 23.2005. Aug 11. P.11.
17. Carta C., Wodak R. Discourse analysis, policy analysis, and the borders of EU identity // Journal of language and politics. 2015. Vol. 14. Iss. 1. P. 1–17.
18. Edwards, J. Language and Identity: An introduction / J. Edwards. Cambridge, 2009.
19. Joseph J.E. Identity and language // Encyclopedia of language and linguistics (Second Edition) / ed. K. Brown. Elsevier. 2006. P. 486–492.

20. Maesse J. Austerity discourses in Europe: how economic experts create identity projects // *Innovation-the European journal of social science research*. 2018. Vol. 31. Iss. 1. P. 8–24.

21. Marshall M.G. *Systems at Risk: Violence, Diffusion, and Disintegration in the Middle East // Wars in the Midst of Peace: The International Politics of Ethnic Conflict* / Ed. by David B. Carment, Patrick James. Pittsburg: University of Pittsburgh Press, 1997. 302 p.

22. Reisigl M., Wodak R. The discourse-historical approach (DHA) // *Methods of critical discourse studies*. 2015. P. 23–61.

23. Smith A. *National identity (Ethnonationalism in comparative perspective)*. Nevada: University of Nevada Press, 1991.

24. Soysal Y. *Mapping the Terrain of Transnationalization: Nation, Citizenship, and Region // Transnational Trajectories in East Asia: Nation, Citizenship, and Region* / ed. by Y. Soysal. L.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2015.

25. Stoenner K., Wodak R. 'The man who hated Britain' – the discursive construction of 'national unity' in the Daily Mail // *Critical discourse studies*. 2016. Vol. 13. Iss. 2. P. 193-209.

26. Woodward K. *Understanding Identity*. N.Y.: Bloomsbury USA, 2003.

Representations of patriotism in the digital space

A. A. Gnedash, V. V. Katermina

Kuban State University, Krasnodar, Russia

The article presents the results of a study of representations of civic identity and patriotism in the social network VKontakte. The empirical base was the community “I AM RUSSIAN” with the number of participants more than 240,000. The sampling depth of the sample of posts and comments was 3 years, the method of sampling posts and comments was continuous downloading of data for the specified period. The generated datasets (1000 posts and 1936 comments to them) were subjected to statistical and linguodiscursive processing using the Conceptscope neural network. The result was visualized in the form of Subject-Impact-Object links. The study of representations of patriotism and civil identity in the social network VKontakte made it possible to identify the main trends, directions and features characteristic of the digital space of Russia.

Keywords: civic identity; patriotism; social network VKontakte; linguistic identity; digital space

ГРНТИ 11.15.25

Современные цифровые технологии; социальные и политические аспекты

Ю. А. Головин¹, Е. Ю. Дан-Чин-Ю²

¹ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль, РФ

yagolovin@rambler.ru

²РУТ (МИИТ), Москва, РФ

danchinyuelena@yandex.ru

Развитие цифрового пространства происходит все более быстрыми темпами. Расширяются технические возможности интернет-технологий, активно внедряется искусственный интеллект. Возрастает значение интернет – пространства в политической жизни государства. Все это требует большего внимания со стороны политической науки. Кафедра социально-политических теорий активно участвует в политических исследованиях в сфере цифровых технологий, по итогам ежегодных исследовательских проектов, на базе кафедры проводятся Всероссийские научно-практические конференции «Возможности и угрозы цифрового общества». В статье рассмотрены результаты трех исследований преподавателей кафедры по социальным и политическим аспектам современных цифровых технологий. Показаны формы и методы гражданского участия граждан Ярославской области.

Ключевые слова: цифровые технологии; социальные сети; социальная активность; формы политической активности; социально-политические исследования

Цифровое пространство в мире и нашей стране стремительно развивается. Сегодня нет сферы человеческой деятельности, которое оно бы не затрагивало тем или иным способом. Свой вклад в исследования развития цифровых технологий вносит и политическая наука. На V съезде Российского общества политологов, который проходил в феврале 2024 года в Калининградской области, была обстоятельно рассмотрена современная политика в условиях глобальных цифровых трансформаций.

В марте 2023 года число активных авторов в социальных медиа в России составило 63 млн. Авторы написали 1,44 млрд публичных сообщений — постов, репостов и комментариев. Число авторов (63 млн)

поросло на 1,3% – продолжилось восстановление количества авторов, которое за 2022 год снизилось на 6%.

Число сообщений (или объем создаваемого контента, 1,44 млрд единиц), незначительно снизилось (–4%) – наблюдается коррекция после бурного роста объема контента на 36% в 2022 году [1].

На кафедре социально-политических теорий Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова проводится комплекс научно-исследовательских работ по изучению актуальных проблем цифрового общества в современной России. Итоги этих исследований обсуждаются на уже седьмой ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Возможности и угрозы цифрового общества».

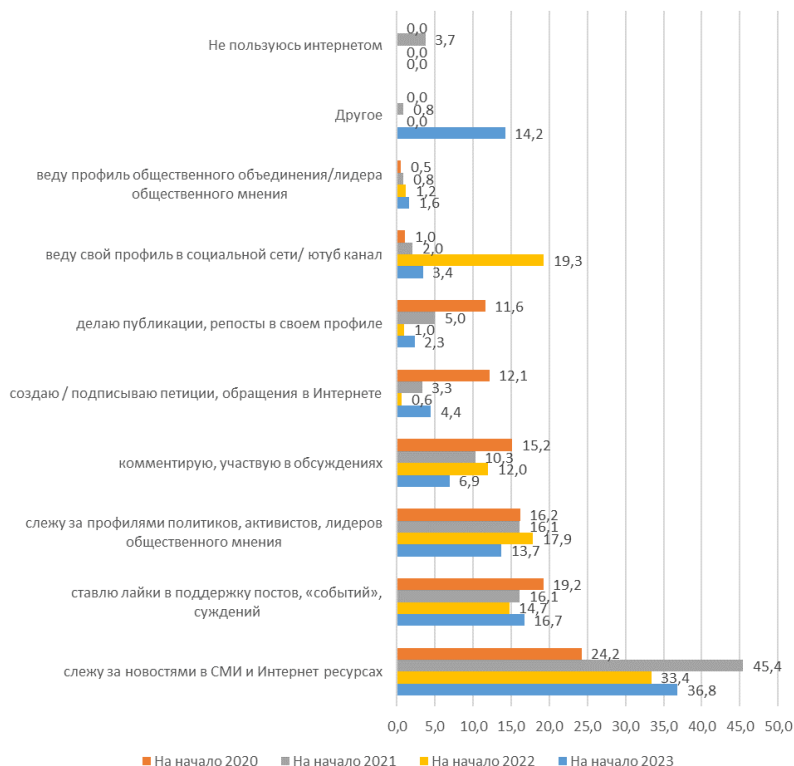
Так, в январе-феврале 2023 года среди жителей Ярославской области в возрасте 18 лет и старше проведен опрос общественного мнения по выявлению социальной активности граждан Ярославской области. Опрос проводился методом уличного опроса по заранее разработанной анкете. В опросе приняли участие 632 человека - представители различных социально-демографических групп проживающие в различных населенных пунктах Ярославской области.

Выборка репрезентативна для области в целом. Уровень достоверности данных составляет в целом по области 95%, статистическая погрешность находится в рамках диапазона 5,0%.

Динамика последних лет показывает, что доля населения считающая, что обладает активной гражданской позицией ежегодно растет. Так, на начало 2020 года лишь 31,8% респондентов заявляли, что обладают активной гражданской позицией, но уже в начале 2023 года доля таких респондентов выросла до 54,3%.

Как и на протяжении последних четырех лет наиболее распространённой активностью респондентов в Интернете остается мониторинг новостей из СМИ и других ресурсов и каналов (36,8% на начало 2023 года). При этом главной реакцией респондентов на онлайн активности остается лайк (16,7% на начало 2023 года), но заметно общее снижение других прямых реакций таких как: комментарии (с 15,2% на начало 2020 года до 6,9% на начало 2023 года); репосты (с 11,6% на начало 2020 года до 2,3% на начало 2023 года). 5,4% респондентов заявили, что не принимают участие в гражданской активности в Интернете.

В каких формах гражданской активности в Интернете Вы участвуете?

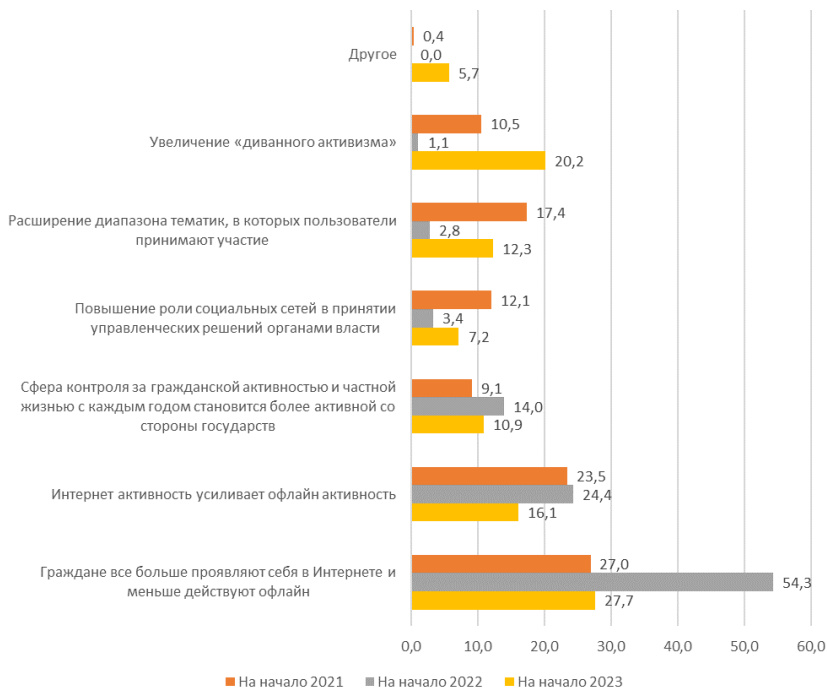

По состоянию на начало 2023 года возросла доля тех респондентов, кто видит значительные изменения в гражданской активности в связи с развитием Интернета до 67,2% (против 41,2% на начало 2021 года). Это говорит об общем понимании у населения того, что Интернет становится значимой частью жизни современного человека. Главными изменениями, по мнению респондентов, являются увеличение активности в Интернете по сравнению с офлайн действиями (27,7% на начало 2023 года) и усиление офлайн активности за счет онлайн (16,1% на начало 2023 года). При этом увеличилась доля тех, кто с иронией относится к Интернет-активности (увеличение «диванного активизма» с 10,5% на начало 2021 года до 20,2% на начало 2023 года) [2, С.58-72.].

Видите ли Вы изменение гражданской активности в связи с развитием Интернета?

В чем, по Вашему мнению, выражаются данные изменения?

В январе-феврале 2023 года был проведен экспертный опрос на тему «Гражданское общество и деятельность некоммерческих организаций (общественных объединений) в Ярославской области глазами представителей региональной и местной власти». Всего в опросе приняли участие 75 экспертов–представителей региональных и местных органов власти, социальных учреждений.

Цель: определить отношение чиновников Ярославской области к различным проявлениям гражданской активности и некоммерческим организациям.

Задачами экспертного опроса стали:

- определение экспертного мнения относительно текущего состояния гражданского общества;
- определить отношение власти к некоммерческому сектору и экспертную оценку различных форм взаимодействия власти и некоммерческих организаций;
- выявить оценочные суждения гражданских и муниципальных служащих о различных формах гражданской активности, участия;
- определить отношение местных и региональных чиновников к сети Интернет, как к механизму развития гражданского общества и межсекторного взаимодействия;

Исходя из полученных ответов большинству представителей органов власти была поставлена задача сотрудничать с представителями НКО (86,7% на начало 2023 года). Можно отметить, что вышеописанный показатель является наименьшим с 2019 года, при этом различия в вовлеченности органов власти в сотрудничество с НКО за различные годы исследований незначительны (91,2% на начало 2022 года; 88,1% на начало 2021 года; 89,5% на начало 2020 года). Все это может говорить об устойчивом курсе органов власти в приоритетах работы с представителями НКО региона.

Уровень доверия же представителей власти остается на высоком уровне (90,7% на начало 2023 года), что соответствует средним показателям за последние 3 года (91,1%). Важно отметить, что уровень абсолютного доверия все еще остается не высоким (37,3% на начало 2023 года), что говорит об определенных затруднениях во взаимоотношениях с представителями НКО, которые не позволяют представителям власти заявить о полном доверии.

Основным источником информации о деятельности НКО для представителей органов власти являются сайты организаций (46,7% на начало 2023 года) и социальная сеть ВКонтакте (49,3% на начало 2023 года).

Большинство экспертов (85,3% на начало 2023 года) отмечает изменения в работе органов власти в связи с развитием гражданской активности. При этом актуальными изменениями в 2022 году называются: ускорение реакции на обращения граждан (19,9%); все больше документов и информации выкладывается в общий доступ в Интернет (14,9%); больший контроль за исполнением решений (12,7%).

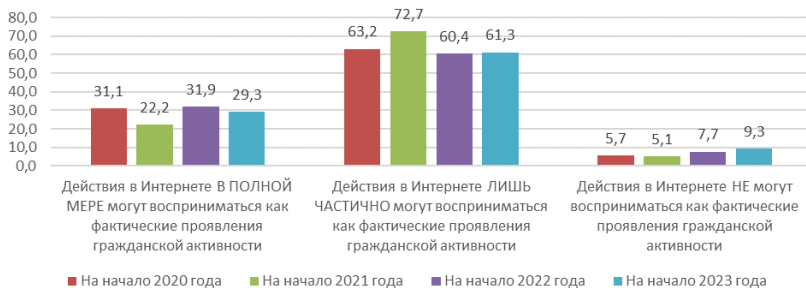

В чем именно заключаются изменения в работе органов власти и управления в связи с развитием гражданской активности в Интернете?

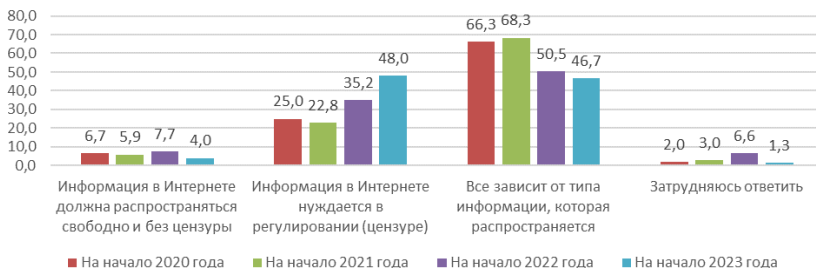
Не смотря на значительные изменения в работе органов власти в связи с развитием сети Интернет, онлайн формы активности (петиции, обращений, флэш-мобы и пр.) лишь частично воспринимаются как фактическое проявление гражданской активности (61,3% на начало 2023 года), что говорит о настороженном отношении представителей власти к действиям граждан в Интернете. Данная тенденция остается неизменной на протяжении последних трех лет – 65,4% (среднее за три года).

В какой степени действия граждан в Интернете (петиции, онлайн обращения, флэш-мобы и пр.) воспринимаются должностными лицами (властью) как фактические проявления гражданской активности (сопоставимые с традиционными действиями)?

Можно также отметить, что эксперты-представители органов власти стали более настороженно относиться и к цензуре информации, распространяющейся в сети Интернет. Так, почти половина (48% на начало 2023 года против 27,7% в среднем за последние три года) экспертов считает, что информация в Интернете нуждается в регулировании (цензуре). Это может быть вызвано высокими опасениями появления фейков, которые в последние годы получили активное развитие именно с развитием информатизации всех сфер жизни общества.

Как Вы считаете, в Интернете любая информация должна распространяться полностью свободно, без каких-либо ограничений, или необходимо определенное регулирование (например, государственное)

Все вышеперечисленное подтверждается и опасениями представителями органов власти в отношении личной безопасности в сети Интернет. Так, только 4% (на начало 2023 года) опрошенных чувствуют себя в безопасности при использовании Интернета [3, С.73-84.].

В январе-феврале 2023 года среди представителей общественных и некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность на территории Ярославской области, был проведен экспертный опрос с целью выявить оценку гражданского общества и деятельности НКО в Ярославской области. Всего в опросе приняли участие 123 эксперта (руководители и сотрудники общественных и некоммерческих организаций Ярославской области).

В исследование были включены сотрудники некоммерческих организаций с различным опытом работы (от одного года до 10 и более лет) и осуществляющие свою деятельность в различных населенных пунктах региона.

Цель: определить характер взаимоотношений общественных объединений и некоммерческих организаций с элементами гражданского общества.

Задачами экспертного опроса стали:

- оценить параметры состояния гражданского общества в Ярославской области;
- определить экспертную оценку развития различных форм гражданской активности (добровольчество, благотворительность);
- оценить уровень развития института общественного контроля в Ярославской области и степень вовлеченности общественных организаций (НКО) в процедуры общественного контроля;
- определить экспертную оценку и характер взаимодействия некоммерческих организаций (общественных объединений) Ярославской области с другими элементами общества в 2022 году;
- выявить краткосрочные планы общественных организаций (НКО) ЯО;
- определить понимание социальной справедливости в некоммерческом секторе;
- выявить особенности восприятия существующей модели устройства общества в России.

Главным ресурсом сети Интернет, на котором НКО размещают информацию о своей деятельности, является социальная сеть ВКонтакте (43,1% на начало 2023 года). На втором месте расположился сайт организации (23,3% на начало 2023 года). На третьем месте – социальная сеть «Одноклассники» (12,1% на начало 2023 года). В целом, можно отметить, что высокое значение в информировании деятельности НКО являются социальные сети и мессенджеры (Телеграмм – 8,6% на начало 2023 года).

НА КАКИХ РЕСУРСАХ ИНТЕРНЕТА ВЫ РАЗМЕЩАЕТЕ/РАСПРОСТРАНЯЕТЕ ИНФОРМАЦИЮ О СВОЕЙ НКО?

Представители НКО также согласны с тем, что развитие сети Интернет повышает эффективность информирования граждан о работе НКО, помогает привлекать новых волонтеров и членов объединений (8,5 баллов на начало 2023 года). Также они согласны с тем, что развитие сети Интернет делает более доступными государственные и муниципальные услуги для граждан и юридических лиц, в том числе НКО (8,4 балла на начало 2023 года). Заметно и солидарное согласие представителей НКО с тем, что развитие сети Интернет позволяет НКО популяризировать культуру гражданского участия, прививать ценности гражданской активности (8,2 балла на начало 2023 года) [4, С.85-100].

Социальные сети и мессенджеры прочно вошли в нашу жизнь. Результаты самооценки в ходе июльских 2023 года опроса ВЦИОМ показывают, что 86% россиян, пользующихся хотя бы одной сетью или мессенджером, проводят в них время практически ежедневно. Среди молодежи 18-34 года доля ежедневных пользователей близка к абсолютной (18-24 лет – 92%; 25-34 лет – 94%). Сервисы общения и просмотра контента по регулярности пользования заметно опережают вовлеченность в такие повседневные практики как просмотр телевизора (50%), пешая прогулка (48%), чтение книг (27%) и занятие спортом (15%). [5]

Таким образом, расширение технических возможностей интернет-технологий позволяет гражданам более активно участвовать общественной жизни своего коллектива, муниципального образования, региона и страны. Возрастает роль НКО и общественных организаций во влечение граждан в общественно-политическую деятельность. С началом СВО активизировалась волонтерское движение, граждане чем могут помогают воинам сражающимся на линии боевого соприкосновения, оказывают поддержку семьям военнослужащих. Молодежь все активнее осваивает интернет-пространство, разрабатывает и внедряет новые возможности искусственного интеллекта.

Цифровое общество активно развивается и играет все большую роль в политических отношениях в современной России.

Список источников

1. Черный В. Социальные сети в России: цифры и тренды, весна 2023 // <https://brandanalytics.ru/blog/helpdesk-integration/14.06.2023>

2. Соколов А.В. Социальная активность жителей Ярославской области, их отношение к общественным организациям /А.В. Соколов, Е.Д. Гребенко / Доклад о состоянии гражданского общества в Ярославской области в 2022 году. – Ярославль, 2023. – С.58-72.

3. Соколов А.В. Гражданское общество и деятельность некоммерческих организаций (общественных объединений) в Ярославской области глазами представителей региональной и местной власти /А.В. Соколов, Е.Д. Гребенко / Доклад о состоянии гражданского общества в Ярославской области в 2022 году. – Ярославль, 2023. – С.73-84.

4. Соколов А.В. Оценка гражданского общества и деятельности некоммерческих организаций и общественных объединений в Ярославской области/ А.В. Соколов, Е.Д. Гребенко / Доклад о состоянии гражданского общества в Ярославской области в 2022 году. – Ярославль, 2023. – С.85-100

5. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения. – Москва, ВЦИОМ, 2023. – 10 августа

Modern digital technologies; social and political aspects

Yu. A. Golovin¹, E. Y. Dan-Chin-Yu²

¹P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

²RUTH (MIIT), Moscow, Russian Federation

The development of the digital space is taking place at an increasingly rapid pace. The technical capabilities of Internet technologies are expanding, and artificial intelligence is being actively introduced. The importance of the Internet space in the political life of the state is increasing. All this requires more attention from political science. The Department of Socio-Political Theories actively participates in political research in the field of digital technologies, following the results of annual research projects, All-Russian scientific and practical conferences "Opportunities and threats of a digital society" are held on the basis of the department. The article examines the results of three studies by teachers of the department on the social and political aspects of modern digital technologies. The forms and methods of civil participation of citizens of the Yaroslavl region are shown.

Keywords: digital technologies; social networks; social activity; forms of political activity; socio-political research

ГРНТИ 11.15.25

Системы социального рейтингования: международный опыт

Е. Д. Гребенко, А. А. Фролов

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Ярославль, Россия

grebenkoeor76@gmail.com, a.a.froloff@gmail.com

Данная статья представляет собой обобщение и анализ опыта реализации систем социального рейтингования в разных странах мира. В тексте анализируются системы социального рейтингования, их преимущества и недостатки, а также приводятся примеры существующих моделей оценивания граждан и организаций. В статье раскрыты теоретические подходы к рассмотрению систем социального рейтингования на основе работы с большими данными (Big Data) и под воздействием процессов цифровизации и цифровой трансформации. На основе сравнения имеющихся кейсов реализации систем социального рейтингования сделаны основные выводы по дальнейшему развитию систем социального рейтингования.

Ключевые слова: социальный рейтинг; Китай; Индия; США; скоринг; цифровизация; Big Data; эффективное управление

Введение

Процессы цифровизации и цифровой трансформации преобразуют существующие отношения и взаимодействия как между различными гражданами, так и между властью и обществом. Развитие цифровой инфраструктуры дает возможности для осуществления и совершенствования коммуникации в широком смысле этого определения. Уже сегодня мы можем наблюдать как трансформировалась экономическая, социальная и политическая жизнь индивида под воздействием цифровых технологий. Так, значительная часть действий и взаимодействий современного человека перенесена в цифру и зачастую отражает его реальные устремления, настроения и восприятия. Это позволяет говорить о наступившей эпохе всеобъемлющей цифровизации, а следовательно, и полной трансформации общественно-политической реальности [1].

Благодаря современным технологиям деятельность граждан в онлайн и оффлайн пространстве теперь подвергается постоянному мониторингу и фиксации. Это актуализирует и увеличивает значение Big Data – баз данных, которые позволяют составить портрет каждого отдельного гражданина, учитывая его деятельность и взаимодействия. Исходя из этого, на сегодняшний день появляются дискуссии о повышении эффективности политического и экономического управления на основе работы с большими объемами данных [2]. Одним из механизмов повышения эффективности управления являются системы социального рейтингования, которые позволяют на основе положения субъекта в системе рейтинга осуществлять рациональное распределение имеющихся ресурсов, давать доступ к ним и ограничивать.

Теоретическая часть

В отечественной и зарубежной науке системы социального рейтингования рассматриваются в основном в двух вариациях. Первая вариация базируется на анализе опыта реализации системы социального кредита в Китае. Вторая основана на опыте реализации скоринг систем в коммерческих организациях и структурах.

Так, система социального кредита в Китае рассматривается с точки зрения реализации управления и надзора за социальной, экономической и политической жизнью гражданина. Авторами отмечаются как преимущества системы, выраженные в осуществлении эффективного управления, так и недостатки, раскрывающиеся в тотальном контроле государства за деятельностью граждан [3]. Интерпретация китайского опыта зачастую находит отражения в работах, посвященных анализу социального рейтингования, как особой формы коммуникации, основанной на установлении взаимоотношений между оценивающим и оцениваемым исходя из его положения в рейтинге. Результатом же подобной коммуникации становится либо поощрение индивида, либо наказание [4]. С другой стороны, отечественные исследователи накладывают опыт китайской системы социального кредита на реалии Российской Федерации и пытаются спрогнозировать угрозы возможности внедрения подобной системы в нашей стране. Исследователями подчеркивается, что создание и использование систем социального рейтингования в России неизбежно. В рамках этого процесса будет учитываться как экономическая, так и политическая специфика российской действительности [5]. Также отмечается, что внедрение системы со-

циального рейтингования будет поэтапным, точечным и основываться на дискуссии ключевых стейкхолдеров.

Другая часть современных исследований посвящена анализу опыта реализации скоринг систем в кредитных организациях. Так, подчеркивается, что бизнес уже давно преуспел в области работы с большими данными и рейтингованием клиентов. Рассматривая банковские скоринг системы, авторы часто оценивают эффективность их применения исходя из рационализации распределения ресурсов [6]. Отмечается, что скоринг системы являются прообразами социального рейтингования, сходство которых определяется единым подходом к оцениванию индивидов и организаций. Именно опыт коммерческих организаций становится сегодня ключевым при анализе реальных проявлений систем рейтингования.

Рассматривая системы рейтингования, исследователи делают акцент на том, что подобный механизм способствует осуществлению эффективного государственного управления [7]. Авторы современных исследований рекомендуют учитывать специфику каждого отдельного государства (правовую, экономическую, социальную и политическую) при рассмотрении вопроса о потенциальном внедрении широко-масштабных систем социального рейтингования граждан.

Цель и методы

Целью исследования является обобщение опыта реализации систем социального рейтингования в мире и выявления их ключевых характеристик. Эмпирические данные получены посредством использования методов case-study и сравнительного анализа. Также, использовались и общенаучные методы анализа и синтеза. Методом case-study рассмотрены реальные примеры реализации систем социального рейтингования в различных странах мира. Сравнительный анализ позволил установить закономерности различных рейтингов, а также на его основе сформулированы выводы исходя из комплексного рассмотрения всех имеющихся кейсов.

Основная часть

Первый и главный пример системы социального рейтингования сегодня это система социального кредита в Китае. Особенность китайской модели заключается в широкомасштабном оценивании граждан по различным сферам их жизнедеятельности. Рейтингование в Китае

направлено главным образом на определение социальной и экономической надежности граждан и организаций при их взаимодействии с государственными и коммерческими структурами. Рейтинг основан на шкале от 0 до 1000 баллов, с делением граждан на категории от A+ (наивысший) и D (самый низкий). Критериями рейтинга выступают предыдущие взаимодействия гражданина с государственными и коммерческими структурами, а также его общественная деятельность. Например, гражданин, вовремя не вернувший кредит в банк, понижается в рейтинге, а также следующие банковские продукты будут доступны ему с менее выгодными условиями. Другим примером выступает водитель, не нарушающий правил дорожного движения и который может рассчитывать на низкий коэффициент страхования собственного транспортного средства. Из данных примеров можно проследить, что система социального кредита в Китае основана на системе «кнута и пряника», где за социально и право одобряемое поведение граждан повышается в рейтинге и получает доступ к преимуществам системы в виде реальных (зачастую материальных) поощрений. В противоположном направлении система понижает рейтинг «ненадежных» граждан и ограничивает им доступ к социальным и экономическим благам. Таким образом, система играет роль воспитателя идеального гражданина, формируя у него рациональное мышление, исходя из мер и противовесов в системе социального кредита. Примечательно, что система социального кредита в Китае критиковалась как внутри страны, так и за рубежом. Основные претензии были основаны на вопросах законодательного обеспечения работы подобной системы, а также расширились дискуссии об использовании системы социального кредита государством с целью тотального контроля за гражданином. Все это сформировало правовой и этический вопрос использования подобных систем за пределами Китая, где оценка этой системы остается скорее негативной. При этом, необходимо отметить, что в самом Китае система так и не получила широкого распространения. На сегодняшний день система социального кредита активно в Китае не используется. Только лишь отдельные ее элементы интегрированы в системы, обеспечивающие контроль и правопорядок среди граждан.

Подобных систем социального рейтингования, как в Китае, в мире на сегодняшний день практически не существует. Имеются лишь аналоги этой системы, не основанные на широкомасштабном и обязательном включении для всех граждан. Одним из таких примеров можно на-

звать систему национальной премии за заслуги в Индии. Эта система, в отличие от китайской, затрагивает только одну сферу деятельности людей и организаций, а именно общественную. Основная цель этой системы – это поощрение и признание граждан и организаций, внесших наибольший вклад в развитие общественности в Индии. Этот вклад может основываться на волонтерской, добровольческой и благотворительной деятельности. Граждане и организации, проявляющие наибольшие усилия в общественной деятельности, вознаграждаются баллами (максимум 1000 баллов), которые они потом могут тратить на различные привилегии и преимущества (например, получение скидок у партнеров системы или возможность получения грантов и стипендий). Главным отличием от китайской системы является то, что система национальной премии в Индии полностью добровольная, она не подразумевает каких-либо санкций и ограничений гражданину, не участвующему в общественной деятельности. Если говорить про работоспособность системы, то можно отметить, что она имеет некоторые недостатки. Так, главным из них является то, что зачастую граждане не способны участвовать в волонтерстве, добровольчестве и благотворительности ввиду высокой степени бедности в Индии. Главными же участниками системы становятся крупные корпорации и богатые граждане, которые и получают основной доступ к привилегиям, оставляя практически невозможным доступ к системе для бедных граждан.

Упомянув системы социального рейтингования, необходимо затронуть их «идейных» и технических прародителей. Таковыми являются кредитные скоринг системы. Наиболее ярким примером выступают две скоринговые модели США – FICO Score и VantageScore. Обе модели преследуют цель выявления надежности клиентов банковских структур на основе их так называемой «кредитной истории». Обе модели основаны на бальной системе (от 300 до 850 баллов), что в совокупности со схожестью цели в системе социального кредита в Китае говорит о едином позиционировании рассматриваемых систем оценивания. Но, в отличие от китайского рейтингования, скоринг системы США, так же, как и система национальной премии в Индии, не имеют всеобщей обязательности. Но, необходимо отметить, что хоть вхождение в системы скоринга в США и являются добровольными, большинство граждан так или иначе вынуждены обращаться к кредитным организациям и вступать с ними во взаимодействие. Это обусловлено желанием индивидов получить доступ к распределяемым ресурсам

(денежным средствам, имуществу и т.д.). Кредитные рейтинги в США получили широкое развитие, в том числе основанное на работе с большими объемами данных, поступающих как из частных источников (от самих банков и финансовых организаций), так и от государственных (органов экономического/финансового управления и надзора). Все это обусловило популярность подобных систем оценивания благонадежности клиентов и граждан. Скоринг система США стала основой скоринг моделей других стран, а современные системы оценивания основываются на критериях и механизмах оценки скоринговых моделей коммерческих структур.

Выводы

Исходя из рассмотрения текущего опыта, можно сделать вывод, что системы социального рейтингования – это инструмент, который может быть использован как для повышения эффективности управления, так и для контроля над обществом. Важно отметить, что опыт каждого приведённого кейса уникален, поэтому его адаптация в других государствах требует тщательного рассмотрения и моделирования на основе социальных, экономических и политических аспектов каждого отдельно взятого общества. Приведенные примеры систем рейтингования так или иначе имеют единое происхождение, объединенное общей целью – создание эффективного управления, которое рационализирует принятие решений в условиях ограниченности распределяемых ресурсов. Экономическое происхождение систем социального рейтингования получает свое развитие в политике, что наблюдается в системах Китая и Индии. Исходя из этого, можно предположить, что внедрение систем социального рейтингования в России является вполне реальным, но требующим тщательного осмысления исходя из этических парадигм, принятых в российском социуме.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00728 «Политические последствия социального рейтингования граждан», <https://rscf.ru/project/24-28-00728/>

Список источников

1. Соловьев А.И. Гражданин в потоках цифровизации: коллизии политики и культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 216–230.

2. Катрашова Ю.В., Митяшин Г.Ю. Использование "сквозных" цифровых технологий в сфере государственного управления // Наука Красноярья. 2020. Том. 9. №4. С. 85-102.

3. Данилин И.В. Политические и социальные вызовы развития цифровой экономики: опыт КНР // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. №4. С. 25-39.

4. Графов Д.Б. Система социального рейтинга в КНР как информационно-коммуникационная технология поощрения и наказания // Власть. 2020. №2. С. 250-259.

5. Руф Ю.Н., Каримова Д.В. Возможности внедрения системы социального рейтинга в России в условиях цифровизации // Вопросы инновационной экономики. 2020. Том 10. № 2. С. 881-890.

6. Скиба С.А., Лойко В.И. Социальный скоринг // Научный журнал КубГАУ. 2013. №91. С. 1508-1517.

7. Катрашова Ю.В., Митяшин Г.Ю., Плотников В. А. Система социального рейтинга как форма государственного контроля над обществом: перспективы внедрения и развития, угрозы реализации // Управленческое консультирование. 2021. № 2. С. 100–109.

Social rating systems: international experience

E. D. Grebenko, A. A. Frolov

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

This article is a generalization and analysis of the experience of implementing social rating systems in different countries of the world. The text analyzes social rating systems, their advantages and disadvantages, and provides examples of existing models for evaluating citizens and organizations. The article reveals theoretical approaches to the consideration of social rating systems based on working with big Data and the impact of digitalization and digital transformation processes. Based on a comparison of the available cases of the implementation of social rating systems, the main conclusions on the further development of social rating systems are made.

Keywords: social rating; China; India; USA; scoring; digitalization; Big Data; effective management

Об исследовании политических эффектов цифровых экосистем

Д. С. Денисов

Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия

dsdenisov@itmo.ru

Представляются результаты исследования, посвященного генезису и соотношению понятий «платформа» и «экосистема» в контексте цифровой трансформации общественных (в том числе политических) отношений, процессов и институтов, в том числе с учетом основных имеющихся на данный момент работ отечественных исследователей по экосистемам в политике, цифровизации и алгоритмизации власти. На основе анализа академических источников выявлены возможные направления влияния цифровых экосистем на общественные отношения в области политики, в том числе институционализации политического поведения, включения или, напротив, исключения людей из сферы политического участия, в т.ч. в связи с проблемами «цифрового разрыва», «цифрового неравенства», «цифровой дискриминации» и «цифровой эксклюзии».

Ключевые слова: цифровые технологии; цифровые платформы; цифровые экосистемы; алгоритмизация; цифровой суверенитет; цифровое неравенство; цифровая эксклюзия

Введение

В эпоху глобализации и информационного общества развились технологии, в т.ч. цифровые. Национальные и транснациональные технологические корпорации создали свои цифровые платформы – цифровые экосистемы и по ресурсам, и по влиянию стали конкурировать с государствами. Технологии не только были взяты на вооружение самими государствами (e-governance в узком смысле), но и стали влиять на государства, которым пришлось подстраиваться под них.

С другой стороны, технологические компании понимают роль государственных границ в степени влияния на собственный бизнес. «Борьба» государств за «цифровой суверенитет» является реакцией в т.ч. на все усиливающееся влияние именно цифровых экосистем.

По мнению Д. Пескова (спецпредставитель Президента РФ по вопросам технологического развития) именно «островизация» является наиболее вероятным мировым сценарием в ближайшие десятилетия. Практически гарантированы сворачивание глобализма и конец глобальной системы безопасности XX века, перезагрузка глобальных технологических рынков, национализация техстандартов, релокализация производства критических товаров (Россия, США, Китай, возможно – Индия).

Исследования, проведенные центром технологий электронного правительства ИТМО, также демонстрируют конкретные параметры технологически индуцированных политических изменений – в частности, рост централизации в вопросах электронного участия в России за последнее время.

В настоящее время признанной вершиной эволюции бизнес-модели считается цифровая экосистема. 7 из 9 компаний – мировых лидеров по объему капитализации являются цифровыми экосистемами. Государство нередко пытается перенимать успешные практики из бизнеса. Однако не всегда учитывает при этом разницу в миссиях, целях и задачах власти и предпринимателя. Имеет место быть это и с рассматриваемым экосистемным подходом.

Приведенные выше тенденции делают особенно актуальным изучение как самого понятия цифровой экосистемы, так и способов влияния этого явления на различные стороны общественной жизни, включая сферу политических отношений.

Теоретическая рамка исследования

Теоретическую базу настоящего исследования составили работы таких отечественных исследователей как А.В. Соколов, А.А. Фролов, Е.Д. Гребенко, А.В. Чугунов, О.В. Филатова, С.Н. Федорченко, Л.В. Земнухова, С.В. Коршунова, О.С. Шепелева и др., а также ряда зарубежных исследователей, таких как A.G. Tansley, J. Moore, V. Almeida, F. Filgueiras, R.F. Mendonça и др.

Цель и методы исследования

Целью настоящего исследования является определение и охарактеризование возможных способов влияния цифровых экосистем на политические отношения в обществе. Основным методом настоящего

исследования является анализ нормативно-правовых, аналитических и академических источников – как отечественных, так и зарубежных.

Основная часть (результаты сбора данных)

Первоначально возникнув в естественных науках, через экономику и взрывной рост соответствующей бизнес-модели, понятие «экосистема» и «экосистемный подход» все больше и больше проникли в другие области человеческого знания и практики, включая политологию и государственное управление, и продолжают это делать [7, с. 132]. Впервые концепция экосистемы как бизнес-явления была сформулирована в нашумевшей статье Джеймса Мура «Predators and Prey: A New Ecology of Competition» [13, с. 76]. Представление об экосистеме бизнес позаимствовал из биологии, когда впервые в 1935 году термин «экосистема» ввел Артур Тэнсли [14, с. 299]. В его трактовке экосистема – это локальные сообщества организмов, которые взаимодействуют друг с другом и окружающей средой. Чтобы процветать, эти организмы одновременно конкурируют и сотрудничают, совместно эволюционируют и адаптируются к внешним потрясениям внутри системы. Тэнсли считал, что экосистема – это единая открытая функциональная биосистема, состоящая из совокупности живых организмов и среды их обитания, а также системы связей, посредством которых осуществляется обмен веществом и/или энергией между ними. Обитатели экосистемы постепенно все лучше адаптируются и к определенным естественным условиям, и к совместному проживанию, вступая между собой в многочисленные обмены и в конце концов извлекая все большую выгоду из этой адаптации.

На сегодняшний день экосистемы представляют собой наиболее успешную бизнес-модель: топ-10 компаний мира по рыночной капитализации возглавляют компании, реализующие экосистемный подход. Так, по данным исследования экспертов PWC, по состоянию на март 2023 года капитализация первых двух компаний – Apple и Microsoft – превысила 2 триллиона долларов, а следующая тройка – Saudi Aramco, Alphabet (Google) и Amazon – имела рыночную капитализацию более 1 триллиона долларов [12]. По оценке экспертов McKinsey, к 2025 году на экосистемы может прийти около 30% глобального ВВП (60 триллионов долларов США) [9]. Влияние цифровых экосистем и стоящих за ними технологических корпораций (как правило, транснациональ-

ных) настолько велико, что некоторые исследователи ставят вопрос об их конкуренции с государствами.

Определений цифровой экосистемы к настоящему моменту предложено уже множество – как фокусирующихся на отдельных аспектах (технологический, экономический, социологический, организационный и др.), так и претендующих на интегральный характер. Представляется, что наиболее полно социально-экономические характеристики феноменов «цифровой платформы» и «цифровой экосистемы» отражены в соответствующих документах Минэкономразвития РФ [3], Центра стратегических разработок [1] и Института экономической политики [8].

Цифровая платформа – это бизнес-модель, позволяющая потребителям и поставщикам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами и информацией (цифровыми сервисами), включая предоставление продуктов/услуг/информации собственного производства. *Цифровая экосистема* – это клиентоцентричная бизнес-модель, объединяющая две и более группы продуктов, услуг, информации (собственного производства и/или других игроков) для удовлетворения конечных потребностей клиентов (безопасность, жилье, развлечения и т.д.). Особенностью экосистем является то, что они объединяют продукты/услуги, создавая дополнительную ценность при пользовании более чем одним/одной продуктом/услугой с точки зрения удобства и/или финансовой привлекательности для своих поставщиков и потребителей, на основе технологических платформ. Понятия цифровых платформ и экосистем появились эволюционно из мира офлайн. Изначально физическая среда обитания человека представляла собой платформы и экосистемы, в которых человек удовлетворял свои потребности. Например, города, торговые центры, вокзалы и аэропорты, кинотеатры представляют собой офлайн-экосистемы, где человек получает комплекс товаров и услуг. С появлением технологий офлайн-платформы и экосистемы начали трансформироваться в цифровые. Теперь приобретение, а иногда и предоставление продуктов и услуг осуществляется в формате онлайн на цифровых платформах и в экосистемах.

Анализ показывает, что понятие цифровой экосистемы в качестве комплексного объекта регулирования отсутствует в законодательствах стран мира, в том числе и в России. В основном регулирование осуществляется путем использования антимонопольных инструментов [1]. В отечественных нормативных документах встречается как отожд-

действие (на наш взгляд, необоснованное) понятий «цифровая платформа» и «цифровая экосистема» (пример – «Гостех», Постановление Правительства РФ от 16.12.2022 N 2338), так и весьма проработанные концепты (например, в Приказе Федеральной службы государственной статистики от 22.08.2022 N 583: «Цифровая экосистема – совокупность в той или иной степени интегрированных цифровых сервисов и/или цифровых платформ, сформированная в целях наиболее полного удовлетворения потребностей некоторой целевой аудитории или совокупности целевых аудиторий, и обладающая признаками, позволяющими потребителям услуг установить факт принадлежности входящих в состав экосистемы цифровых сервисов и/или платформ к одной экосистеме; такая совокупность признается цифровой экосистемой вне зависимости от способа и степени их интеграции элементов, принадлежности вовлеченных в экосистему активов и степени аффилиации их владельцев; владельцы вовлеченных в экосистему активов характеризуются общностью и взаимозависимостью экономических интересов, придерживаются общего семейства согласующихся концепций и стратегий развития единичных сервисов и совокупного сервисного предложения»).

В 2022–2023 гг. при поддержке Российского научного фонда под руководством доктора политических наук А.В. Соколова был реализован проект фундаментальных и поисковых научных исследований № 22-28-01517 «Цифровые экосистемы в политике: проблемы создания и перспективы развития». В рамках проведенного исследования среди прочего были обобщены современные концепции цифровых экосистем в политике, определена степень развития в России нормативно-правовой базы для формирования цифровых экосистем в указанной сфере, а также были проведены глубинные интервью 34 профильных экспертов, в числе которых можно выделить представителей органов законодательной и исполнительной власти регионального и муниципального уровня, руководителей и сотрудников некоммерческих организаций и аппаратов политических партий, предпринимателей (в том числе из IT-сферы), а также представителей средств массовой информации и профильных академических организаций [2].

Ценность такого комплексного исследования, объединяющего анализ теоретического, нормативно-правового и эмпирического материала, для развития научного знания в соответствующей области сложно переоценить. При этом особого внимания заслуживает полученный

в результате исследования вывод о том, что с точки зрения экспертного сообщества в настоящий момент в российской политике экосистемы отсутствуют. Тем не менее в ходе исследования была выявлена уверенность экспертов в том, что действующие в политической сфере цифровые сервисы со временем будут трансформированы в полноценные экосистемы. Кроме этого, интересным является вывод о том, что возможные сценарии развития цифровых экосистем в российской политической системе можно свести к двум «полюсам» – формирование единой экосистемы и формирование множества экосистем, при этом сами исследователи полагают формирование единой экосистемы наиболее вероятным сценарием в долгосрочной перспективе [5, с. 222].

В ходе проведенного в рамках проекта исследования было также выявлено, что функционирующие в политической сфере цифровые сервисы, с одной стороны, обладают высоким потенциалом к вовлечению граждан в политический процесс, с другой стороны несут в себе риск манипуляции общественным мнением [5, с. 221]. Действительно, активная роль, которую цифровые системы играют в современной политической жизни, становится настолько ярко выраженной, что это привело к формированию в зарубежных академических источниках целого направления, представители которого аргументируют институциональный характер цифровых алгоритмов, то есть обосновывают тезис о том, что алгоритмы являются разновидностью политических институтов (в рамках так называемого «нового институционализма»). В одной из таких работ утверждается, что подобно социальным (в том числе и политическим) институтам в классическом понимании этого термина алгоритмы выступают средствами, структурирующими принятие людьми решений, а правила, заложенные в алгоритм, также являются социальными правилами [11, с. 43]. Например, алгоритм, который формирует ленту рекомендаций пользователя того или иного интернет-ресурса на основании ранее просмотренных этим пользователем публикаций, может буквально «заталкивать» человека в рамки того или иного информационного нарратива, не представляя ему альтернативной точки зрения и таким образом существенно влияя на его политические взгляды и, как следствие, на политическое поведение. Вопросы алгоритмизации власти, то есть процесса приобретения властью характера алгоритма, исследуются и в отечественном академическом поле. Вместе с тем отмечается не только опасность подверженности граждан различным манипулятивным практикам в цифровом

пространстве, но и подчеркивается необходимость создания цифровых платформ для обеспечения участия граждан в политической жизни [6, с. 15].

Заслуживающим внимания свойством цифровых экосистем и алгоритмов представляется не только упоминавшаяся выше способность их активно включать людей в политический процесс, но и способность достигать диаметрально противоположного эффекта, а именно исключать из сферы политического участия целые категории субъектов. С этим явлением связан отдельный термин – так называемая «цифровая эксклюзия», то есть невключенность определенных социальных групп в общественные отношения с использованием цифровых технологий в связи с тем, что их доступ к таким технологиям затруднен и/или уровень владения ими является недостаточно высоким. С этим термином напрямую связаны два других сходных понятия, зачастую используемые в исследовательской литературе – «цифровой разрыв» и «цифровое неравенство». При этом отмечается, что подверженными «цифровой эксклюзии» категориями населения являются пожилые люди (ввиду недостаточного уровня их «цифровой грамотности»), малоимущие (ввиду относительной дороговизны некоторых цифровых устройств), а также люди с физическими ограничениями, мигранты и т.п. При этом в контексте тенденций увеличения темпов цифровизации в области как государственных, так и частных услуг представители указанных социальных слоев начинают сталкиваться с «цифровой дискриминацией», то есть фактическим поражением в правах (или значительным затруднением их реализации) ввиду невозможности или ограниченной возможности пользования электронными сервисами [10, с. 33]. Можно с уверенностью предположить, что «разрастание» цифровых сервисов и превращение их в цифровые экосистемы несет в себе риски усугубления проблем «цифровой эксклюзии» и «цифровой дискриминации», в том числе в области политических отношений.

Выводы

На основе проведенного анализа отечественных и зарубежных академических источников можно прийти к следующим выводам. Во-первых, наблюдаемый стремительный рост цифровых экосистем в частной (коммерческой) сфере и выявленные исследованиями тенденции к трансформации государственных цифровых сервисов в полноценные цифровые экосистемы определяют актуальность дальнейшего изуче-

ния эффектов, которые цифровые экосистемы оказывают (или способны оказать) на политические отношения. Исследование этого вопроса должно иметь всесторонний характер, а оценка должна производиться с правовой, этической, политологической, социологической, технологической и иных применимых точек зрения.

Во-вторых, понятие цифровой экосистемы в качестве комплексного объекта регулирования отсутствует в законодательствах стран мира, и Российская Федерация не является исключением. Ввиду этого, с нашей точки зрения, ученым-правоведам и законодательным органам различных государств необходимо проработать подходы к правовому регулированию отношений такого рода.

В-третьих, цифровые сервисы, которые потенциально могут «растись» до размера экосистем, способны оказывать значительное влияние на политическое поведение людей, а с точки зрения отдельных исследователей и вовсе приобретают признаки социальных (политических) институтов, конституируя общественное поведение в политической сфере и непосредственно влияя на способы принятия субъектами политического процесса решений в этой области. Влияние цифровых сервисов и экосистем на политическую сферу общественной жизни может происходить как в направлении вовлечения в нее граждан (путем, например, «продвижения» связанных с политикой публикаций на цифровых площадках через специфическую систему алгоритмов или создания специальных цифровых платформ для непосредственного политического участия), так и в направлении исключения уязвимых категорий граждан из политических отношений в контексте «агрессивной» цифровизации (проблемы «цифрового неравенства», «цифрового разрыва», «цифровой эксклюзии» и «цифровой дискриминации»).

Таким образом можно заключить, что цифровые системы имеют существенный потенциал влияния на политические отношения в обществе. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что дальнейшее изучение механизмов такого воздействия, а также разработка релевантных правовых, этических и технологических решений, направленных на обеспечение подконтрольности цифровых экосистем обществу, будет способствовать минимизации негативных эффектов, которые потенциально способны оказать такие экосистемы на политические отношения, права и интересы людей.

Список источников

1. Актуальные вопросы регулирования экосистем // Доклад Фонда «Центр стратегических разработок». 2021. URL: [http://www.lccp.econ.msu.ru/sadm_files/Доклад%20Экосистемы_длинная%20версия%20\(ЦСР\).pdf](http://www.lccp.econ.msu.ru/sadm_files/Доклад%20Экосистемы_длинная%20версия%20(ЦСР).pdf) (дата обращения: 19.03.2024);

2. Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований, поддержанного Российским научным фондом. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-01517/> (дата обращения: 07.02.2024);

3. Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы» // Минэкономразвития России. 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptsiya_21052021.pdf (дата обращения: 19.03.2024);

4. Портал «Цифровой Петербург». URL: <https://catalog.petersburg.ru/> (дата обращения: 19.03.2024);

5. Соколов А.В., Фролов А.А., Гребенко Е.Д. Цифровые сервисы как этап развития экосистем в современной российской политике // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 3. С. 210-225;

6. Федорченко С.Н. Алгоритмизация власти: цифровые метаморфозы политических режимов и суверенитета // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5, № 2. С. 3-18;

7. Филатова О.Г., Чугунов А.В. Развитие экосистемы электронного участия в России в начале 2020-х: роль социальных медиа и центров управления регионами // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. № 2. С. 120-137;

8. Эволюция экосистем в России: эволюция, типология, подходы к регулированию // Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара. 2022. URL: https://www.iep.ru/files/ecosystems_results_2022.pdf; https://www.iep.ru/files/news/Issledovanie_jekosistem_Otchet.pdf (дата обращения: 19.03.2024);

9. Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций // Банк России. 2021. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/119960/consultation_paper_02042021.pdf (дата обращения: 19.03.2024);

10. Этика и «цифра»: от проблем к решениям / под ред. Е.Г. Потаповой, М.С. Шклярук М.: РАНХиГС, 2021. 184 с.;

11. Almeida V., Filgueiras F., Mendonça F.F. Algorithms and Institutions: How Social Sciences Can Contribute to Governance of Algorithms // IEEE Internet Computing. 2022. Vol. 26, № 3. P. 42-46;

12. Global Top 100 companies by market capitalization (2023). URL: <https://www.pwc.com/gx/en/audit-services/publications/top100/pwc-global-top-100-companies-2023.pdf> (дата обращения: 19.03.2024);

13. Moore J. Predators and Prey: a New Ecology of Competition // Harvard Business Review. 1993. Vol. 71, № 3. P. 75-86;

14. Tansley A.G. The Use and Abuse of Vegetational Concepts and Terms // Ecology. 1935. Vol. 16, № 3. P. 284-307.

On the study of the political effects of digital ecosystems

Denis S. Denisov

ITMO University, St. Petersburg, Russia

The results of the study dedicated to the genesis and correlation of the concepts of "platform" and "ecosystem" in the context of digital transformation of public (including political) relations, processes, and institutions are presented, including consideration of the main existing studies by Russian researchers (Doctor of Political Science A.V. Sokolov, Doctor of Political Science S.N. Fedorchenko, PhD in Political Science A.V. Chugunov, and others) on ecosystems in politics, digitalization and algorithmization of power.

Based on the analysis of academic sources, possible directions of the influence of digital ecosystems on public relations in the field of politics have been identified, including the institutionalization of political behavior, the inclusion or, conversely, exclusion of people from the sphere of political participation, particularly in connection with the issues of "digital inequality", "digital discrimination", and "digital exclusion".

Keywords: digital technologies; digital platforms; digital ecosystems; algorithmization; digital sovereignty; digital inequality; digital exclusion

Создание позитивного имиджа Китая в русскоязычной версии Интернета

Денисов С. А.

Гуманитарный университет г. Екатеринбурга, Россия

Sa-denisov@yandex.ru

Китай постепенно превращается в современную мир-империю. Он втягивает в нее слабые страны, которые использует как сырьевой придаток своей промышленности и рынок сбыта готовой продукции. Россия вошла в состав стран, подчиненных китайской мир-империи. Метрополия имеет не только экономическое, но и идеологическое господство на территории колоний. Множество людей работают над созданием позитивного имиджа Китая. Интернет является превосходным средством для распространения идеологии и манипуляции сознанием населения. Данное исследование направлено на выявление субъектов, создающих позитивный имидж Китая и изучение форм, в которых распространяется информация о нем в русскоязычной версии Интернета. Автор выдвигает гипотезы о том, на кого направлена данная информация (целевая аудитория) и с какими целями она распространяется.

Ключевые слова: Китай; позитивный имидж Китая; Интернет; распространение идеологии; манипуляция сознанием

Введение

Китай в последние годы превратился в мир-империю, распространяющую свое влияние на слабые страны мира. Он использует их в качестве сырьевого придатка для своей промышленности и рынка сбыта выпускаемых им товаров. Для комфортной работы в этих странах Китай должен создавать себе позитивный имидж. С 2012 г. Китай стал претендовать на статус мировой державы, которая пытается навязать миру свой порядок. Для реализации этой стратегии ему нужно поднять свой авторитет. Интернет является незаменимой площадкой для реализации названных целей. Позитивный имидж Китая усиленно распространяется в русскоязычной версии Интернета.

Целью данного исследования является (а) выявление субъектов, активно работающих в области продвижения позитивного имиджа Ки-

тая, (б) анализ форм подачи информации, направленной на достижение поставленной цели, (в) формулирование гипотез о том, на какую аудиторию рассчитана транслируемая информация, и (в) с какой целью она распространяется.

В исследовании используются знания общей теории пропаганды и манипуляции общественным сознанием. Автор применяет интерпретационный подход к анализу приемов изложения мысли (языковые приемы и средства), используемым символам и мифам.

В процессе исследования автор анализировал текстовые материалы и видеоролики, размещенные в русскоязычном секторе Интернета, обнаруженные с помощью поисковой системы «Яндекс», по ключевому слову «российско-китайские отношения». Поисковая система Интернета помогает исследованию ключевых направлений пропагандистской деятельности в сети. После выхода на один пропагандистский материал она выдает всю массу материала такого же рода. Становится видно, что мы имеем дело не с одним (случайным) мнением человека, а с деятельностью отдельной пропагандистской группы, имеющей свои цели и задачи.

Изучение материала позволяет понять, как Китай колонизирует духовное пространство России. Проведенное исследование может быть основой для формирования идеологии сопротивления превращению России в северную провинцию Китая.

Собранный материал автор разделил на три блока: (а) сведения о субъектах, создающих позитивный имидж Китаю и аудитории, которую они хотят охватить, (б) выдвижение гипотез о том, в каких целях создается позитивный имидж Китая и (в) описание приемов и средств распространения выгодной Китаю информации (экспертной и пропагандистской).

1. Субъекты, распространяющие позитивную информацию о Китае и получатели этой информации

Распространением привлекательного образа Китая в русскоязычной версии Интернета занимаются организации (телеканалы, средства массовой пропаганды), отдельные блогеры, эксперты, политики, депутаты и бюрократия. Всех людей, участвующих в распространении позитивной информации о Китае, следует отнести к социальной общности служилой интеллигенции. Эта группа отличается своими этатистскими установками и негативным отношением к идеям либе-

рализма, республики, демократии и политического плюрализма. Идеалом для них является империя с авторитарным режимом и идеократическим государством. Китай привлекает их тем, что относится к типу административного общества [8, с. 24-39] и государства [9, с. 147-164], которое не позволяет появлению в стране гражданского общества. Административное государство формирует общество подданных, которое полностью зависит от государства и господствующего административного класса. Большинство спикеров являются китаеманами, т.е. питают позитивные чувства по отношению к искомой стране. Это особенно ярко проявляется в речах А.А. Маслова, который восхищается даже тем, как Китай проигрывал войны гуннам, монголам и маньчжурам [1]. Только некоторые из экспертов с настороженностью смотрят на то, что Китай поглощает Россию.

Среди названных субъектов выделяется группа, откровенно занимающаяся внедрением в сознание населения позитивного имиджа Китая. Они применяют полный набор известных приемов и средств пропаганды и манипуляции общественным мнением. Среди пропагандистов следует выделять тех, кто нацелен на то, чтобы донести до своей целевой аудитории позитивную информацию о Китае и тех, кто умело использует тему Китая для саморекламы. Последние в большей степени пытаются быть критичными. Автор исследования относит к этой группе пропагандистов Н.Н. Вавилова, который умеет подать не только информацию о Китае, но и себя представить в качестве величайшего знатока китайской жизни. Он умело доказывает аудитории, что обладает знаниями, которые недоступны другим экспертам.

Пропагандист не обязан говорить правду. Он может транслировать сведения, явно не соответствующие действительности, высказывать свои мнения, не основанные на фактах, выдавать оценки за факты действительности, гипертрофировать позитивные черты Китая, обращаться к вере, заниматься манипуляцией общественным мнением.

П. Шевченко говорит о наличии прокитайского лобби в России [30].

Часть людей занимается пропагандой по должности, например, работая в пропагандистских изданиях, которые заменили в России средства массовой информации [34]. По должности защищает интересы Китая С.Ф. Санакоев, являющийся заместителем председателя Общества Российско-Китайской Дружбы [4].

Достижения Китая всячески пропагандируют представители левых партий [23].

Другой значимой группой, распространяющей позитивную информацию о Китае в Интернете, являются научные эксперты по Китаю. Они стараются предоставить аудитории всестороннюю информацию о стране, но вынуждены замалчивать некоторые факты. А.А. Маслов откровенно говорит о том, что если он будет говорить о Китае все, что знает, то его туда больше не пустят [1]. Некоторые специалисты по Китаю работают на гранты, получаемые от китайского правительства [6]. Часть экспертов, являющихся китаеманами, непроизвольно превращаются в пропагандистов. Серьезные эксперты по Китаю с одной стороны, дают ему рекламу, а с другой стороны разоблачают типичные пропагандистские приемы, которые идеализируют Китай [1].

Целевой аудиторией распространения позитивной информации о Китае служит масса населения. Ее следует поделить на тех, кто совершенно не сведущ и руководствуется чувствами и верой. Именно на такую аудиторию работают пропагандисты, который сеют среди своих слушателей приятные, но безнадёжные мечты о великом и добром Китае, который спасет Россию [3]. Другая группа населения обладает способностью к мышлению. Она требует логического изложения материала, каких-то рациональных доказательств. На эту аудиторию работают эксперты по Китаю.

Большая часть аудитории прокитайских пропагандистов имеет традиционалистские ценности, связанные с административным характером общества и государства, с имперскими амбициями, верой в правителя. Они видят в Китае цивилизацию во многом схожую с российской и возлагают на нее большие надежды. Другая часть аудитории Интернета настороженно относится к Китаю. Еще недавно российская пропаганда говорила о необходимости проводить политику сдерживания Китая [29, с. 7].

2. Предполагаемые цели распространения позитивной информации о Китае

Автор, естественно, не может знать с какими целями те или иные спикеры создают позитивный имидж Китая. Используя логику и знание политической ситуации можно выдвинуть только предположения о том, кому и зачем это надо. О целях этой деятельности иногда говорят эксперты по Китаю.

Китай объективно имеет массу привлекательных для других стран черт. На протяжении более 40 лет он поддерживает высокий тем экономического развития. Когда-то нищая страна превратилась в экономического гиганта с высоким уровнем жизни населения.

Как уже отмечалось, Китай обладает привлекательными качествами для сторонников сохранения в России административного типа общества и государства. Мы имеем общие цивилизационные ценности [19]. Китай показывает, что можно, не переходя к капитализму, демократии и республике эффективно развивать свою экономику и строить патерналистское государство, где население не участвует в политике, а слепо идет за своими вождями. Российская пропаганда показывает успехи Китая на фоне кризисов в странах Запад [20], доказывая, что надо отказаться от европейского пути развития России и брать во всем пример с восточного соседа.

В особенности заинтересованы в распространении позитивного имиджа Китая представители левых партий и движений. Достижения Китая являются рекламой коммунистического движения. Они убеждают население голосовать за себя, обещая привести общество к таким же высоким результатам в экономике и уровне жизни населения [23].

Распространение позитивной информации о Китае нужно правящей группе Китая, которая строит мир-империю. Осуществление эффективного экономического господства над колониями предполагает распространение в них выгодной метрополии идеологии. А. Школьников считает, что многие представители российской интеллигенции, связанные с Китаем, лоббируют его интересы [6], являются орудиями проникновения Китая в информационное и культурное пространство России. Они распространяют культурные ценности Китая: иерархию, вождизм (мудрость китайского руководства), великодержавие, монархическую или олигархическую форму правления, авторитарный режим с элементами тоталитаризма. Пропаганда убеждает население России, что превращение страны в колонию Китая выгодно России, что Китай защитит страну от поглощения ее странами Запада.

Часть населения России помнит о военных столкновениях на границе между Россией и Китаем на острове Даманский (1969 г.) и о том, что Дальний Восток когда-то принадлежал Китаю. Эти люди боятся усиления Китая. Исходя из этого, в задачи пропаганды входит убеждение населения России в том, что китайцы являются мирной нацией

[14], озабочены возвращением себе Тайваня [17] и не собираются отнимать у России Дальний Восток.

Правящая группа России разорвала отношения с развитыми странами мира и для сохранения своей власти вынуждена искать поддержки у Китая. Ей необходимо доказать своему населению, что Китай является надежным союзником России и будет оказывать ей всестороннюю помощь. Естественно, она должна скрывать цену этой поддержки, всячески оправдывать превращение страны в сырьевой придаток Китая.

Дружба с Китаем является гарантией сохранения в России административного характера общества и государства. Китай показывает, что правящая группа без гражданского общества, демократии, республики, федерализма и правового государства может добиться высоких показателей в развитии экономики и повышении уровня жизни подданных. Пропаганда предлагает брать пример с Китая, особенно в области устранения свободы доступа к информации и установления тотального контроля государства за населением. Китайская культура противопоставляется европейской.

Как уже отмечалось позитивный имидж Китая выгоден служилой интеллигенции с ее установками на имперский характер государства, вождизм и авторитаризм.

Распространять позитивный имидж Китая берутся блогеры в личных целях «оседлавшие» тему Китая, которая привлекает много подписчиков и дает заработок от рекламы. Они сообщают своим слушателям то, что они хотят услышать про великую Россию, которая опирается на надежного друга на Востоке, про дружбу с великим Китаем, про помощь, которую Китай окажет России и спасет ее от страшного Запада.

Людей, влюбленных в какую-либо страну нет необходимости как-то стимулировать. Китаеманы восхваляют Китай просто исходя из своих чувств. Например, Т. Вундеркинд транслирует своим студентам совершенно нерациональное, некритическое, восхищенное восприятие философских идей даосизма и конфуцианства [32].

3. Формы трансляции позитивной информации о Китае в Интернете

Первейшая задача пропагандиста или эксперта, желающего привлечь к себе внимание, сводится к тому, чтобы вызвать доверие аудитории. Эксперты называют свою должность, ученую степень и звание.

Например, авторитет А.А. Маслова подкреплен тем, что он директор Института Азии и Африки. Пропагандисты подчеркивают, что они знают китайский язык и какое-то время жили в Китае. Например, Н.Н. Вавилов подчеркивает, что он автор книги «Китайская власть», в течении 10 лет учился и работа в Китае. Он представляет себя профессиональным востоковедом [31]. М.Ю. Ульянова называет себя политологом и специалистом по психологии китайцев и правящей группы Китая. Журналисты в своих оценках ссылаются на мнения чиновников разного ранга [34].

Профессиональные пропагандисты и блогеры умеют представить себя в роли глубоких знатоков проблемы. Они доказывают, что обладают знаниями, доступными только им из каких-то тайных источников. Это хорошо работает на аудиторию, верящую в теории заговоров. Н.Н. Вавилов говорит о том, что европейцы глупы и не способны понять Китай так, как он его понимает [3]. Откровенно пропагандистские ролики пытаются убедить слушателя за счет безапелляционности делаемых заявлений. Для большей убедительности, В.В. Вавилов заявляет, что все, кто с ним не согласен являются врагами России [3].

Организации, работающие в Интернете, пытаются доказать, что они честны, беспристрастны и способны представлять информацию, которая не прошла цензуру. Примером такой организации является канал «Царь-град» [31]. Конечно, такие заявления адресованы только на несведущую аудиторию. Они так же «ласкают ухо» аудитории, преданной этому каналу. Экспертам он давно известен, как чисто пропагандистский канал, выражающий интересы милитаристов и державников.

Важнейшим в пропаганде является прием идеализации пропагандируемого объекта. Например, даже серьезный эксперт по Китаю А.А. Маслов, утверждает, что китайское руководство не обманывает своих подданных [13]. И это при том, что вся социальная система Китая держится на мифах (миф о строительстве коммунизма, о демократии, о республике и т.д.) и вере в высокое начальство (вера в доброго правителя).

В ходе пропаганды приходится постоянно искажать информацию об объекте. Н.Н. Вавилов пытается убедить своих слушателей, что руководство Китая поддерживает правящую группу России и всячески помогает нашей стране [3]. Директор Института Азии и Африки А.А. Маслов отмечает, что российская пропаганда занимается «ша-

манскими заклинаниями», утверждая о том, что Китай нам поможет. Он обращает внимание на национализм китайского руководства, которое не будет никому помогать просто так [1]. Политика «не ссориться с Россией» выдается за политику поддержки России в споре с конституционными странами [10]. При этом, А.А. Маслов сам, пытаясь убедить россиян в том, что Китай не представляет угрозы для России, заявляет о миролюбии китайцев [2]. Но в XX в. в Китае была самая длительная и кровопролитная гражданская война (1911-1949 гг.). Китай воевал в Северной Корее, нападал на Вьетнам, устраивал приграничные конфликты с Индией. Он систематически предъявляет претензии соседям на какие-то спорные территории. Н.Н. Вавилов не перестает твердить о том, что китайское руководство готовит нападение на Тайвань [18]. А.А. Маслов говорит об открытости Китая [1]. Но другие источники утверждают о традиционной закрытости Китая [11].

Негативные для России факты в устах пропагандистов приобретают позитивные черты. Так, российская пропаганда с гордостью сообщает россиянам, что более 90% платежей в торговле с Китаем осуществляются в рублях и юанях [34]. Но это означает, что эта торговля не приносит валютной выручки. На полученные юани Россия может купить товар только в Китае. Обмен юаней на доллары производится с разрешения Центрального банка Китая. Часть денег теряется в ходе конвертации. Россия сделала юань своей резервной валютой [27] при том, что он не является свободно конвертируемым. Таким образом финансовое состояние России поставлено в зависимость от воли Центрального Банка Китая [21]. Страна потеряла свой финансовый суверенитет.

Одним из приемов рекламы является преувеличение полезных свойств рекламируемого объекта. «Пекин искренне заинтересован в сотрудничестве с Москвой и целенаправленно осуществляет свои инвестиции в российскую экономику», – заявляет официальная российская пропаганда. На конец 2023 г. «двумя государствами реализуются 80 совместных проектов на общую сумму почти 20 триллионов рублей» (около 200 млрд. долларов) [34]. Звучит красиво, но блекнет рядом с другими цифрами. В экономику США Китай ежегодно вкладывает 100 млрд. долларов [5]. Кроме того, Китай инвестирует свои средства в добычу и вывоз сырья из России и производство полуфабрикатов для своей промышленности, что обеспечивает превращение России в сырьевой придаток китайской промышленной империи. У нас нече-

го купить кроме нефти, газа и леса, отмечает А.А. Маслов. [5]. Это, конечно, не вполне точно. В последнее время Россия стала поставлять в Китай сельскохозяйственную продукцию, что ставит ее на одну доску с традиционными колониями.

Широко применяется в пропаганде прием умолчания. Так, Российская пропаганда торжественно объявила о том, что товарооборот Китая с Россией в 2023 г. достиг 240 млрд. долларов [24]. Только она умолчала о том, что данный показатель поставил Россию наравне с Тайванем. Товарооборот Китая с внешним миром составляет около 6 трлн. долларов. Т.е. товарооборот с Россией, это 4 % от общего товарооборота Китая с миром. С США и Европой товарооборот Китая достиг 1,6 трлн. долларов. Таким образом Россия для Китая – это страна третьего сорта.

«Пекин искренне заинтересован в сотрудничестве с Москвой...», – заявляет российская пропаганда [34]. Россия – это основной партнер Китая, утверждает С.Ф. Санакоев [4]. При этом умалчивается, что Китай полностью независим от России. Он может закупать нефть и газ по дешевой цене в других странах-изгоях (Туркмения, Иран) и смотрит на Россию, как на достаточно слабо развитую региональную державу, теряющую свой вес в мире. Китай сам прикладывает немало усилий для ослабления влияния России в странах Центральной Азии.

Редко кто из экспертов говорит о том, что экономические отношения между Россией и Китаем носят классически колониальный характер, типичный для XIX в. Российское руководство сделало страну полностью зависящей от своего южного соседа. «Половина российского экспорта нефти и нефтепродуктов в 2023 году направлялась в Китай» [15]. 36% импорта продукции в России осуществлялось из Китая [25]. Зависимость России от Китая приводит к так называемым «ножницам цен», типичным для колониальных отношений. Т.е. сырье вывозится по цене ниже рынка, а готовая продукция ввозится по цене выше рыночных. В этом заключается экономическая эксплуатация колоний. В 2024 г. средняя цена поставок российского газа в Китай, как ожидается, составит 271,6 доллара за тысячу кубометров против аналогичного показателя для Европы на уровне 481,7 доллара за тысячу кубометров [26]. Китай монополизировал автомобильный рынок России. Он за бесценок скупил автомобильные заводы, которые раньше принадлежали американцам, европейцам и японцам. На этих заводах осуществляется крупноузловая сборка автомобилей, произведенных в Китае. Эти автомобили продают в России по цене гораздо выше, чем

в Китае или в соседнем Казахстане [28]. Колониальная политика Китая проводится под лозунгом «Китай протянул руку помощи России» [19]. С.Ф. Санакоев утверждает, что отношения с Китаем взаимовыгодные и равноправные. Одновременно, пропагандисты доказывают, что Китай не является империей и не стремится к колониальным захватам [14]. Очевидно, что Китаю нет необходимости осуществлять военную экспансию в Россию. Страна сама отдает себя ему в полное распоряжение.

Российское руководство с гордостью заявляет, что отношения с Китаем носят долговременный и стратегический характер [33]. Из этого следует, что Россия надолго потеряла свой суверенитет и ее руководство намерено и дальше поддерживать колониальную зависимость страны от Китая. Вся российская пропаганда пытается доказать, что интересы правящей группы России, вынужденной для сохранения своей власти играть роль «младшего брата» Китая, являются интересами всего российского населения. Необходимость «отдаться» Китаю объясняется тяжелой ситуацией в России. Только вместе мы сможем преодолеть геополитические трудности, вставшие перед нами, заявляет М.Ю. Ульянова [12]. Еще в начале 2000-х гг. руководство России пыталось не допустить Китай в Арктику. Оно возражало против представления Китаю и другим не арктическим странам статуса наблюдателя в Арктическом совете [7, с. 123-124]. Но в современных условиях согласие Китая участвовать в арктических проектах по добыче и сжижению газа, транспортировке его по северному арктическому пути рассматривается, как факты помощи Китая своему северному соседу [24].

Российские пропагандисты, откровенно работающие на Китай, убеждают население России доверять своему соседу. М.Ю. Ульянова заявляет, что китайцы с уважением относятся к России [12]. Китай, говорит А.А. Маслов, мудр, умен и интуитивен [1]. Только на чьи интересы будет работать этот ум? Н.Н. Вавилов сеет надежду у российских слушателей и зрителей на то, что Китай надежный защитник России [3].

Защитники интересов Китая эффективно играют на ненависти российской аудитории к странам Запада В.Н. Лексин радуется успехам Китая, как государству, способному противостоять ненавистному для него Западу [16]. Если Россия не станет частью Китая, то от этого выиграет США, запугивает своих слушателей Н.Н. Вавилов [3].

Российская пропаганда представляет Китай страной, которая способна уничтожить однополярный мир и ввести многополюсный, спра-

ведливый и равноправный миропорядок [33]. М.Ю. Ульянова убеждает своих слушателей, что Россия сможет даже повести Китай за собой [12]. Пропагандисты умалчивают о том, что Китай строит двухполюсный мир и не собирается делиться властью со странами, которые являются ее колониями.

Как уже отмечалось, пропагандисты ориентируются на чувствительные массы. Поэтому они активно используют символическую лексику. «Россия и Китай идут плечом к плечу в международных делах», – транслирует российская пропаганда слова заместителя председателя Центрального военного совета Китая генерал-полковника Сюй Циляна [22].

Итак, проведенное исследование показывает, что в русскоязычной версии Интернета достаточно активно представлена позитивная информация о Китае, которая оправдывает превращение России в придаток китайской экономики, в северную провинцию Китая.

Список источников

1. Алексей Маслов: «Как Китай планирует новый мир, и какой в нем видится Россия». URL: <https://yandex.ru/video/preview/8956396606269102333> (дата обращения: 24.04.2023 г.).

2. Алексей Маслов о социальной системе Китая. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fgAxjpk5k> (дата обращения: 26.03.2021 г.).

3. Вавилов: Китай будет помогать России, даже несмотря на санкции. URL: <https://dzen.ru/video/watch/63f454f9f0238d321d387068?f=d2d> (дата обращения: 23.04.2023 г.).

4. Вече: Российско-Китайские отношения. URL: <https://dzen.ru/video/watch/644550936be5ae7bceb88a8b?f=d2d> (дата обращения: 14.02.2024 г.).

5. Востоковед Алексей Маслов: "Многие преувеличивают значение России для Китая". Китай сделал выводы из эксперимента России выступить. URL: <https://yandex.ru/video/preview/7530257035855068114> (25.04.2023 г.).

6. Геостратегический взгляд на будущее Китая. 16 апр 2019. URL: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=6829655129200207666&from=tabbar&text=будущее+китая> (дата обращения: 24.03.2021 г.).

7. Грибанова Г.И. Международное взаимодействие в Арктике в условиях глобальной турбулентности: позиционирование России // Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности: Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием. Москва, ИНИОН РАН, МГИМО МИД России, 2-3 декабря 2022 г. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 123-124.

8. Денисов С.А. Административное общество. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2011. 608 с.

9. Денисов С.А. Общая теория административного государства. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2010. 684 с.

10. Интересы Китая и восточный поворот во внешней политике России. Экспертная дискуссия... URL: <https://yandex.ru/video/preview/6278956756324295098> (дата обращения: 29.04.2023 г.).

11. Ихэтуаньское восстание. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ихэтуаньское_восстание (дата обращения: 26.04.2023 г.).

12. Китай - друг, партнёр, попутчик или враг. Что Китай ожидает от России. URL: <https://dzen.ru/video/watch/643243795951555cfa042f31?f=d2d> (дата обращения: 26.04.2023 г.).

13. Китай и Россия могут отказаться от доллара? Разбор мифов о КНР. URL: <https://dzen.ru/video/watch/606f3f7a224a6e79ce90382b?f=video> (дата обращения: 23.04.2023 г.).

14. Китай никогда не пойдёт против России: ведь лучше торговать, чем враждовать. URL: <https://dzen.ru/video/watch/63e1051b1d768b3b0546796d?f=d2d> (дата обращения: 26.04.2023 г.).

15. Китай принял половину российского экспорта нефти и нефтепродуктов в 2023 году. URL: <https://www.profinance.ru/news/2023/12/27/cb1o-kitaj-prinyal-pолоvinu-rossijskogo-eksporta-nefti-i-nefteproduktov-v-2023-godu.html> (дата обращения: 27.12.2023 г.).

16. Настоящее и будущее Китая. 11 июля 2014. Интернет-передача "Размышления о моменте" Тема: Настоя. URL: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=683508640659681929&from=tabbar&text=будущее+китая> (дата обращения: 24.03.2021 г.).

17. Начнет ли Китай в ближайшее время военные действия? URL: <https://dzen.ru/video/watch/632c1b0106f2577ab0b57efe?f=d2d> (дата обращения: 12.02.2024 г.).

18. Обзор российско-китайских отношений. Николай Вавилов. URL: <https://ya.ru/video/preview/15301902181257202147> (дата обращения: 13.02.2024 г.).

19. Отношения Китая и России // <https://yandex.ru/video/preview/16513303550464919621> (дата обращения: 28.04.2023 г.).

20. Пекин ищет выход из экономической депрессии. Перспективы развития КНР и третий срок Си Цзиньпина. URL: <https://dzen.ru/video/watch/634da3b8580e627ad8694aa4?f=d2d> (дата обращения: 21.08.2023 г.).

21. Реакция курса рубля на резкое повышение ставки ЦБ. URL: <https://www.profinance.ru/news/2023/07/21/c9kt-reaktsiya-kursa-rublya-na-rezkoe-povyshenie-stavki-tsb.html> (дата обращения: 21.07.2023 г.).

22. Российско-китайские отношения на наилучшем уровне. URL: <https://ya.ru/video/preview/8385998434802896000> (дата обращения: 13.02.2024 г.).

23. Российско-китайские отношения носят характер стратегического партнерства. URL: <https://ya.ru/video/preview/10810432020703171483> (дата обращения: 13.02.2024 г.).

24. Россия и Китай создают новые площадки для развития двусторонней торговли. URL: <https://rg.ru/2024/02/09/novyh-partnerov-stanovitsia-vsyo-bolshe.html> (дата обращения: 12.02.2024 г.).

25. Россия наращивает торговлю с Китаем для борьбы с западными санкциями. URL: <https://www.profinance.ru/news/2023/01/31/c80r-rossiya-narashchivaet-torgovlyu-s-kitaem-dlya-borby-s-zapadnymi-sanktsiyami.html> (дата обращения: 31.01.2023 г.).

26. Россия планирует продавать газ в Китай со скидкой в 44% к европейской цене — Bloomberg. URL: <https://www.profinance.ru/news/2023/09/09/ca0v-rossiya-planiruet-prodavat-gaz-v-kitaj-so-skidkoj-v-44-k-evropejskoj-tsene-bloom.html> (дата обращения: 9.09.2023 г.).

27. Россия полюбила юань. URL: <https://www.profinance.ru/news/2023/03/26/c8je-rossiya-polyubila-yuan.html> (дата обращения: 26.03.2023 г.).

28. Сделано в России? Китайские автомобили возрождают российские автозаводы. URL: <https://www.profinance.ru/news/2023/07/20/c9k6-sdelano-v-rossii-kitajskie-avtomobili-vozrozhdayut-rossijskie-avtozavody.html> (дата обращения: 20.07.2023 г.).

29. Современный Китай в системе международных отношений. М.: ЛЕНАНД, 2015. 280 с.

30. Создание китайского мира: как работает внешняя политика КНР. URL: <https://yandex.ru/video/preview/16771634191382856510> (дата обращения: 28.04.2023 г.).

31. Удар с Востока. Спасёт ли Россию Китай? URL: <https://yandex.ru/video/preview/17526965237926127113> (дата обращения: 11.02.2024 г.).

32. Философия Древнего Востока – Ч. 1. URL: <https://ya.ru/video/preview/4627542429529573475> (дата обращения: 29.01.2024 г.).

33. Черникова Л.П. Российско-китайские отношения: история и современность. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskie-otnosheniya-istoriya-i-sovrenost?ysclid=lskaqedl86391990765> (дата обращения: 13.02.2024 г.).

34. Шмелева Т. Совместные проекты и общность экономических интересов: в каких сферах сотрудничают Россия и Китай. URL: <https://rg.ru/2023/12/20/sovmestnye-proekty-i-obshchnost-ekonomicheskikh-interesov-v-kakih-sferah-sotrudnichaiut-rossiia-i-kitaj.html> (дата обращения: 12.02.2024 г.).

Creating a positive image of China on the Russian language version of the Internet

S. A. Denisov

Humanitarian University of Ekaterinburg, Russia

China is gradually turning into a modern world-empire. It draws weak countries into it, which it uses as a raw material appendage to its industry and a market for finished products. Russia became part of the countries subordinate to the Chinese world-empire. The metropolis has not only economic, but also ideological dominance in the territory of the colonies. Many people are working to create a positive image of China. The Internet is an excellent means for spreading ideology and manipulating the consciousness of the population. This study is aimed at identifying entities that create a positive image of China and studying the forms in which information about it is disseminated on the Russian-language version of the Internet. The author puts forward hypotheses about who this information is directed to (target audience) and for what purposes it is disseminated.

Keywords: China; positive image of China; Internet; spread of ideology; manipulation of consciousness

Социально-политические практики просьюмеризма в цифровом обществе

О. В. Епархина

ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия

gelaq@mail.ru

В условиях цифровизации общества происходит постоянная реконструкция практик потребления, в том числе подвергается подобной трансформации социально-политическая сфера. Изменение практик социально-политического участия граждан приводит к восприятию политической сферы как сферы потребления, а она, в свою очередь, подвергается просьюмеризации, поскольку восприятие политики обогащается новыми практиками участия, изменяется традиционная субъектность политических акторов. Политический просьюмеризм в условиях цифровизации развивается благодаря расширению репертуара социальных медиа и использованию политического маркетинга. Он проявляется в различных формах политического и социального медиаконтента, таких как гражданская журналистика, блогосфера политической направленности, открытые новости, а также в участии граждан в общественных и политических движениях на принципах открытости участия, полиархичности, индивидуальности достижений и их оценок в рамках политических сообществ и сетей.

Ключевые слова: просьюмеризм; политическое участие; цифровизация; общество потребления; политические сети

Введение

Термин «просьюмеризм» существует в социологической литературе уже около 50 лет и изначально предполагал включение потребителя в производство товара/услуги. Именно в таком смысле он был использован в работе «Третья волна» американского футуролога Э. Тоффлера [9], где он образован от двух терминов: «producer» и «consumer». Согласно Э.Тоффлеру, в эпоху «первой волны», т.е. аграрного общества, элементы просьюмеризма также были достаточно развиты, однако, переход к индустриальному обществу («второй волне»), изменил ситуацию, увеличив разрыв между производителями и потребителями, а наступление общества «третьей волны» в XX веке вновь дает толчок развитию просьюмеризма, соединяя в одних и тех же субъектах

производственные и непроизводственные функции в рамках общества потребления, с 1950-х гг. происходит «новая интеграция функций производства и потребления» [5]. На сегодняшний день просьюмерские практики выходят за пределы экономической сферы, все более распространяясь на политику и управление, конструируя новые порядки принятия решений и формы участия. Формируя новый культурный и антропологический тип «вовлеченного участника», такие практики меняют общий политический ландшафт современного общества.

Теоретическая рамка исследования

Тема просьюмерских практик в политике достаточно обширно разработана в зарубежной литературе в рамках изучения общества потребления [1; 3; 4; 7]. Различные авторы предлагали концепты, описывающие инструментальную составляющую просьюмеризма (Г. Дженкинс, Н.Джергенсон, Т. О’Рейли, К. Прахалад, Дж. Ритцер, В. Рамасвами, Д. Тапскотт, С. Варго, Р. Лаш, М. Уотсон, Э. Шоув, А. Брунс, Дж. Хау,). [6; 8; 10; 11] В отечественной литературе проблеме политических практик просьюмеризма посвящены работы Н.Плотичкиной [6], Э.Круга [5], Е.Гиниятовой [2], в целом данная тема разработана слабее. В этих концепциях преобладали подходы, рассматривающие индивидов как участников политических сетей, что стало возможным благодаря расширению практик «электронной демократии» и развитию информационных технологий. Основой этих концепций являлось понятие Web 2.0, включающее в себя различные инструменты и технологии, с помощью которых выход в виртуальное пространство расширял возможности в том числе и политического действия субъекта, способность не только создавать политический медиаконтент, но и распространять его, вступая в многочисленные контакты. Если термин «просьюмер» изначально означал профессионального потребителя в экономическом смысле, способного вовлекаться в проектирование и усовершенствование экономического продукта в форме сотрудничества с медиа, то сегодня мы можем говорить о просьюмеризме и в политическом смысле, понимая под просьюмером политического субъекта, создающего/реконструирующего политическое пространство в социальных сетях и комьюнити. Так, Дж. Ритцер и Н. Джергенсон связывают просьюмеризм с возникновением новой формы капитализма, который характеризуется развитием новых цифровых форм производства и потребления [6, с.67]. Эти, а также ряд других авторов указывают, что такая форма капитализма существенно отличается от классических

форм, которые мы наблюдали последние 200 лет; мы можем фиксировать такие его особенности как «изобилие пользовательского контента в противовес дефициту, неоплачиваемый просьюмерский труд, нацеленность капиталистов на эффективность производства, сопротивление просьюмеров владельцам Web 2.0-корпораций, производство бесплатной и общедоступной информации» [12]. Такие формы производства и потребления изменяют привычную субъектно-объектную структуру властных отношений, способствуют возникновению нового типа политического субъекта; практически субъект и объект политического действия теряют свои границы. Поскольку просьюмеризм характеризуется добровольным и равноценным участием, то меняются и политические принципы такого общества. Главным ресурсом власти становится опыт и политическую субъектность начинают приобретать наиболее опытные члены комьюнити, а принципы управления начинают приобретать все более меритократический характер.

Цель и методы исследования

Целью нашего исследования выступает изучение новых форм социально-политической активности и социально-политических практик индивидов, реализуемых в формате просьюмерской деятельности. Объектом исследования выступили просьюмерские практики в социально-политической сфере, предметом – оценка реализации этих практик в условиях цифровизации. В качестве методов исследования использовались вторичный анализ данных и экспертный опрос гражданских активистов, практикующих просьюмерские формы активности, проведенный в рамках пилотной выборки (10 человек, представлены 9 регионов РФ). Для отбора экспертов применялся скринер, интервью проводилось на основе структурированного гайда, содержащего блоки вопросов по восприятию просьюмерских практик, оценке их распространенности, приоритетным зонам просьюмеризации политического пространства в РФ и за ее пределами.

Основная часть

Концепт просьюмеризма с начала нулевых активно рассматривался в разрезе взаимоотношений государства и гражданина. В качестве характерного примера Н.Плотичкина приводит проект «Масбирим Израэль», запущенный 2010 г. [6, с.76] Государство обратилось к гражданам с призывом предпринимать личные и организованные усилия по формированию позитивного имиджа своей страны, использовать для этого возможности общественных организаций, инструменты социаль-

ных медиа, личные медийные и статусные возможности, рассказывая в ходе контактов с гражданами и организациями иных государств о преимуществах израильской политики, ее ориентации на международное сотрудничество и т.п. Таким образом, функция формирования имиджа государства переставала быть только функцией правительственных структур, а отчасти осуществлялась всем израильским обществом. Как указывает Н.Плотичкина, вследствие интеграции в национальную PR-деятельность граждане Израиля становились просьюмерами в том плане, что участвовали в политических действиях по популяризации страны. [6, с.76] В целом же политический просьюмеризм развивается крайне дифференцированно, можно выделить следующие формы его проявления: использование специального программного обеспечения для принятия коллективных решений, гражданская журналистика, независимые/актуализированные государством независимые исследования, проекты патриотического воспитания и просвещения, совместная работа над контентом или совместное создание контента с использованием специальных электронных площадок, проекты активного формирования гражданами имиджа государства, формирование структур доверия с помощью технологий блокчейна и т.п. Также в политических процессах активно используются принципы open source, что реализуется через вовлечение индивидов в процесс улучшения программного обеспечения для осуществления обратной связи с населением: постоянно пользуясь платформами для голосования, блокчейн-протоколов, краудсорсинговых и благотворительных платформ, опросах общественного мнения и т.п.). Как указывает Н.Плотичкина, «..возникнув в связи с развитием новых цифровых технологий, влиянием блогосферы на общество, гражданская журналистика представляет собой активное участие аудитории в процессе сбора, анализа и распространения новостей и информации. Гражданские журналисты - это самостоятельные авторы, непрофессионалы в сфере медиа, которые участвуют в создании информационного продукта и самостоятельном донесении информации до массовой аудитории через блоги, открытые медиа, любые другие средства информации». [6, с.70] Две наиболее распространенных формы гражданской журналистики - политический блоггинг и «открытые новости». Также широко распространены варианты аккумуляции социально-политической информации через общедоступные электронные ресурсы, где распространение и использование информации базируется на просьюмерских принципах открытости, партисипативности, формирования проблемных комьюнити, поддерж-

ки динамики этих комьюнити, отказа от эксплуатации в политической и социальной сферах, а также группового принятия решений.

Однако, просьюмеризм предполагает не только производство социальных и политических решений на принципах совместности, но и потребление социального и политического контента, основанного на тех же принципах. Н.Плотичкина отмечает, что «политическое потребление дефинируется как новая форма «креативного политического участия [6]. В роли потребителя-сетянина (consumer netizens) выступает гражданин, для которого гражданская позиция связана с поведением на рынке. [6, с.71] Его поведение выстраивается аналогично поведению индивида в рыночных условиях, когда последний отбирает товар/услугу на потребления исходя не из собственно потребительских мотивов, а из соображений экологичности, политических предпочтений или использованных ресурсов производства (например, отказ от покупки товаров определенной страны, в силу ущерба экологии и использованию детского труда на ее производстве). Кроме того, могут быть важны условия логистики и дистрибуции, отказ от потребления по мотивам социальной неприязни и политического протеста. Все эти особенности современного потребления можно отнести и к потреблению политического контента, новостной информации и т.п.

Поэтому, еще одной формой проявления политического просьюмеризма может выступать активная деятельность комьюнити по созданию политического или социально-ориентированного контента. Для анализа подобных проявлений просьюмеризма А. Брунс предлагает термин «produsage» («production» + «usage», аналог понятия «цифровой просьюмеризм»), описывающий активность участников различных онлайн-сообществ по созданию контента. [12]

Классический «produsage», в понимании его А.Брунсом, например, возникает там, где пользователи участвуют в создании или улучшении программного обеспечения, видеоконтента, контента вики-ресурсов; в ходе таких процессов участники комьюнити могут чередовать функции создателя контента и его потребителя. [12]

Как отмечает Н.Плотичкина, «...концептуализируя политическое измерение просьюмеризма, важно учитывать, что просьюмерское политическое участие может подразумевать действия граждан, реализующих задачи, находящиеся в компетенции государства. В этом плане просьюмеризм включает две разновидности: деятельность граждан-просьюмеров как политическая активность, инициированная политиками, общественными организациями, партиями, и просьюмеризм как резуль-

тат децентрализации традиционных обязанностей государства, передачи их гражданам, выступающим в роли потребителей и производителей общественного блага. Иными словами, просьюмеризм осмысливается в политическом пространстве, в котором государство выступает в роли производителя, граждане являются потребителями, а общественное благо или услуга характеризуются как конечный продукт». [6, с.76]

Данные экспертного опроса подтверждают указанные положения. Так, эксперты указали в качестве наиболее распространенных практик гражданскую журналистику по теме СВО и связанной с ней волонтерской деятельности, менеджмент знаний (в том числе проекты в сфере патриотического и гражданского просвещения, экопроектов), технологии блокчейна (формат платформы «Активный гражданин» и т.п.) и технологии репрезентации социально-политического контента. Последние 3 года активизируется разработка открытого программного обеспечения, а также программного обеспечения для получения обратной связи в формате «общество-власть» («Добродел» и т.п.). Реализуются такие принципы политического просьюмеризма как участие сообщества, совместная разработка способов решения социальных проблем, регулируемая открытость, в то время как принцип меритократии реализован слабо. Эксперты единодушно отметили, что в РФ просьюмеризм в политической сфере в основном реализуется через задачи, поставленные государством, а потому иницируется общественными организациями и крупными партиями, что несколько отличает отечественные просьюмерские практики, но не препятствует их развитию (т.н. «азиатская модель»).

Выводы

Набирающие силу тенденции совместного создания социального и политического контента выступают как признак активизации участия пользователей в политическом процессе. Рост инклюзии в политическом пространстве, активизация той части населения, которая ранее не выступала в качестве создателя социально-политической повестки может усиливать чувство участия, совместности (в том смысле, которую вкладывал в этот термин З.Бауман) и доверия, приводит к углублению политической социализации и развитию личности за счет группового и личного самообразования, формирует новый концепт «opensource-демократии». Как отмечает А.Брунс, общество движется в направлении «возрождения» демократических, парламентских, законодательных процессов в новом контексте участия. [12] Если в политических про-

пессах индустриального общества мы наблюдали разделение функций производителя политического контента (профессиональные политики, медиа-аналитики), распространителями (СМИ) и потребителями (население), [6] то сегодня границы между ними стираются, приводя нас к принципиально новой структуре этих процессов. Этот процесс не так прост; так, например, Н.Плотичкина указывает, что изменение ролей (от пользователя к производителю) при этом скорее исключение, [6, с.74] что должно ориентировать нас на важность промежуточных, медийных или сетевых звеньев этой цепочки. В связи с этим важно четко определить предмет подобных исследований: является им продукт политического процесса или сам политический процесс.

Указанные тенденции перехода от массового производства политического контента к просьюмеризму в современном обществе приводят нас и к необходимости пересмотреть ряд позиций относительно содержания концепта «демократия»; очевидно, он не останется неизменным. Есть ли смысл говорить о меритократии в духе индустриальных теорий немецкой социологии середины прошлого века, либо о развитии «экспертократии», либо о неких иных формах электронной версии демократии – об этом сегодня ведется постоянная дискуссия. Так, например, И. Эйджман говорит о «прямой викидемократии», который основан на совместной работе участников над документами, решениями и на общем голосовании по спорным вопросам [6, с.74]. Проведенное исследование полностью подтвердило возможность такого подхода в современных условиях.

Список источников

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: АСТ, 2019. 320 с.
2. Гиниятова, Е.В. Современные социально ориентированные практики и конструирование идентичности: области взаимодействия / Е. В. Гиниятова // Векторы благополучия: экономика и социум. 2019. № 4 (35). С. 101–104.
3. Ильин В. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность/ В.В. Ильин // Мир России. 2005. № 2. С. 3–40.
4. Конева А.В., Лисенкова А.А. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности /А. В. Конева, А.А.Лисенкова// Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 14–28.

5. Круг Э. Общество просьюмеров: тенденции будущего или реальность?/ Э.А.Круг//Вестник МГПУ. Серия Экономика. 2020. №4 (26). С.62-68.

6. Плотицкина Н. Просьюмеризм как политическая практика / Н.В.Плотицкина // Вестник РУДН, серия Социология. 2013. № 3. С.66-79.

7. Савельева Е.Н. Переосмысляя Маркса: к онтологии просьюмеризма/ Е.Н.Савельева// Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 287–289.

8. Тапскотт Д., Уильямс Э. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет всё [Электронный ресурс] http://www.uhlib.ru/delovaja_literatura (дата обращения 10.10.2023)

9. Тоффлер Э. Третья волна. Москва: АСТ: АСТ Москва. 2009. 795 с.

10. Троцук И.В., Давыденкова Е.С. Феномен этического консьюмеризма: специфика социологической интерпретации и особенности современного бытования/ И.В.Троцук, Е.С.Давыденкова // Вестник РУДН. Социология. 2015. № 1. С. 65–81.

11.Хау Дж. Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развтия бизнеса. М.: Альпина Паблишер. 2012. 296 с.

12. Bruns A. Blogs, Wikipedia, Second Life and Beyond: From Production to Produsage. N.Y., 2008.

Social and political prosumer practices in digital society

O. V. Eparkhina

YSPU named K.D.Ushinsky, Yaroslavl, Russia

In digital society we can see neverending process reconstruction of consumer practices, social and political sphere's were transformed too. Some practices of social and political participation change and it make possible to percept political sphere as a consumer sphere, which were prosumered too. The political perception includes new practices of participation, change a traditional agency of political actors. Digital political prosumerism is after-effect of rising new social media and forms of marketing. Political prosumerism now can develop as a making of political mediacontent (civil newsmaking, political blogging, open news), participation in different social and political organizations and moves based on open involving, polyarchy, individual achievements in political networks and community.

Keywords: prosumerism; digitalization; political participation; consumer society; political networks

Политика «цифровой памяти»: либеральные и консервативные инверсии

К. Ф. Завершинский

Санкт–Петербургский государственный университет,
Санкт–Петербург, Россия
zavershinskiy200@mail.ru

Рассматривается влияние цифровизации на динамику идейно-смыслового содержания политической памяти. Идеологические смысловые комплексы являются неотъемлемым компонентом политики памяти при социальном конструировании культурной памяти современных национальных сообществ. Значимую роль в исследовании влияния цифровизации на современные политические коммуникации играет изучение идеологических трансформаций при цифровизации и структурировании профилей легитимации политической памяти (репрезентации образов прошлого и будущего, фигуры героического и преступного, представления о вине и ответственности политиков). Идеологические, неолиберальные инверсии либеральных и консервативных стратегий социального конструирования, стимулированные «цифровой поворотом» в политических коммуникациях, ведут к деконструкции темпорального режима национальной памяти. Используя теоретические и практические экспликации современной культурсоциологии и политической антропологии, автор предлагает новые теоретические подходы к изучению влияния символических практик цифровизации на политико-культурную динамику структур современной политической памяти.

Ключевые слова: цифровизация политической памяти; идеология цифровизации; профиль легитимации политической памяти; темпоральный режим политической памяти; идеологические инверсии либерализма и консерватизма

Введение

Обращение к проблематике исследований идеологических оснований процесса цифровизации, как значимого измерения политики памяти, позволяет более комплексно анализировать и прогнозировать риски качественных изменений, происходящих в динамике симво-

лических структур современных политических коммуникаций. Актуальность обращения к исследованию идейно-смыслового потенциала, возникающего при конструировании «цифровых рамок» социальной памяти, очевидна в реалиях растущей конфликтности политического порядка, радикальной индивидуализации политических коммуникаций, «символической нищеты» (утрата способности к устойчивой идентификации), появления новых закрытых политических пространств, практик политической эксклюзии и тотального тиражирования профанного, «фейкового» знания о политике [18, 19].

Взаимосвязь подобных процессов и экспансии практик цифровизации социальных коммуникаций и памяти все чаще фиксируются исследователями в предметной области «третьей волны» *Memory studies*. В цифровую эпоху, отмечает Алейда Ассман, сопровождающейся интенсивным развитием техники гипервизуализации, возникают все новые образы прошлого. Подобная тенденция носит весьма амбивалентный характер, поскольку мы не знаем «будет ли это стимулировать, усиливать коллективную враждебность и националистический нарциссизм или же сделает процесс переосмысления национального прошлого более всеобъемлющим» [8]. Прошлое интенсивно фрагментируется и нередко «теряется» в условиях радикальной мобильности стратегий цифровизации, оно утрачивает ретроспективную последовательность и определенность, что деформирует процесс коммуникативного понимания и социальной преемственности. Вместо конструктивного «диалога с прошлым», его символического пролонгирования в настоящее и будущее, часто происходит «цифровой арест и захват» прошлого, ведущие к утрате естественной для человеческих сообществ «ностальгии по ушедшему» и поколенческой преемственности в связи с вариативностью представлений о прошлом [14: 1-24]. В зарубежных междисциплинарных исследованиях *Digital memory studies* последнего десятилетия весьма обстоятельно анализируется влияние цифровизации на социальные коммуникации, оформление «транснациональной памяти», специфика сетевых взаимодействий и работы массмедиа на цифровых платформах, цифровизация коммеморативных институтов и архивов.

Актуализация проблематика влияния цифровизации на политические коммуникации с фокусом на исследование специфики «памяти в сети» прослеживается и в отечественных исследованиях социальной памяти и политики памяти, о чем, в частности, свидетельствует появление специализированной коллективной монографии на этот счет [7]. Вместе с тем не подвергая эмпирическую и прикладную значимость

исследования частных коммеморативных практик «цифровой памяти» следует отметить сохраняющийся *разрыв между существующими моделями социальной памяти, политики памяти и политико-культурной спецификой «цифрового поворота»*. Сохраняются и теоретико-методологические лакуны в интерпретации *политико-идеологических оснований «политики цифровизации»*, концентрирующиеся на проблеме «политического использования прошлого» в процессе борьбы политических элит за власть и идеологическую гегемонию. Авторы описывают риски и идеологические противоречия «демократических» и «авторитарных», популистских способов использования цифровых технологий.

Широкое распространение благодаря цифровым технологиям идеологически вариативные популистские символические конструкции, демонстрируют нам не только «временные болезни демократии» или идеологическую манипулятивность, а и о потребности участников массовых коммуникаций в «идеологических константах» политического позиционирования и консолидации. Возникающие под влиянием цифровизации семантические структуры политической памяти, часто приобретают перформативность по отношению к актерам, институтам и организациям, которые их породили и надеялись контролировать. В частности, нарративы консервативного, партикулярного и локального привносят темпоральную упорядоченность, посредством синхронизации поколенческих ожиданий и пространственно локализуют политические события, согласовывая многообразные слои политических ожиданий в политической памяти национальных и цивилизационных сообществ. Оформление же на первый взгляд «прогрессистских», «демократических» нелиберальных политических контр-нарративов может привести к символическому декодированию и делегитимации политического порядка.

Цель и методологические основания исследования

Существуют многообразные, нередко конфликтующие варианты методологических подходов и терминов, используемых при описании специфики коммеморативных практик цифровизации. В своих теоретико-методологических основаниях настоящее исследование строится вокруг таких базовых понятий как *политическая память, профили легитимации национальной памяти, идеологии цифровизации, идеологические инверсии*, используемые для интерпретации процесса цифровизации коллективных представлений в современных политических коммуникациях. В реалиях распада больших идеологических нарративов, сти-

мулируемого цифровизацией, происходит рост автономии символического кодирования отдельных коммуникативных сред и возрастает их эрозия. Снижению влияния ранее существовавших «символически генерализованных медиа» [5:46-48] и оформление «индифферентной культуры» [3] разрушает сопряженность коммуникативных систем и ведет к росту идеологической произвольности, непредсказуемости принимаемых политическими элитами политических решений. Нарастающие коммуникативные конфликты и символическая гибридизация идеологии стимулируют процесс культивирования «неосуществимой политики», продуцированию виртуальных «политических квазиобъектов», ускорению маятника политической инфляции/дефляции коллективных ожиданий в пространстве политической памяти.

Автор не ставит перед собой задачи эмпирического и прикладного политологического анализа специфики вариативных способов цифровых коммемораций в политике, а артикулирует теоретико-методологические приоритеты при анализе становления «цифровой памяти» политических сообществ с акцентом на специфике культурсоциологического и политико-антропологического подхода. Приоритетной методологической стратегией изучения действенности мнемонических продуктов цифровизации является синтез культурсоциологических концепции трактовки специфики современных политических коммуникаций. В рамках этой методологии акцентируется, что символические структуры и нарративные репрезентации культуры следует рассматривать как «независимые» переменные», поскольку они обладают высокой степенью автономии по отношению к социальной реальности. При всей вариативности подобных междисциплинарных методологических стратегий их объединяет онтология интерпретации коммуникативного процесса и воспроизводства социальной памяти как смыслопорождающего процесса, репрезентируемого в символических формах и обладающего высокой степенью автономии, критическое отношение к позитивистской фактологии политической реальности. При подобном подходе современную политическую культуру можно интерпретировать как историческую форму политической памяти (национальная память), а политику памяти и ее цифровые инволюции как символическую политику. Цифровизация социальной памяти не является идеологически нейтральным процессом социально-политической презентации индивидов и социальных общностей, а является специфическим инструментом формирования политической идентичности поколений.

Представленный текст ориентирован ответить на два основных вопроса. *Какую роль играет идеологическая компонента в реализации политики цифровизации и как она влияет на политико-культурную динамику поколенческой преемственности? Как инверсионные идеологические практики цифровизации влияют на режим функционирования и смысловые компоненты профилей летимации современной политической памяти.*

Теоретические рамки исследования

В *Memory studies* трактовка *идеологичности* носит достаточно вариативный характер, стремящейся выйти за рамки когнитивной схемы «истинного знания и идеологической ложности». Большинство исследователей рассматривают идеологию как неизбежную компоненту политико-культурной динамики коллективных представлений, вынося за скобки или сглаживая подобную дихотомию. Чаще всего исследователи анализируют идеологическую составляющую в связи с особенностями «официальной памяти» в тех или иных сообществах и «исторической политикой» политических элит и контрэлит. Исследователи фиксируют часто фиксируют гибридизацию традиционного нарративного ядра идеологий, артикулируют проблему расцвета и негативного влияния популистских идеологий на структуры социальной памяти, возникновение инверсионных образцов политической идентификации разрушающих идеологическую преференциальность в реализации политики памяти. Цифровизация рассматривается как катализатор этого процесса, поскольку дает дополнительный техно-гуманитарный ресурс символической репрезентации праворадикальным и «авторитарным» акторам политической коммеморации. Таким образом, при сравнительном анализе специфики идеологии и нарративов памяти прослеживается амбивалентная, на наш взгляд, трактовка их позиционирования по линии большей степени конвенциональности, транснациональности семантических структур социальной памяти. Исследователи полагают, что именно это качество социальной памяти позволяет «противостоять» диктату деструктивных идеологических дискурсов и выработке «нейтральной», самокритичной «наднациональной» (адекватной глобализации) идеологии, которая сочетается с обязанностью самокритично ограничивать собственную [1]. Нарративы культурной памяти «онтологически индифферентны» по отношению к вопросам истинности/ложности (правды/вымысла, субъективности/объективности). Их коммуникативное предназначение – связывать воедино част-

ные наррации и подвергать критической рефлексии идеологические aberrации о социальной значимости тех или иных событий. Это позволяет им выступать своеобразными «метакодами», поддерживающими и создающими «транскультурные» представления, преодолевающие ограниченность индивидуальных, локальных, групповых идентичностей [15: 4–9, 44, 79].

Представляется, что подобные интерпретации идеологического фактора в практиках коммеморации нуждается в уточнении и более комплексной модели. При исследовании идеологической специфики процессов цифровизации на символические структуры политической памяти, на наш взгляд, важно учитывать «морфологию» ее идеологической составляющей. Представляет интерес в связи с этим «морфология идеологий» М. Фридена, интерпретирующая идеологию как многослойный смысловой комплекс, что позволяет выйти за эпистемологические ограничения трактовки идеологии как репрезентации групповых интересов и практик легитимации политических акторов. Подобная трактовка «идеологии» весьма комплементарна теориям многослойности и действенности нарративов социальной памяти в современной культурсоциологии и антропологии политики. М. Фриден понимает под идеологией процесс выбора смысла, осознанный или нет, имеющий то или иное реальное последствие для общества, который основывается как на рациональных, так и на иррациональных предпочтениях, поддерживаемый эмоциями и сильным чувством приверженности. Именно такие комплексы, на его взгляд, обеспечивают возникновение «твердых» и «окончательных» заявлений по вопросам социальной справедливости. Возникающие при этом символические ресурсы доверия используются политическими акторами для выработки решений по вопросам перспективного вектора развития. При этом, несмотря на существующее в современном мире многообразие «семей идеологий», их фрагментированность и гибридность, в современных коммуникациях продолжает сохраняться «семантические идеологические ядра» либеральных, консервативных и социалистических проектов развития [12]. В контексте этого теоретического моделирования, идеологическая компонента выступит своего рода «семантическим ферментом» *динамической устойчивости* ее слоев, возникающих в процессе оформления идеологической гегемонии. Наличие идеологической составляющей в пластах политической памяти как взаимосвязанного комплекса символов и нарративов, обеспечивает преференциальность той или иной формы солидарного существования индивидов в сложных политиче-

ских сообществах посредством символизации, типизации политических событий в пространстве и времени из настоящего (семантическое программирование политического опыта). Социокультурный анализ динамики идеологических структур национальной памяти, бинарности их символического кодирования посредством дихотомии прогрессивного/консервативного, традиционного/инновационного позволяет прогнозировать перспективы оформления их в относительно стабильные политические нарративы политического традиционирования.

Вторая, принципиальная теоретическая посылка, значимая для выявления идеологической специфики формирования политической памяти в реалиях цифровизации, связана с комплексным анализом структур политического смыслообразования и на этой основе медиативной специфики цифровой наррации. Автор полагает, что это позволяет модель динамики социальной памяти Дж. Олика. Для описания динамики символических структур социальной памяти он вводит понятие профиля легитимации для описания контуров политического смыслообразования [16: 62]. Профили легитимации, являются своего рода динамичным единством пластов политической памяти, включающих образы прошлого, идеологические предпочтения, риторические стили, представления об ответственности, политические характеристики, типологию героического, жанровые особенности дискурсов, моральные и практические цели и процедуры. Понятие профиля нацеливает на описание этих элементов не дискретно, а как динамичную целостность, не редуцируемую к их механической сумме. Идеологическая динамика профилей легитимации весьма репрезентативна в процессе идеологической сакрализации/десакрализации таких идеал-типических концептов, как триумф и травма, героизация и виктимизация, Их можно артикулировать в четырех основных и, производных от них, фигурах символизации, лежащих в основании политической идентичности — герой-триумфатор (*triumphant hero*), трагический «жертвенный» герой (*tragic hero*), жертва (*victim*) и преступник (*perpetrator*) [11].

Чтобы «увидеть» профиль легитимации важно выйти за рамки собственно политического поля и рассматривать его как часть более широкого социокультурного пространства. Обеспечить такое измерение профилей легитимации политической памяти, на наш взгляд, позволяет концепт «временной режим политической памяти», обозначающий, следуя общим интенциям на этот счет А. Ассман, «темпоральную организацию и ориентацию, укорененные в культуре» как основу для возникновения темпоральных когнитивных схем коллективных

взаимодействий ориентируя участников коммуникаций на «настоящее», «прошлое» или «будущее». Специфику временного режима Нового времени, для которого характерно структурирование событий из «настоящего», она характеризует как «время разрыва», «фиктивное новое начало», «творческое разрушение», «возникновение понятия «исторического», «ускорение» [2]. При таком взгляде на процесс меморизации и ее идеологические составляющие важно учитывать специфику их темпоральных проекции, которые определяют и переопределяют содержание символических фигур в профилях легитимации.

Результаты и обсуждение

Исследования идеологических измерений политики памяти в реалиях современной цифровизации хотя вариативны, осциллируя между оптимистическими и эсхатологическими прогнозами влияния цифровизации на структуры коллективных представлений позволяют говорить об устойчивой критической тенденции при обосновании идеологических доминант и их коммуникативных последствий. Отмечается мировоззренческий «космологический» сдвиг в параметрах коллективных представлений, стимулируемый интернет-технологиями, ведущий к амбивалентной идеологической инверсии. Суть этой идеологической инверсии культур-антропологически ориентированные авторы связывают с доминированием глобалистских дискурсов «западничества» («occidentalism») (Дж.Фридман) [13] и «коммуникативного капитализма» (Дж.Дин) [9, 10].

Исследователи отмечают «лукавство» нелиберального дискурса по поводу того, что Интернет содействует развитию демократии и публичного диалога. Скорее можно наблюдать «фрагментацию и поляризацию», снижение символической эффективности установок на социальное равенство и справедливость, отсутствие общего смысла и многочисленные «информационные пузыри». Социалистически ориентированный академический дискурс причину этого видит в экспансии элитарных либеральных идеологий и практик, размывающих «левое движение» и усиливающие символическую активность праворадикальной политики памяти. «Коммуникативный капитализм», которому цифровизация придала дополнительный импульс, обесмысливает понятие демократии, политической солидарности, культивирует дискурсы виктимизации. Ответственность за подобные процессы возлагается на утверждение «модернистской идентичности», основанной на непрерывном изменении, когда субъект инвестирует себя в новые

идентификации, понимаемые с точки зрения индивидуалистического саморазвития. Неспособность реализовать такое саморазвитие приводит к кризису идентификации, который стимулирует возврат к консервативным формам традиционализма и интеллектуальному цинизму постмодернизма, «клиническому» аффективному «нарциссизму». Цифровизация фрагментирует, разлагает представления о прошлом, лишает прошлое ретроспективной последовательности, стабильность, а значит погружает политическое настоящее в темпоральную неопределенность. Это разрушает механизмы социально-политической преемственности, поскольку новые поколения оккупируются опасными для устойчивости коммуникаций «призраками», не позволяющими адекватно видеть специфику восприятия и действия ушедших людей [14].

Это связано с тем, что цифровые коммуникационные технологии, связанные с идеологией «непрерывного прогресса», порождающего все новые формы контроля за коммуникациями, что ведет к упадку общественно-политического воображения, отменяя «будущее». Вместо прогнозирования будущего люди получают «потребительские гаджеты» и «экзоскелеты памяти» [17]. Такая идеология прогресса маскирует отсутствие перспективы позитивного будущего и содействует реактуализации радикальных консервативных дискурсов («реинкарнация Средневековья»). Культура прошлого встроена в социокультурную «после будущего», подчеркивая важнейший аспект формирования культуры прошлого, в то время, когда (повторное) утверждение позитивного настоящего воспринимается все более утопичным. Острая социальная неспособность и консюмеристское нежелание активно участвовать в процессе соединения «прошлого» с идеей будущего. Это отличает нынешний режим памяти от того, который существовал XIX и особенно XX века, когда возникали позитивные утопии будущего.

Неолиберальные деконструкции режимов времени, их цифровые аудиовизуализации горизонтов политической памяти ведет и к пересмотру структур профилей политической легитимации, столкновению «наследия Просвещения и неолиберальной современности». Многообразие различий в понимании прошлого ведет к тому, современность поколений асинхронизируется не только во времени, но и в пространстве, так как исчезает стабильность значимости восприятия настоящего, а значит и степень адаптации к политической действительности. Это порождает диктат «кратковременной памяти» и своего рода политическую «инфальтильность», проявляющееся в бегстве как от позитивных, так и негативных проективных ожиданий. В рамках такой нестабильности

временного режима политической памяти символические фигуры героического и жертвенного, подвергаясь экспансии радикальных идеологических популистских нарративов, ведут к идеологической инверсии сакральных фигур профилей национальной идентичности, размывают символические границы между героической жертвенностью противостоящей хаосу насилия и виктимизацией, ведущей к героизации преступного насилия.

Выводы

Таким образом, на теоретико-методологической основе культур-социологических и политико-антропологических концепций политической памяти и практик символической коммеморации политических событий, политику цифровизации можно интерпретировать как способ символической синхронизации/асинхронизации темпоральных режимов и символических структур профилей легитимации современной политической памяти. Подобная исследовательская опция позволяет более обоснованно исследовать место и роль идеологических компонентов политической памяти и выявить роль и специфику идеологических инверсий, возникающих в процессе цифровизации. Цифровизация социальной памяти не является идеологически нейтральным процессом символизации политической действительности, а реализуется посредством коммуникативных практик формирования политической идентичности и ресурсом политики памяти. При исследовании идеологической специфики процессов цифровизации на символические структуры политической памяти важно учитывать «морфологию» ее идеологической составляющей. Идеологические нарративы всегда реализуются не только посредством целерациональных или ценностно-рациональных дискурсов, а и мифических, чувственно-образных репрезентаций.

Гибридизация традиционного нарративного ядра идеологий, артикулируют проблему расцвета и негативного влияния популистских идеологий на структуры политической памяти, возникновения инверсионных образцов политической идентификации разрушающих идеологическую преференциальность в реализации политики памяти. Цифровизация выступает как символический катализатор этого процесса, поскольку дает дополнительный техно-гуманитарный ресурс символической репрезентации. В контексте этого теоретического моделирования, идеологическая компонента диверсифицирована в многослойном пространстве политической памяти (не редуцируясь к доктринальным дискурсам политических акторов или ценностным обоснованиям), вы-

ступаая своего рода *«семантическим ферментом»* динамической устойчивости ее слоев, возникающим в процессе оформления идеологической гегемонии.

Социокультурный анализ динамики идеологических структур национальной памяти, бинарности их символического кодирования посредством дихотомии прогрессивного/консервативного, традиционного/инновационного позволяет прогнозировать перспективы оформления их в относительно стабильные политические нарративы политического традиционирования. Автор текста разделяет посылки тех исследователей специфики политики цифровизации, которые полагают, что на данном этапе эволюции социальных коммуникаций современные цифровые коммуникационные технологии, связанные с распространением нелиберальной идеологией «непрерывного прогресса», порождают все новые формы контроля за коммуникациями, что ведет к упадку общественно-политического воображения и деконструкции существующих темпоральных режимов и профилей легитимации политической памяти сообществ. Такая идеология «прогресса», основанная на «патологическом индивидуализме» маскирует отсутствие перспективы позитивного будущего содействует реактуализации радикальных консервативных и левых дискурсов в соединения «прошлого» с идеями будущего. Цифровое «многообразие» различий в понимании прошлого и настоящего ведет к тому, современные поколения асинхронизируются во времени и пространстве, так как исчезает стабильность значимости восприятия настоящего и адаптации политических акторов к изменчивой политической действительности. Преодоление подобных кризисных явлений видится в утверждении идеологических смыслов и профилей легитимации политической памяти, ориентирующих на такую политическую солидарность, которая обеспечивает коммуникативную комплементарность универсального и партикулярного в политике.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309, <https://rscf.ru/project/24-28-01309/>

Список источников

1. Алейда А. Европейская мечта: четыре урока истории. Переизобретение нации. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 512 с.

2. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.

3. Бодрийар Ж. Насилие глобализации // Логос, 2003, № 1(36). С. 20–23.
4. Завершинский К.Ф. «Патриотизм элит» как дискурсивное измерение символических структур национальной памяти // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 2. С. 77–96.
5. Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006. 317 с.
6. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И.Ефременко Д. В. М.-СПб: НесторИстория, 2018. 224 с.
7. Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: Сб. статей / Под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. 352 с.
8. Assmann A. Transnational Memory and the Construction of History through Mass Media // Memory unbound: Tracing the Dynamics of Memory Studies. New York: Berghahn Books, 2017. 293p.
9. Dean J. Critique or Collectivity? Communicative Capitalism and the Subject of Politics // Digital objects, digital subjects: interdisciplinary perspectives on capitalism, labour and politics in the age of Big Data / Ed. by D. Chandler, Ch. Fuchs. L.: University of Westminster Press. 2019. 242 p.
10. Dean J. Preface // Affective Politics of Digital Media: Propaganda by Other Means. Routledge Edited by Megan Boler and Elizabeth Davis. NY, L.: Routledge 2021, viii – xi.
11. Giesen B. Triumph and trauma. Boulder CO: Paradigm Publishers, 2004. 208 p.
12. Freedon M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. – NJ: Clarendon Press, 1998. 592 p.
13. Friedman J. PC Worlds: Political Correctness and Rising Elites at the End of Hegemony New York: Berghahn Books, 2019. 348 p.
14. Hoskins A. The restless past: an introduction to digital memory and media // Digital memory studies: media pasts in transition / edited by Andrew Hoskins. New York: Routledge, 2017. PP. 1-24.
15. Koschorke A. Fact and fiction: elements of a general theory of narrative. Berlin: De Gruyter. 2018. 358 p. 79
16. Olick J.K. The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2016, vii+517 p.

17. Pogačar M. Digital connectivity and dispotentiated futures // Digital memory studies: media pasts in transition / edited by Andrew Hoskins. Description: New York: Routledge, 2017. PP.27-47.

18. Stiegler B. Symbolic Misery: Volume 1: The Hyperindustrial Epoch Translated by Barnaby Norman Cambridge Polity Press, 2014, viii+ 118 p.

19. Stiegler B. The Age of Disruption Technology and Madness in Computational Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2019, viii+ 418 p.

20. Zavershinskiy K.F., Koryushkin A.I. Political Socialization in a Changing Society: A Crisis of Value Orientations or Asynchronization of National Memories? // Changing Societies & Personalities, Vol. 6, № 1, 2022. P.35-55.

Digital memory politics: liberal and conservative inversions

Zavershinsky K. F.

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

This paper considers the influence of digitalization on the ideological and semantic content of political memory. Ideological semantic complexes are integral components in the social construction of the national memory. A significant role in studying the influence of digitalization on political communications is played by the analysis of ideological transformations during digitalization and the structuring of the legitimation profiles of political memory. Stimulated by the “digital turn” in political communications, ideological neoliberal inversions of liberal and conservative strategies of social construction lead to the deconstruction of the temporal framework of national memory. Using theoretical and empirical conceptualizations of cultural sociology and political anthropology, this paper proposes new theoretical approaches to studying the influence of symbolic practices of digitalization on the political and cultural dynamics of political memory.

Keywords: digitalization of political memory; ideology of digitalization; legitimation profile of political memory; temporal regime of political memory; ideological inversions of liberalism and conservatism

Политические последствия цифровизации парламентов: что показал зарубежный опыт?

О. И. Зазнаев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Oleg.Zaznaev@kpfu.ru

В статье автор ставит исследовательскую проблему политических последствий цифровизации парламентов мира: каким образом цифровизация меняет предназначение, роль и функции парламентов? Для решения этой проблемы в статье дается краткая характеристика процесса цифровизации зарубежных парламентов, отмечаются сильные и слабые ее стороны. Автор выделяет новые цифровые формы участия граждан в деятельности парламента и их коммуникации с депутатами и парламентом: цифровые средства обеспечения открытости парламента; цифровые формы парламентской коммуникации; социальные сети; обращение с электронными петициями в парламента; участие граждан в законодательной деятельности парламента; каналы прямой связи депутатов с избирателями через цифровые платформы. В статье сделаны выводы о политических последствиях цифровизации парламентов: уменьшается значимость парламента как дискуссионной трибуны для выражения общественного мнения; «размывается» традиционный механизм представительности парламента; постепенно исчезает монопольное право оппозиции на критику правительства и происходит частичная передача функций контроля от парламента и оппозиции к гражданам; меняется характер связи депутата со своими избирателями – от традиционно-бюрократических форм к современным электронным формам коммуникации.

Ключевые слова: парламента; цифровизация парламента; открытость парламента; электронная демократия; цифровые формы политического участия; цифровая коммуникация

Введение

Цифровизация – процесс, в который стали активно вовлекаться в последние годы парламента стран мира. Сегодня они переживают этап внедрения информационно-коммуникационных технологий

(ИКТ) в парламентскую деятельность и активного их использования. Хотя темпы и масштабы цифровизации парламентов сильно различаются в мире, все же можно констатировать, что важность цифровой стратегии признается всеми или почти всеми законодательными собраниями. Как ярко выразились одни авторы, сегодня необходимо превратить парламент «из старой величественной дамы в модную даму, держащую руку на пульсе общества» [5, р. 160].

Ускорению цифровизации легислатур способствовала пандемия ковид-19: парламенты были вынуждены переводить свои заседания в онлайн режим, сотрудникам разрешили работать удаленно, данные и приложения размещались в облаке, депутаты стали активнее использовать виртуальные контакты с избирателями. Как справедливо отмечается экспертами, «пандемия стала катализатором новых и преобразующих цифровых практик», и по мере того, как парламенты возвращаются к более привычным и менее обусловленным кризисом способам работы, многие из них не оказываются от цифровых новаций из-за своего опыта в период пандемии ковид-19 [28]. С другой стороны, пандемия выявила проблемы, в частности, парламентам не хватает ресурсов для финансирования новых методов работы и инвестиций в сложные цифровые платформы и услуги [28].

Цифровые инструменты теперь глубоко внедряются в структуру парламентов и их деятельность – законодательную, представительную, контрольную, информационно-коммуникационную, связи с общественностью. Сегодня в парламентах не только применяют новое оборудование, новые программные продукты и новые ИКТ, включая искусственный интеллект (ИИ), но и организуют обучение передовым цифровым навыкам депутатов и сотрудников аппарата парламента, а также привлекают специалистов по ИКТ для решения повседневных и стратегических задач законодательного собрания.

Цифровизация парламентов

Расхожим мнением является суждение о том, что парламенты консервативны по своей природе и неохотно внедряют инновации, в том числе цифровые. Так, один из авторов утверждает, что «традиционно парламенты не рассматриваются в качестве лидеров в области применения информационных технологий. По мнению специалистов, они серьезно запаздывают с внедрением новых технологий и применяют их достаточно хаотично и неохотно..., очень инертны в отношении любых изменений...» [1, с. 94]. Отчасти с таким мнением можно согласить-

ся, если обратить взор к парламентам, которые существенно отстают от лидеров-новаторов: «отстающие» законодательные собрания ограничиваются минимальными цифровыми инструментами – электронной почтой, электронным внутренним документооборотом и минималистским веб-сайтом, не предполагающим обратную связь с гражданами.

Вместе с тем, в мире немало парламентов, которые более активно внедряют цифровые средства, в том числе в сфере цифрового взаимодействия с гражданами (парламенты Австрии, Бразилии, Греции, Литвы, Чили, Эстонии и др.). Самые передовые парламенты экспериментируют с ИИ. Европейский парламент применяет его в своем архиве, сенат Италии – при классификации законов, палата представителей Конгресса США – при сравнении законопроектов, палата представителей Нидерландов – для автоматической отчетности, парламент Японии – при цифровом анализе СМИ, парламент ЮАР – для чат-бота депутатов [8]. В «комитете будущего» Эдускунты Финляндии с использованием ИИ были организованы парламентские слушания по вопросам повестки дня ООН на период до 2030 года [8]. В 2020 году только 10% парламентов использовали ИИ; лишь 6% использовали тот или иной уровень функциональности ИИ для подготовки законопроектов, и еще меньше — для другой парламентской деятельности [27].

Несмотря на понимание значимости цифровизации парламентов, следует отметить ее значительное отставание от цифровизации исполнительной власти. Так, экспертами отмечается, что правительственные технологии – *Government Technology (GovTech)* – это широко используемый и прижившийся термин, а термин «парламентские технологии» – *Parliamentary Technology (ParlTech)* – только еще складывается, и вокруг него идет дискуссия [9, p. 105; 4; 15].

Вместе с тем некоторые авторы подчеркивают, что «парламенты проявили особый интерес к технологическим и ИТ-инновациям по нескольким причинам» [9, p. 106]. Депутаты всегда стремились к новациям в своей работе для того, чтобы эффективно работать в избирательном округе или в парламенте, а потому они приветствуют новые цифровые инструменты работы. Парламент озадачен своей конкурентоспособностью по сравнению с правительством, которое имеет больше ресурсов, чем парламент. Что касается внутренней конкуренции между фракциями парламента, то она стимул для партий использовать новые технологии. Традиционно парламенты активно обмениваются между собой информацией, и в этой сфере им могут помочь ИКТ. Наконец, еще одна причина внедрения ИКТ в парламентах связана с открытостью и про-

зрачностью парламента: новые технологии позволяют ее повысить [9, p. 106].

В последние годы парламенты мира модернизируют свою деятельность, внедряя цифровые инструменты. Делают они это исходя из тактических соображений, например, в условиях пандемии ковид-19, либо стратегических целей, разрабатывая долгосрочные программы открытости и цифровизации. Так, например, в Ирландии с 2016 года парламентом реализуется крупная стратегическая программа цифровой трансформации. Целью Стратегии является создание открытого и доступного для всех парламента, преобразованного с помощью интуитивно понятных, совместных и интегрированных цифровых решений. Цифровая трансформация включает в себя 7 программ с более чем 100 проектами до 2027 года, которые позволят внедрить цифровую культуру во всех областях Эряхгаса Ирландии, фундаментально изменив методы работы и принося пользу членам, сотрудникам и гражданам [7, p. 303].

Как справедливо отмечено в литературе, «цифровая трансформация парламента никогда не была прогулкой по парку» [21]. Парламенты предпринимают большие усилия в этом направлении. Они меняют внутренние процедуры и реструктурируют административные подразделения, чтобы облегчить внедрение новых инструментов и услуг – этот процесс называется «реинжиниринг бизнес-процессов» (*business process re-engineering*) [18].

Новые цифровые формы участия граждан в деятельности парламента и их коммуникации с депутатами и парламентом

1. Обеспечение открытости парламента, в том числе с помощью цифровых средств. В последнее время граждане становятся все более требовательными, когда дело доходит до их участия в принятии политических и управленческих решений. Они требуют, чтобы их голос был услышан лицами, принимающими решения, чтобы их индивидуальные ситуации были приняты во внимание, а политические решения были прозрачными [24, p. 253]. «Вынужденное повышение прозрачности» парламента [16] изменило традиционные правила и процедуры: законодательные собрания поменяли свои регламенты, расширив общественное наблюдение за их работой.

Так, парламент Мальты один из первых перешел от аналоговых технологий к цифровым – в 2003 году, когда все пленарные заседания и заседания комитетов начали транслироваться онлайн в прямом

эфире, либо их можно посмотреть по запросу через веб-сайт парламента. С переездом в новое помещение в 2015 году эта услуга была дополнена потоковым видео и продолжала предлагаться в прямом эфире и по запросу не только через веб-сайт, но и с 2015 года через телеканал «Парламент ТВ» [11, р.361-362.]. Благодаря сотрудничеству с Университетом Мальты недавно были запущены два приложения, призванные повысить доступность парламента для широкой общественности – приложение *parl.eu2017.mt*, которое предоставляет доступ к парламентским заседаниям, связанным с председательством Мальты в Совете ЕС, и приложение *PQViz*, которое дает инструмент визуализации для работы, связанной с парламентскими вопросами [11, р. 361–362.].

В Литве первые усилия по цифровизации начались в 2008 году, когда Сейм принял закон об Информационной системе правовых актов, целью которой является повышение открытости, прозрачности, эффективности и качества законодательного процесса путем перевода его в электронное пространство. Более конкретные цели призваны создать централизованную, всеобъемлющую, надежную и безопасную систему, охватывающую все этапы законодательного процесса – от подачи законодательной инициативы и до окончательного утверждения законопроекта [10, р. 340].

В Эстонии граждане могут следить за пленарными заседаниями парламента в прямом эфире через Интернет, а все стенограммы заседаний можно прочитать на сайте парламента (записи доступны в цифровом архиве с 1990 года, видеозаписи на *YouTube* с 2014 года). С 2020 года пленарные заседания автоматически расшифровываются роботом, а затем редактируются людьми. Комитеты публикуют на веб-странице свои протоколы, а не полные записи своих заседаний [13, р. 229].

Веб-страница Палаты депутатов Бразилии [6] предоставляет обширную информацию о парламентской деятельности, включая присутствие депутатов на заседаниях комитетов и пленарных заседаниях, их выступлениях, предложениях, мнениях и голосовании, явки и пропуски депутатов, а также расходы их офисов. Сайт также предлагает информацию и инструменты для отслеживания предложений, представленных на рассмотрение, а также данные об администрации Палаты – персонале, их зарплате, бюджетных расходах на администрацию и т. д. Граждане имеют доступ к нескольким каналам на веб-странице и в социальных сетях Палаты [23, р. 619].

2. Цифровые формы парламентской коммуникации. Сегодня значительная часть персонала аппарата парламента задействована

в службе коммуникации и информации. Эти услуги существенно выросли в последние годы, что коррелирует с общими тенденциями в сфере общественных коммуникаций и растущим общественным интересом к парламенту как политическому институту.

Например, служба по работе с гражданами аппарата парламента Австрии обрабатывает около 8000 запросов в год, включая индивидуальные жалобы и вопросы по законодательной работе. В среднем 70% запросов касаются фактической информации о политической системе и законодательной деятельности, а более 25% – выражения суждений по конкретным вопросам, а также мнений о политиках и государственных институтах [14, р. 147].

Одно из направлений цифрового развития парламента Литвы называется «Электронные услуги». В настоящее время существует пять цифровых способов взаимодействия граждан с парламентом и его администрацией: электронное письмо, на которое отвечает отдел обслуживания клиентов или передает его в другие инстанции; законодательное предложение, внесенное отдельными гражданами или группами, которое регистрируется на сайте парламента; обращение в электронном формате через интерфейс «Электронное обращение»; подача документа в парламент через интерфейс электронного документа; заказ документа из архивов [10, р. 341].

3. Социальные сети. Практически каждый зарубежный парламент имеет сегодня свои аккаунты в социальных сетях. Аккаунты ведут также депутаты. Далеко не всегда даже продвинутые в цифровом отношении парламента делают это качественно. Так, например, по мнению экспертов, профили Сейма Латвии в социальных сетях в основном состоят из одностороннего коммуникационного контента с целью повышения осведомленности о парламенте и его законодательной работе, объявлений и продвижения деятельности парламента. Утверждается, что эта информация не всегда легко доступна для людей с ограниченными знаниями о процессах принятия парламентских решений. Эксперты охарактеризовали сайт Сейма как очень сложный для рядового человека [12, р.54]

4. Обращение с электронными петициями в парламент. Латвия входит в число стран, где не менее 10000 граждан могут подать коллективные законодательные инициативы непосредственно в парламент. Этот процесс регулируется Регламентом Сейма. В правилах не указана форма (цифровая или бумажная) или электронная платформа, с помощью которой можно подавать инициативы, что потенциально открыва-

ет множество возможностей для разных платформ. В настоящее время ниша заполнена одной платформой – *MyVoice* [17], которая была создана НПО «Фонд гражданского участия» в 2011 году – в том же году, когда было введено право напрямую обращаться с петициями в парламент. Платформа работает независимо от парламента и не финансируется и не управляется ни парламентом, ни правительством. С 2001 по 2021 год в парламент было подано 50 гражданских инициатив, 27 из них были приняты Сеймом [3, р. 327]. «Хотя политические достижения *MyVoice* кажутся впечатляющими, депутаты не несут никаких юридических обязательств по изменению законодательства в ответ на законодательные инициативы граждан», – отмечают авторы одной монографии [3, р. 327]. Фактически, несколько популярных гражданских инициатив, бросивших вызов действиям правящей коалиции, не привели к каким-либо изменениям или действиям парламента. Инициативы иногда застревали в Сейме. В конце 2020 года насчитывалось 29 инициатив (начиная с 2015 года) [3, р. 327], ожидающих решения парламента. Популярность коллективных инициатив в Латвии объясняется относительно низким порогом в 10000 подписей, что значительно ниже порога в 150000 подписей (одна десятая часть избирателей), необходимых для инициирования референдума. [3, р. 327]. «Благодаря *ManaBalss*, Латвия возглавила усилия Европы по изменению формы политического участия в Интернете», – написала газета *The New York Times* [17].

В Эстонии существует два онлайн-портала – *Rahvaalgatus.ee* [22] и *Petitsioon.ee* [20], целью которых является подача Интернет-петиций. По закону Рийгикогу обязан их обсудить, если под обращением имеется более 1000 проверенных подписей. В настоящее время петиции обычно подаются через *Rahvaalgatus.ee* и обсуждаются в парламентских комиссиях [13, р. 229]. На портале *Petitsioon.ee* говорится: «Не будьте зрителем! Есть вещи, которые кажутся несправедливыми. Но воли отдельного человека зачастую недостаточно, чтобы изменить ситуацию. А если тысячи единомышленников тоже поддержат план своими подписями?» [20].

Сегодня расширяется число стран, прибегающих к электронным петициям. Так, недавно появился специальный сайт парламента Люксембурга для петиций [25], который облегчает доступ граждан к этому инструменту прямой демократии. В Греции существует структурированный процесс подачи петиций, согласно которому граждане могут довести любой вопрос до сведения парламента.

5. Участие граждан в законодательной деятельности парламента: внесение законодательных предложений граждан на сайт парламента; внесение законопроектов в легислатуру N-м числом избирателей; процедура общественных консультаций по законопроектам; комментарии граждан по законодательным вопросам на сайте парламента.

Интересен опыт аппарата парламента Австрии, который выступает в качестве поставщика услуг для федеральных министерств, поскольку вся процедура общественных консультаций по законопроектам публикуется на веб-сайте парламента. С 2021 года заявления также можно подавать во время парламентских слушаний. С 2015 по 2020 год австрийский парламент предлагал возможность краудсорсинга законодательства [14, р. 147]

В Бельгии в соответствии с Федеральным законодательным актом от 2 мая 2019 года был запущен новый веб-сайт для обращения с петициями в Палату представителей, который позволяет гражданам при определенных условиях быть официально приглашенными Палатой представителей на слушания по теме их петиции [5, р. 159].

В конце 2021 года правительство Латвии запустило *The TAP portal* [19] – систему электронного правительства, способствующую развитию цифрового законодательства. Портал обеспечивает ход заседаний Кабинета Министров и позволяет каждому гражданину Латвии следить за ходом принятия решений Правительством и выражать мнение о разрабатываемых Правительством нормативных актах. «Портал *TAP* создан для того, чтобы не повторять ситуацию, когда решения Правительства принимаются за закрытыми дверями, и дать возможность общественности в полной мере следить за разработкой нормативных актов...», – говорится в одной аналитической справке ОЭСР [19]. Портал позволяет общественности вносить законопроекты. Поскольку портал создан недавно, не ясно, как на самом деле будут развиваться электронные консультации и какова будет будущая роль портала в парламентской работе.

6. Каналы прямой связи депутатов с избирателями через цифровые платформы. Сюда можно отнести виртуальные приемные депутатов, прямые обращения граждан к депутатам посредством электронных средств коммуникации, а также общение депутата с избирателями с помощью социальных сетей.

Завершая обзор цифровых форм участия граждан в деятельности парламента и их коммуникации с депутатами и парламентом, можно привести цитату из одной монографии: «ИКТ должны быть средствами,

помогающими парламентам стать частью общества на основе справедливой, прозрачной и инклюзивной информации, способной укреплять демократический процесс и продвигать электронную демократию» [9, p. 110].

Выводы

Внедрение новых цифровых форм участия граждан в работе парламента и новых форм цифровой коммуникации между парламентом и гражданами ведет к изменению предназначения, роли и функций парламента как политического института.

Во-первых, как хорошо известно, парламента является публичной трибуной, ареной для политической дискуссии [2, с. 40–41], местом, где в политической борьбе обсуждаются и принимаются важные политические решения. В связи с развитием новых цифровых форм участия граждан в политике и развитием социальных сетей *уменьшается значимость парламента как дискуссионной площадки и публичной трибуны* для выражения общественного мнения. Воля избирателей может быть донесена до центров принятия решений через электронные петиции, законодательные предложения граждан, общественные консультации по законопроектам, виртуальные обсуждения проектов законов, а также разные формы прямой и обратной связи избирателей с депутатами (социальные сети, виртуальные приемные и др.). Постепенно «растворяется» также монопольное право парламента формировать повестку дня и определять стратегические приоритеты через традиционные способы, такие как пленарное заседание, заседание комитетов парламента, время вопросов оппозиции к правительству, парламентские слушания и др. Сегодня эти функции законодательного собрания частично реализуются гражданами с помощью новых электронных форм участия граждан в политике.

Во-вторых, происходит постепенное *«размывание» традиционного механизма представительности парламента* в связи с появлением прямых форм электронной демократии и возможности граждан участвовать в деятельности законодательного собрания с помощью электронных петиций, электронных коллективных инициатив граждан, виртуальном обсуждении законопроектов, проходящих через парламента, реакций избирателей на парламентские инициативы. Депутаты парламента сегодня вынуждены прислушиваться к мнению граждан, выраженному часто в виртуальной форме, а не говорить «от имени народа», делая акцент на том, что они представляют своих избирателей

и хорошо знают их нужды. Сегодня в ряде стран создаются механизмы, не позволяющие депутатам игнорировать мнение граждан, в том числе выраженное с помощью виртуальных средств. Поэтому «последнее слово» нередко имеют граждане, а не парламент, что также ослабляет его представительную функцию.

В-третьих, развитие социальных сетей и новых медиа привело к тому, что *монопольное право оппозиции, которая использует для этого парламентскую трибуну, выступать единственным критиком правительства постепенно исчезает*: сегодня граждане могут высказывать свои критические замечания в адрес власти в социальных сетях и при подаче электронных петиций, жалоб, запросов и т. п. *Функция контроля над правительством также частично передается от парламента и оппозиции к гражданам.*

В-четвертых, происходит изменение *характера связи депутата со своими избирателями – от традиционно-бюрократических форм к современным электронным формам коммуникации*. Сегодня такие формы взаимодействия как встреча депутата с избирателями, прием избирателей депутатом, наказания, отчеты депутатов перед избирателями дополняются цифровыми инструментами.

Мировой опыт цифровизации парламентов разнообразен. Сделанные выше выводы не претендуют на всеобщий характер, а отражают лишь новейшие тенденции политического развития парламентов мира в условиях глобальных цифровых вызовов. Станут ли эти тенденции универсальными, покажет время.

Список источников

1. Васильева Т.А. Внедрение информационных технологий в парламентскую деятельность // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 9 (97). – С 93–101.
2. Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Формы правления и этнические конфликты: монография. – Казань: Логос-Пресс, 2022. – 232 с.
3. Auers D., Valtensbergs V. Latvia's Parliamentary Administration // The Routledge Handbook of Parliamentary Administrations / ed. by T. Christiansen, E. Griglio, N. Lupo. – London, NY: Routledge, 2023. – P. 320–330.
4. Bar-Siman-Tov I., Rozenberg O., Benoît C., Waismel-Manor I. and Levanon A. Measuring Legislative Activity during the COVID-19 Pandemic: Introducing the ParlAct and ParlTech Indexes // International Journal of Parliamentary Studies. – 2021. – Vol. 1. – № 1. – P. 109–126.

5. Caboor P.D.G., Popelier P. Belgium's Parliamentary Administration // *The Routledge Handbook of Parliamentary Administrations* / ed. by T. Christiansen, E. Griglio, N. Lupo. – London, NY: Routledge, 2023. – P. 152–162.

6. Câmara dos Deputados (Палата депутатов Бразилии). URL: <https://www.camara.leg.br> (дата обращения 17.03.2024).

7. English M., Murphy T. Ireland's Parliamentary Administration // *The Routledge Handbook of Parliamentary Administrations* / ed. by T. Christiansen, E. Griglio, N. Lupo. – London, NY: Routledge, 2023. – P. 291–305.

8. Fields of Application for Artificial Intelligence in Parliaments. Research Workshop – AI in Parliaments Zepelin University, Friedrichshafen, 03.07.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zu.de/institute/togi/assets/pdf/ai-parliament-2023/JvL-FF-230703-PRE-AI-in-Parliaments-Results-2023-EN-V4.pdf> (дата обращения 17.03.2024).

9. Fitsilis F., Costa O. Parliamentary Administration Facing the Digital Challenge // *The Routledge Handbook of Parliamentary Administrations* / ed. by T. Christiansen, E. Griglio, N. Lupo. – London, NY: Routledge, 2023. – P. 105–120.

10. Gelbūda M. Lithuania's Parliamentary Administration // *The Routledge Handbook of Parliamentary Administrations* / ed. by T. Christiansen, E. Griglio, N. Lupo. – London, NY: Routledge, 2023. – P. 331–343.

11. Harwood M. Malta's Parliamentary Administration // *The Routledge Handbook of Parliamentary Administrations* / ed. by T. Christiansen, E. Griglio, N. Lupo. – London, NY: Routledge, 2023. – P. 355–364.

12. Introducing Digital Advocacy Tool for Civil Society Organisations in Latvia: Pilot study 2021. URL: <https://manabalss.lv/system/cso-advocacy-tool-eng.pdf> (дата обращения 17.03.2024).

13. Kalev L., Lumi O., Saarts T. Estonia's Parliamentary Administration // *The Routledge Handbook of Parliamentary Administrations* / ed. by T. Christiansen, E. Griglio, N. Lupo. – London, NY: Routledge, 2023. – P. 222–232.

14. Konrath C., Pollak J., Slominski P. Austria's Parliamentary Administration // *The Routledge Handbook of Parliamentary Administrations* / ed. by T. Christiansen, E. Griglio, N. Lupo. – London, NY: Routledge, 2023. – P. 139–151.

15. Koryzis D., Dalas A., Spiliotopoulos D., Fitsilis F. ParlTech: Transformation Framework for the Digital Parliament // *Big Data and Cognitive Computing*. – 2021. – Vol. 5. – № 1. – P. 15–31.

16. Lupo N., Fasone C. Transparency vs. Informality in Legislative Committees. Comparing the US House of Representatives, the Italian Chamber of Deputies and the European Parliament // *The Journal of Legislative Studies*. – 2015. – Vol. 21. – № 3. – P. 342–359.

17. Manabalss.lv (платформа общественных инициатив Латвии). URL: <https://manabalss.lv> (дата обращения 17.03.2024).

18. McAdam R. and Donaghy J. Business Process Re-Engineering in the Public Sector: A Study of Staff Perceptions and Critical Success Factors // *Business Process Management Journal*. – 1999. – Vol. 5. – № 1. – P. 33–52.

19. OECD. TAP Portal – Development of legislation: From documents to data. URL: <https://oecd-opsi.org/innovations/tap-portal-development-of-legislation-from-documents-to-data/> (дата обращения 17.03.2024).

20. Petitsioon.ee (подача петиций в Эстонии). URL: <https://petitsioon.ee/> (дата обращения 17.03.2024).

21. Philippidou S., Karageorgiou M., Tarantilis C., Soderquist E., Prastacos G. Meeting the Challenge of Technology-Driven Change within an Institutional Context: the Greek Case // *Public Administration*. – 2008. – Vol. 86. – № 2. – P. 429–442.

22. Rahvaalgatus.ee (платформа, предназначенная для проведения обсуждения и составления коллективных обращений в Рийгикогу Эстонии). URL: <https://rahvaalgatus.ee> (дата обращения 17.03.2024).

23. Santos F., Vieira F.S. Brazil's Parliamentary Administration // *The Routledge Handbook of Parliamentary Administrations* / ed. by T. Christiansen, E. Griglio, N. Lupo. – London, NY: Routledge, 2023. – P. 611–623.

24. Tacea A. France's Parliamentary Administration // *The Routledge Handbook of Parliamentary Administrations* / ed. by T. Christiansen, E. Griglio, N. Lupo. – London, NY: Routledge, 2023. – P. 243–254.

25. The petition website of the Parliament (сайт петиций Люксембургского парламента). URL: <https://www.petitiounen.lu/> (дата обращения 17.03.2024).

26. The TAP portal (Латвия). URL: <https://tapportals.mk.gov.lv/> (дата обращения 17.03.2024).

27. World e-Parliament Report 2020. Inter-Parliamentary Union. URL: <https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2021-07/world-e-parliament-report-2020> (дата обращения 17.03.2024).

28. World e-Parliament Report 2022. Parliaments after the pandemic. Inter-Parliamentary Union. URL: <https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2022-11/world-e-parliament-report-2022> (дата обращения 17.03.2024).

Political consequences of digitalisation of parliaments: what has been showed by foreign experience?

O. I. Zaznaev

Kazan (Volga-Region) Federal University, Kazan, Russia

In the article, the author poses a research problem of the political consequences of the digitalisation of parliaments around the world: how does digitalisation change the purpose, role, and functions of parliaments? To solve this problem, the article provides a brief description of the process of digitalisation of foreign parliaments, highlighting its strengths and weaknesses. The author highlights new digital forms of citizen participation in the activities of parliament and their communication with deputies and parliament: digital means of ensuring the openness of parliament; digital forms of parliamentary communication; social media; submission of electronic petitions to parliament; participation of citizens in the legislative activities of parliament; channels for direct communication between deputies and voters through digital platforms. The article draws conclusions about the political consequences of the digitalisation of parliaments: the importance of parliament as a discussion platform for the expression of public opinion is decreasing; the traditional mechanism of parliamentary representation is being “eroded”; the monopoly right of the opposition to criticize the government is gradually disappearing and control functions are being partially transferred from parliament and the opposition to citizens; the nature of the deputy’s connection with his constituents is changing – from traditional bureaucratic forms to modern electronic forms of communication.

Keywords: parliament; digitalisation of parliament; openness of parliament; e-democracy; digital forms of political participation; digital communication

Правовые аспекты социального рейтингования

Е. А. Исаева

ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

elenia2000@mail.ru

В статье автором поднимаются юридические вопросы, актуальные для цифрового общества в связи с все более широким использованием различными субъектами инструментов социального рейтингования, в рамках которого, в том числе с привлечением искусственного интеллекта, идет сбор не только формализованных данных гражданина, но и другой информации, формирующей психологический портрет конкретного индивида. Серьезной проблемой, по мнению автора, выступает проверка достоверности цифрового профиля, на основании которого в отношении гражданина могут наступить неблагоприятные последствия, доступ самого гражданина к агрегированной информации, возможность влияния на ее содержание. Автор приходит к выводу о необходимости более глубокого изучения возможных рисков, связанных с распространением цифрового профилирования, учета опыта зарубежных стран, разработки нормативного регулирования, направленного на установление гарантий и защиту прав граждан.

Ключевые слова: социальное рейтингование; электронное профилирование; информационное общество; цифровизация; юридическая защищенность

Введение

Цифровизация, выступая, с одной стороны, благом для человека в плане доступности комфортных для использования сервисов получения информации, приобретения товаров, межличностного общения, с другой – таит в себе серьезные риски, объем которых среднестатистический гражданин не всегда может для себя спрогнозировать. И если об утечке персональных данных и их использовании злоумышленниками говорят уже давно, то тематика, связанная с использованием данных для формирования социальных рейтингов, от которых может зависеть предоставление определенных благ или введение персональных ограничений, все более активно встраивается в научный дискурс. Цифровой след, который гражданин навсегда оставляет за собой,

включая геолокацию, совершенные платежи, поисковые запросы, социальные связи и др. при использовании системы скрейпинга, в рамках которой информация подтягивается с различных цифровых ресурсов, позволяет сформировать социальный профиль гражданина, которым, возможно, он не был бы готов добровольно поделиться с работодателем, государством, иными субъектами.

Граждане уже давно сталкиваются в реальной действительности с кредитным скорингом, когда банки на основании имеющейся у них информации, могут отказать в предоставлении финансирования, но с такими явлениями, как внутренние персональные рейтинги в коммерческих компаниях, например, Яндекс такси, граждане стали встречаться только в последние несколько лет. Цифровое профилирование, социальное ранжирование, рейтингование – новые явления [7, с. 58]. При этом далеко не всегда о наличии данных социальных рейтингов пользователи услуг в действительности осведомлены, понимают, что именно влияет на этот рейтинг, каковы последствия высокого или низкого рейтингового показателя. Положительные последствия в форме бонусов, закрытых распродаж, персональных предложений и др. воспринимаются гражданами исключительно в позитивном ключе, формируя лояльность к той или иной цифровой платформе. И до того момента, пока гражданин не столкнется с негативными последствиями низкого рейтинга (отказ в предоставлении услуги, снижение процента скидки и т.д.), он вряд ли осознает все риски и личные неудобства, которые им обусловлены.

Теоретическая рамка исследования

Теоретической базой исследования выступает массив научной литературы, посвященной обсуждению новых для российского права понятий и продуктов цифровизации, не охваченных в должной мере действующим на настоящий момент отечественным законодательством. Ключевым понятием исследования выступает «цифровой профиль», при этом, учитывая наличие дефиниций только в текстах законопроектов, мнения ученых разнятся. В частности, А.К. Жарова предлагает под цифровым профилем понимать многоуровневую сложную систему, формирование которой обеспечивается анализом данных, содержащихся во всех информационных системах, а также в информационно-телекоммуникационных сетях [2, с. 58]. Есть также точка зрения О.Ю. Трещевой, что цифровой профиль может быть определен как ме-

тапрофиль человека, который будет включать ссылки на юридически значимые записи о нем в других электронных государственных реестрах [8, с. 18]. Также предлагается точка зрения, опирающаяся на анализ аспектов правового регулирования и правоприменительную практику, заключающаяся в том, что цифровой профиль можно определить как совокупность актуальных достоверных данных и иных сведений, формируемых в единой системе идентификации и аутентификации или других информационных системах органов государственной власти и местного самоуправления, а также подведомственных им организаций, работающих с ней посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия, в целях их предоставления с согласия соответствующих граждан или юридических лиц субъектам, запросившим доступ к этим сведениям посредством инфраструктуры цифрового профиля [1, с. 8] [6, с. 88].

Цель и методы исследования

Проведенное исследование направлено на выявление наиболее вероятных правовых проблем внедрения цифрового профилирования в России, рисков для гражданина с позиции защищенности его частной жизни.

В качестве метода исследования использовался качественный анализ текстов.

Основная часть (результаты сбора данных)

Первыми в нашей стране с цифровым профилированием, лежащим в основе социального рейтингования, официально столкнулись государственные служащие, предоставляющие при трудоустройстве в обязательном порядке не только финансовую информацию, но теперь и ссылки на аккаунты в социальных сетях. Цифровое профилирование государственных служащих, верификация информации о доходах, расходах и других факторах, - объективная реальность, в основе которой лежит потребность государства по предотвращению коррупционных проявлений, осуществлению кадровой политики, проверки соответствия поведения государственных и муниципальных служащих установленным законом запретам, требованиям к служебному поведению [10, с. 27]. Согласимся с А.М. Цыриным, что серьезным риском тут выступает, хранение и возможная утечка базы цифровых профилей государственных служащих [9, с. 99]. Эта же проблема может

возникнуть и в отношении иных категорий граждан при расширении процесса электронного профилирования. Большой объем собранных и обработанных персональных данных создает серьезный риск возможного вмешательства в личную жизнь гражданина, что без должного правового регулирования угрожает индивидуальным правам и свободам. Согласимся с А.Н. Мочаловым, что именно в законе (а не в подзаконном акте) должны определяться как круг лиц, имеющих возможность получения сведений из цифрового профиля, так и закрытый и ясно определенный перечень целей, с которыми эта информация может передаваться и использоваться [6, с. 90].

Важной проблемой социального рейтингования выступает сбор и анализ не только формализованной, имеющей документальное подтверждение информации, к примеру, семейное положение, гражданство, но и широкого спектра данных, формирующихся благодаря поведению гражданина, в том числе в социальных сетях (лайки, репосты, дружественные связи, просматриваемая информация и др.), что формирует психологический портрет индивида. Этот инструмент давно применяется торговыми сетями, осуществляющими таргетированную рекламу, но расширение сферы использования данной информации для личного профилирования, скоринга, к примеру, в трудовых отношениях, влечет серьезные риски. Подобные примеры мы видим в работающей в Китае системе социального доверия, предусматривающей создание черных и красных списков [4, с. 119]. И, что логично, государство использует внедренную систему личного рейтинга для управления гражданами, вынуждая их через систему «кнута и пряника» трансформировать свое поведение в социально одобряемую модель. Справедливое замечание делает Р.З. Рувинский, о том, что гражданин, находясь в системе оценивания своих действий, вынужден будет ограничивать себя в совершении деяний, формально не являющихся противоправными: например, будет ограничивать себя в высказывании мнений о политической ситуации в стране и деятельности правительства [7, с. 152]. Справедливо возникающие вопросы соотношения частных и публичных интересов требуют выработки адекватного вызовам цифрового времени правового регулирования, о чем все больше говорит научное юридическое сообщество [11, с. 15]. А.В. Минбалева безусловно прав, говоря о недопустимости ограничений гражданской правоспособности, если они сделаны на основании данных, собранных автоматизированным способом, а гражданин, всту-

пая в правоотношения, не имел полной информации для адекватной оценки последствий; а также о защите прав лица в случае использования для профилирования дискриминационных алгоритмов, по определенным социальным критериям [5, с. 10].

Широко используемое понятие цифрового профиля не имеет в России законодательной дефиниции, что является явным пробелом в праве. [1, с. 58]. Приказ Минцифры России от 30.06.2022 N 505 (ред. от 30.11.2023) "Об утверждении методик расчета показателей федеральных проектов национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации" под цифровым профилем гражданина понимает совокупность всех данных о гражданине, которые имеются в распоряжении государственных органов и государственных информационных систем, а также совокупность технических средств, которые позволяют управлять этими данными, в том числе предоставлять их третьим лицам с согласия и в интересах самого гражданина. Задачи по созданию цифровых профилей российских граждан ставятся в отраслевых подзаконных актах, в частности, распоряжение Правительства РФ от 03.11.2023 N 3097-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года» в рамках проекта "Зеленый цифровой коридор пассажира» предполагает создание цифрового профиля пассажира, единого цифрового инструмента оплаты проезда для всех видов транспорта (с применением технологий биометрии); распоряжение Правительства РФ от 11.12.2023 N 3550-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли культуры Российской Федерации на период до 2030 года» ставит задачу создания цифровых культурных профилей посетителей и учреждений культуры, - в 2025 году такие профили должны появиться у 21 миллиона человек. Расширение направлений собираемой информации позволит в ближайшем будущем сформировать многоаспектный цифровой профиль российского гражданина, держателем которого будет государство. Вот только насколько будет объективной собранная информация и будет ли гражданин иметь возможность с ней знакомиться, исправлять ошибочные или оспаривать необъективные данные.

Далеко не всегда искусственный интеллект, вовлеченный в сбор данных, делает соответствующие действительности выводы, так как обобщает лишь доступные ему для агрегирования цифровые источ-

ники информации. Собирающей данные программе может попасть в обработку ложная или субъективная информация о гражданине, размещенная недоброжелателями, цифровой след по итогам конфликта, к примеру, с работодателем или заказчиком, который впоследствии был успешно разрешен в офлайне и т.д. Репутационный скоринг [3, с. 292], являясь сейчас инструментом, который используют работодатели при поиске потенциального сотрудника для трудоустройства, может быть основан на несоответствующих действительности профессионально откорректированных данных, которые были размещены в сети Интернет. И это уже вопрос противостояния распространителя и сборщика цифровой информации. Очень серьезной является проблема проверки достоверности цифрового профиля, на основании которого в отношении гражданина могут наступить неблагоприятные последствия [2, с. 55]. Китайский гражданский кодекс, закрепляющий с 2021 года нормативное регулирование социального рейтингования, предусматривает возможность подачи возражения, если гражданин считает, что использование его социальной информации незаконно или ошибочно. Статья 1029 ГК КНР, защищая гражданские права, дает возможность лицу запросить данные о своих кредитных оценках, а также потребовать их корректировки, удаления или принятия других мер. Подобных нормативно закрепленных возможностей для гражданина в российском законодательстве пока нет. При этом наработка соответствующего правового регулирования в нашей стране уже запущена, федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации" позволяет апробировать новые нормы на специально выделенных субъектах. В рамках темы исследования отметим Постановление Правительства РФ от 18.07.2023 N 1164 (ред. от 18.07.2023) "Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан".

Выводы

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что в настоящее время российское законодательство не сформировало адекватно-

го правового регулирования активно развивающемуся, применяемому как государственными, так и негосударственными организациями цифровому профилированию и социальному рейтингованию граждан. И тут сделаем акцент на том, что, уже традиционно в цифровой сфере право скорее догоняет, нежели регламентирует складывающиеся общественные отношения на опережение. В данной ситуации, бесспорно, важно защитить права граждан, не допустить утечек формируемых баз данных, установить ограничения на включение ряда данных в перечни собираемых, чтобы не подвергать угрозе личную жизнь гражданина, не формировать основу для возможной дискриминации; определить сроки хранения собранных данных, установить государственный контроль за негосударственными субъектами, собирающими данные граждан в целях социального профилирования. Важно обеспечить гражданину доступ к собираемым о нем данным и возможность оспаривания внесения в профиль несоответствующей действительности или необъективной информации.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-28-00728 «Политические последствия социального рейтингования граждан», <https://rscf.ru/project/24-28-00728/>

Список источников

1. Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации. Правоприменение. 2021;5(4):5-19. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(4\).5-19](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19)
2. Жарова А.К. Вопросы обеспечения безопасности цифрового профиля человека // Юрист. 2020. N 3. С. 55 - 61.
3. Комарова О. М. Репутационный скоринг в инновационном развитии социально-трудовых отношений / О. М. Комарова, В. Г. Ежкова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 10-3. – С. 290-295. – DOI 10.17513/vaael.1377. – EDN OUMGWZ.
4. Любашиц В. Я. Перспективы и риски применения социального рейтинга в условиях цифровой экономики России / В. Я. Любашиц, А. С. Осинский // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 11(191). – С. 118-120. – DOI 10.47643/1815-1337_2020_11_118. – EDN KWZAYD.
5. Минбалеев А.В. Проблемы гражданско-правовой защиты личных немущественных прав в процессе цифрового профилирования граждан // Гражданское право. 2022. N 2. С. 9 - 11.

6. Мочалов А.Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределенности. *Lex russica*. 2021;74(9):88-101. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.178.9.088-101>

7. Правовые аспекты внедрения системы социального кредита в современное публичное управление: монография / Р.З. Рувинский. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2022. – 264 с.

8. Трещева О. Ю. Муниципальная власть в условиях модернизации общества и государства / О. Ю. Трещева, Э. Ю. Балаян // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 9. – С. 22–25

9. Цирин А.М. Цифровое профилирование на государственной службе: понятие и перспективы правового регулирования // Журнал российского права. 2022. N 10. С. 97 - 109.

10. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М., 2020. С. 27.

11. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: науч.-практ. пособие / под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицына. М., 2022. С. 15.

Legal aspects of social rating

E. A. Isaeva

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

In the article, the author raises legal issues that are relevant for the digital society in connection with the increasingly widespread use by various subjects of social rating tools, within the framework of which, including with the involvement of artificial intelligence, not only formalized citizen data is collected, but also other information that forms psychological portrait of a specific individual. A serious problem, according to the author, is checking the reliability of a digital profile, on the basis of which adverse consequences may occur in relation to a citizen, the citizen's access to aggregated information, and the possibility of influencing its content. The author comes to the conclusion that there is a need for a more in-depth study of the possible risks associated with the spread of digital profiling, taking into account the experience of foreign countries, and developing catch-up regulations aimed at establishing guarantees and protecting the rights of citizens.

Keywords: social rating; electronic profiling; information society; digitalization; legal protection

Городские цифровые сервисы правительства СПб: от удовлетворения потребностей жителей к поддержке гражданской активности?

Д. А. Киселева^{1,2}, А. Ю. Сунгуров^{1,2}

¹НИУ ВШЭ, ²Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия

d.kiseleva@hse.ru

asungurov@hse.ru

Текст посвящен развитию наших исследований, посвященных изучению результативности системы городских сервисов, создаваемых по руководством Комитета по информатизации Санкт-Петербурга сотрудниками Петербургского Информационно-аналитического центра (ИАЦ). Большая часть создаваемых цифровых сервисов направлена в основном на удовлетворения различных информационных потребностей жителей города, Второй тип, состоящий из одного сервиса – портала «Наш Петербург», является сервисом для социально ответственных жителей города, которые могут указать на конкретные проблемы – например, ямы на дорогах. По мнению респондентов – активистов гражданских организаций – в городе нет сервисов позволяющих двухстороннюю коммуникацию между гражданами и властью. В последнее время сотрудники ИАЦ стали участниками проекта «Твой бюджет-2. Цифровые технологии», в рамках которого они проводили стратегические сессии с горожанами, представившие свои проекты цифровых сервисов. Однако выбор проектов оставался прерогативой представителей власти. В итоге проект «Гражданин Санкт-Петербурга», единственный проект, направленный на развития коммуникативных практик общества и власти, не получил поддержки.

Ключевые слова: Цифровые сервисы; Инициативное бюджетирование; Взаимодействие граждан и власти; Коммуникативные практики

Развитие цифровых сервисов в деятельности органов власти и управления в современной России в последнее время приобретает все более широкое значение [5; 11], однако остается открытым вопрос – насколько эти сервисы способствуют становлению подлинно публичной власти, ответственной перед заинтересованными граждана-

ми? Второй возможностью является имитация общественного участия в деятельности власти, когда заказчики и разработчики этих сервисов ориентируются в основном на удовлетворение потребительских запросов жителей российских городов [4;10] .

Данный текст посвящен развитию результатов наших исследований, связанных с анализом результативности системы городских сервисов, создаваемых по руководством Комитета по информатизации Санкт-Петербурга сотрудниками Петербургского Информационно-аналитического центра (ИАЦ). Основным источником информации служили полу-структурированные экспертные интервью как с участниками общественных организаций, движений и инициатив города, так и с представителями заказчиков и разработчиков таких обсуждаемых сервисов. Обработка результатов экспертных интервью проводилась с использованием метода тематического анализа который предполагает, что исследователь изначально создает эмпирические данные через интервьюирования людей об их личном жизненном опыте в отношении какого-то феномена [12].

Вот как сотрудник ИАЦ описывает их деятельность по выбору идей для цифровых сервисов: «Мы проводили целую серию таких стратегических сессий, где совместно с комитетами города выбирали определённые направления тематики, где приглашали профильные комитеты и с ними рассказывали о методологии, и после этого проводили такие мастер-классы, где мы генерировали идеи для развития цифровых сервисов, чтобы это была не просто идея как бы из воздуха» (Интервью с респондентом А, сотрудник ИАЦ).

Ранее нами было показано, что большая часть создаваемых цифровых сервисов направлена в основном на удовлетворения различных информационных потребностей жителей города, потребностей родителей, хозяев домашних животных, потребности в информации о культурных событиях и т.д. Второй тип, который состоит сегодня фактически из одного сервиса – портала «Наш Петербург», является сервисом для социально ответственных жителей города, которые видят какие-либо недостатки в жизни города, и готовы потратить свое время для того, чтобы описать эту проблему и конкретное место этой проблемы или недостатка, а далее уже представители власти предпринимают усилия для устранения этой проблемы или недостатка [1; 9]. Этот сервис знаком большинству опрошенных респондентов, и половина упомянувших этот сервис респондентов выделяла его как работающий

и достаточно полезный. Вместе с тем половина участников отмечала его недостатки, и в первую очередь - невозможность его использования для коммуникации жителей Петербурга и власти по поводу более общих проблем, волнующих гражданско ориентированных жителей города. Ряд респондентов указывали также в качестве положительного опыта московский сервис «Активный гражданин», который при имеющихся недостатках все таки является реальной коммуникативной площадкой для диалога представителей общества и власти [8].

Дальнейший анализ показал, что в 2023 году сотрудники ИАЦ приняли участие в реализации проекта «Твой Бюджет-2», в процессе которого они сами вышли на реализацию коммуникативных практик. Однако сначала поясним, что это был за проект. Дело в том, что с 2016 года в Санкт-Петербурге по инициативе Комитета финансов Санкт-Петербурга начал реализовываться проект по общественному бюджетированию «Твой бюджет», в рамках которого очень небольшая часть бюджета реализовывалась по специальному методу в соответствии с мнением самих жителей Санкт-Петербурга. Этот проект был своего рода развитием проекта, который еще ранее – в 1998-2009 года проводился в нескольких российских регионах Санкт-Петербургской общественной организацией Гуманитарно-политологический центр «Стратегия», при этом предлагались конкретные форматы участия общественных организаций в публичных слушаниях по бюджету в целом [Вагин, Сунгуров Дмитриева]. В рамках проекта «Твой бюджет» удалось не только поддержать финансово инициативы активных горожан, но и наладить конструктивный диалог этих горожан с районными администрациями. Вот как описывает этот опыт один из активных участников этого проекта: «В 2017 победили мы. Библиотека на Морской, мы очень дружили с этой библиотекой, у нас много проектов таких было. Ну, библиотека была в разрушенном состоянии, вот её отремонтировали. То есть, мы, получается, победили со своей инициативой, стоимость которой, предварительно, обозначалась 4,5 миллиона рублей, но в итоге пришлось им потратить 35 миллионов. Руководство района, оно вообще никак, руководство отдела культуры, которые до победы нашей инициативы, они на протяжении ряда лет на развитие вообще ничего не получали, давали они только на текущие расходы давали. Они, естественно, экспертизу быстренько подписали. И потом, когда мы победили, они просто пришли смотреть, увидели, что как-то нехорошо получится, если среди всей этой разрухи они что-то одно сделают. И, скрипя

зубами, они нашли деньги на ремонт всей библиотеки» (Респондент Б, градозащитник). Опыт реализации проекта «Твой бюджет» в Санкт-Петербурге и причины его приостановки в последние годы был рассмотрен в исследовании И. Делова [3].

В 2023 году начал реализовываться проект «Твой Бюджет – 2», в рамках которого рассматривались общественные инициативы именно по созданию конкретных цифровых сервисов, и именно сотрудники СПб ИАЦ поводили с авторами проектов серию стратегических семинаров, на которых знакомили авторов заявок с требованиями к цифровым сервисам и технологией их создания. «Так как мы тесно общаемся с комитетом финансов, то мы и попали в проект “Твой Бюджет-2”, мы участвовали в том-же формате, как ранее с представителями власти, теперь с представителями общества и активистами собирали такие же стратегические сессии и пытались понять какие у них сейчас есть потребности и боли, чтобы это не просто обсудить, а чтоб мы помогли сформировать какой-то вектор для своих проектов, чтобы они понимали, для кого они делают, каким образом они это делают, каким образом это стоит делать» (Интервью с респондентом А).

Мы видим, таким образом, что сами сотрудники Информационно-аналитического центра благодаря участию в реализации проекта «Твой бюджет-2» оказались вовлеченные в коммуникативные взаимодействия не только с представителями органов исполнительной власти, с которыми они ранее проводили стратегические сессии, но и с самими представителями инициативных групп граждан. Однако выбор конкретных инициатив для реализации определяется по прежнему сотрудниками жюри, где основную роль играют представители комитетов Правительства Санкт-Петербурга. В результате победителями конкурса «Твой бюджет-2. Цифровые технологии» стали такие бесспорно интересные проекты, как «Создание и ведение сайта "Соучаствующее проектирование в Санкт-Петербурге"», «Город во времени, пространстве и лицах». «Велосипедная экосистема», «Петербургский цифровой архив госфинансов и госуправления» и другие, но в то же время был отвергнут проект «Гражданин Санкт-Петербурга», в котором, в частности, предполагалось использовать и опыт московского портала «Активный гражданин».

Так как в группе проекта «Твой Бюджет» в сети Вконтакте представлены все материалы обсуждаемого конкурса <https://vk.com/tvbspb>, то в посте от 6 октября 2023 года мы нашли и отрицательной экс-

партное заключение на проект «Гражданин Санкт-Петербурга», подписанное одним из заместителей Комитета по экономической политике и стратегическому развитию Санкт-Петербурга, обоснованное тем, что «Большая часть функционала Портала, описанного в Паспорте проекта, уже реализовано в сервисе «Городской диалог» на портале «Единая карта петербуржца». Возможность подачи гражданами инициатив по различным волнующим темам в ИОГВ/МСУ считаем целесообразным реализовать на портале «Наш Санкт-Петербург».

Мы попробовали воспользоваться рекомендациями уважаемого эксперта и вошли в рекомендуемый сервис «Городской диалог». На дату 2 марта 2024 года там можно было высказать все мнение по таким актуальным темам как «Культурная жизнь горожан», «Чтение книг», «Внутренний туризм» и «Кадры для Арктики». Этот сервис бы ни разу не упомянут респондентами интервью и участниками двух фокус-групп в нашем исследовании 2023 года.

Мы видим таким образом, что, хотя определенные шаги в направлении, обозначенном в названии этого текста и делаются, однако, как было сказано в предвыборном плакате В.А. Яковлева на выборах первого губернатора Санкт-Петербурга в 1996 году: «Впереди – большая работа».

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» (<https://rscf.ru/project/23-18-20079/>).

Список источников

1. Беген П.Н., Рыбальченко П.А., Чугунов А. В. Совершенствование системы электронного взаимодействия власти и граждан с использованием технологий искусственного интеллекта: развитие портала «Наш Санкт-Петербург» в 2019-2020 гг // Информационные Ресурсы России. – 2020. – № 4. – С. 30-36.

Вагин В.В., Паксиваткина В.А. "Открытый бюджет: государственная политика и идеология гражданского участия" (по материалам международной экспертной онлайн панели). // Российские регионы: взгляд в будущее. 2022. Т. 9. № 1. С. 22-40.

2. Делов И. Е. Партиципаторное бюджетирование в России и политическое предпринимательство // Человек, сообщества, государства в социально-гуманитарных исследованиях : сборник материалов XVIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 19–21 апреля 2023 г.) / отв. ред. В.В. Расколец. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2023 – Вып. 18. С. 122-128.

3. Кабанов Ю. А. Что скрывается за «фасадом»? Исследовательская программа электронного участия в недемократических странах. // Вестник Пермского университета. Политология. – 2018. – №3. – С. 50-66.

4. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость. Монография. / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2022. – 351 с.

5. Сунгуров А.Ю., Аркатов Д.А. Об электронном и традиционном общественном участии в современной публичной политике. // Политическая наука, 2021. №3. С. 54-71

6. Сунгуров А.Ю., Дмитриева А.Е. Общественное участие в деятельности власти: общественное и партиципаторное бюджетирование и соучаствующее проектирование на уровне муниципалитетов Санкт-Петербурга. // Вопросы государственного и муниципального управления, 2023. №2. С. 103-125. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-2-103-125

7. Филатова О.Г., Киселева Д.А., Сунгуров А.Ю. Восприятие цифровых сервисов социально-активными гражданами Санкт-Петербурга. // Политэкс, 2024, в печати.

8. Чугунов А.В., Рыбальченко П.А. Развитие системы электронного взаимодействия граждан с властями в Санкт-Петербурге: опыт портала «Наш Петербург», 2014-2018 гг. // Информационные ресурсы России. 2018. № 6. С. 27-34.

9. Grönlund Å. Connecting eGovernment to Real Government. The Failure of the UN eParticipation Index // International Conference on Electronic Government. Springer. Berlin, Heidelberg, 2011, P.26–37.

10. Jho W., Song K. J. Institutional and Technological Determinants of Civil e-Participation: Solo or Duet? // Government Information Quarterly. 2015, Vol. 32, N 4, P. 488–495.

11. Roulston, K. Data analysis and “theorizing as ideology.” Qualitative Research, 2001. Vol. 1 №3, pp. 279–302. doi:10.1177/146879410100100302

Urban digital services of the government of St. Petersburg: from meeting the needs of residents to supporting civic engagement?

D. Kisileva^{1,2}, A. Sungurov^{1,2}

¹HSE, ²ITMO University, St. Petersburg, Russia

The text is devoted to the development of our research devoted to the study of the effectiveness of the system of urban services created by the staff of the St. Petersburg Information and Analytical Center (IAC) under the guidance of the Committee on Informatization of St. Petersburg. Most of the digital services being created are aimed mainly at meeting the various information needs of city residents, the second type, consisting of one service, the Our Petersburg portal, is a service for socially responsible city residents who can point out specific problems – for example, pits on the roads. According to respondents, activists of civil society organizations, there are no services in the city that allow two-way communication between citizens and the authorities.

Recently, IAC employees have become participants in the project "Your budget-2. Digital Technologies", in which they held strategic sessions with citizens who presented their projects of digital services. However, the choice of projects remained the prerogative of government representatives. As a result, the project "Citizen of St. Petersburg", the only project aimed at developing communication practices of society and government, did not receive support.

Keywords: Digital services; Proactive budgeting; Interaction of citizens and authorities; Communication practices

Китайский цифровой суверенитет – изоляция или самосохранение?

К. Е. Кожухова

МГЛУ, Москва, Россия

kira.kozhuhova@mail.ru

Цифровой суверенитет и цифровые угрозы становятся неотъемлемой частью современной международной жизни. Защита цифрового суверенитета является одним из направлений государственной политики любой страны. Отсутствие четкого регулирования явления в политико-правовом аспекте привело к разнообразному восприятию этого вопроса. Китай, как обладатель древней стратегической культуры, основанной на принципе гармонии, синоцентризме и приоритете стабильности внутреннего порядка, придерживается особого подхода к своему цифровому суверенитету. Для того чтобы предотвратить проникновение иностранных "вредоносных идей", разрушить авторитет КПК и сохранить цифровую безопасность, китайское правительство создало разветвленную систему регулирования Интернета "Золотой щит". Создание электронной базы данных о населении, обеспечение автономного отслеживания идентификационных данных, повсеместная установка устройств слежения и необходимость в прозрачной государственной системе привели к массовому контролю за личностью как обычных граждан, так и чиновников. Цензурируемая интернет-система и организация китайской интранет-сети полностью отражают традиционные представления китайцев о полном подчинении государству и коллективизме, которые являются гарантом гармонии общества в Китае - стабильности социализма с китайскими особенностями - в контексте международной политической коммуникации.

Ключевые слова: цифровой суверенитет; мировое развитие; внешняя политика; Интернет; Китай

Введение

На данный момент научно-политическое обсуждение насыщено исследованиями современных тенденций мирового развития. Одной из наиболее значимых является процесс цифровизации, который охватил все страны мира, включая ключевые игроки, такие как Китайская Народная Республика. Цифровизация представляет собой серьезную национальную безопасность, связанную с вопросом сохранения циф-

рового суверенитета. В свете неуправляемого характера этого явления каждая страна подходит к решению этого вопроса с учетом своей специфики.

Теоретическая рамка исследования

Среди влиятельных тенденций, определяющих современное развитие во всем мире, особое место занимают такие явления, как регионализация, интеграция, глобализация и, в настоящее время, цифровизация. Цифровизация это феномен, позволяющий переходить к использованию простых и широко доступных компьютерных технологий, сетевой структуры коммуникации и преобразованию контента из аналоговых, физических и статических форм в цифровой формат [16].

Феномен цифровизации не остался без внимания мировой политики. Например, вопросы обеспечения кибербезопасности электронного правительства и защиты информации граждан от кибератак стали ключевыми задачами как внутренней, так и внешней политики государства и не могут быть пренебрежены [1]. В ответ на новые угрозы возникла цифровая дипломатия, в рамках которой используется информация, информационная война и активное присутствие правительственных ведомств в социальных сетях для расширения информационного влияния на аудиторию за рубежом [5]. Стоит отметить, что в период перехода от использования открытой военной силы к непрямым гибридным конфликтам [4], цифровые угрозы становятся средством влияния в политической коммуникации, что подчеркивает растущую многогранность влияния цифровизации на мир XXI века.

В целом, упомянутые "цифровые" вызовы связаны с обеспечением сохранения цифрового суверенитета страны. Согласно ведущему российскому специалисту в IT-технологиях И.С. Ашманову, цифровой суверенитет определяется как "право государства самостоятельно разрабатывать информационную политику, управлять инфраструктурой, контролировать ресурсы и обеспечивать безопасность информации" [3]. Стоит отметить, что юридический статус цифрового суверенитета является неопределенным, так как это явление только недавно появилось [9], и каждая страна имеет свое уникальное представление о собственном цифровом правовом пространстве [7].

Цель и методы исследования

На протяжении своей истории Китай постоянно боролся за свою независимость, право вести самостоятельную внутреннюю и внешнюю

политику, а также за контроль над обширными территориями. В начале XIX века у Китая был самый большой ВВП в мире, однако после периода, который в китайской историографии известен как "век унижения" - с поражения в первой опиумной войне в 1842 году до момента образования Китайской Народной Республики в 1949 году, - экономическая мощь Китая ослабла, а страны Запада и Япония вышли вперед в экономическом и политическом развитии [2]. К концу XX века Китайская Народная Республика начала стремиться к лидерству на мировой арене, особенно в экономике, производстве и технологиях. После введения "политики реформ и открытости" под руководством Дэн Сяопина Китай адаптировался к новым требованиям информационного общества. Для сохранения своего суверенитета, включая цифровой, Китай видит ключ к успеху в независимости от других стран и достижении полного превосходства, в частности, в киберпространстве - еще одному шагу к реализации синоцентризма [20].

Цифровизация, компьютерные технологии и Интернет естественно вошли в жизнь Китая. С середины 90-х годов число интернет-пользователей в Китае стремительно росло, что порождало потенциальные угрозы. Уже в 1999 году сторонники запрещенной религиозной организации Фалуныгун использовали Интернет для организации масштабных демонстраций [17]. Именно поэтому была создана обширная система контроля, включающая фильтрацию материалов с применением технических методов и специализированного программного обеспечения, контроль со стороны человеческих цензоров, а также введение системы регулирования, наблюдения и воздействия на "поставщиков" и пользователей Интернета [12].

Основная часть

Ключевым элементом системы обеспечения устойчивого функционирования цифровой экономики является проект цифровой мониторинга Китайской Народной Республики "Золотой щит" (полное название: "Проект по информатизации деятельности в сфере общественной безопасности"), который был предложен Министерством общественной безопасности Китая в 1998 году и начал свое осуществление в 2003 году [14, 18].

"Золотой щит" — это проект, который был реализован поэтапно путем введения законов и нормативных актов, включающих создание электронной базы данных о населении, сбор информации и созда-

ние списков "ключевых контролируемых групп". Вся эта мера принята для облегчения работы структур общественной безопасности. Кроме того, было предусмотрено автономное отслеживание идентификационных данных и широкая установка слежебных устройств. Согласно белой книге 2011 года "Состояние интернета в Китае", правительство Китая уделяет большое внимание отражению чувств и настроений людей в интернете. Интернет играет важную роль в обеспечении права людей на информацию, участие, самовыражение и надзор. Поэтому управление и контроль интернета, включая мониторинг веб-сайтов, форумов и социальных сетей, являются неотъемлемой частью проекта "Золотой щит". [15, 19] Кроме того, осуществляется блокирование "вредоносных" иностранных платформ, таких как Википедия, WhatsApp¹, Instagram¹, Twitter и Facebook¹. В Китае также внедрена обязательная привязка аккаунтов в китайских социальных сетях к номеру телефона для мгновенного отслеживания [20]. Пользовательская регистрация в системе мобильной связи WeChat (Weixin) возможна только путем сканирования QR-кода другого пользователя, что обеспечивает круговую поруку и ответственность за действия в виртуальном пространстве. Запрет нарушения "цифрового" порядка влечет за собой наказание [8, 13].

В целях повышения прозрачности государственного управления китайское правительство начиная с 2000-х годов проводит политику повышения прозрачности деятельности на сайтах государственных органов, включая публикацию личной информации о сотрудниках. Основная цель проекта "Золотой щит" и китайского цифрового суверенитета в целом - создание полностью автономной интернет-системы, позволяющей Китаю сохранить свою суверенность в сети и обеспечить стабильность общества. Китайская Народная Республика видит в кибернетической мощи основу своего цифрового суверенитета, поэтому контроль и регулирование интернета становятся важными задачами КПК [11, 12].

Выводы

Цифровой суверенитет и цифровые угрозы становятся неотъемлемой частью современной международной жизни. Защита цифрового суверенитета является одним из направлений государственной политики любой страны. Отсутствие четкой регламентации феномена

---

¹ Компания-владелец Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена

в политико-правовом аспекте привело к разнообразному восприятию данного вопроса. Стратегическая культура как устойчивая внешнеполитическая традиция страны накладывает определенный отпечаток на обеспечение цифровой безопасности.

Китай как обладатель древней стратегической культуры, основанной на принципе гармонии, китаецентризме и приоритете стабильности внутреннего порядка, имеет особый подход к своему цифровому суверенитету. Правительство КНР для упреждения проникновения иностранных «вредоносных идей», разрушения авторитета КПК и сохранения цифровой безопасности создало обширную систему регулирования сети Интернет «Золотой щит». Создание электронной базы данных о населении, обеспечение автономного отслеживания идентификационных данных, повсеместная установка устройств слежения и необходимость функционирования прозрачной государственной системы привело к массовому контролю за личностью как обычных граждан, так и чиновников. Цензурируемая Интернет-система и организация работы китайского Интранета полностью отражает традиционные воззрения китайцев о тотальном подчинении государству и коллективизме, которые являются гарантом гармонии общества Поднебесной – стабильности социализма с китайской спецификой – в условиях международной политической коммуникации.

Список источников

1. Акопов Г. Л. Интернет и политика: модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций. – М.: КноРус: 2017. – 238 с.

2. Алексеев М. Цифровой щит Поднебесной. https://www.ng.ru/ideas/2019-04-15/7_7557_shield.html (электрон. ресурс. 12.02.2024)

3. Ашманов И. Информационный суверенитет России: новая реальность. <http://rossiyanavsegda.ru/read/948/> (электрон. ресурс. 12.02.2024)

4. Белозёров В. К., Соловьев А. В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть: 2015. – № 9. – С. 5–11.

5. Белозёров В. К. Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право: 2020. Т. 13. № 2. – С. 177–194.

6. Бухарин В. В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности. Вестник МГИМО-Университета: 2016. № 6 (51). – С. 76-91.

7. Ванло синьсинэй жуншэнтай чжили гуйдин [Положение об экологичном управлении информационным содержанием сети]. http://www.cac.gov.cn/2019-12/20/c_1578375159509309.htm (электрон. ресурс. 12.02.2024)

8. Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики: 2017. – № 1. – С. 201–215.

9. Конституция КНР (в редакции от 2018 г.). https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (электрон. Ресурс. 12.02.2024)

10. Лексютина Я. В. Политика китайского руководства в вопросах контроля и регулирования Интернета // Общество и государство в Китае: 2015. – №17-1. – С. 202-212.

11. Магай М. Китай заблокировал Instagram* из-за протестов в Гонконге. <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2014/5429c4e8cbb20fa57da7cb1f> (электрон. ресурс. 12.02.2024)

12. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (электрон. ресурс. 12.02.2024)

13. Положение Интернета в Китае. http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2011-02/01/content_21857458.htm (электрон. ресурс. 12.02.2024)

14. Сергеева И. Л. Трансформация массовой культуры в цифровой среде // Культура и цивилизация: 2016. – Т. 6. – № 6А. – С. 55-65.

15. Трепалина Ю. Великий китайский файрвол: с чего все начиналось. <https://nag.ru/articles/article/105825/velikiy-kitayskiy-fayrvol-s-chego-vse-nachinalos.html> (электрон. ресурс. 12.02.2024)

16. Хао Лун. Сравнительный анализ системы государственной службы Китая и России // Власть: 2015. Том 22. – № 8. – С. 174-179.

17. Цзян Ле. Цзиньдунь гунчэн: шуцзы цзянькун цзишу жухэ гайбянь чжунго чжэнфудэ вэйвэньпяньхао (Цзян Ле. Золотой щит: как цифровые технологии наблюдения могут изменить предпочтения правительства Китая). <https://project-gutenberg.github.io/Pincong/post/aa54cb5354abe0f640905bc99c495ab9/> (электрон. ресурс. 12.02.2024)

18. Allen D. Analysis by Oracle Internet Intelligence Highlights China's Unique Approach to Connecting to ... <https://internetintel.oracle.com/blog-single.html?id=Analysis+by+Oracle+Internet+Intelligence+Highlights+China%E2%80%99s+Unique+Approach+to+Connecting+to+...> (электрон. ресурс. 12.02.2024)

19. How WeChat Became China's App For Everything. <https://www.fastcompany.com/3065255/china-wechat-tencent-red-envelopes-and-social-money> (электрон. ресурс. 12.02.2024)

20. Li Zhang. A Chinese perspective on cyber war // International Review of the Red Cross. New Technologies and Warfare. 2012. June. P. 801–807.

21. Snyder J. 1977. The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options. Santa Monica: RAND Corporation. <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf> (электрон. ресурс. 12.02.2024)

Chinese digital sovereignty – isolation or self-preservation?

K. E. Kozhukhova

MSLU, Moscow, Russia

Digital sovereignty and digital threats are becoming an integral part of modern international life. The protection of digital sovereignty is one of the directions of the state policy of any country. The lack of clear regulation of the phenomenon in the political and legal aspect has led to a diverse perception of this issue. China, as the owner of an ancient strategic culture based on the principle of harmony, sinocentrism and the priority of stability of the internal order, adheres to a special approach to its digital sovereignty. In order to prevent the penetration of foreign "malicious ideas", destroy the authority of the CCP and preserve digital security, the Chinese government has created an extensive system of Internet regulation "Golden Shield". The creation of an electronic database on the population, the provision of autonomous tracking of identification data, the widespread installation of tracking devices and the need for a transparent government system have led to massive control over the identity of both ordinary citizens and officials. The censored Internet system and the organization of the Chinese intranet fully reflect the traditional Chinese ideas of complete subordination to the state and collectivism, which are the guarantor of the harmony of society in China - the stability of socialism with Chinese characteristics - in the context of international political communication.

Keywords: digital sovereignty; global development; foreign policy; Internet; China

Социальные аспекты цифровой трансформации транспортной отрасли России

Г. Н. Крайнов

Российский университет транспорта (РУТ/МИИТ), Москва, Россия.

E-mail: krainovgn@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению социальных аспектов цифровой трансформации транспортной отрасли России. Цифровая трансформация в транспортной отрасли – это процесс интеграции современных цифровых технологий и инноваций в традиционные методы работы транспортной системы с целью оптимизации процессов, повышения эффективности, безопасности и устойчивости транспорта. Рассмотрены особенности влияния социальных аспектов на цифровую трансформацию транспортной отрасли России. Цифровая трансформация в транспортной сфере позволяет улучшить качество услуг, обслуживание клиентов, управление ресурсами, повысить эффективность и снизить затраты, что способствует росту конкурентоспособности отрасли на мировом рынке. В то же время, наряду с несомненными положительными сторонами цифровой трансформации транспортной отрасли в России, имеются и негативные стороны этого процесса, имеющие такие асоциальные последствия для работников транспортной отрасли как рост безработицы, «цифровой гнет», социальный демпинг и др.

Ключевые слова: транспорт; транспортная отрасль; цифровизация; цифровая трансформация; социальные аспекты; Россия

Введение

Цифровая трансформация в транспортной отрасли - это «процесс интеграции современных цифровых технологий и инноваций в традиционные методы работы транспортной системы с целью оптимизации процессов, повышения эффективности, безопасности и устойчивости транспорта» [1]. «Основными направлениями цифровой трансформации в транспортной отрасли России являются:

1. Интеллектуальные транспортные системы (ITS): использование сенсоров, GPS, интернета вещей и искусственного интеллекта для оп-

тимизации трафика, управления дорожным движением, информирования водителей о ситуации на дорогах и обеспечения безопасности;

2. Беспилотные транспортные средства: внедрение автономных автомобилей, дронов, поездов и кораблей, которые могут работать без вмешательства человека;

3. Электронная коммерция и цифровые платформы: создание цифровых платформ и услуг для упрощения процессов заказа и оплаты транспортных услуг, таких как каршеринг, онлайн-бронирование такси и пассажирских перевозок;

4. Цифровизация логистики: использование блокчейн в транспорте - технологии распределенных реестров для оптимизации логистических процессов, таких как отслеживание грузов, планирование маршрутов, автоматизация складских операций и интеграция с другими видами транспорта;

5. Цифровые технологии в обучении и управлении кадрами: применение онлайн-курсов, симуляторов и виртуальных сред для обучения и повышения квалификации работников отрасли;

6. Развитие инфраструктуры: строительство и модернизация транспортной инфраструктуры с использованием современных технологий, таких как интеллектуальные системы освещения, адаптивные дорожные покрытия и умные парковки;

7. Электрификация транспорта - переход на использование электрических транспортных средств и зарядных станций для снижения выбросов углекислого газа и зависимости от ископаемых видов топлива;

8. Развитие каршеринга и шеринговой экономики - совместное использование транспортных средств, а также оборудования, инструментов и других товаров для сокращения потребления ресурсов и снижения затрат на владение транспортом;

9. Умные контракты - использование смарт-контрактов для автоматизации процессов оплаты, страхования и разрешения споров в транспортной отрасли;

10. 3D-печать в транспортных средствах - использование аддитивных технологий для создания деталей и компонентов транспортных средств на месте их использования, что позволяет сократить время простоя и снизить стоимость ремонта;

11. Энергоэффективность и экологичность: использование альтернативных источников энергии, а также технологий повышения энерго-

эффективности и снижения выбросов вредных веществ транспортными средствами» [2].

Цифровая трансформация в транспортной сфере позволяет улучшить качество услуг, обслуживание клиентов, управление ресурсами, повысить эффективность и снизить затраты, что способствует росту конкурентоспособности отрасли на мировом рынке. Для успешной цифровой трансформации необходимо не только внедрять новые технологии, но и менять подходы к управлению, обучать сотрудников работать с новыми инструментами и создавать условия для непрерывного профессионального совершенствования.

Теоретическая рамка исследования

Большинству человеческих потребностей (работа, покупка и бытовое обслуживание, зрелища, уход за детьми, учеба, спорт, отдых и др.) сопутствует процесс передвижений с использованием различных видов транспорта. Транспортное обслуживание производства и населения, анализ влияния транспорта на экономические, социальные и политические процессы в обществе характеризуют «встроенность» элементов транспортной системы в эти процессы.

Проблематика транспортных услуг, коммуникаций, мобильности и практик в социальном пространстве рассматривается в работах зарубежных учёных И. Вутона, В. Вучика, К. Комтоиса, Д. Родрига, Б. Слэка, Э. Гидденса, Дж. Урри и др. [8].

Интерес представляет акторно-сетевая теория Б. Ламерта, которая рассматривает социальные явления как совокупность сложных сетей, образуемых в равной мере разнородными компонентами – людьми, техническими устройствами, природными объектами. Такой подход расширяет сферу социальных отношений, связей не только между людьми, но и между объектами транспорта, например, между человеком и поездом [7]. Сегодня бурное развитие получает искусственный интеллект (ИИ), появляется беспилотный транспорт (электромобили без водителя, электропоезда без машиниста) и социальные отношения, связи становятся опосредованы техническими объектами, принципами, стандартами. В данном случае технический объект (например, поезд) может стать социальным актором, посредником – активным проводником социального к пассажирам, транспортным работникам.

Подобную мысль высказывает и М. Хайдеггер в статье «Вопрос о технике», где всякая техника рассматривается как функциональный

элемент поставляющего производства и социального бытия. Не изменяя последнего нельзя и изменить технику в нужном для человека направлении [9].

Исследованию социологических проблем цифровизации транспорта посвящены работы отечественных ученых, как Т.В. Авдиенко, А.Н. Дмитриевский, Б.М. Лапидуса, Д.А. Мачерета, Э.Н. Ожиганова, В.А. Осипова, В.А. Сологуба, Н.П. Терешина и др. [4]. Используя теоретические и эмпирические методы исследования, ученые поднимали многие проблемы социальных аспектов транспорта.

Цель и методы исследования

Целью статьи является рассмотрение социальных аспектов цифровой трансформации транспортной отрасли России. В ходе исследования автором применялись такие методы, как анализ и синтез, аналогий, историко-сравнительный, системный, наблюдения, обобщения и др. При работе над статьей автор использовал такой важный правительственный документ, как Паспорт «Стратегии цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации» на период до 2030 г.

Основная часть (результаты сбора данных)

Влияние цифровизации на социальные проблемы в транспортной отрасли рассмотрено авторами в ряде научных работ [3]. При этом авторы наряду с несомненными положительными сторонами цифровой трансформации транспортной отрасли в России, показывают и негативные стороны этого процесса, имеющие социальные последствия.

Цифровизация транспорта может нести в себе как новые возможности, так и серьезные социальные проблемы. Например, на железнодорожном транспорте возможность улучшить характер труда машиниста локомотива позволяет внедрение устройства автоведения, представляющего собой автоматизированную человеко-машинную систему, которая способна брать на себя многие его функции. В режиме автоведения машинисту локомотива не нужно рассчитывать скорость движения для выполнения расписания, следить за токами на тяговых двигателях при переключении позиций тяги и давлениями при торможении. Благодаря этому повышается производительность его труда, сокращается утомляемость, возрастают гарантии безопасности движения поездов. Активно внедряется компьютерная система диагностики

пути и подвижного состава, используется автоматизированная система учета продаж и компостирования проездных билетов и т.д. Все это ведет к уменьшению численности персонала на железнодорожном транспорте, значительным сокращениям кассиров и поездного персонала, росту безработицы» [5].

Цифровизация транспорта ведет к «усилению профессионального контроля над работниками. Это находит выражение в широком использовании работодателями новых технологий для установления надзора за рабочими с применением назойливых форм мониторинга и видеонаблюдения, что ведет к негативным последствиям для здоровья трудящихся (включая душевное здоровье), их безопасности и достоинства» [5].

Для защиты профессиональных интересов работников транспорта «действуют профсоюзы, которые нацелены на:

- формирование определенных профессиональных интересов, ценностей, норм, стилей и образцов поведения, профессиональных ролей;
- сплочение на этой основе людей по признаку принадлежности к данной профессии и профессиональной общности;
- защиту интересов, ценностей и норм конкретной профессиональной общности» [5].

В современной России функцию защиты социально-трудовых прав транспортников реализует «Российский профсоюз железнодорожников и транспортных строителей (Роспрофжел), насчитывающий в своих рядах около 1,5 млн. чел., а на глобальном уровне – Международная федерация транспортников (МФТ), которая объединяет более 600 профсоюзов транспортников, включающих свыше 19 миллионов членов из 140 стран мира» [6]. «На 44-м конгрессе МФТ, проходившем в Сингапуре в октябре 2018 г. была принята Стратегия действий профсоюзов при переходе на цифровые технологии, которая включает в себя следующие положения: «1. Демократическое планирование развития - увязывается с внедрением более справедливых форм собственности с учетом интересов и прав рабочих. Только решая этот вопрос одновременно в целом в экономике и на уровне предприятия, профсоюзы смогут добиться внедрения цифровых технологий на основе всеобщей выгоды; 2. Доступ трудящихся к данным о том, что они производят и для чего, а также к информации о цифровых технологиях для принятия ими обоснованных решений относительно развития со-

временных технологий; 3. Обеспечение мобильности занятости - помочь уволенным работникам в получении новых рабочих мест, обеспечение их информацией, поддержкой и доступом к программам обучения и стабилизации рабочих кадров; 4. Выбор критериев оценки навыков и уровня квалификации работников - совместная проработка работодателями и профсоюзами нормативных документов для формирования каталогов требований к новым профессиям; 5. Сокращение часов работы - адаптация к смене технологий может проходить успешно при сокращении в широких масштабах рабочего времени путем применения сокращенного рабочего дня или рабочей недели; продления ежегодного отпуска; продления учебных отпусков, отпусков по уходу и по воспитанию детей и по иным жизненным обстоятельствам; досрочного выхода на пенсию» [5].

Выводы

Таким образом, цифровая трансформация в транспортной отрасли - это процесс интеграции современных цифровых технологий и инноваций в традиционные методы работы транспортной системы с целью оптимизации процессов, повышения эффективности, безопасности и устойчивости транспорта. Цифровая трансформация в транспортной сфере позволяет улучшить качество услуг, обслуживание клиентов, управление ресурсами, повысить эффективность и снизить затраты, что способствует росту конкурентоспособности отрасли на мировом рынке. В то же время, наряду с несомненными положительными сторонами цифровой трансформации транспортной отрасли в России, имеются и негативные стороны этого процесса, имеющие такие социальные последствия как рост безработицы, «цифровой гнет», социальный демпинг и др.

Список источников

1. Крайнов Г.Н. Вызовы цифровизации российскому высшему образованию // Вестник МИРБИС. 2021. № 1 (25). С. 55-60.
2. Крайнов Г.Н. Эволюция системы международных отношений и ее особенности на современном этапе // Вестник Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. 2015. № 1 (42). С. 47-54.
3. Крайнов Г.Н. История современной России (1990 – 2022 гг.). М.: ПЕРО, 2022. 226с.

4. Крайнов Г.Н. Будет ли эффект от эффективного контракта в вузе? // Социологические исследования. 2018. № 7 (411). С. 170-172.

5. Крайнов Г.Н. Технология подготовки и реализации кампании по рекламе и PR. Санкт-Петербург: Лань, 2018. 372 с.

6. Крайнов Г.Н., Панов А.И. «Эффективный контракт» с преподавателем: плюсы и минусы // «Обозреватель – Observer». - 2018. - № 1 (336) – С.18 – 31.

7. Латур Бруно. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 185 с.

8. Урри Дж. Мобильности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Практис», 2012, 576 с.

9. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Мартин Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 2013. 215 с.

Social aspects of digital transformation of the Russian transport industry

G. N. Krainov

Russian University of Transport (RUT/MIIT), Moscow, Russia.

The article is devoted to the consideration of the social aspects of the digital transformation of the Russian transport industry. Digital transformation in the transport industry is the process of integrating modern digital technologies and innovations into traditional methods of operation of the transport system in order to optimize processes, improve efficiency, safety and sustainability of transport. The features of the influence of social aspects on the digital transformation of the Russian transport industry are considered. Digital transformation in the transport sector makes it possible to improve the quality of services, customer service, resource management, increase efficiency and reduce costs, which contributes to the growth of the industry's competitiveness in the global market. At the same time, along with the undoubted positive aspects of the digital transformation of the transport industry in Russia, there are also negative aspects of this process, which have such asocial consequences for workers in the transport industry as increased unemployment, "digital oppression", social dumping, etc.

Keywords: transport; transport industry; digitalization; digital transformation; social aspects; Russia

ГРНТИ: 11.15.86

Феномен Баадера-Майнхофа в локальных сетевых сообществах как форма проявления гражданской активности (на примере отношения граждан к транспортной реформе)

Н. В. Крайнова, Д. А. Прусов

ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

prusov2013@yandex.ru, nvkrainova@mail.ru

Общество активно пользуется возможностями, которые предоставляет сеть Интернет. Важно отметить, что, несмотря на положительные моменты, представленная информационно-коммуникативная технология привела к информационному перенасыщению человека. Это, в свою очередь, стало благоприятной почвой для проявления такого психологического феномена, как иллюзия частотности. В данной статье представлены результаты исследования, в котором авторы рассматривают представленный феномен в локальных интернет-сообществах Ярославля. Для выявления данного феномена были проанализированы комментарии, которые касались дорожно-транспортных происшествий с участием общественного транспорта.

Ключевые слова: феномен Баадера-Майнхофа; восприятие; общественный транспорт; транспортная реформа; локальное сетевое сообщество; когнитивное искажение; социальная сеть; иллюзия частотности; гражданская активность

Введение

Если посмотреть на историю общества через призму развития и распространения разнообразных технологий и механизмов, можно увидеть определенную закономерность – чем сложнее придуманное приспособление или изобретение, тем больше информации требуется индивиду для ее обработки и запоминания. Если в первобытные времена человеку было достаточно владеть исключительно информацией об основах выживания в дикой природе, то сейчас, в эпоху цифровизации, от нас требуется намного больше.

Последние исследования в области когнитивных наук показали, что в среднем современный человек потребляет такой объем информации, который можно разместить в ста семидесяти четырех стандартных газетах [6]. Конечно же, человеческий мозг старается фильтровать всю полученную информацию и не запоминать лишнее. При этом различные исследователи утверждают, что в осовремененном мире существует некая информационная перегрузка [10, с.11]. Такое перенасыщение стало возможным благодаря четырем факторам: доступность и высокая скорость передачи информации, агрессивное навязывание лишней информации различными информационными источниками, однобокость представления информации в связи со спецификой работы интернет-сервисов, зависимость индивида и общества от коммуникационных технологий [8, с. 326]. В совокупности данные факторы способствуют когнитивному искажению получаемой информации, что, в свою очередь, является благоприятной почвой для развития такого когнитивного явления как феномен Баадера-Майнхофа, который может стать формой проявления гражданской активности в локальных сообществах.

Теоретическая рамка исследования

Феномен гражданской активности изучается несколькими общественными дисциплинами: политология, социология, психология, юриспруденция и так далее. В свою очередь это приводит к некой размытости и неопределенности в понятийном аппарате. Например, с точки зрения психологии гражданское участие – это активное участие индивида в общественной жизни, основанное на осознанности своих действий и добровольчестве [3, с.370]. В юриспруденции гражданское участие рассматривается как проявление высшей формы гражданско-правовой культуры, которая отличается целенаправленностью в участии в общественной жизни [11, с.136]. Ряд социологов считают, что гражданская активность – это деятельность, выходящая за пределы частных кругов коммуникации и ориентированная на коллективные интересы [7, с.101].

Несмотря на имеющиеся в научной среде разнообразие определений гражданской активности, можно выделить несколько общих черт для всех них. Во-первых, направленность на изменение социально-общественного поля, это означает, что гражданин больше стремится удовлетворить общественный интерес нежели свой. Во-вторых,

осознанность действий (индивид самостоятельно принимает решения о реализации того или иного действия). В-третьих, возможность кооперации с другими гражданами в общественные коллективы. При этом важно отметить тот факт, что данная кооперация может проявляться по-разному.

Например, одной из таких форм можно считать комментарии граждан к публикациям в социальных сетях, которые касаются функционирования общества либо затрагивают его социально-значимые проблемы. Когда субъекты начинают какое-либо обсуждение в интернет-сообществах, то тем самым они создают определенное информационное поле, которое может оказывать воздействие на восприятие других субъектов и формировать у них общественное мнение. Это в свою очередь может привести к появлению феномена Баадера-Майнхофа или, как его ещё часто называют, иллюзии частотности. В нашем исследовании под данным термином мы будем понимать некое когнитивное искажение получаемой информации, которое способствует увеличению частотности ее получения и обращения на нее внимания.

Арнольд Цвики, один из исследователей данного феномена, считает, что иллюзия частотности может быть вызвана сочетанием двух когнитивных составляющих: *selective attention* (можно перевести как селективное внимание) и *confirmation bias* (способность придерживаться своей точки зрения) [12, с.2]. Рассмотрим данные компоненты более детально.

В психологии под селективным (выборочным) вниманием принято подразумевать способность нашего сознания отбирать только ту информацию, которая будет наиболее релевантной для нас в каждой конкретной ситуации, и блокировать другую часть, которая не несёт никакой пользы в данный момент времени. Второй компонент иллюзии частотности – способность индивидуума придерживаться своей точки зрения - означает, что человеческий мозг отдаёт предпочтение той информации, которая вписывается в его представление о мире и обществе. Стоит отметить, что в таких случаях информация для анализа и обработки подбирается выборочно.

Поскольку феномен Баадера-Майнхофа, так или иначе, связан с восприятием и получением информации, то, конечно же, он может проявляться в сетевых сообществах. В научной среде нет единого мнения о том, что такое «сетевое сообщество». Так, например, сетевое сообщество – это группа людей, взаимодействующих на основе ком-

муникаций Интернета, имеющих общие связи между собой, способных к проявлению совместных форм активности и саморефлексии [8, с. 134]. Кроме этого, сетевое сообщество - это объединение группы людей по общим интересам с использованием Интернет технологий [2, с. 95]. Из представленных определений видно, что любое сетевое сообщество создаётся на основе какого-то признака, присущего всем его участникам. К таким признакам могут относиться увлечения, профессиональная сфера деятельности, территориальное проживание и так далее.

Теперь же, когда все основные понятия определены, можно перейти к факторам, способствующим появлению иллюзии частотности. Специалисты в области когнитивных наук выделяют пять основных факторов появления феномена Баадера-Майнхофа:

1. Интерес и целенаправленность. Когда человек заинтересован в определенном объекте или событии, он более склонен обращать на них внимание, что усиливает этот эффект.

2. Активация внимания. Любые события или стимулы, которые вызывают активацию внимания, могут способствовать появлению эффекта частоты внимания.

3. Повторение. Если человек многократно сталкивается с определенным объектом или событием после того, как обратил на него внимание, создается впечатление увеличения частоты встречаемости.

4. Автоматизация внимания. Чем более автоматическим становится внимание человека к объекту или событию, тем меньше специальных усилий для взаимодействия с ними он затрачивает. Это также усиливает ощущение частоты встречаемости.

5. Подтверждение ожиданий. Если человек ожидает увидеть что-то определенное или сталкивается с информацией об объекте, он становится более склонным обращать на это внимание, что также усиливает эффект.

Переходя к конкретным примерам, стоит отметить, что все перечисленные факторы так или иначе существовали в массовом сознании у граждан города Ярославля во время проведения транспортной реформы.

Данная реформа касалась трёх основных моментов: отказа от услуг маршрутных такси в пользу единого городского общественного транспорта, изменения маршрутов автобусов (вызвало наибольшее

возмущение среди местного населения), замены старого подвижного состава новыми автобусами, оформленными в едином стиле [4].

Такая совокупность серьезных изменений вызвала повышенный интерес со стороны местных СМИ и общественности, увеличение степени повторения новостных сообщений о последствиях реформы в локальных сетевых сообществах, заведомое ожидание провала реформы и так далее. Все это привело к появлению иллюзии частотности относительно количества дорожно-транспортных происшествий с участием общественного транспорта.

Цель и методы исследования

Гипотеза исследования: в связи с увеличением общего числа дорожно-транспортных происшествий с участием общественного транспорта в городе Ярославле в популярных сетевых сообществах города происходило увеличение количества публикаций о таких ДТП, а комментарии, относительно нового городского подвижного состава, носили преимущественно негативный характер.

Цель исследования: выявление частоты публикаций по теме дорожно-транспортных происшествий с участием общественного транспорта в трех наиболее популярных интернет-сообществах города Ярославля, а также определение контекстной близости слов в комментариях к словам «автобус» и «желтый» (в исследовании понятия выступают в качестве контекстных синонимов).

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: установить наиболее популярные интернет-сообщества в городе Ярославль; определить самые популярные публикации, связанные с авариями, участником которых становился общественный транспорт; выявить контекстную близость слов в комментариях к таким словам, как «автобус» и «жёлтый»; установить эмоциональную окраску комментариев.

При проведении исследования были применены следующие методы: статистические (необходим для сбора и анализа количественных показателей), контент-анализа и метод дистрибутивной семантики (необходимы для анализа комментариев в социальной сети).

Стоит отметить, что большая часть данных собиралась при использовании самостоятельно разработанного авторами автоматического алгоритма, принцип работы которого основывается на обращении к API социальной сети «ВКонтакте». Используемый алгоритм при по-

мощи библиотек `re`, `rumorphy3`, `nltk`, `sklearn` рассчитал частоту повторения слов в комментариях, их вес, а также осуществил расчёт контекстной близости.

Основная часть (результаты сбора данных)

Прежде, чем перейти к результатам исследования, нам необходимо понять, действительно ли число дорожно-транспортных происшествий с участием общественного транспорта в Ярославле стало больше, чем было до транспортной реформы (введения новых автобусов). Для этого обратимся к открытым данным, которые представлены органами ГИБДД. Так, за 2022 год было зафиксировано 100 подобных ДТП, а за 2023 – уже 190 аварий [4]. Представленные данные демонстрируют, что в городе действительно произошло увеличение числа дорожно-транспортных происшествий с участием общественного транспорта практически в два раза. Это и могло привести к увеличению частоты публикаций о подобных случаях в интернет-сообществах.

Если же говорить про популярные городские сообщества в социальной сети «ВКонтакте», то, в ходе проведенного анализа, удалось установить три группы с наибольшим числом подписчиков: «Подслушано в Ярославле» (348.381 подписчик), «Жесть Ярославль» (261 396 подписчиков) и «Ярославль live» (259.118 подписчиков). Можно считать, что данные группы аккумулируют в себе значительную часть населения Ярославля, а комментарии под публикациями данных сообществ, следовательно, можно рассматривать как некое «общественное мнение».

Теперь мы можем перейти к результатам исследования. Заметим, что в выборку попали только те публикации, которые были созданы в 2023 году и собрали не менее 100 отметок «мне нравится». Таким образом, выборочная совокупность публикаций и комментариев выглядит следующим образом: «Подслушано в Ярославле» (15 постов и 1500 комментариев), «Ярославль live» (15 постов и 1500 комментариев), «Жесть Ярославль» (7 публикаций и 700 комментариев). Если же рассматривать статистику за предыдущий год, получают такие данные: «Ярославль live» (0 публикаций и комментариев по поисковому запросу «автобус»), «Подслушано в Ярославле» (0 записей и 0 комментариев), «Жесть Ярославль» (ситуация аналогична двум другим). Как видно из представленных данных, в локальных интернет-сообществах города Ярославля наблюдалось значительное уве-

личение публикаций, посвященных дорожно-транспортным происшествиям с участием общественного транспорта. На основе имеющейся информации, статистики ГИБДД и количественного анализа публикаций в социальной сети «ВКонтакте» можно сделать вывод, что участники городских сообществ стали чаще публиковать записи с авариями, несмотря на факт их наличия ранее. Это явление можно считать проявлением феномена иллюзии частотности в online-сообществе.

Важно также понимать контекст, который складывается вокруг таких публикаций. Для этого обратимся к разворачивающимся под публикациями обсуждениям. Это связано с тем, что комментарии, оставленные гражданами в социальной сети, являются неким отражением их отношения к окружающей действительности, выражением собственной оценки элементов картины мира, что образно и ярко возможно лишь на уровне языка [1, с. 242].

Для анализа общей совокупности текста в комментариях в каждой группе авторы исследования использовали метод `TfidfVectorizer` (библиотека `sklearn`). Данный метод помогает рассчитать значимость слова в текстовом массиве (коэффициент от 0 до 1, чем ближе показатель к единице, тем оно ценнее). На основе полученных коэффициентов устанавливаются биграммы (последовательность двух смежных элементов из строки токенов), что позволяет выявить контекстную близость для слов «автобус» и «желтый». В процессе использования описанного метода были получены следующие результаты:

1. «Подслушано в Ярославле». Чаще всего в комментариях к публикациям данной группы слова «автобус» и «желтый» употреблялись вместе с такими словами, как водитель (TF-IDF вес 0,28), остановка (TF-IDF вес 0,11), ПДД (0,046), пешеход (TF-IDF вес 0,041), авария (TF-IDF вес 0,041), скорость (TF-IDF вес 0,028), красный (TF-IDF вес 0,028), пассажир (TF-IDF вес 0,023). В основном новые автобусы у членов группы ассоциируются с уровнем компетенций водителя, нарушением правил дорожного движения, высокой скоростью вождения, высокой аварийностью, в меньшей степени - с действиями пассажиров. Об этом также свидетельствуют результаты контент-анализа. Слово «водитель» встречается 111 раз, «остановка» - 46 раз, «ДТП» – 21 и так далее. Если говорить про ярко выраженные эмоциональные слова, то тут можно найти такие негативные словосочетания, как «забрызгать грязью», «сломать руку», «страшно», «повышенной опасности» и много другое.

2. «Ярославль live». В данной группе картина весьма похожа. Чаще всего вместе со словами «автобус» и «желтый» употреблялись следующие слова: «водитель» (TF-IDF вес 0.26), «ДТП» (TF-IDF вес 0.067), «красный» (TF-IDF вес 0.063), «авария» (TF-IDF вес 0.058), «телефон» (TF-IDF вес 0.029), «ПДД» (TF-IDF вес 0.029), «Евраев» (TF-IDF вес 0.025) и так далее. Мы видим, что в большинстве случаев контекстная близость слов совпадает с предыдущей группой. Однако в данном случае присутствует упоминание и о действующем губернаторе области - М.Я. Евраеве (при нем был обновлен городской общественный транспорт). Если обратиться к результатам контент-анализа, можно увидеть, как часто упоминаются те или иные слова. Например, «водитель» - 63 раза, «авария» - 14 раз, «ДТП» - 16 раз, «ездить» - 21, «дорога» - 10. Подчеркнем также негативную окраску комментариев: зачастую можно обнаружить приличное количество бранных слов («клоуны», «уволить», «суицид», словосочетание «резко тормозить»).

3. «Жесть Ярославль». Наиболее весомыми словами по отношению к словам «автобус» и «желтый» являются «водитель» (TF-IDF вес 0.31), «пешеход» (TF-IDF вес 0.10), «красный» (TF-IDF вес 0.076), «пассажир» (TF-IDF вес 0.063), «дорога» (TF-IDF вес 0.057), «телефон» (TF-IDF вес 0.051), «авария» (TF-IDF вес 0.044), «ДТП» (F-IDF вес 0.025). Контент-анализ же показывает следующие результаты: слово «водитель» упоминается 50 раз, «колесо» – 11 раз, «авария» – 7, «телефон» – 8, «проезд» – 6 раз. Также, как и в других случаях, присутствует эмоционально негативная окраска комментариев, выражающаяся в таких выражениях, как «бардак», «жалоба», «гастарбайтер», «треш».

Резюмируя все вышесказанное, подытожим, что комментарии в локальных интернет-сообществах можно рассматривать как форму проявления гражданской активности. Граждане, начиная общаться в таких группах, создают определенное информационное поле, которое может влиять на человеческое восприятие информации. Например, обращать внимание на какие-либо негативные моменты функционирования общества. Такое произошло и в ярославских интернет-сообществах, в которых было обсуждение аварий, с участием общественно-го транспорта.

Так, в городе Ярославле наблюдается значительный рост дорожно-транспортных происшествий с участием общественного транспорта. Число аварий с участием городских автобусов увеличилось со 100 случаев в 2022 году до 190 случаев в 2023. Данная закономер-

ность могла стать причиной увеличения числа публикаций об авариях в локальных интернет-сообществах. В ходе проведенного исследования было проанализировано 3700 комментариев из трех наиболее популярных групп в социальной сети «ВКонтакте». В большинстве случаев участники ярославских сообществ в своих комментариях под публикациями о ДТП акцентировали внимание на водителях автобусов, несоблюдении правил дорожного движения, несоблюдении скоростного режима, а также на движении во время запрещающего сигнала светофора. К тому же, основная масса комментариев носила негативный характер, о чем свидетельствует их эмоциональная окраска («страшно», «опасно», «треш», а также слова, которые относятся к ненормативной лексике).

Список источников

1. Карпоян С.М. Функции комментария на различных коммуникативных платформах социальных сетей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 11-2. – С. 242-245.

2. Курбатов В. И. Сетевые сообщества Интернета как социальные конструкты // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 4. – С. 94-102.

3. Лучинкина А.И. Психология гражданской активности молодежи / А.И. Лучинкина, А.А. Коршак // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 72-1. – С. 370-373.

4. Официальный портал Ярославской области. Модернизация системы общественного транспорта Ярославской области // URL: <https://www.yarregion.ru/Pages/government/open/default.aspx> (дата обращения 23.02.2024).

5. Официальный сайт Госавтоинспекции. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения // URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения 23.02.2024).

6. Официальный сайт информационного агентства ТАСС. Наука. Мозг в осаде. Что делать с информационной перегрузкой? URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/14141231?ysclid=ls8zhlm0jl87049094> (дата обращения: 23.02.2024).

7. Реутов Е.В. Потенциал гражданской активности молодежи в развитии местного самоуправления // Управление городом: теория и практика. – 2022. – № 2(44). – С. 36-41.

8. Сергодеев В.А. Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2013. – № 1(113). – С. 132-137.

9. Стрекалова Н.Б. Влияние информационной перегрузки на жизнедеятельность личности / Н. Б. Стрекалова // Проблемы и перспективы развития образования в России. – 2011. – № 12. – С. 325-330.

10. Труфанова Е.О. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2019. – № 1(16). – С. 4-21.

11. Шамсутдинова Д.В. Интеграция правовых, социально-культурных и организационно-методических требований к формированию гражданско-правовой культуры личности // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 2. – С. 127-131.

12. Arnold M. Zwicky. Why are we so illuded? // Stanford University. -2006. - September.

Baader-Meinhof phenomenon in local network communities as a form of manifestation of civic activity (on the example of citizens' attitudes to transportation reform)

N. V. Krainova, D. A. Prusov

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Society is actively using the opportunities provided by the Internet. It is important to note that, despite the positive aspects, the presented information and communication technology has led to information oversaturation of a person. This, in turn, has become a favorable ground for the manifestation of such psychological phenomenon as the illusion of frequency. This article presents the results of a study in which the authors examine the phenomenon presented in local Internet communities of Yaroslavl. In order to identify this phenomenon, the comments were analyzed, which concerned road accidents involving public transport.

Keywords: Baader-Meinhof phenomenon; perception; public transportation; transportation reform; local network community; cognitive distortion; social network; frequency illusion; civic engagement

Генеративный искусственный интеллект: pro et contra

Т. А. Кулакова

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург

Генеративные модели искусственного интеллекта вызвали бум в обществах разработчиков и предпринимателей, а также чиновников в 2021 году, но это уже четвертый подход к «снаряду» с 1960 г. Бум вокруг генеративного искусственного интеллекта вызван завышенными ожиданиями от перспектив его использования в ведении кибервойны, найденным способом заработать на огромном объеме самых разнородных данных, накопленных на платформах. Американцы первыми обнаружили возможность монетизации данных, которые люди добровольно-принудительно выкладывают в сеть, формируя свои профили, подсказывая таким образом формы и инструменты контроля за своим поведением. Генеративный искусственный интеллект – это тип модели машинного обучения для анализа больших данных и создания алгоритмов, позволяющий на их основе продуцировать новый контент. Если одна нейросеть генеративного искусственного интеллекта генерирует контент – речь, текст, изображение, видео, программный код, дизайн, то другая в идеале ищет уязвимости, отличает правильный контент от ложного. Найден отличный инструмент для размывания истинного знания постоянным вбросом сконструированных информационных посылов и закрепления пассивного выбора потребительского поведения.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект; федеральная программа «Искусственный интеллект»; унификация поведения; утрата компетенций населения

Введение

Противостояние Российской Федерации в когнитивной сфере англосаксонскому миру оказало влияние на восприятие жизни, пространства, конфликтов, информации, времени и гражданства российским обществом. Сегодняшнее возрождение российского общества связано с укреплением государства, демонстрирующего способность к суверенному принятию решений в области внутренней и внешней политики. Общество пронизано нарративами и паттернами национального возрождения

как важнейшей характеристики современной российской политической культуры, как условия не просто выживания, но и развития в условиях современной трансформации мира.

Признание главенства в документах западных аналитических центров ментального противостояния как ведущего в трансформации мира по отношению к кинетическим действиям основано на длительном изучении способов мышления и поведения российского населения в рамках Мюнхенского и Гарвардского проектов, проекта GDELT Project, Совета по психологическим стратегиям, исследований АНБ США, RAND Corporation, Центра инноваций НАТО и других. В этом им помогали и бывшие соотечественники – Владимир Лефевр (теория рефлексии), Евгений Месснер (концепция психологической войны – «мятежевойна»), диссиденты, «правозащитники» и так называемые современные интеллектуалы, признанные иностранными агентами.

Эволюция когнитивной войны, ее влияние на принятие решений заключается не только в системном и массированном вбрасывании ложной информации, но направлена на изменение массового сознания. Так, в отчете Центра инноваций НАТО «Cognitive warfare» (2020) под редакцией Франсуа де Клозеля прямо говорится об использовании поведенческой экономики и киберпсихологии для разрушения доверия в противостоящих обществах. Де Клозель не оригинален, он повторяет идею Курта Левина о необходимости слома морального духа противника. Среди важнейших методов отметим механизм замещения личной ответственности и подмены ее виртуальной коллективной ответственностью, что обусловлено унификацией индивидуальных особенностей и жизненного опыта господством в информационном пространстве цифровых платформ, контролируемых противостоящей стороной. «Повествования» (сторителлинг) направлены на усредненного человека с наиболее распространенными верованиями и заблуждениями, отменяя не только законы логики, но и здравый смысл. Так называемые коллективные представления, в отличие от индивидуального мышления, не отделены от эмоций и волевых актов массы, что активно используется в массовой политической коммуникации при формировании политических мифов.

Как любая технология, сторителлинг направлен на достижение заданного результата с помощью методов психологического воздействия и вирусного распространения сконструированных мнений и образцов поведения. Влияние на оппонента с целью разрушения его морали, высмеивания его способа мышления и поведения сложными методами

комплексного воздействия, включающими заблуждения, предрассудки, тревоги и надежды для эмоционального и когнитивного подчинения. Подбор нужных фактов вытесняет убеждения и ценности, которые были присущи человеку, объявляя их вторичными по отношению к факту, как правило, «фейку». Методы открытого принуждения в цифровом пространстве замещаются методами конструирования чуждых нарративов, подчиняя сознание человека, делающего его беззащитным перед комплексным применением риторических, вербальных, визуальных, звуковых и цветовых средств, снимающих барьеры восприятия.

Декларация традиционных ценностей фундаментом бытия - важное начало «исправления имен», «если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться, ... народ не знает, как себя вести». Схожие традиционным ценностям изменения во всех сферах жизнедеятельности российского общества не будут безболезненными, потребуют мудрости, мужества и упорства как от власти, так и от общества.

Слабость отечественных официальных общественных наук состоит в их ориентации на англо-саксонские концепты и догмы. Большую смелость и глубину проявляет «гражданская наука» многочисленных интеллектуальных групп. Ментальная война против России ведется не одно десятилетие, отстроена стратегически, тактически, методически и инструментально. Вероятность негативного сценария исключать нельзя. Информационное российское пространство мозаично, в нем присутствует недружественный контент, направленный на все слои и группы. Наблюдается некоторое оживление в патриотическом сегменте, появляются новые имена, меняется язык, но эти изменения точечны. Токшоу устарели драматургически, необходимо разнообразие форматов как на ТВ, так и в Интернете, контролируемых дельцами и недругами. Формирование иммунитета российского общества к попыткам реализации манипулятивных стратегий когнитивной войны должно строиться на повышении способности людей к защите от дезинформации, зашитой в чуждые «нарративы», которые провоцирует страхи и тревожность, предрассудки, недоверие государству на индивидуальном и групповом уровне.

Теоретическая рамка исследования

Суверенитет страны в киберпространстве существенно подрывается не только «привязанностью» к западным технологиям и платформам, но и комплексным использованием математики, психологии, социальной инженерии, коммуникативной теории, маркетинга, рекламы

и пропаганды в формировании целенаправленного контента на российскую аудиторию. «Элегантное» протаскивание комплекса ущербности и отверженности, не особенности и уникальности, а нецивилизованности русского мира и русской культуры просматривается в интеллектуальных коммуникативных единицах смысловыми и лингвистическими приемами. Междисциплинарные исследования в России слабо развиты, нет запроса на создание групп, способных не только к аналитической работе (что само по себе очень важно), но к разработке ментальных операций, отвечающих как задачам момента, так и стратегическим целям.

Цель и методы исследования

Выявление методов растворения истины и подмены смыслов в коммуникативном пространстве (СМИ, ТВ, Интернет-платформах) требует комплексного теоретического подхода к анализу формы и содержания вербального и визуального контента и рефлексии на него в массовом сознании. Концепция Homo Narrans дает новую технологию социальной инженерии на основе использования генеративного искусственного интеллекта. В отечественной науке невелико число исследований проблем распознавания и интерпретации нарративов различными социальными группами, что в условиях географической, социальной, образовательной, этнической, поколенческой дифференциации населения совершенно необходимо. На этой основе возможно выстраивание целостного ценностного подхода к формированию моральных и нравственных, эстетических рамок коммуникативного пространства страны, отражающего ее особенность и уникальность. Разработка технологий для повышения эффективности используемой технологии сторителлинга как инструмента социализации личности, в формировании нормативных рамок поведения индивидов, а также и перевода деструктивных практик и смыслов в морально и легально приемлемые границы.

Основная часть (результаты сбора данных)

Анализ состояния интернет-платформ показывает, что в нем доминирует недружественный контент по отношению к нашей стране, который находит положительную реакцию со стороны некоторой части населения. Коммуникативные воздействия содержат культурный, ценностно-нормативный, социальный и когнитивно-оценочный и контексты, направленные на дезинтеграцию людей в соответствии со сконструированной технологами особым образом картиной западноцентричного мира. Исторические события являются основой формирования идеологизированных нарративов, направленных на разрушение карти-

ны русского (в широком понимании) мира. Вовлечение в массовую коммуникацию самых широких слоев населения привело к становлению нарративных форматов медиаконтента. Рассказывание «историй» в скрытой форме содержит идеи, события, которые по структуре выстроенного повествования подводят людей к заданным выводам, оценкам и эмоциям. Целью таких повествований является в первую очередь реинжиниринг эмоций как самая доступная реакция большинства людей на новости, события. Вторичная реальность, создаваемая в медиaprостранстве, заполняется дезинформацией, противоречивыми интерпретациями фактов, мистификациями привлекательна за счет развлекательности и облегченности подачи, вызывая бессознательные отклики и реакции, мотивы и символы. За счет масштаба распространения нарративов падает доверие к институционализированным медийным актерам и патристично настроенным актерам блогосферы в силу сформированного клипового и мозаичного сознания потребителей контента самим информационно-коммуникативным пространством и мировоззренческим разрывом в конце 80-х-90-е годы. Нарративы, образные и визуальные символы, «обличающие» устройство русского мира вытесняют критическое мышление, здравый смысл, творческое воображение и системную связность представлений о современном мире. Паттерны социального поведения с помощью этих нарративов внедряются в сознание людей, практически незаметно алгоритмируя его. Пассивный выбор поведения навязывается именно генеративным искусственным интеллектом, используемым в повседневной практике потребления, освобождая человека от свободы воли, подчиняя его чужой воле. Перенос повседневных практик пассивного выбора потребления под воздействием генеративных нейросетей, маркетинга и рекламы на потребление в сфере идей, культуры, лишает человека критического и самостоятельного мышления, что ведет и к утрате профессиональных компетенций.

Выводы

Массированная атака недругов в когнитивной и ментальной сферах строится на алгоритмах холодной войны и ее венца – перестройки. Назначена Перестройка-2. Идея креативного разрушения России повторяет проверенную стратегию времен 80 - 90 годов прошлого века - разгона недовольства всех слоев населения и разжигания межнациональных и межэтнических конфликтов. Для ее предотвращения нужно сменить восторженное отношение к генеративному искусственному интеллекту исключительно как способу получения экономической выгоды, не нагруженной конкретными задачами в производственной сфере и государ-

ственном управлении. Предельно конкретная постановка задачи защиты интересов страны не только на линии соприкосновения, но и в тылу, в гуманитарной сфере требует системности, методологической и методической обеспеченности с учетом долгосрочных целей сохранения и развития. Федеральный проект по развитию искусственного интеллекта, продленный до 2030 года, должен включать не только и не столько формирование экономики данных (инфраструктуры вычислений и хранения данных с использованием отечественного оборудования, технологий и программного обеспечения, облачных платформ, центров обработки данных), но и вопросы когнитивной и ментальной безопасности. Идущий в стране процесс формирования нравственных установок на основе традиционных ценностей должен получить «прописку» в Федеральном проекте по развитию искусственного интеллекта для масштабирования этой деятельности на все население.

Generative artificial intelligence: pro et contra

T. A. Kulakova

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Generative models of artificial intelligence caused a boom in the communities of developers and entrepreneurs, as well as officials in 2021, but this is the fourth approach to the "projectile" since 1960. The boom around generative artificial intelligence is caused by inflated expectations from the prospects of its use in cyber warfare, a way to make money on a huge amount of the most heterogeneous data accumulated on platforms. The Americans were the first to discover the possibility of monetization of data that people voluntarily and forcibly upload to the network, forming their profiles, thus suggesting forms and tools for controlling their behavior. Generative artificial intelligence is a type of machine learning model for analyzing big data and creating algorithms that allow you to produce new content based on them. If one neural network of generative artificial intelligence generates content – speech, text, image, video, program code, design, then the other ideally looks for vulnerabilities, distinguishes correct content from false. An excellent tool has been found for blurring true knowledge by the constant injection of constructed information messages and consolidating the passive choice of consumer behavior.

Keywords: generative artificial intelligence; federal program "Artificial Intelligence"; unification of behavior; loss of competencies of the population

Современные технологии управления массовым сознанием

Т. А. Кулакова, А. В. Волкова, Г. В. Лукьянова

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург

Статья исследовательского коллектива продолжает цикл публикаций, посвященных социально-политическим аспектам цифровых трансформаций. Высокие темпы развития информационных технологий обуславливают, среди прочего, и качественные изменения в публичной политике. Цифровая публичная политика все чаще характеризуется не как сфера рационального осмысления и аргументации, а превратившись в поле для борьбы символов, эмоций, фейков. Авторы приходят к выводу, что среди современных коммуникативных технологий визуальный сторителлинг становится эффективным инструментом политической борьбы за счет, с одной стороны, эмоционального воздействия на аудиторию и, с другой стороны, - за счет упрощения восприятия передаваемой информации. Как технология воздействия на массовое сознание он широко используется в сети с целью формирования отношений доверия, создавая и новые возможности, и новые угрозы. При грамотном использовании, данная технология может помочь организовать информационное цифровое пространство России в национальных интересах, в том числе, для артикулирования системы ценностей, коррелирующих с социально-политическими процессами в стране и мире и с учетом наших культурных традиций.

Ключевые слова: цифровая публичная политика; медиатизация социальной жизни; когнитивная война; визуальный сторителлинг; формирование доверия

Глобальные сети и информационные потоки, пронизавшие все мировое пространство, в определенной мере разрушают внутренние факторы – традиции, культурные ценности, социальные практики, обеспечивающие устойчивость и воспроизводство структур общества и национальных государств. Давление транснациональных гигантов, инвестиционных фондов, государств гегемонов настолько велико, что в научном и политическом сообществах начали говорить о неокOLONIALИЗМЕ.

Внедрение цифровых инструментов порождает проблемы незащищенности граждан от киберпреступности, запаздывание реакций государственных институтов на нарушение базовых прав и свобод гражданина в результате использования программного обеспечения, применяемого, по уверениям владельцев, в самых гуманных целях.

Процессы политики цифровой трансформации не вписываются в традиционные рамки представлений о публичной политике как об отношениях, основанных на договоре и согласии. Цифровая трансформация строится, скорее, на таких принципах как сегментарное разнообразие, межгрупповая и межличностная полемика, конфликт всех со всеми. В условиях неконтролируемого лавинообразного нарастания информации основная идейная борьба разворачивается лишь вокруг «правильного» и «неправильного» пониманий фактов, явлений, процессов, но не формирования цельного и ценностного восприятия мира.

В результате широкого использования новых коммуникативных платформ исчезли границы распространения информации, но усилились вульгаризация контента и манипулятивное воздействие на сознание и поведение миллионов людей. Если публичное управление предусматривает чувствительность государства к запросам граждан, нацелено на обеспечение мобильности различных сообществ в силу гибкости применяемых инструментов, то необходимо признать и необходимость совершенствования этих инструментов для вовлечения в публичность групп и сообществ развитием обратных связей, а не их цифровую дискриминацию, вызывающую если не саботаж, то определенное недоверие к реализуемым стратегиям достижения целей программы «Цифровая экономика» [1].

Влияние массмедиа и медиатехнологий на изменение социальных практик и социальные институты в информационном обществе неоспоримо. Социальный опыт индивидов и групп, целых народов искажается под этим целенаправленным изошренным воздействием мастеров обработки массового сознания. Высокая динамика социальных изменений заставляет растерянное население искать среди них тех, кто может затронуть уязвленное самолюбие, неудовлетворенность жизнью, комплексы, вызвать любопытство. Более того, доверие собственному чувству, пониманию, опыту и знанию, падает у индивидов и сообществ. Коммуникативные воздействия направлены на культурный, ценностно-нормативный, эмоциональный, социальный и когнитив-

но-оценочный контексты в соответствии с конструированной технологичными особым образом картиной мира.

В агрессивном медиатизированном информационном пространстве формируется человек со смазанной социальной и политической идентичностью как в реальной, так и в платформенной социальных средах, отдавая предпочтение именно последней. Признание того положения, что человек не является рационально мыслящим, поскольку его поведенческая модель определяется медиасферой, которая преподносит в нарративной форме - символах, ритуалах - смыслы, визуально и вербально усиленные цифровыми инструментами, ставит проблему свободы мышления и воли современного человека.

Противостояние Российской Федерации в когнитивной сфере англосаксонскому миру оказало влияние на восприятие жизни, пространства, конфликтов, информации, времени и гражданства в российском обществе. Сегодняшнее возрождение российского общества связано с укреплением государства, демонстрирующего способность к суверенному принятию решений и действий в области внутренней и внешней политики. Общество пронизано нарративами и паттернами национального возрождения как важнейшей характеристики современной российской политической культуры как условия не просто выживания, но и развития в условиях современной трансформации мира.

Признание ментального противостояния как ведущего в трансформации мира по отношению к кинетическим действиям основано на длительном изучении способов мышления и поведения российского населения в рамках Мюнхенского и Гарвардского проектов, проекта GDELT Project, Совета по психологическим стратегиям, исследований АНБ США, RAND Corporation, Центра инноваций НАТО и других многочисленных разведывательно-аналитических центров. В этом им помогали и бывшие соотечественники – Владимир Лефевр (теория рефлексии), Евгений Месснер (концепция психологической войны – «мятежевойна»), диссиденты, «правозащитники» и так называемые современные интеллектуалы.

Эволюция когнитивной войны, ее влияние на принятие решений заключается не только в системном и массированном вбрасывании ложной информации, но направлена на сознание субъектов (многих и немногих), варианты выбора моделей поведения для различных сообществ, базируется на таком аспекте русской культуры как доверие и простодушие, открытость методом методичного налаживания пар-

тнерских отношений с влиятельными лицами в социальных сетях, назначении «истинных» арбитров правды и истины, чтобы раскалывать общество изнутри России. Так, в отчете Центра инноваций НАТО «Cognitive warfare» (2020) под редакцией Франсуа де Клозеля прямо говорится об использовании поведенческой экономики и киберпсихологии для разрушения доверия в противостоящих обществах. Де Клозель не оригинален, он повторяет идею Курта Левина о необходимости слома морального духа противника.

Примечательно, что для стран Европейского союза характерна осторожная позиция в отношении цифровых трансформаций социальной сферы, поскольку гражданские сообщества защищают свои интересы, не позволяя государственным органам бесконтрольно навязывать цифровые услуги. Кроме того, даже развитые страны ЕС — Германия и Франция — не обладают достаточными цифровыми компетенциями, вынужденно подчиняясь ИТ-гигантам. Для Еврокомиссии стало очевидно претензии цифровых платформ перехватить функции государства и управлять политическим процессом, как на национальном уровне, так и в масштабах ЕС. Понятно, что такая агрессивная политика будет встречать противодействие государств и гражданских сообществ при условии выстраивания между ними диалоговых взаимодействий, а это становится проблемой.

Формирование иммунитета российского общества к попыткам реализации манипулятивных стратегий когнитивной войны должно строиться на повышении способности людей к защите от дезинформации, защитой в нарративы», которая провоцирует страхи и тревожность, предрассудки, недоверие государству на индивидуальном и групповом уровне. Устойчивость к восприятию дезинформации должна дополняться реальным набором реальных возможностей («мобильностей») различной направленности для населения, особенно для молодежи и участников СВО, а не только запретами и ограничениями.

Нарратив является одним из форматов медиаконтента, активно используемых в сторителлинге в силу расширения вовлечения в массовую коммуникацию самых разнородных слоев. С помощью нарративов внедряются паттерны социального поведения в социальные группы, направленные на изменение индивидуального и группового поведения. Ядром любого нарратива является смысловая рамка идеи, факта, мысли, события, актуальные в медиапространстве. Алгоритм нарратива строится по определенной драматургии, в которую «защиты» при-

чинно-следственные связи событий, характеристики их участников, подталкивающие к определенному восприятию события и его оценке. Важно, что «повествование» имеет, как правило, познавательного-развлекательный характер, облегчающий восприятие контента, нацелено на чувственно-эмоциональный уровень познания. Медийное пространство, ставшее второй реальностью, заполнено различными шумами, дезинформацией, противоречивыми интерпретациями фактов, что вызывает снижение доверия к институционализированным акторам медиасферы, формирование мозаичности восприятия и сознания, с одной стороны, а с другой – потребность в опоре на собственный, пусть и ограниченный, опыт и интуицию. Натиск нарративов, образных конструкций и визуальных символов вытесняют опору на опыт как основы критического мышления, творческое воображение, ценность знания и образования, системную связность представлений об окружающем социальном мире.

Эффективность использования визуального повествования (сторителлинга) как технологии «упаковки» сконструированных нарративов в медиатизированном обществе подтверждается многими исследованиями. Концепция Номо Narrans сводит процесс познания мира к восприятию человеком информации через рассказанные ему истории (вербальные и визуальные) через легенды, сказки, мифы, произведения искусства. В цифровом пространстве продукты визуального сторителлинга наряду с короткими историями доминируют по востребованности потребителей, вызывая бессознательные отклики и реакции, мотивы и символические образы.

В области социально-политических процессов в отечественной науке невелико число исследований проблем распознавания и интерпретации нарративов различными социальными группами для повышения эффективности используемой технологии сторителлинга как инструмента социализации личности, в формировании нормативных рамок поведения индивидов, а также и перевода деструктивных практик и смыслов в морально и легально приемлемые границы.

Современные техники социального инжиниринга и его формы – сторителлинга – впитали в себя идеи представителей общественных наук XX века Р. Барта, Г. Гадамера, Ж.-Ф. Лиотара, Б. Гарднера, А. Моутса, Ф. Полетта, Ш.Н. Шенхава, М.Л. Франца, К. Юнга, Дж. Кэмпбелла, Э. Кассирера, Н.И. Шестова, С.А. Шомова, Н.Г. Щербинина,

многие теоретические положения которых были преобразованы в современные коммуникативные технологии цифровой среды.

Среди важнейших положений отметим и механизм замещения личной ответственности и подмены ее виртуальной коллективной ответственностью; унификация индивидуальных особенностей и жизненного опыта, которые защищают человека от внешних воздействий. Сторителлинг конструирует «повествования» на усредненного человека с наиболее распространенными верованиями и заблуждениями, отменяя не только законы логики, но и здравый смысл. Так называемые коллективные представления, в отличие от индивидуального мышления, не отделены от эмоций и волевых актов массы, что активно используется сторителлингом в массовой политической коммуникации при формировании политических нарративов и мифов.

Как любая технология, сторителлинг направлен на достижение заданного результата с помощью методов психологического воздействия для вирусного распространения сконструированных мнений и образцов поведения.

Современные исследования возможностей сторителлинга как коммуникативной технологии содержат результаты анализа наиболее распространенных практик [2]. В результате обработки данных серии фокус-групп, в которых приняли участие жители около 20 регионов России, исследовательским коллективом СПбГУ отмечается, что молодая (18-35 лет) и средняя (36-55 лет) возрастные группы продемонстрировали значимые реакции на различные типы визуального сторителлинга. Так, к примеру, старшая группа респондентов (старше 55 лет) реагировала положительно преимущественно на текстовые материалы, а визуальный сторителлинг не оказал на нее значительного воздействия ни в положительную, ни в отрицательную сторону, что говорит о важности текстовой информации для данной возрастной категории. Важно отметить, что текстовой контент оказался тем информационным материалом, который по вышеупомянутым биполярным категориям был положительно результативно оценен всеми тремя возрастными группами. Причем по категориям притягивающий, хороший, дружественный наблюдается факторное взаимодействие между тремя возрастными группами, которые данный контент восприняли одинаково позитивно с точки зрения эмоционального и идентификационного признаков. Текстовая информация продолжает играть преимущественно

ную роль в политической коммуникации даже для молодой возрастной категории.

Можно с уверенностью утверждать, что для молодой возрастной категории релевантным видом сторителлинга являются качественная отчетная фотография и нарратив “дети и будущее”. Средняя возрастная группа продемонстрировала положительные оценки также для отчетной фотографии и личной фотографии политика, связанной с его хобби. Старшая возрастная группа показала наличие значимых положительных оценок только в отношении визуального нарратива “дети и будущее”.

В ходе исследования доверие политику по результатам просмотра единичного материала не показало значительных изменений в положительную сторону, что связано с длительностью процесса формирования политического доверия. Тем не менее, единичный нерелевантный материал может оказать воздействие на снижение доверия политическому деятелю. Так, мемы снизили доверие к политику среди молодой категории, а нарратив “драконоборчество” - и среди молодой, и среди средней возрастной аудитории.

Респонденты старшего возраста реже меняли отношение к политикам после увиденных материалов, но в случае, если изменяли, то чаще в лучшую сторону. Таким образом, респонденты всех возрастных категорий склонны оценивать визуальные политические материалы нейтрально или в положительном ключе, что обеспечивает исследовательский интерес со стороны представителей ряда научных направлений и возможность продвижения «истории в картинках» как технологии формирования доверия.

С другой стороны, имеет место преобладание эмоциональной компоненты в условиях информационных войн и, как следствие, – необходимость отслеживать новые способы символического воздействия на аудиторию. Влияние на оппонента с целью разрушения его морали, высмеивания его способа мышления и поведения сложными методами комплексного воздействия, включающими заблуждения, предрассудки, тревоги и надежды для эмоционального и когнитивного подчинения рассматривается сегодня как весьма эффективная технология когнитивной войны. К примеру, подбор нужных фактов в сторителлинге вытесняет убеждения и ценности, которые были присущи человеку, объявляя их вторичными по отношению к факту, который то ли был, то ли не был. Методы открытого принуждения в цифровом простран-

стве замещаются методами конструирования нарратива в сторителлинге, подчиняя сознание человека, делающего его беззащитным перед комплексным применением риторических, вербальных, визуальных, звуковых и цветовых средств, снимающих барьеры восприятия чуждого контента.

Несомненным успехом использования сторителлинга нашими недругами стоит признать деятельность группы ZINC – производителя контента для России на Youtube, в результате которой как грибы выросли блогеры, сумевшие в короткий срок подчинить себе огромное количество молодых пользователей, мыслящих «рационально» (выгода) и утилитарно.

Большую устойчивость демонстрируют люди старшего поколения, для которых традиционные ценности сочетаются с коммунитарной идеологией, мышление их холистично и интуитивно, основано на личном опыте и целостном видении картины мира, что определяет способность к парадоксальности и творчеству. Аналитические политические передачи Первого канала российского телевидения «Анти-фейк», «Куклы наследника Тутти» Марии Бутиной рассчитаны на взрослых людей, интересны специалистам.

Считается, что мы не пришли на информационную и психо-историческую войну, но нельзя не увидеть, что именно снизу появляется инициативное движение по защите традиционных российских ценностей. Ролики «Антонов такой Антонов», «Стаса Ой, как просто», «Полины кокс», музыкантов (Равиль Арсланов, Игорь Растеряев и др.), бойцов и командиров СВО оживляют российскую зону Youtube, набирая большое количество просмотров.

Несомненно, технологии сторителлинга будут использоваться в телевизионном и цифровом пространствах в психо-историческом, ментальном и информационном противоборстве. «В коммерческом ключе сторителлинг обретает цель, когда история становится экономической легендой, способом в той или иной степени влиять на читателя, манипулировать слушателем, внушив конкретную мысли и навязав конкретные желания и предпочтения. Учитывая возникающие соответственно риски, можно говорить уже об особенностях и о трансформации современного сознания» [3, с. 136].

Список источников

1. Кулакова Т.А., Волкова А.В. Цифровой суверенитет и политико-административные режимы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Философия и конфликтология, 2023, т. 39 (1), с. 92-105.
2. Лукьянова Г.В., Шерзай К.А. Визуальный сторителлинг как технология формирования политического доверия студенческой молодежи // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2024.
3. Щедрина И.О. (2023), Нарратив, интерес, мотивация: Л.И. Петражицкий vs Я.Э. Голосовкер // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Философия и конфликтология, 2023, т. 39 (1), с. 81-91.

Modern technologies of collective consciousness manipulation

T. A. Kulakova, A. V. Volkova, G. V. Lukyanova

St. Petersburg State University
Russian Federation, St. Petersburg

The article by the research team continues the series of publications devoted to the socio-political aspects of digital transformations. The high pace of development of information technology determines, among other things, qualitative changes in public policy. Digital public policy is increasingly characterized not as a sphere of rational thinking and argumentation, but as having become a field for the struggle of symbols, emotions, and fakes. The authors come to the conclusion that among modern communication technologies, visual storytelling is becoming an effective tool of political struggle due, on the one hand, to the emotional impact on the audience and, on the other hand, by simplifying the perception of the transmitted information. As a technology for influencing mass consciousness, it is widely used online to form relationships of trust, creating both new opportunities and new threats. If used correctly, this technology can help organize the digital information space of Russia in the national interests, including for articulating a system of values that correlate with socio-political processes in the country and the world and taking into account our cultural traditions.

Keywords: digital public policy; mediatization of social life; cognitive warfare; visual storytelling; trust forming

Цифровые технологии как фактор трансформации политической организации мира

М. М. Лебедева

МГИМО, Москва, Россия

mmlebedeva@gmail.com

Исследование посвящено анализу перестройки политической организации мира под воздействием цифровых технологий. Политическая организация мира на современном этапе представляет собой иерархическую структуру, которая включает в себя три уровня. В её основе (первый уровень) лежит Вестфальская система, созданная по итогам Тридцатилетней войны в 1648 г. На её основе в различные исторические периоды выстраивались системы межгосударственных отношений (второй уровень политической организации мира), последней из которых была биполярная система. Третий уровень представляет собой совокупность современных национальных государств. Показывается, что начало процесса изменения политической организации мира было положено в конце XX века в связи с массовым использованием информационных и коммуникационных технологий. Однако кардинальные изменения стали происходить в XXI веке с появлением множества новых технологий на цифровой основе. Обсуждается, какие именно изменения происходят на каждом из уровней политической организации мира с появлением цифровых технологий. Высказывается предположение, что скачок в развитии технологий повлечет за собой перестройку политической организации мира, которая из иерархической структуры будет трансформироваться в сетевую.

Ключевые слова: Цифровые технологии; политическая организация мира; сетевая организация; межгосударственные отношения; Вестфальская система; национальные государства

Введение

Цифровые технологии проникли во все области современной жизни, включая социальную и политическую. В настоящее время в научной литературе представлено немало исследований о влиянии цифровых технологий на современный мир. В большей степени эти

исследования касаются либо проблем, вызовов и преимуществ, которые открывают цифровые технологии на уровне государства, либо, отдельных вопросов, порождаемых современными технологиями на национальном и международном уровнях. В последнем случае речь идёт, например, о том, как следует вытраивать регулирование Интернета в глобальном масштабе, возможности использования биометрики при пересечении границ и т.п. К. Шваб оказался немногим из тех, кто попытался представить целостную картину влияния цифровых технологий на современный мир [6]. Однако акцент им был сделан на экономическое развитие мира.

Исследовательский вопрос в данном случае заключается в следующем: как современные цифровые технологии влияют на политическое развитие мира?

Теоретическая рамка исследования

Исследование исходит из представлений о политической организации мира как системы, включающей в себя, как минимум три уровня (три системы). В основе политической организации мира (глобальной системы) лежат принципы Вестфальской (государство-центристской) системы, главным из которых является суверенитет. Следующий уровень образуют взаимоотношения государств между собой. Наконец третий уровень – политические системы различных национальных государствах [4], которые, с одной стороны, все сильнее подвержены воздействию глобальных процесс, с другой – сами влияют на них.

Цель и методы исследования

Целью исследования является определения того, как цифровые технологии влияют на политическую организацию мира. В качестве метода используется дискурс-анализ.

Результаты

Мир не один раз переживал скачки в технологическом развитии. Результатом таких скачков становились принципиально новые этапы экономического, а как следствие, и политического развития общества. Так, Ф. Фукуяма писал, что изобретение паровоза привели к капитализму и формированию веберовского государства [7].

Цифровые технологии в мировой политике заявили о себе, прежде всего в конце XX в. через Интернет, сделав информацию и коммуникацию доступной большому числу людей. В результате они стали триг-

герами развития процессов глобализации. Неправительственные организации, бизнес, различные ассоциации и объединения и т.п. получили возможности выхода на международную арены, которых у них ранее никогда не было. Кроме того, аналогичное взаимодействие активизировалось на уровне национальных государств. В результате «границы» между различными «этажами» политической организации мира стали в значительной степени размываться. Что касается межгосударственных отношений, то здесь появилась новая область для международных переговоров, в частности, по регулированию Интернета [1]. Кроме того, соперничество государств на международной арене стало проявляться также и в цифровой сфере [5].

Новый скачок в современных технологиях и тектонические изменения в их использовании стали происходить в XXI веке. Развитие получили современные технологии, связанные с искусственным интеллектом (в том числе Chat GPT и др.), биотехнологиями, когнитивными технологиями, созданием больших данных, робототехникой и др.

Цифровизация социальной и экономической жизни с появлением совершенно новых технологий затронула все уровни политической организации мира. На уровне национальных государств робототехника, искусственный интеллект требуют изменений в структуре человеческого капитала: замещается физический труд, и на первый план выдвигаются люди, имеющие образование и квалификацию. В дальнейшем эти изменения будут проявляться всё с большей очевидностью. Какие здесь могут быть социальные проблемы, определить пока сложно. Создание систем больших данных также имеет социальные и политические последствия, в том числе, связанные с опасностью использования их с криминальными целями.

На межгосударственном уровне по-новому встала проблема национальной и международной безопасности. Цифровые технологии напрямую стали затрагивать функционирование критических инфраструктур [3]. В свою очередь, современные конфликты продемонстрировали, что использование дронов является во многом критическим фактором при ведении боевых действий. Для борьбы с ними развитие получили технологии радиоэлектронной борьбы (РЭБ).

В то же время, современные цифровые технологии в ряде случаев оказываются неэффективными или малоэффективными при столкновении с архаикой. Так, в 2002 г. США провели военно-морские учения,

в ходе которых предполагалось показать, что сторона, которая обладает технологическим преимуществом, побеждает технологически отсталую сторону. Однако технологически отсталая сторона стала использовать архаичные средства связи – курьеров для передачи информации, лодки для ведения разведки и т.п. – и в результате одержала победу [2]. Это не единственный пример.

Многообразии цифровых технологий, несмотря на сложную международно-политическую ситуацию потребует, проведение целой серии международных переговоров, направленных на согласование вопросов по использованию данных технологий на глобальном уровне.

Выводы

Таким образом, современные технологии кардинальным образом влияют на политическую организацию мира. Начало изменениям было положено в конце XX в. в связи с развитием информационных и коммуникационных технологий. Однако наиболее существенные изменения стали происходить в XXI в. Результат их воздействия на мирополитические процессы пока не столь очевиден. Тем не менее, можно предположить, что политическая организация мира из иерархической структуры, включающей в себя три уровня (Вестфальская система, межгосударственные отношения, национальные государства) будет перестраиваться в сетевую, где центрами окажутся, как государства, негосударственные акторы, так и различные сочетания государственных и негосударственных акторов.

Список источников

1. Зиновьева Е.С. Международное управление Интернетом: конфликт и сотрудничество. Москва: МГИМО. 2011. 169 с.
2. Каберник В.В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего / Метармофозы мировой политики // под ред. М.М. Лебедевой. Москва: МГИМО-Университет. 2012. С. 148-178.
3. Карасёв П.А., Стефанович Д.В. Кибербезопасность критически важной инфраструктуры: новые вызовы // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 6. С. 147-164. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kiberbezopasnost-novye-vyzovy/>
4. Лебедева М.М. Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО–Университета. 2016. № 2. С. 125-133. <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/518/518>

5. Цветкова Н.А., Сытник А.Н. Цифровое противостояние США и КНР: экономическое и политическое изменение // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 11. С. 15-23.

6. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва: Эксмо. 229 с.

7. Fukuyama F. Second Thoughts. The Last Man in a Bottle // *The National Interest*. 1999. Summer. Pp. 16-33. URL: <https://vdocuments.mx/second-thought-the-last-man-in-a-bottle.html>

Digital technologies as a factor of transformation of the political organization of the political organization of the world

M. M. Lebedeva

MGIMO, Moscow, Russia

The research is devoted to the analysis of the restructuring of the political organization of the world under the influence of digital technologies. The political organization of the world at the present stage is a hierarchical structure that includes three levels. It is based (the first level) on the Westphalian system, created as a result of the Thirty Years' War in 1648. On its basis, in various historical periods, systems of interstate relations (the second level of the political organization of the world) were built, the last of which was the bipolar system. The third level is a set of modern national states. It is shown that the process of changing the political organization of the world began at the end of the twentieth century in connection with the massive use of information and communication technologies. However, drastic changes began to occur in the 21st century with the advent of many new digitally based technologies. The paper discusses exactly what changes are taking place at each level of the political organization of the world with the advent of digital technologies. It is suggested that a leap in the development of technology will entail a restructuring of the political organization of the world, which will transform from a hierarchical structure into a network one.

Keywords: Digital technologies; political organization of the world; network organization; interstate relations; Westphalian system; nation states

Локальная гражданская активность и парадоксы ее цифровизации

К. М. Макаренко

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

Makarenko_km@volsu.ru

В статье представлен авторский анализ отечественных практик цифровизации гражданской активности на локальном уровне. Под локальным уровнем в статье понимается пространство непосредственного проживания граждан, где решаются бытовые вопросы. Взаимодействие соседей по решению общедомовых вопросов не только переходит в пространство «цифры», но и становится объектом конкуренции для разных информационных платформ. Государство определяет цифровизацию как один из наиболее важных приоритетов развития общества, расширяя сектор предоставления государственных услуг через платформу «Госуслуги». Парадоксы цифровизации локальной гражданской активности в России заключаются в стремлении всех заинтересованных сторон интенсифицировать обозначенные процессы, акцентируя внимание на диаметрально противоположных подходах: государство стремится собирать и унифицировать данные пользователей, а граждане стремятся к получению услуг, не предоставляя большого объема персональных данных. Значимым также является проблема «безбилетника», которая в условиях цифровизации становится более выраженной. Слактивизм подменяет реальный активизм, уменьшая количество субъектов, способных решать проблемы «на месте», увеличивая, при этом, количество сочувствующих.

Ключевые слова: гражданская активность; цифровизация; политический процесс; локальная политика; коллективные действия

Введение

В Послании Президента Федеральному Собранию 2024 года одной из ключевых стала тема цифровизации. Обращая внимание на важность обеспечения устойчивого роста экономики и улучшения качества жизни граждан, президент отметил: «В современных условиях повышение эффективности всех сфер производительности труда неразрывно связано с цифровизацией, с использованием технологий искусственного интеллекта – уже об этом упоминал. Такие решения дают возможность создавать цифровые платформы, которые позволяют оптимально вы-

строить взаимодействие граждан, бизнеса и государства между собой» [4]. Тем самым подчеркивается необходимость цифровизации как элемента упрощения коммуникации, создания более благоприятной системы взаимодействия различных субъектов.

Еще две с половиной тысячи лет назад древнегреческий мыслитель Аристотель писал: «Человек – животное политическое». Это выражение много сотен лет воспринималось в качестве абсолютной истины, не требующей доказательства. Однако, в XXI веке все чаще начали проявляться практики «отхода» от государства, когда интересы индивидов все меньше связываются с интересами общества. Феномен «хиккомори» (с японского переводится как «нахождение в уединении») постепенно вышел за пределы «страны восходящего солнца» и распространяется среди молодежи развитых стран всего мира. Цифровизация все больших сфер жизнедеятельности человека приводит к атомизации общества. Зачем выходить за пределы своего дома, если большинство услуг (в том числе и государственных) можно получить здесь и сейчас? Данный тренд значительно усилился в период пандемии Covid-19, когда цифровизация приобрела вынужденный характер, а платформы, предоставляющие доступ к получению услуг доставки, получили высокий уровень доверия со стороны граждан.

Теоретическая рамка исследования

Важнейшими основаниями, определяющими теоретическую рамку исследования в данной статье, представляются следующие: 1) Уровень и степень вовлеченности индивидов и групп в различные формы гражданской активности определяется совокупностью институтов и установленных для взаимодействия в обществе «правил игры»; 2) Решение проблем локального уровня по достижению «общего блага» возможно лишь в условиях способности субъектов консолидировать граждан; 3) Цифровизация гражданской активности приводит к увеличению числа людей «сочувствующих» проблеме при снижении количества непосредственно вовлеченных в ее решение.

В этой связи, теоретическая рамка исследования базируется на трех подходах:

1. Неинституциональный подход.
2. Теория коллективных действий М. Олсона.
3. Теория Г. Рейнгольда о цифровизации протестной активности.

Синтез трех теоретических подходов позволяет сформировать целостную исследовательскую рамку, позволяющую в рамках единого механизма объединить 1) институты и их роль в навязывании «пра-

вил игры»; 2) совместные действия людей по достижению общего блага; 3) новые телекоммуникационные технологии, позволяющие вовлечь в решение общих проблем значительные массы как непосредственно заинтересованных граждан, так и случайных обывателей.

Цель и методы исследования

Статья представляет собой поисковое исследование, основной целью которого является выделение парадоксов цифровизации гражданской активности. В качестве примера будет использоваться Россия. Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом с острой фазы пандемии Коронавируса по нынешний день (2020-2024 гг.).

Основная часть

Что из себя представляет такая дефиниция как «гражданская активность»? Отечественные исследователи А.В. Соколов и Я.В. Барский характеризовали гражданскую активность как особую форму «самоорганизации индивидов для участия в коллективном действии, целью которого является получение либо перераспределение коллективного блага (одинаково понимаемого и общего для участников результата, наделенного ценностью)» [5, с. 42]. В целом, мы разделяем данный подход к обозначенному определению, однако стоит обратить внимание на немаловажный парадокс. Во второй половине XX века известный американский экономист и политолог М. Олсон в книге «Логика коллективных действий» отметил, что степень вовлеченности и вероятность достижения успеха выше у узкой группы людей, спаянной наличием общего интереса. При росте группы личная вовлеченность индивидов падает из-за, так называемой, «проблемы безбилетника» [3]. В больших социальных группах решение коллективных проблем крайне затрудняется, так как каждый думает (или надеется), что проблему решит кто-то другой. Так как людей много, а решение проблемы является важным для всех, значит найдется кто-то самый инициативный (или группа инициативных) и решит ее. Тем самым ценность достижения результата представляет для всех, но готовность к вкладу усилий будет отличаться в зависимости от «близости» проблемы конкретному индивиду. Т.е. субъекты, наиболее заинтересованные в решении проблемы должны мобилизовать такое количество людей, которое не будет слишком мало, но и излишне велико.

Гражданская активность в локальных сообществах, направлена, прежде всего на решение базовых вопросов качества жизни, куда включаются проблемы благоустройства, комфорта, проезда. В данном

вопросе мы солидарны с позицией М.С. Круглова, который отмечал наличие пяти уровней гражданской активности: «локальный, городской, региональный, федеральный, уровень политической деятельности» [2, с. 234]. Локальный уровень подразумевает доминирование узколичностных интересов, а значит вовлечение в эти проблемы широкого круга лиц (и как следствие, придание им политического контекста) крайне затруднено.

Современные тренды гражданской активности приводят к большей цифровизации самых разных процессов. В начале 2024 года в сервисе «Госуслуги», который является флагманом цифровизации в сфере предоставления услуг в России, появился доступ к официальным домовым чатам (через приложение «Госуслуги.Дом»). Сервис представлен на платформе VK Мессенджера и представляется как «официальные домовые чаты». В качестве плюсов отмечаются следующие: «В чате только подтвержденные пользователи», «Активные жители могут предложить идеи или провести пробное голосование», «Официальный чат защищен от удаления».

Подобная практика позволяет решить, как минимум, две задачи:

- 1) Упростить коммуникацию между жильцами, повысить гражданское самосознание.
- 2) Отслеживать потенциальные очаги проявления гражданского недовольства.

Если первый пункт не требует дополнительных пояснений, то второй – стоит прокомментировать. Основным трендом последних лет в сфере протестной коммуникации и публичных форм выражения недовольством властью становится, так называемый, гражданский протест. Основная тематика гражданского протеста связана с решением проблем локальных сообществ. Именно проблемы с ЖКХ, перебоями в работе транспорта, небурными придомовыми территориями, разбитым асфальтом и т.д. становятся ключевыми поводами выражения протестного недовольства. Ранее в этот тренд также попадали протесты, связанные с экологическими, прежде всего мусорными, проблемами. Тем самым, у власти появляется дополнительный канал фиксации проблем, потенциально протестного характера. В этой связи желание государства представить единую платформу, которая будет агрегировать проблемы значимой части социума, абсолютно понятно и рационально.

В г. Москва подобная практика используется в рамках сервиса «Электронный дом» с 2020 г. Интерес вызывает также то, что с 2021 г. пользователи сервиса могли получать баллы за активность (приглаше-

ние в чат соседей, вынесение вопросов на голосование). Баллы копились также в приложениях «Активный гражданин» и «Город идей», после чего их можно было тратить в магазинах и различных мероприятиях [6]. Практически каждый крупный субъект на нише цифровизации стремится расширить свою аудиторию, создавая сервисы для общения соседей, однако, на данный момент наиболее распространенными каналами коммуникации локальных сообществ выступают группы в мессенджерах, созданные непосредственно инициативными жителями.

Отметим, что цифровизация гражданской активности решает проблему охвата граждан, т.е. увеличивается потенциальное число лиц, которые могут знать о проблеме и могут быть задействованы для ее решения. Однако, парадокс состоит в том, что степень вовлеченности кратно снижается. Причиной подобной практики является феномен «слактивизма» (диванный активизм). В исследованиях по «слактивизму» отмечается, что люди, участвующие в онлайн-активности, значительно реже и с меньшим уровнем вовлеченности участвуют в офлайн-активности [10]. Онлайн-активность «считывается» в качестве более безопасного, простого и дешевого аналога реальных действий.

Потенциал цифровизации локальной гражданской активности по правилам, разработанным государством, в рамках определенного круга «официальных» каналов непосредственно зависит от уровня цифрового доверия. Исследование феномена «доверия» получило активный импульс в конце XX – начале XXI века в результате кризиса демократического развития и появления, так называемых, постдемократий. Доверие представляет собой осознание уверенности в согласованности и общности интересов между индивидами или группами людей [9, 447]. Ключевой характеристикой «цифрового доверия» является безопасность цифрового мира [1, 134], т.е. индивиды должны быть убеждены в том, что их персональные данные не «утекут» в сеть и не будут использоваться третьими лицами без их (индивидов) ведома. Таким образом, очевидными представляются акценты, расставленные в сервисе «Госуслуги» (уровень доверия названному сервису в 2021 г. был в районе 60% [7], что является высоким результатом). Изначально сервис отмечает безопасность коммуникаций, защиту от доступа к данным несертифицированных (неподтвержденных) пользователей, а только потом предлагаются различные бонусы за активность. На данный момент для российских граждан сохранность личных данных представляется в качестве ключевой проблемы цифрового мира. Согласно актуальным данным ВЦИОМ 68% пользователей интернета «опасаются за сохран-

ность своих персональных данных» [8]. Актуальность проблеме при-
бавляют участвовавшие случаи «утечки» персональных данных.

Выводы

На данный момент, абсолютное большинство «домовых чатов», как и их непосредственных участников, представлено в мессенджерах: Telegram, Whatsapp². Высокий уровень доверия к сервису «Госуслуги», а также все те преимущества, которые он представляет, в ближайшей перспективе, не повлияют на «переход» пользователей к обсуждению локальных проблем в государственном сервисе. Причин может быть несколько, однако наиболее очевидна проблема самоцензуры. Жители домов, уверенные в том, что информация будет собираться и анализироваться государственными структурами, будут неохотно выражать свою позицию относительно тех или иных проблем. Сторонниками подобных идей формулируется концепция «цифрового лагеря», где любая публичная информация собирается, анализируется и используется государством или коммерческими структурами против граждан. Т.е. один из парадоксов состоит в том, что высокий уровень доверия власти не конвертируется в готовность использовать государственные цифровые сервисы для решения локальных проблем. Гражданская активность, целью которой является решение конкретных проблем, должна использовать как онлайн, так и офлайн возможности.

Список источников

1. Веселов Ю.В. Доверие в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. №. 2. С. 129–143.

2. Круглов М. С. Современные формы гражданской активности в политическом процессе Российской Федерации // Теория и практика общественного развития, 2014. № 3. С. 233-236.

3. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. Пер. с англ. – М.: ФЭИ, 1995. 174 с.

4. Послание Президента Федеральному Собранию 2024 [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585>

5. Соколов А.В., Барский Я.В. Интернет-активизм как феномен цифровизирующейся гражданской активности // Власть, 2021. № 6. С. 42-47.

6. Соседи вошли в чат: как устроены площадки общения по дому. РБК. 26.11.2021 [Электронный ресурс] URL: <https://realty.rbc.ru/news/619f3b3d9a79476c95a5b758>

² Компания-владелец Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена

7. Уровень доверия россиян к portalу Госуслуг повысился до 60%. Рамблер. 21.10.2021. [Электронный ресурс] URL: https://news.rambler.ru/community/47430318/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата обращения: 03.03.2024).

8. Цифровая самооборона. ВЦИОМ. 12.03.2024. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovaja-samooborona> (Дата обращения: 13.03.2024).

9. Festenstein M.I. Political Trust, Commitment and Responsiveness // *Political Studies*. 2019. Vol. 62, no. 2. P. 446–462.

10. Lee, Y., Hsieh, G. Does slacktivism hurt activism? The effects of moral balancing and consistency in online activism // *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, 2013.

Local civic engagement and the paradoxes of its digitalization

K. M. Makarenko

Volgograd State University, Volgograd, Russia

The article presents the author's analysis of domestic practices of digitalization of civic engagement at the local level. The local level in the article refers to the space of direct residence of citizens, where everyday issues are resolved. The interaction of neighbors in solving common household issues is not only moving into the space of the "digital world", but also becoming an object of competition for different information platforms. The state defines digitalization as one of the most important priorities for the development of society, expanding the sector of public services through the Public Services platform. The paradoxes of digitalization of local civic activity in Russia consist in the desire of all stakeholders to intensify these processes, focusing on diametrically opposite approaches: the state seeks to collect and unify user data, and citizens seek to receive services without providing a large amount of personal data. The problem of the "stowaway" is also significant, which is becoming more pronounced in the context of digitalization. Activism replaces real activism, reducing the number of subjects capable of solving problems "on the spot", while increasing the number of sympathizers.

Keywords: civic engagement; digitalization; political process; local politics; collective action

Технологии блокчейна в организации электронного голосования

О. С. Морозова

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Россия
osmorozova80@mail.ru

Цифровизация привела к появлению электронных систем голосования на выборах в ряде стран мира. Однако переход от традиционных способов голосования к электронному столкнулся с серьезной проблемой: обеспечение конфиденциальности выбора избирателей и подведения итогов голосования. Использование технологии блокчейн предлагает решение путем внедрения децентрализованной системы, в которой база данных находится в коллективной собственности нескольких пользователей. В технологии блокчейн каждый участник обладает копией реестра, помимо этого, все операции проверяются и регистрируются в децентрализованном и прозрачном порядке. Безопасность блокчейна обеспечивается тем, что после добавления блока в цепочку его нельзя изменить или удалить без согласия сети. Кроме первоначального использования в цифровых валютах, технология блокчейн подходит для организации электронных голосований на выборах различного уровня.

Ключевые слова: цифровизация; блокчейн; электронное голосование; выборы; избирательный процесс

Появление цифровых технологий привело к значительным изменениям в повседневности. [4,7,8,9] Однако, в отличие от различных аспектов современной жизни, которые серьезно изменились благодаря цифровизации, избирательная система в подавляющем большинстве стран мира продолжает опираться на традиционные способы голосования с помощью бумажных бюллетеней.

Введение новых принципов электронного голосования, которое станет альтернативой или заменит традиционные способы, сопровождается поиском технологических приемов, которые смогут обеспечить безопасность передачи информации. Система электронного голосования требует надежных мер безопасности для обеспечения доступа избирателей и защиты от внешних манипуляций, которые могут изме-

нить результаты голосования или поставить под угрозу волеизъявление даже одного избирателя.

Системы электронного голосования опираются на методы обеспечения анонимности избирателей, однако эти меры не гарантируют полной анонимности или целостности из-за наличия множества хакеров, контролирующих различные сегменты Интернета по всему миру, что потенциально позволяет идентифицировать или перехватывать голоса избирателей. Внедрение технологии блокчейн в электронное голосование направлено на увеличение прозрачности и открытости процесса выражения воли избирателя. Появление блокчейн-технологий послужило стимулом для обширного изучения их применения в электронном голосовании.

Блокчейн представляет собой разновидность технологии распределенного реестра (DLT), включающую постоянно растущий список записей, называемых блоками. Эти блоки надежно связаны друг с другом с помощью криптографии. Каждый блок содержит хэш-сумму предыдущего блока, временную отметку и данные транзакции, которые часто представлены в виде дерева Меркла, где узлы данных отображаются как листья. Временная отметка служит доказательством существования данных транзакции на момент создания блока. Поскольку каждый блок содержит информацию о своем предшественнике, они образуют последовательную цепочку, аналогичную структуре данных связанного списка, где каждый последующий блок связан с предыдущими. Следовательно, после записи транзакции в блокчейне становятся необратимыми.

Данные в конкретном блоке не могут быть изменены задним числом без изменения всех последующих блоков. Обычно управляемые одноранговой (P2P) сетью, блокчейны служат публичными распределенными реестрами. Узлы в этой сети придерживаются согласованного алгоритмического протокола для проверки и добавления новых блоков транзакций. Инициативы, использующие такие подходы, как многоцепочечная и комплексная оценка, направлены на оценку жизнеспособности интеграции блокчейна в системы электронного голосования. [3].

В большинстве случаев публичный реестр предоставляет исчерпывающую информацию о транзакциях и участниках, которая находится в открытом доступе без каких-либо скрытых элементов. В качестве потенциального решения появляется технология блокчейн, предлагающая децентрализованную систему, в которой вся база данных кол-

лективно принадлежит нескольким пользователям, тем самым обеспечивая целостность данных внутри системы [1].

Всякий раз, когда транзакция происходит внутри системы, ее информация сохраняется в виде хэш-значения в блоке, а последующие блоки связываются с предыдущими, образуя виртуальную цепочку блоков. Хэш-значение текущего блока вычисляется на основе данных в этом блоке и хэша предыдущего блока. Эта взаимосвязанная структура обеспечивает то, что любое подделывание блока потребует изменения хэшей во всех последующих блоках. Несколько копий этой цепочки хранятся на различных серверах, обеспечивая безопасность и конфиденциальность данных. Все операции, осуществляемые через интерфейс приложения, поддерживают прозрачность процессов системы голосования.

Таким образом, блокчейн служит распределенной базой данных, хранящей записи данных, которые постоянно расширяются и контролируются несколькими организациями. Он действует как надежная сервисная система для группы узлов или сущностей, фактически выступая в роли доверенной стороны для поддержания согласованности, облегчения транзакций и обеспечения безопасной вычислительной инфраструктуры.

Алгоритм SHA-256 является частью семейства SHA-2 (Secure Hash Algorithm 2), разработанного в 2001 году в качестве замены SHA-1. SHA-256 представляет собой криптографическую хеш-функцию, генерирующую 256-битный вывод. Он используется в блокчейне для создания согласованного 256-битного хэша при каждой операции. Этот алгоритм также является важной частью технологии шифрования, начиная с начального значения (IV) 256 бит. Входные данные имеют большой размер, поэтому они разбиваются на сегменты по 512 бит. Поскольку входные данные не всегда могут быть точными, кратными 512 битам, могут остаться некоторые данные. Чтобы учесть это, отступы применяются путем объединения входных данных с дополнительными битами, чтобы сделать их идеальными кратными 512 битам. Полученный 256-битный вывод затем объединяется с 512-битным входом из последующего блока (B2). Процесс хеширования продолжается, в конечном итоге выдавая окончательный 256-битный вывод, который служит хешем входного файла. [2].

Учитывая надежные меры безопасности, присущие блокчейну, эта технология обещает быть эффективным решением для внедрения

в систему голосования. Применение технологии блокчейн в онлайн системах голосования обеспечивает улучшенную защиту и надежность.

Эта технология успешно используется для проведения голосования при принятии решений, в том числе, в организациях. В технологии блокчейн голосование может проводиться с помощью процесса, известного как голосование в децентрализованной автономной организации (DAO), цифровые организации используют смарт-контракты на блокчейне для принятия децентрализованных решений. Любой участник DAO может предложить вариант для голосования, обычно включая описание предложения и ожидаемый результат. Члены DAO могут обсуждать и дорабатывать предложение, потенциально внося изменения или предлагая альтернативные подходы. После того, как предложение завершено, DAO устанавливает период голосования, в течение которого участники могут отдать свои голоса.

Продолжительность голосования может различаться в зависимости от конкретной DAO и предложения. Участники могут голосовать, используя токены DAO. Обычно процесс голосования осуществляется через смарт-контракт, который автоматически подсчитывает голоса и определяет результат. По завершении голосования объявляются результаты, и предложение либо принимается, либо отклоняется. Если предложение принято, оно выполняется через смарт-контракт. Важно отметить, что процесс голосования может отличаться в зависимости от DAO и используемой блокчейн-платформы. Некоторые DAO могут иметь дополнительные этапы или требования для голосования, такие как минимальный кворум или взвешенное голосование, в зависимости от количества токенов, принадлежащих каждому участнику. [1]

Приведенный пример показывает, что технология блокчейн может быть использована в голосовании, чтобы обеспечить безопасную, прозрачную и защищенную от несанкционированного доступа систему. Голосование на основе блокчейна обеспечивает непреложную запись голосов, которую невозможно изменить без обнаружения. Еще одно преимущество использования блокчейна для голосования заключается в повышенной безопасности благодаря криптографической защите от несанкционированного доступа и манипуляций данными. Применение цифровых подписей и шифрования способствует предотвращению взломов и других атак на систему. Это обстоятельство как раз и послужило тому, что технология блокчейна стала активно продвигаться для использования в избирательной системе.

Однако существуют и проблемы с внедрением технологии блокчейн в голосование на выборах. Одной из основных проблем является обеспечение доступа всех избирателей к необходимым технологиям для участия в процессе голосования на основе блокчейна. Еще одна сложность заключается в том, чтобы убедиться, что система удобна для пользователя и может быть легко понятна и пользоваться доверием избирателей.

При использовании электронных систем голосования избирателям может быть затруднительно убедиться в том, что их голос был точно учтен, а процесс подсчета голосов может быть непрозрачным, что усложняет обеспечение точности результатов. Некоторые системы электронного голосования могут быть недоступны для всех избирателей, особенно для людей с ограниченными возможностями, а также могут требовать значительных затрат на приобретение и обслуживание. Технология блокчейн может изменить систему электронного голосования, улучшив ее безопасность, прозрачность и эффективность. На протяжении многих лет электронные системы голосования сталкивались с множеством проблем безопасности, таких как взломы и фальсификации, что вызывало сомнения в честности процесса голосования. Технология блокчейн предлагает решение этих проблем, обеспечивая безопасную и прозрачную платформу для электронного голосования.

В системе электронного голосования на основе блокчейна каждый голос записывается в виде блока в блокчейне, который распределяется по сети компьютеров. Это означает, что после того, как голос записан, он не может быть изменен или удален, и любая попытка сделать это будет обнаружена сетью.

С помощью системы электронного голосования на основе блокчейна избиратели могут отслеживать свой голос и убедиться, что он записан правильно. Кроме того, система может предоставлять обновления о процессе голосования: во время голосования в режиме реального времени избиратели могут наблюдать за ходом выборов. Технология блокчейн также способна уменьшить затраты и сложность систем электронного голосования. Поскольку блокчейн является децентрализованным, нет необходимости в центральном органе для управления процессом голосования. Это может снизить затраты на обслуживание системы электронного голосования и сделать ее более доступной для большего количества стран. [5, 6]

Однако технологии продвигаются еще дальше. И в настоящее время ряд программистов предлагает систему, которая использует визуальную криптографию для установления взаимной аутентификации между избирателями и избирательными серверами. Предлагаемая ими процедура выглядит следующим образом: администратор имеет право добавлять кандидатов, избирателей и пр. в систему, выполняет такие операции, как обновление, удаление и объявление результатов. Сотрудник избирательной комиссии отправляет «share 1» на электронную почту избирателя перед выборами. Во время выборов избиратель может использовать "share 2" для входа в систему голосования, при этом "share 1" сливается с "share 2" с помощью схемы отпечатков пальцев, чтобы избиратель получил секретный пароль для голосования и смог отдать свой голос.

Предлагаются следующие меры, которые позволят усовершенствовать технологию блокчейна для ее применения на выборах.

Во-первых, необходимо создать блокчейн-сеть, в которой каждый узел будет содержать копию истории транзакций. Эта сеть должна быть децентрализована, чтобы предотвратить единую точку отказа.

Во-вторых, чтобы обеспечить безопасность системы голосования, необходимо проверить личность избирателей и гарантировать, что каждый избиратель голосует только один раз. Это можно осуществить с помощью цифровых идентификационных документов или других надежных методов идентификации. Каждый голос должен быть зафиксирован в блокчейне, а каждая транзакция должна быть проверена сетью. Использование цифровых подписей и шифрования поможет предотвратить взлом и другие атаки на систему.

В-третьих, использование блокчейна должно дать возможность любому желающему проверить результаты, обеспечивая повышенную уверенность в честности выборов. Однако несмотря на то, что блокчейн обеспечивает прозрачность, важно защищать конфиденциальность избирателей. Это можно сделать, анонимизировав голоса или используя другие формы защиты конфиденциальности.

Важно, чтобы система была удобной для пользователя, чтобы избиратели могли легко понять ее и доверять ей, а также обеспечить необходимую безопасность и прозрачность для предотвращения фальсификаций и обеспечения честности результатов выборов.

Существует несколько платформ блокчейн, таких как Ethereum, Hyperledger Fabric и Corda, каждая из которых имеет свои сильные и слабые стороны. Поэтому важно выбрать платформу, которая соот-

ветствует потребностям системы голосования. Необходимо спроектировать сетевую архитектуру, учитывая количество узлов, механизмы и меры безопасности. Важно также убедиться, что сеть децентрализована и имеет несколько узлов, чтобы предотвратить единую точку отказа. [2]

Используемые смарт-контракты могут автоматизировать процесс голосования и создаваться с использованием языков программирования, таких как Solidity или Chaincode. Для удобства избирателей необходимо разработать пользовательский интерфейс, который позволит им голосовать и просматривать результаты. Это можно осуществить с помощью веб- или мобильных приложений, взаимодействующих с блокчейн-сетью. Сеть должна пройти тщательное тестирование, чтобы гарантировать ее безопасность и правильную работу. После завершения тестирования сеть можно развернуть и сделать доступной для использования на выборах.

Используемые системы электронного голосования на основе блокчейна сталкиваются с проблемой обеспечения приватности и конфиденциальности голосования. Хотя технология блокчейн обеспечивает безопасную и прозрачную платформу для голосования, личность избирателя может быть идентифицирована через отданный им голос, что может нарушить конфиденциальность процесса голосования. Для решения этой проблемы можно применить многоуровневый подход к организации системы выборов. На уровне пользовательского интерфейса обеспечивается взаимодействие с пользователями, включая доступ к системе, регистрацию и голосование, а также предоставление простого и удобного интерфейса для удобства пользователей. Прикладной уровень отвечает за логику системы голосования на блокчейне, включая регистрацию избирателей, аутентификацию, создание бюллетеней, подачу голосов, проверку и подсчет голосов [3].

Таким образом, эта обзорная статья описывает структуру системы голосования на блокчейне, которая призвана обеспечить безопасность и прозрачность процесса голосования. Система состоит из нескольких уровней: уровень блокчейна, который включает в себя узлы, механизм консенсуса, смарт-контракты и криптографические алгоритмы; сетевой уровень, ответственный за соединение узлов в сети и безопасную передачу данных; и инфраструктурный уровень, который обеспечивает физическую инфраструктуру для работы системы. Многоуровневый подход обеспечивает модульность, простоту обслуживания

ния, масштабируемость и безопасность системы голосования на блокчейне [1].

В заключении, говоря о технологии блокчейн, которую целесообразно использовать для голосования на выборах, можно подчеркнуть, что безопасная и постоянная система хранит данные, после записи которых нельзя изменить или удалить. Важная роль технологии блокчейн в общественном секторе, в том числе для организации выборов, может трансформировать все традиционные методы. Несмотря на то, что технология блокчейн имеет перспективы в различных секторах, ее полный потенциал остается в настоящее время неиспользованным.

Список источников

1. Hivrale, Mr. Rohan, Mr. Rushant Bendre, Mr. Rupesh Ahire, Mr. Parth Palange and Prof. Varsha Garad. «Utilizing Blockchain Technology and Fingerprint Authentication for an Electronic Voting System.» International Journal of Advanced Research in Science, Communication and Technology (2023): n. pag.

2. Kale, Santosh, Atulesh Hatmode, Milind Deogade, Jyoti Ranjan and Vikrant Gudakesh. «Decentralized Remote Voting System.» International Journal of Advanced Research in Science, Communication and Technology (2021): n. pag.

3. Shinde, Siddhesh and Asst. Prof. Gauri Ansurkar. «Use of blockchain in voting system.» Interantional journal of scientific research in engineering and management (2023): n. pag.

4. Королев В. К. Цифровизация как «философия» (пост)глобализации / В. К. Королев, О. В. Евграфова // Многополярная глобализация и Россия: Материалы VIII Международной научно-практической конференции памяти А.Ю. Архипова, Ростов-на-Дону - Таганрог, 20–22 мая 2021 года. Ростов-на-Дону - Таганрог: Южный федеральный университет, 2021. С. 159-162.

5. Кузнецов А. В. Цифровизация как новый этап глобализации // Философия хозяйства. 2021. № 4(135). С. 76-97.

6. Максимов В. А. , Верболоз Е. П. Новые тенденции глобализации и регионализации под влиянием пандемии COVID-19 // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие»: Материалы Всероссийских (национальных) научно-практических конференций, Санкт-Петербург, 10–13 июля 2022 года. – Санкт-Петербург: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2022. – С. 24-27.

7. Ларина Е. Д., Никонов С. Б., Олейников С. В., Мани М. Проявление цифровизации и глобализации на примере политической системы РФ // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 10(160). С. 13-26.

8. Скотовиков А. К., Преждарова В. Г., Шумилов А. В. Государственный суверенитет в условиях глобализации, сетевизации и цифровизации // PolitBook. 2023. № 1. С. 58-69.

9. Хайдаров Р. Д. Цифровизация общества как фактор воспроизводства человеческого капитала в период глобализации // Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана. 2021. № 3. С. 78-82.

Blockchain technologies in the organization of electronic voting

O. S. Morozova

Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Russia

Digitalization has led to the emergence of electronic voting systems in elections in a number of countries around the world. However, the transition from traditional electoral systems to electronic voting has faced a serious problem: ensuring the confidentiality of voters' choices and vote totals. The use of blockchain technology offers a solution by implementing a decentralized system in which the database is collectively owned by several users. In the blockchain, each participant has a copy of the registry, and all transactions are verified and recorded in a decentralized and transparent manner. The security of the blockchain is due to the fact that after adding a block to the chain, it cannot be changed or deleted without the consent of the network. In addition to the initial use case in digital currencies, blockchain technology is used to organize electronic voting.

Keywords: digitalization; blockchain; electronic voting; elections; electoral process

Проблемы цифровизации городского управления и адаптивный подход к управлению

К. А. Неверов

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

kir.neverov@gmail.com

В данной статье рассматриваются проблемы, стоящие перед современными городами, ставшими на путь цифровой трансформации системы управления и применимостью адаптивного подхода к управлению городом. Цифровая трансформация городского управления несет не только позитивные изменения, но также и оказывает негативное воздействие, в том числе за счет стремительно растущего количества данных. Адаптивный подход используется для резильентного управления при встрече с угрозами, обусловленными контингентным характером окружающей среды. Городская среда является показательным примером такого рода окружения. Применение адаптивного управления вкупе с современными цифровыми технологиями позволит сделать управление городом более предсказуемым и эффективным.

Ключевые слова: управление городом; «умный город»; адаптивное управление

Город стал основным типом населенного пункта, в котором проживают люди по всему миру. Продолжающийся тренд на урбанизацию (по данным Всемирного банка, в период с 1960 г. по 2022 г. процент городского населения вырос с 36% до 57% [1]), территориальное расширение/прирост площади городов, активная застройка, необходимость обеспечивать растущее (и стареющее [2]) население городов (в развивающихся странах перерастающих в мегаполисы [2]) рабочими местами, комфортной и благоустроенной средой проживания, транспортное обеспечение, обеспечение объектами социальной инфраструктуры – все это ставит перед властями, бизнесом, учеными и гражданами новые проблемы и задачи, которые требуют скорейшего решения. На характер того, как будут решаться и решаются поставленные развитием человеческой цивилизации задачи влияют также такие факторы как цифровизация жизни, начавшаяся с экономики и постепенно перешедшая

на все сферы жизни (четвертая промышленная революция); усложнение и контингентность мира; усложнившиеся средства коммуникации и взаимодействия между людьми, «сетевизация» жизни – все это воздействует на акторов и стейкхолдеров управления и администрирования городом, меняя их подход к городскому управлению.

Вытекающая из поставленной в первых строках введения проблемы усложнения и цифровизации жизни (в конечном итоге призванной жизнь упростить), проблема «умных городов» (или «поумнения» городов), ставит перед исследователем еще одну задачу: учесть при ревизии концептов управления городом тренд на максимально возможную интеграцию в городскую среду «умных технологий», меняющих не только характер хозяйствования, но и представление о том, как город должен выглядеть, управляться, что предоставлять своим жителям. Насколько далеко пойдет тренд smart city и станут ли все города в будущем «умными» - еще одна задача, которая требует решения.

В управлении городом цифровизация зачастую позиционируется как благо, которое направлено на «экономический рост, прозрачность, повышение эффективности управления и экологическую устойчивость» [3]. Цифровая трансформация позволила правительствам оптимизировать административные операции, устранить бюрократические барьеры, которые долгое время преследовали государственные службы. Граждане получили возможность получать доступ к жизненно важным функциям правительства, не выходя из дома, освобождая как граждан, так и чиновников от бумажной волокиты и очередей.

Однако, существуют и негативные стороны. «Организация экономического сотрудничества и развития» в своем отчете выделяет следующие:

1. Неспособность поглощать, анализировать и управлять огромными объемами данных и информации, предоставляемых новыми цифровыми инструментами;
2. Недостаточные экономические и финансовые ресурсы;
3. Недостаток квалифицированного персонала для выполнения этих задач;
4. Отсутствие применения системы безопасности, необходимой для управления большими данными;
5. Создание гибких и адаптивных моделей, способных найти реальные решения для сообществ на местном уровне [4].

Основные проблемы, которые на данный момент связывают с городом как пространством, обуславливаются сложностью его основных составляющих (социальной, политической и экономической), при этом отмечается, что «информация и процессы...растут экспоненциально, в то время как их административные возможности и технологическая инфраструктура остаются ограниченными» [5]. Динамичная природа условий с мало предсказуемыми изменениями, в которых существуют современные города, бросает вызов как городским властям, так и другим стейкхолдерам (бизнес, граждане), вовлеченным в процесс управления.

Если сосредоточить внимание на взаимоотношении управляющих и граждан-потребителей услуг городских властей, то здесь проблемы концентрируются в таких направлениях как некачественные услуги (затратные, неэффективно организованные, имеющие негативные экстерналии по отношению к окружающей среде), отсутствие эффективной коммуникации между властями и жителями города по общественно значимым проблемам, отсутствие постоянного мониторинга качества предоставляемых услуг, отсутствие у управляющих знаний и навыков управления в комплексной динамичной среде, некачественное стратегическое планирование либо его отсутствие. Жесткая, разветвленная структура системы политико-административного управления городом может служить препятствием эффективной координации услуг, что усугубляется использованием традиционных информационных технологий, отстающих от динамичной современной городской жизни. Отсюда очевидно, что традиционная жёсткая модель управления на основе линейно-функционального принципа не актуальна в постоянно меняющейся окружающей среде.

Одним из подходов, который может если не разрешить полностью, то снизить их негативное воздействие на управление городом, является адаптивное управление. Адаптивное управление – это социально-политический механизм, который имеет решающее значение для успешной адаптации в социально-экологических системах. Адаптация показывает, что изменилось и почему такие изменения произошли в политике после встречи с внешними вызовами. Адаптивное управление включает в себя сложные социальные аспекты, в том числе проблему наделения властными полномочиями. Адаптивное управление выполняет две фундаментальные функции, необходимые для реагирования на неопределенность. С одной стороны, это повышение устойчивости

к ограничению внешних воздействий и поддержание существующей системы, используя социальные ресурсы. С другой стороны, адаптивное управление может помочь разработать новую систему, переход к которой поможет лучше справляться с дальнейшими задачами.

Сложные адаптивные системы могут эффективно работать в условиях комплексности. Сложные и гибкие структуры способны приспосабливаться к изменениям, быстро восстанавливаться при внешних воздействиях, сосуществуют и изменяются одновременно с внешними условиями, что делает их более устойчивыми [5]. При этом стоит учитывать и приспособляемость граждан к адаптивной системе, а также учет системой потребностей как одного горожанина, так и всего города в целом [6].

Адаптивное управление в контексте цифровизации городского управления может быть применимо по аналогии с реагированием на природные катастрофы. «Умный город» при таком подходе рассматривается как сложная адаптивная система. Подобное управление требует перманентного сбора информации в реальном времени, ее последующего анализа, а в конечном итоге - составления прогнозов и планов. При этом технологии «умного города» предоставляют возможности для введения адаптивного управления как в сферах городского хозяйства (например, дорожной инфраструктуры или противодействия техногенным авариям), так и к самим данным – «новой нефти» городского управления в высокотехнологичном городе – может применяться адаптивный подход (например, в работе с постоянно возрастающим количеством данных). Возможность действовать проактивно, реагировать на изменяющуюся ситуацию оперативно, перенаправлять ресурсы туда, где это наиболее необходимо в конкретный момент чтобы избежать разрушающего эффекта негативных событий является основой адаптивного управления городом, построенным на технологиях «умного города» (в частности, мультиагентных систем).

Список источников

1. Urban Development // The World Bank URL: <https://data.worldbank.org/topic/urban-development?end=2023&start=2000> (дата обращения: 26.03.2024);

2. Урбанизация наименее развитых стран приводит к росту числа мегаполисов // Новости ООН. Глобальный взгляд. Человеческие судьбы. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/04/1422732> (дата обращения: 26.03.2024);

3. Digitalization: A Game Changer for Local Governments & Communities // ICLEI – Local Governments for Sustainability URL: <https://iclei.org/wp-content/uploads/2023/12/2022-Academy-Digitalization-Policy-Brief-ICLEI.pdf> (дата обращения: 26.03.2024).

4. Smart City Data Governance: Challenges and the Way Forward // OECD URL: <https://www.oecd.org/publications/smart-city-data-governance-e57ce301-en.htm> (дата обращения: 26.03.2024).

5. Ржевский Г. Умный город как сложная адаптивная система / Г. Ржевский, С.С. Кожевников, М. Свитек // Онтология проектирования. – 2020. – Т. 10, №1(35). – С.7-21. – DOI:10.18287/2223-9537-2020-10-1-7-21.

6. Заруба Н. А. Адаптивное управление в системе государственного и муниципального управления / Н. А. Заруба // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. № 1(6). С. 51-56.

The problems of digitalization of urban management and an adaptive approach to management

K. A. Neverov

Saint-Petersburg State University, Russia

kir.neverov@gmail.com

This article examines the problems facing modern cities that have taken the path of digital transformation of the management system and the applicability of an adaptive approach to urban governance. The digital transformation of urban government brings not only positive changes, but also has a negative impact, including due to the rapidly growing amount of data. The adaptive approach is used for resilient governance when faced with threats caused by the contingent nature of the environment. The urban environment is a representative example of this type of environment. The use of adaptive governance coupled with modern digital technologies will make urban governance more predictable and efficient.

Keywords: urban governance; “smart city”; adaptive governance

«Центр управления регионом» как модель аутсорсинга цифрового публичного управления в субъектах Российской Федерации

С. В. Негуляев

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
магистр кафедры политического управления факультета политологии
st.negulyaev@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению «Центров управления регионом» (ЦУР) как модели аутсорсинга цифрового управления органов государственной власти в регионах Российской Федерации. Создание и функционирование аутсорсинговых аналитических центров по модели ЦУР решает проблему работы с информационным пространством регионов, в том числе применение цифровых механизмов мониторинга, обратной связи, гражданской координации и контроля информационных процессов через систему «госпабликов».

С одной стороны, «Центры управления регионом» представляют форму аутсорсинга цифрового публичного управления – организуют работу госпабликов, обеспечивают налаживание процесса платформенного взаимодействия между гражданами и властью и пр. С другой стороны, ЦУР выступает актором, отвечающим за связывание уровней публичной власти, выступая от лица ее единства, установленного российским законодателем.

Применение модели «Центров управления регионом» в перспективе может послужить технологической основой для проведения реформы государственного и муниципального управления.

Ключевые слова: информационная политика; публичное управление; политический аутсорсинг; региональное управление; центр управления регионом; цифровизация

Введение

На сегодняшний день в России складывается тенденция активного роста количества субъектов информационной деятельности в публичном поле, таких как: классические и сетевые средства массовой информации, институт лидеров общественного мнения и блогеров, анонимные или персональные телеграм-каналы, массовые неформальные объединения групп людей в мессенджерах. Кроме того, в публичном информа-

ционном пространстве появляется ещё один крупный игрок, играющий на «цифровом поле» – государство. Оно владеет всей полнотой важнейшей информации, которая может быть использована для принятия управленческих решений и создания перспективных сценариев развития общества. При этом многочисленные государственные институты имеют своеобразную монополию на владение и распоряжение различного рода значимой и чувствительной информацией. Ситуации возникающего государственной информации могут провоцировать возникновение информационной неопределённости и приводить к общественной дестабилизации и повышению социальной тревожности.

В процесс принятия политических решений обычно вовлечены не только государственные органы и партийные политические силы, но и разного рода общественные организации, представители частных организаций и академических сообществ.

Одним из инструментов, который способствует такому включению, являются аналитические центры – небольшие исследовательские практико-ориентированные команды, работающие по «аутсорсинговой» модели.

Аутсорсинг – это процесс передачи контроля над некоторой функцией организации поставщику услуг для повышения ее эффективности при четком определении целей модернизации этой функции со стороны заказчика. Анализ научных работ по политическому аутсорсингу [1] показывает, что политические партии, органы власти и иные субъекты политической деятельности передают для исполнения ряд своих функций или их составляющих специализированным, профессионально более подготовленным, креативным организациям и структурам.

В составе таких организаций обычно присутствуют как представители академических исследователей, так и эксперты, хорошо ориентирующиеся в вопросах принятия общественно-значимых решений и способных содействовать реализации рекомендаций для решения социально-политических проблем в регионе.

Начиная с 2020 года к работе с информационным пространством регионов подключилась автономная некоммерческая организация «Диалог Регионы» [5], создавшая сеть обособленных подразделений (проектных офисов) в каждом субъекте Российской Федерации. Одна из основополагающих задач деятельности региональных представительств Центров управления регионом связана с работой над информационным пространством регионов, включающую обеспечение цифровой обратной связи на всех уровнях власти, создание национальной

системы госпабликов и расширение поля гражданской координации и ориентации на проверенные источники информации. Это происходит за счёт привлечения необходимых профессиональных компетенций для решения задач поставленных перед руководством регионов, использования цифровых инструментов, а также экспертной оценке полученных результатов.

Цифровые решения ЦУР в процессах мониторинга и обратной связи

Сочетание политических и технологических событий подталкивает государства к созданию более современных форм общественного взаимодействия, включая цифровые платформы и социальные медиа. Некоторые из этих событий включают консолидацию целей, определяемых, в частности, подъем институтов «мониторинга» состояния общества [6]. Центры управления регионом осуществляют системную работу с тремя основными информационным системам мониторинга и обратной связи:

Система мониторинга социальных сетей «Инцидент». Позволяет отслеживать информационные поводы и сообщения граждан в социальных сетях, публиковать официальные ответы со стороны исполнительных и местных органов власти. Автоматическая информационная система управления реакцией на негативные мнения и информационные поводы в социальных сетях разработана обществом с ограниченной ответственностью «Медialogия» и с 2022 г. используется для мониторинга социальных сетей «Вконтакте», «Одноклассники» и мессенджера «Telegram».

Платформа «Госуслуги. Решаем вместе». Платформа создана в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» и стратегического национального проекта «Цифровая экономика» [3].

Платформа обратной связи позволяет организовать работу по двум основным направлениям:

– Работа с обращениями граждан в режиме единого цифрового окна обратной связи с возможностью оперативного контроля решения вопросов;

– Проведение общественных голосований и публичных слушаний по наиболее значимым социальным вопросам.

Взаимодействие с гражданами через платформу обратной связи реализует сервисную роль государства, в том числе – пошаговое отслеживание качества обработки входящих обращений граждан и полученным решениям [1].

Информационно-аналитическая система «Призма» [4]. Обеспечивает информационно-аналитическую поддержку субъектов Российской Федерации, органов государственной власти, органов местного самоуправления в сфере социально-экономического и общественно-политического развития, а также обеспечения комплексной безопасности.

С помощью «Призмы» аналитики Центров управления регионом получают сведения относительно социально-экономического развития регионов, и общественно-политической ситуации. Также, в рамках мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти, системой «Призма» решаются задачи по мониторингу показателей эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Система «госпабликов» как элемент цифрового публичного управления

Эволюция сетевого пространства и социальных сетей интенсифицирует пользовательскую активность и выводит на первый план информационной работы уже не классические средства массовой информации, вертикально транслирующие массовый пользовательский контент, а индивидов или общественные объединения в формате публичных групп, сообществ, имеющих собственные суждения по различным вопросам политической и общественной жизни, которые они стали способны доносить до массового пользователя. Таким образом, обычный пользователь (либо созданное им сообщество) могут быть услышаны массовой аудиторией, а его мнение приобретает социально-политическое значение, а, следовательно, и увеличивает возможности влияния на общественно-политические процессы.

В этой ситуации перед региональными руководителями возникает проблема расширения полей координации сетевых пользователей, которые, самостоятельно, и, независимо от политических институтов, формируют собственную информационную картину, объяснительные модели политической реальности, а также собственную систему норм, ценностей, смыслов и символов.

Необходимость поддержания постоянного диалога с властью потребовала изменения способов работы и перехода института коммуникационных платформ в социальных сетях на менее формализованные, функциональные и более персонифицированные контакты. По сути, через формирование системы «официальных страниц» (госпабликов) в органах государственной власти и подотчётным им организациям, предпринимается попытка создания новых организационных струк-

тур, с наделением их качественно новыми функциями. На сегодняшний день официальные страницы органов государственной власти являются не только средством для получения важной информации о деятельности государственных организаций, но и пространством для цифровых политических коммуникаций с гражданами.

Для обеспечения политической устойчивости и управляемости региональной власти, возрастает потребность в регулярном и системном представительстве «виртуальных» государственных организаций в социальных сетях. При непосредственном участии Центра управления региона сформирован набор технологий и приемов работы с официальными страницами государственных организаций как профессионального вида деятельности по расширению механизмов обратной связи, гражданской координации и контроля информационных процессов в общественно-политическом пространстве регионов.

Заключение

Стратегия работы «Центров управления регионом» заключается в поддержании управленческого суверенитета региона через наделение региональных администраций инструментами рационализации граждан, в том числе за счёт их привлечения к общественному диалогу и контролю деятельности региональных администраций.

В завершение анализа стоит отметить, что цифровые решения Центров управления регионом и их деятельность, связанная с мониторингом информационного поля и вовлечением граждан в публичный диалог, делает существенные шаги в приближении к пониманию способа реализации новой модели цифрового публичного управления в субъектах Российской Федерации.

Несмотря на аутсорсинговый характер отношений ЦУР и региональных властей, использование модели ЦУР в перспективе может стать технологической основой для проведения реформы систем государственного и муниципального управления.

Список источников

1. Анохин М.Г. Аутсорсинг в политике зарубежный опыт и российские практики// Среднерусский вестник общественных наук [Электронный ресурс]. -2014.-№1-URL:<https://cyberleninka.ru/article/v/outsorsing-v-politike-zarubezhnyu-opyt-i-rossiyskie-praktiki>
2. Негуляев С.В. Цифровизация технополитики совместного управления: кейс платформы «Госуслуги. Решаем вместе» // Политика и общество. – 2022. №2.

3. «Цифровое государственное управление» // Минцифры России URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (дата обращения: 16.01.2024).

4. Ведомости // «Призма» — готовое решение для анализа показателей регионов URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2019/04/30/prizma--gotovoe-reshenie-dlya-analiza-pokazatelei-regionov (дата обращения: 14.01.2024).

5. АНО «Диалог» (официальный сайт) // [Электронный ресурс]. URL: <https://anodialog.ru/about/> (дата обращения: 14.01.2024).

6. R. Mulgan /Making open government work, 2014 Macmillan International Higher Education.

“Regional management center” as a model for outsourcing digital public administration in the regions of the Russian Federation

S. V. Negulyaev

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Master of the Department of Political Management, Faculty of Political
Science

The article is devoted to the consideration of "Regional Management Centers" as a model for outsourcing digital management of public authorities in the regions of the Russian Federation. The creation and operation of outsourcing analytical centers based on the SDG model solves the problem of working with the information space of the regions, including the use of digital mechanisms for monitoring, feedback, civil coordination and control of information processes through the system of "state-owned".

On the one hand, the "Regional Management Centers" represent a form of outsourcing of digital public administration – they organize the work of state-owned enterprises, ensure the establishment of a process of platform interaction between citizens and the government, etc. On the other hand, the SDG acts as an actor responsible for linking the levels of public power, acting on behalf of its unity, established by the Russian legislator.

The application of the model of "Regional Management Centers" in the future can serve as a technological basis for the reform of public and municipal administration.

Keywords: information policy; public administration; political outsourcing; regional management; regional management center; digitalization

Цифровая политическая дезинформация как угроза для интернет-аудитории

О. А. Нестерчук^{1,2}, Е. В. Зогранян²

¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Москва, Россия

nesterchuk68@mail.ru, Zogranyane@mail.ru

В данной статье рассматривается потенциальное направление развития политической дезинформации с использованием искусственного интеллекта в информационном пространстве интернета как угроза для его аудитории. Отмечается неспособность большинства групп населения различить видео, снятое человеком без вмешательства и с частичными правками искусственного интеллекта, техническая доступность использования искусственного интеллекта для создания дипфейков. Сгенерированные искусственным интеллектом дипфейки и их подстройка под индивидуальные запросы пользователя на основе его информационного следа позволяет в значительной степени повысить эффективность политической дезинформации, что может быть использовано как для разрушения уже существующих сетевых политических общностей, так и для создания новых, что свидетельствует о вероятности будущей модернизации уже существующих технологий с целью получения синергетического эффекта.

Ключевые слова: Дезинформация; дипфейк; искусственный интеллект; сетевые политические общности; интернет; цифровые платформы

Введение

Современный мир изменился, интегрировавшись в информационное пространство, в котором допускаются искажения освещения событий. По аналогии со все возрастающей скоростью распространения информации в информационном пространстве интернета политически важные события, превращаясь в информацию, становятся в один ряд, а точнее в одну «ленту» с обилием других новостей, скорость смены

которых достаточно велика, но их влияние краткосрочно. И согласно коммуникативной концепции культуры Гарольда Инниса Интернет-СМИ можно отнести к пространственным средствам массовой коммуникации [5, с. 15], которым при охвате достаточно большой аудитории для удержания информации в центре общей повестки дня необходимо прилагать усилия. Для решения такой задачи одним из приемов привлечения внимания аудитории является применение цифровой политической дезинформации.

Теоретическая рамка исследования

Вопрос возникновения цифровых инструментов политической дезинформации с использованием информационного пространства интернета является междисциплинарным, по этой причине авторы данной статьи опирались на научные подходы, разработанные представителями различных научных школ и групп теорий, а именно Г. Инниса, Д. Истона, М. Кастельса, М. Маклюэна и др., а также отечественных ученых С.В.Володенкова, И.Ф.Кефели, Л.В. Сморгунова и др.

Цель и методы исследования

Целью данного исследования является попытка определения влияния дезинформации на современные политические процессы в условиях цифровизации общества и интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий. В качестве метода исследования были использованы анализ и обобщение.

Основная часть

Согласно логике Клауса Шваба [4, с.122-126] современный мир характеризуется как мир, где происходит постепенное стирание границ между физической, цифровой и биологической сферами, при этом темп стирания не проявляет каких-либо заметных признаков остановки или даже замедления. Кроме того, интеграция в цифровую среду привела к изменениям не только в повседневной жизни, но и в природе разного рода конфликтов, сегодня мы зачастую говорим о гибридной природе конфликтов, о выходе их за рамки государственного регулирования [2, с. 35]. Такое стирание границ, отсутствие четкости в содержании позволяет манипулировать сознанием населения с помощью подачи и распространения дезинформации как истинной.

Воздействие цифровой политической дезинформации рассматривается как с технической стороны, так и с информационно-психологи-

ческой. Так информацию о потенциальных кандидатах избиратели могут получать из интернет-источников, что помогает им взвесить все за и против, проголосовать максимально рационально. Однако современной особенностью информационного пространства интернета является распространение дезинформации и ее воздействия на массовое сознание и поведение, что может исказить представление голосующих о кандидате и в итоге отношение к нему.

Если обратиться к данным относительно распространения и влияния дезинформации, то одной из серьезных угроз является создание при помощи искусственного интеллекта дипфейков.

Согласно результатам исследования RAND [8], можно говорить о неспособности большинства групп населения различить видео, снятое человеком без вмешательства и с частичными правками искусственного интеллекта. При этом следует отметить, что сегодня общество находится на переломном этапе в отношении дезинформации, сгенерированной при помощи искусственного интеллекта, так как цифровые платформы за счет алгоритмов подбора релевантной информации способствуют распространению дезинформации, а рост доступности искусственного интеллекта и их модернизация снижают издержки производства дезинформации, что в перспективе может препятствовать естественным и законным информационным процессам.

До недавнего времени массовое распространение дезинформации было ограничено техническими средствами ее производства, необходимо было при помощи разного уровня специалистов обрабатывать фотографии или выборочно редактировать видео. Генеративные нейронные сети облегчают создание высокореалистичных дипфейковых видеороликов, для создания которых не требуется специальных знаний, открывая тем самым новый формат в распространении дезинформации и борьбе с ней.

Если учитывать, что качество создания дипфейков уже сейчас позволяет вводить в заблуждение от 27% до более чем 50% аудитории, то логично предположить вероятное применение данного инструмента если не в качестве средства политической дезинформации, то как способ разрушения или искусственного сплочения сетевых политических общностей в условиях создания псевдосреды, которая замещает реальную действительность, беря на себя функции единственного источника знаний и представлений об окружающем [1, с. 127]. При этом в исследовании RAND также говорится о том, что часть исследуемых

относящаяся к старшим поколениям является более уязвимым в дезинформации такого рода, что может приводить к целому ряду негативных последствий, как например неспособность родителей, учителей и преподавателей развенчивать дезинформацию, которой подвергаются, или которую пересылают дети, студенты своим знакомым, тем самым невольно способствуя ее распространению.

При этом не стоит забывать, что хотя пока доступ к генеративным нейронным сетям для обычных пользователей не подразумевает использование BigData и цифрового следа отдельного пользователя для создания персонифицированной дезинформации такого рода, однако можно предположить, что вероятность такого использования специалистами цифровой сферы существует.

Если мы снова обратимся к зарубежному опыту и посмотрим на исследование относительно того, сколько времени пользователи из США тратят на использование различных медиа, то согласно исследованию Activate [6], среднестатистический показатель составит 13 часов в сутки, при этом за счет мультизадачности появляется такое понятие как «суперпользователь», который проводит более 18 часов в сутки используя различные медиа. При этом, к тому цифровому следу, который он оставляет добровольно, можно добавить ту информацию, которая собирается без ведома пользователя. Представители и сооснователи небольшой компании под названием MindSift, занимающейся таргетированной рекламой, в своем подкасте подробно рассказали об используемой ими технологии, направленной на таргетирование рекламы путем прослушивания повседневных разговоров людей через микрофоны на их интеллектуальных устройствах [7]. При этом, безусловно, это отсылает нас к возрастающей необходимости формирования цифровых прав человека, обеспечивающих его свободу, приватность и деятельность [3, с. 66] в информационном пространстве интернета и за его пределами.

Таким образом, если учитывать, что объем информации растет, и распространение информации политического характера на цифровых платформах с институциональной точки зрения никак не отличается от остальной информации, то можно предположить, что среднестатистический пользователь различных медиа, особенно в условиях мультизадачности, практически никак не сможет отличить качественный дипфейк даже без персонифицированной подстройки под него. А в ус-

ловиях индивидуальной подстройки под ожидания пользователя значительно усиливается эффективность политической дезинформации.

Выводы

В заключении можно сказать, что развитие искусственного интеллекта и его применение в политической сфере продолжит развиваться, цели такого воздействия могут быть как социально-политические, так и культурные, религиозные. В данном случае следует указать на универсальность инструмента. При помощи таргетированных дипфейков можно не только спровоцировать пользователей объединяться в сетевые политические общности, но и повышать эффективность воздействия дезинформации за счет принципа петли обратной связи. Управляя информацией и дезинформацией, становится возможным воздействие не только на информационное пространство и повестку дня, но и на физическое пространство, точнее в силу стирания четких границ реального и виртуального, можно увидеть уже не дополненную реальность, а реальность, измененную согласно целям и задачам, которые могут не совпадать с политическими интересами. Именно поэтому сегодня необходимо консолидированное научное изучение новых, изменяющихся и не до конца изученных тенденций, с которыми мы сталкиваемся внутри информационного пространства Интернета, ведь рано или поздно мы рискуем столкнуться с ними и за его пределами.

Список источников

1. Володенков С. В. Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики // Коммуникология — Communicology. 2016. № 4.
2. Пролегомены когнитивной безопасности. Коллективная монография / Под редакцией И. Ф. Кефели. — СПб.: ИД «Петрополис», 2023. — 488 с.
3. Сморгунов Л. В. Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций // Южнороссийский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 3. - С. 62-75
4. Шваб К. Четвертая промышленная революция: Что она собой представляет и как на нее реагировать // Геополитика и безопасность. 2016. № 1(33). — 138 с.

5. Innis H. Changing Concepts of Time. Toronto: University of Toronto Press. 1952, 142 p.

6. Takeaways from the Activate Technology & Media Outlook 2024 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.activate.com/insights-archive/Activate-Technology-and-Media-Outlook-2024.pdf> (дата обращения 29.02.2024).

7. Company Brags About Using Smart Device Microphone Audio to Target Ads on Their Podcast [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.404media.co/mindsift-brags-about-using-smart-device-microphone-audio-to-target-ads-on-their-podcast/> (дата обращения 29.02.2024).

8. Deepfakes and scientific knowledge dissemination [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/373214383_Deepfakes_and_scientific_knowledge_dissemination (дата обращения 29.02.2024).

Digital political disinformation as a threat to the Internet audience

O. A. Nesterchuk^{1,2}, E. V. Zogranyan²

¹Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russia

This article examines the potential direction of the development of political disinformation using artificial intelligence in the information space of the Internet as a threat to its audience. It is noted that the majority of population groups are unable to distinguish between videos shot by humans without interference and with partial edits of artificial intelligence, and the technical accessibility of using artificial intelligence to create deepfakes. The deepfakes generated by artificial intelligence and their adaptation to individual user requests based on their information footprint can significantly increase the effectiveness of political disinformation, which can be used both to destroy existing network political communities and to create new ones, which indicates the likelihood of future modernization of existing technologies in order to obtain a synergistic effect.

Keywords: Disinformation; deepfake; artificial intelligence; networked political communities; Internet; digital platforms

Проблема исламского экстремизма в современном российском цифровом пространстве

С. Ш. Олимзода

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия
sorbon.science@mail.ru

В данной статье рассмотрена проблематика присутствия исламского деструктивного дискурса и причины возникновения в российском цифровом пространстве. Проанализирована терминология исламского экстремизма, опираясь на отечественные и зарубежные источники, а также обозначена социально-политическая роль государства и ДУМ РФ в противодействии деструктивной идеологии в информационном поле. В качестве методологии был использован контент-анализ.

Исследование позволило понять, что данная тематика еще не до конца изучена в российском научно-богословском сообществе. Сделан вывод о том, что многие из трендов, приведенных в статье, и идеи исламского радикализма зародились за пределами Российской Федерации и были внедрены в цифровое пространство России. Это указывает на то, что российский исламский радикализм, в целом, является периферийным идеологическим явлением, формировавшимся под влиянием внешних факторов.

Ключевые слова: ДУМ РФ; традиционный ислам; экстремизм; радикальный ислам; деструктивная идеология; социальные сети; исламское онлайн образование

В цифровом пространстве современной России остается актуальной проблема возникновения и распространения деструктивных идеологий. Она заключается в распространении и пропаганде радикальных, экстремистских и насильственных убеждений с использованием современных информационных технологий.

Наличие высокой степени анонимности и доступности, отсутствие либо неэффективность существующих механизмов контроля и модерации контента в цифровом пространстве, а также низкая осведомленность общества о методах распознавания и противодействия деструктивным идеологиям могут привести к радикализации групп, формированию экстремистских организаций и подрыву социальной стабильности, де-

мократических ценностей, усилению межнациональных и межконфессиональных конфликтов и подрыву государственности.

Недостаточное понимание рисков и угроз, а также отсутствие критического мышления способны увеличить уязвимость людей перед экстремистской пропагандой и идеологиями. Кроме того, цифровое пространство позволяет быстро и масштабно распространять дезинформацию, фейковые новости и манипулировать общественным мнением.

Распад СССР в декабре 1991 года, крах биполярной системы, полная открытость российского общества привели к тому, что в страну обрушился поток радикальных исламских миссионеров из разных мусульманских государств, преимущественно из стран Ближнего Востока. Носители деструктивной идеологии, имевшие внушительные финансовые ресурсы, образовательные и привлекательные издательские возможности, предлагали собственную догматическую интерпретацию ислама.

Согласно мнению доктора политических наук, профессора ММ. Мчедловой, появление религиозного экстремизма в постсоветской России является исключительно результатом действий разнообразных антироссийских сил (от зарубежных спецслужб до радикальных религиозных и квазирелигиозных новообразований). Реальные цели субъектов религиозной экстремистской деятельности, как правило, весьма далеки от публично декларируемых лозунгов “духовного возрождения” и “чистоты веры”: в большинстве случаев, по мнению профессора М.М. Мчедловой, в их основе лежат вполне земные политические и экономические интересы [1, с. 11].

Сегодня, в российском информационном поле проблематика распространения исламской экстремистской идеологии тесно связана с геополитической повесткой и усугубляется за счет увеличения активности радикалов в интернет-пространстве, их работой по расширению базы поддержки движения, основанной на знании алгоритмов работы социальных сетей [2, с. 665]. Важно отметить, что проблема исламского экстремизма в цифровом пространстве России представляет серьезную угрозу для государственно-конфессиональных отношений, безопасности общества, межнациональной и межконфессиональной гармонии.

Самые очевидные проявления экстремистских воззрений можно обнаружить, в первую очередь, в критике местных исламских традиций и обычаев народов Северного Кавказа и других регионов России с преобладающим большинством мусульманского населения, государ-

ственной власти, политической системы, против которой выстраиваются стратегии “мягкой борьбы” в цифровом пространстве, основанные на ультрарадикальных теологических и правовых интерпретациях.

Описанные выше факторы способствуют возникновению и распространению исламского экстремизма в информационном пространстве постсоветской России и требуют комплексного подхода для противодействия этой проблеме, включая предотвращение радикализации путем улучшения контроля за информационным полем и усилением сотрудничества между властями и мусульманским духовенством, как основным органом, занимающимся регуляцией отношений между мусульманами, государством и другими представителями конфессий.

Для начала, важно сказать, что термин “исламский экстремизм” не имеет в российской науке четкого определения. Нами была проделана попытка анализа современной отечественной и зарубежной научной литературы. Было обнаружено, что в российском научном пространстве существуют дискуссии вокруг понятия “исламский экстремизм” в его четырех проявлениях: фундаментализм, ислаимзм, радикализм и салафизм (ваххабизм). Было выявлено, что ученые ставят знак равенства между четырьмя понятиями и термином “экстремизм”, полагая, что если и имеются какие-то различия, то они несущественные.

Среди отечественных авторов, в чьих трудах есть место исследованию проблематики радикального ислама можно выделить: А.А. Игнатенко, Д.А. Нечитайло, Е.М. Примаков, А.В. Малашенко, В.Н. Пластун, В.В. Наумкин, Л.Р.Полонская, Ф.М. Мухаметшин, И.П. Севостьянов, М.М. Лебедева, Д.А. Сатпаев, И.П. Добаев, С.А. Мельков, З.С. Арсухов, Р.Г. Ланда, Г.И. Мирский и др. В их работах содержится анализ ключевых теоретических положений исламского экстремизма.

В рамках данной статьи были проанализированы исследования следующих зарубежных авторов: Э. Хейвуд, Б.Льюис, Д.Пайпс, М.Родинсон, О.Руа, Дж.Эспозито, Р.Х.Декмеджяна, В.Джорджа, Х.Мансона, Э.Сивана, Ю.Хвейри, А.Фероза, С.Лакруа, М.Шоера и др.

Видный отечественный исследователь-исламовед А.А. Игнатенко внес существенный вклад в изучение арабо-мусульманской мысли Средневековья и заложил основы исследования религиозного экстремизма и терроризма в СССР и современной России. Например, ученый подчеркивает, что радикальный ислам синонимичен исламскому экстремизму, фундаментализму и салафизму [3, с. 40]. В своих работах он выявляет ключевые факторы, которые оказывают непосредственное

влияние на формирование радикальной исламской идеологии, ее распространение во многих мусульманских странах и регионах.

Другой отечественный ученый Д.А. Нечитайло в вопросах исламского экстремизма, так же использует понятие “современный исламский экстремизм” в своих работах. Мы исследуем стратегию и тактику исламистского экстремизма на примере многочисленных салафитских учений и практик их применения, причины становления халифата в качестве геополитического и геочивилизационного феномена [4].

Понятие исламский фундаментализм имеет и обратную сторону. Так, например, доктор политических наук, Ф.М. Мухаметшин приходит к выводу, что фундаментализм не всегда имеет склонность к агрессивности. Например, в Центральной и Южной Азии существуют движения, выступающие за религиозную чистоту, но без открытого экстремизма — «муджаддийа» или консерваторы — приверженцы ханафитского мазхаба [5]. При этом как первые, так и вторые активно занимались и занимаются поддержкой и продвижением мусульманской религии. Автор отмечает, что леность является результатом неверно выбранных критериев при оценке религиозно-политических движений и идейных течений в исламской мысли. По мнению, Ф.М. Мухаметшина мотивирующим фактором исламских радикалов, прежде всего является их социально-политическая направленность и степень радикализма, а не их богословско-юридическое содержание [6, с.6].

Наконец, согласно мнению ученых Р.Г. Ланды, З.И. Левина и Л.И. Фадеева о том, что исламизация в различных государствах арабо-мусульманского мира проходит с различной интенсивностью под влиянием национальных и религиозных факторов, является важным для понимания сложной динамики исламского мира. Исследователи отмечают роль национализма и религиозного фундаментализма в процессах исламизации и изменениях, происходящих в регионе [7].

Такие исследования и анализы помогают лучше понять многообразие явлений исламизации и факторов, влияющих на них, а также предсказать возможные развития в сфере религиозной и социальной динамики в арабо-мусульманском мире и за его пределами.

Б. Льюис, Д. Пайпс, М. Родинсон, О. Руа, Дж. Эспозито и другие проводят исследования, в которых анализируют взаимосвязь между особенностями проявления исламской идеологии и внутривнутриполитическими процессами в мусульманских странах. Они обращают внимание на уникальные черты исламской цивилизации, особенности ее развития и влияние на политическую деятельность и структуры в регионе.

В их работах приведен анализ теоретического содержания исламского фундаментализма и религиозного радикализма, их причины и последствия для обществ и государств. Они демонстрируют идеологические основы радикального ислама, его влияние на политическую повестку и поведение групп и движений, а также смотрят на способы противодействия радикальным тенденциям в рамках исламской среды [8].

Например, Э. Хейвуд предлагает определять фундаментализм как систему взглядов, где основные аспекты жизни человека должны подчиняться религиозным принципам. Подобный подход позволяет более четко определить ключевые черты фундаментализма и выделить его основные детали [9, с.78].

А.А. Игнатенко и Э. Хейвуд обращают внимание на то, что фундаментализм предполагает подчинение основных аспектов жизни человека религиозным принципам или ценностям. Однако следует учитывать, что данное определение может быть неоднозначным, так как в различных религиозных традициях и культурах понятие фундаментализма может интерпретироваться по-разному. Некоторые критики утверждают, что фундаментализм может привести к экстремизму и нетерпимости, в то время как сторонники считают его защитой традиционных ценностей и веры.

Исследуя проблематику исламского экстремизма, мы руководствовались целью обозначить наличие экстремистской идеологии, прикрывающихся исламскими лозунгами в российском цифровом поле в современных условиях.

Для исследования места исламской экстремистской идеологии в российском цифровом пространстве был использован контент-анализ.

Идеология исламского экстремизма имеет свое место в российском цифровом пространстве, как и во многих других странах. В социальных сетях и интернете можно найти контент, который пропагандирует радикальные идеи и призывает к экстремистской деятельности во имя ислама. Этот контент может быть разнообразным - от провокационных высказываний до активной вербовки и пропаганды терроризма.

Однако важно отметить, что российские органы власти совместно с религиозными организациями принимают меры для борьбы с исламским экстремизмом в цифровом пространстве. Ведется мониторинг и блокирование экстремистских материалов, проводятся операции по задержанию и привлечению к ответственности лиц, распространяющих такой контент.

Ряд руководителей органов исполнительной власти, а также Президент РФ В.В. Путин уже заявляли о необходимости «ужесточения действующего законодательства и мер репрессивного характера для лиц, совершающих правонарушения с использованием сети «Интернет», а также создание развитой, адекватной системы профилактики и предупреждения преступлений данной категории» [10].

Сегодня, как никогда прежде, ДУМ РФ играет значительную роль в формировании мусульманской общины в России и регулировании религиозной жизни. В последние годы активизировались усилия по противодействию распространению экстремистских идей со стороны государства и ДУМ РФ на законодательном и идеологическом уровнях, так как в современных условиях, в цифровом пространстве появляется все больше материалов и призывов к экстремизму.

Важно отметить, что сегодня Духовное управление мусульман ведет активную работу в цифровом пространстве, размещая информацию о мусульманской вере, осуждая экстремистские взгляды и пропаганду. Сотрудничество с интернет-активистами, разработка образовательных программ и проведение онлайн-конференций и вебинаров позволяют эффективно бороться с исламской экстремистской идеологией в онлайн-пространстве.

Социально-политическая роль ДУМ РФ заключается не только в противодействии исламской экстремистской идеологии в российском цифровом пространстве, но и прежде всего в создании условий для получения гражданами РФ традиционного исламского образования. Концептуальное рождение идеи российского ислама связано с объявлением Президентом РФ В.В. Путиным курса на возрождение отечественной богословской школы ислама в России 22 октября 2013 г. Цель курса была обозначена как эффективное противостояние деструктивному влиянию радикальной исламистской идеологии [11].

Эффективное использование цифровых технологий позволяет обеспечить достойный уровень исламского образования даже в самых отдаленных регионах страны, что поможет создать контрпропаганду и противодействовать экстремистским тенденциям, повысить уровень культурно-богословской осведомленности. Работа в этом направлении требует согласованных действий со стороны духовных лидеров, научно-исследовательских институтов и государственных органов с целью обеспечения мирной и безопасной религиозной среды.

Учитывая все вышесказанное, Ш.С. Сулейманова полагает, что исламское сообщество России при государственной поддержке, должно

ставить перед собой следующие задачи: активно взаимодействовать со СМИ, развивать профильные исламские СМИ, готовить журналистов-мусульман для светских СМИ, в сети Интернет иметь свои сайты, с современным дизайном, с интересными статьями, которые смогут выйти на качественно новый уровень коммуникации с пользователями [12].

Резюмируя, стоит напомнить, что в современном мире цифровое пространство стало важным каналом распространения идеологий, включая исламский радикализм. Использование интернета и социальных сетей радикальными группировками и отдельными активистами позволяет им эффективно пропагандировать свои идеи, вербовать новых сторонников и координировать свои действия.

Необходимо сказать, что в российском цифровом пространстве, сегодня остро стоит проблематика существования и увеличения деструктивной идеологии в связи последними геополитическими вызовами, касающихся нашей страны.

Мы пришли к выводу о том, что исламский экстремизм, не свойственный традиционному российскому исламу, проник в цифровые просторы России из-за рубежа и носит сугубо земные политические и экономические цели и интересы.

Государство и мусульманское духовенство могут сыграть важную роль в противодействии исламскому экстремизму через совместные усилия и сотрудничество.

Распространение мирных и толерантных исламских учений через цифровые платформы, пропаганда межконфессионального диалога и уважения к другим верованиям, организация образовательных мероприятий, вебинаров, онлайн-конференций, использование социальных сетей для предотвращения экстремистской пропаганды, все перечисленное является эффективным способом для минимизации пагубного влияния на умы малообразованной части мусульманского населения страны.

Однако, эффективная борьба с исламским радикализмом в цифровом пространстве требует комплексного и многоуровневого подхода, включая социально-психологическую работу с молодежью, улучшение информационной грамотности, сотрудничество с международными партнерами и развитие технологий для борьбы с онлайн-терроризмом.

Список источников

1. Мчедлова М. М. Профилактика религиозного экстремизма: от различия интерпретаций к солидарным алгоритмам общежития (пример России) / М. М. Мчедлова // Профилактика религиозного экстремизма: ценностно мировоззренческие аспекты: Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Орел, 24–25 октября 2019 года / Под редакцией Т.Г. Человенко. – Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2020. – С. 9-14. – EDN EUULTV.

2. Демиденко С.В., Маргулис С.Б., Файншмидт Р.И. Феномен исламизма постиндустриального времени на территории Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 665–685. - <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-665-685>

3. Игнатенко А.А. Ислам и политика. М.: Институт религии и политики, 2004. 256 с.

4. Нечитайло Д.А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. М., 2017.

5. Курбанов Р.В. Что ждет Дом Саудов? // Россия в глобальной политике. 2012. № 4. С. 143–153. Россия — Средняя Азия. Политика и ислам в XX — начале XXI вв. / под ред. Ф.М. Мухаметшина. Т. 2. М.: Издательство Московского университета, 2011.

6. Мухаметшин Ф.М. Взгляд на исламский фундаментализм. - М., 1998г., с.6

7. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995. С. 267.

8. Kibble David. Understanding Islamic Fundamentalism. Military Review (US Army Publication), Sept - Oct 1995; Makdisi George. The Conflict of Traditionalism and Modernism in the Muslim Middle East. Texas. 1966; Lawrence B.B. Defenders of God: The Fundamentalist Revolt Against the Modern Age. - San Francisco, 1989; Lewis B. Islam and the West. - New York-Oxford, Oxford University Press, 1993; Pipes D. The Long Shadow. Culture and Politics in the Middle East. London, A Foreign Policy Research Institute Book, 1989; Roy O. L'Iran et son Environnement Regional. - Defence Nationale, Octobre 1992, №10, Roy O. The Failure of Political Islam. Cambridge. Harvard University Press. 1994

9. Хэйвуд Э. Политология / пер. с англ.; под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Вельского. М.: ЮНИТИ- ДАНА, 2005. 544 с.

10. Т. А. Никитина, И. А. Терентьева Противодействие распространению экстремистской идеологии в информационном пространстве России // Вестник ПАГС. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-rasprostraneniyu-ekstremistskoj-ideologii-v-informatsionnom-prostranstve-rossii> (дата обращения: 29.02.2024).

11. Заседание Совета по межнациональным отношениям. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19475> (дата обращения 29.02.2024)

12. Сулейманова, Ш. С. Роль новых медиа в современных межрелигиозных конфликтах / Ш. С. Сулейманова // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. – 2016. – Т. 12, № 2. – С. 201-210. – DOI 10.22311/2074-1529-2016-12-2-201-210. – EDN XAKFGP.

The problem of islamic extremism in the modern russian digital space

S. S. Olimzoda

People's Friendship University Of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia

This article focuses on the problems of the presence of Islamic destructive discourse and the reasons for its occurrence in the Russian digital space. The analysis of the terminology of Islamic extremism based on domestic and foreign sources, and the socio-political role of the state and the Muslim Spiritual Authority of the Russian Federation in countering destructive ideology in the information field is outlined. As the research methodology was used content-analysis.

The research made it clear that this topic has not yet been fully studied in the Russian scientific and theological community. The author comes to the conclusion that many of the trends mentioned in the article and ideas of Islamic radicalism originated outside the Russian Federation and were digitalized. This indicates that Russian Islamic radicalism in general is a peripheral ideological phenomenon, formed under the influence of external factors.

Keywords: Muslim Spiritual Authority of the Russian Federation; traditional Islam; extremism; radical Islam; destructive ideology; social networks; Islamic online education

ГРНТИ 11.15.89

«Fake news» как инструмент манипулирования общественным сознанием

Д. Е. Палатников, Е. В. Ратманова

Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова,
Ярославль, Россия
denipa-1@rambler.ru

Настоящая статья посвящена теоретической операционализации понятия «fake news» как технологии манипулирования массовым сознанием, получившим широкое практическое применение в настоящее время. В теоретической части работы рассмотрены исторический аспект развития данной технологии, особенности реализации в условиях активного развития сегмента Интернет-СМИ и социальных сетей, методы реализации, а также факторы эффективности в практике современных массовых коммуникаций. По результатам проведенного практического исследования выявлены особенности реализации технологии «fake news» в коммуникационном пространстве региона (на примере Ярославской области), обусловленные сохраняющимся доминированием тем федеральной информационной повестки при увеличении доли собственно региональных кейсов «fake news».

Ключевые слова: fake news; коммуникационное пространство региона; манипулирование сознанием; массовое сознание; средства массовой информации; аудитория; фактчекинг

Введение

Стремительное развитие электронных средств массовой коммуникации привело к росту использования манипулятивных технологий в этой среде. Одной из самых распространенных технологий и, в то же время, одной из самых эффективных с точки зрения доступности и ресурсоемкости на ее воспроизводство, является так называемая технология «fake news». Эта востребованность технологии, а также необходимость выработки эффективных инструментов противодействия ей делает тему актуальной самой по себе. Учитывая контекст глобального гибридного противостояния, в состоянии которого находится наша страна, данная технология предстает в не формате использования безобидной единичной ошибки в передаваемых сведениях,

а как мощное оружие осознанной манипуляции. Трансформируются цели, задачи использования недостоверной информации, подходы к ее использованию и последствия применения данной технологии.

Теоретическая рамка исследования

Предметом настоящей статьи является технология воздействия на общественное сознание «fake news», которая определяется как использование заведомо ложной информации, распространяемой в СМИ или коммуникационных сетях как новость.

Технология использования «fake news» первоначально появилась в упрощенном виде в журналистской среде и стала известна как «газетная утка», когда корреспонденты в своих материалах стали использовать вымышленные факты, либо в гипертрофированном виде представлять масштаб реальных событий для увеличения аудитории своего издания. Затем, «утка» стала центральным элементом сатирических шоу в США и Западной Европе на телевидении, в которых пародировалась новостная информация по общественно значимым проблемам. Аспект привязки к реальному общественно-политическому дискурсу сделал этот инструмент уже тогда достаточно влиятельным на настроения общества, хотя это были не новости сами по себе, а их сатирическое подобие, призванное также привлечь повышенное внимание уже зрительской аудитории.

В эпоху расцвета социальных сетей, Интернета и новых медиа, претерпела трансформацию и технология «fake news». В ее основе уже действительно новостной инфоповод, но, как правило, не имеющий под собой никакой основы в виде фактов объективной реальности. И, в этой связи, это уже не элемент шоу, развлечения или расширения охвата аудитории, а аспект целенаправленного формирования определенной общественно-политической позиции аудитории. Фейку подвержены все жанры журналистской работы и обман аудитории становится осознанным [1].

Важной особенностью текущего этапа развития информационно-коммуникационных технологий и медиа, субъектом, распространяющим или использующим «fake news» для достижения своих целей, является любой участник коммуникации – от инициатора до рядового пользователя в социальных сетях. Все участвуют прямо или косвенно в воздействии на общественное сознание доступными его роли инструментами. Такое сознательное распространение «fake news» использу-

ется для создания и поддержания в состоянии доминирования специфичной повестки дня, личной, в том числе, коммерческой выгоды, или в целях поддержания личного бренда автора.

Можно перечислить наиболее распространенные механизмы практического применения технологии «fake news»:

- создание новостей (как известно, новость, всегда отличается от факта реальности, так как представляет определенный взгляд на событие, поэтому, этот «авторский взгляд» часто может не иметь ничего общего с реальностью);

- усиление определенной позиции автора публикации с помощью «прямой речи» очевидцев, авторитетных лиц, с целью подчеркнуть выгодные для манипулятора стороны события;

- активное использование вспомогательных средств визуального усиления эффекта воздействия (иллюстрации, рейтинги);

- распространение нужных новостей через агрегаторы, с использованием специфичных алгоритмов показа информации;

- использование лидеров общественного мнения для усиления эффекта воздействия;

- использование механизмов социальных реакций в социальных сетях для создания нужного эффекта, использование ботов и другие методы.

Причины доверия к «fake news» можно объяснить ложным эффектом «круга доверия»: в социальных сетях, где каждый из нас формирует свое собственное социальное окружение, добавляя или удаляя к своему профилю «друзей», мы не ожидаем вторжения в этот круг посторонней или ложной информации. Часто даже не подозреваем, что носителями «fake news» могут быть обычные пользователи сетей, даже те, кому мы искренне доверяем.

Несколько слов скажем о том, чем нас подкупают «fake news». Исследователи объясняют это особым свойством информационной среды – эмоциогенностью, то есть восприимчивость аудитории социальных сетей к эмоционально содержательной информации, легкой для восприятия, что, безусловно, является одним из базовых компонентов успешности технологии «fake news» [2. с. 103; 3. с.186; 5. с. 240]. Фейки становятся важными коммуникативными маршрутизаторами, сопровождающими новостную повестку определенными (ситуационными) интерпретациями в публичном пространстве, влияющими на общественное сознание.

Цель и методы исследования

Цель работы заключается в анализе масштаба воздействия на региональное информационное пространство «fake news» на примере Ярославской области.

Объектом исследования обозначим технологию «fake news» в контексте современных массовых коммуникаций.

Предметом исследования являются упоминания о сообщениях с признаками «fake news» в региональном информационном пространстве Ярославской области.

Научная новизна исследования состоит в том, что авторами принята попытка проанализировать масштаб использования «fake news» в региональном информационном пространстве в контексте социально-политического сегмента информации.

В качестве основных общенаучных методов и подходов нашего исследования использовались структурно-функциональный подход, системный анализ. Структурно-функциональный подход позволил рассмотреть «fake news» как структурное образование, состоящее из коммуникационных ситуаций, искусственно сконструированных для выполнения функций манипулятивного воздействия на общественное сознание. Системный анализ предоставил возможность выявить составляющие элементы «fake news» на основе политического дискурса.

Частнонаучная методология исследования базируется на основе контент-анализа, когнитивного и контекстуального анализа. Контент-анализ регионального информационного поля в хронологических рамках исследования проведен с использованием программного комплекса «Медialogия» по ключевым словам контекстного поиска по упоминаниям слова «фейк» и его производных среди сообщений электронных СМИ Ярославской области (37 источников), относящихся к сегменту социально-политической информации о региональных событиях.

Основная гипотеза базируется на том, что масштаб применения технологии «fake news» в региональном информационном пространстве существенно расширился с 2022 года, на что значимо повлияло изменение социально-политического контекста.

Хронологические рамки исследования охватывают 2021-2024 годы.

Основная часть (результаты сбора данных)

В 2021 году упоминания «fake news» чаще всего фиксировались в отношении ситуации вокруг ковида, методов его лечение и причин распространения; финансовых отношений граждан и юридических лиц и в этом контексте не затрагивали напрямую сферу общественно-политических отношений. В сфере общественно-политических отношений «fake news» фиксировались по темам, связанным с внешней политикой России и системы международных отношений в целом.

В 2022 году доля сообщений, содержащих упоминание «fake news» значимо выросла. Доминировали темы, связанные с началом специальной военной операции (СВО), объявленной частичной мобилизацией, внешнеполитическим контуром событий. Отмечается рост количества сообщений, косвенно связанных с общественно-политической тематикой в неполитических сферах, которые касались социально значимых происшествий, здравоохранения, социальной защиты. Лидирующей механикой создания фейков в 2022 году, как следует из сообщений СМИ, оставалась намеренная дезинформация. Основными площадками распространения фейковой информации являлись социальные сети и мессенджеры Telegram, «Одноклассники» и «ВКонтакте», а сообщения в СМИ зеркалили ситуацию в социальных медиа.

В 2023 году доля сообщений о «fake news» осталась значительно выше относительно базовой отметки наблюдения при снижении абсолютного количественного показателя. Основные тенденции механики формирования «fake news», площадок распространения, а также тематического содержания остались неизменными.

В первом квартале 2024 года к тематическому содержанию публикаций о «fake news» добавилась тема выборов Президента РФ, а также тематики, связанные с межнациональными и межконфессиональными отношениями, террористическими актами и безопасностью граждан. При это доля в информационном пространстве снизилась лишь незначительно.

Количество упоминаний «fake news» в 2021 году составило 985 единиц (доля от общего массива социально-политического характера – 4,7%), в 2022 году – 1894 ед. (доля – 7,8%), в 2023 году – 1329 ед. (доля – 7,1%), в 2024 году (январь-март) – 287 ед. (доля – 6,8%).

Объединяет весь период наблюдения то, что большинство сообщений, связанных с упоминанием «fake news» не относятся к региональной общественно-политической повестке, а продиктованы федераль-

ными или глобальными инфоповодами. Но можем отметить тенденцию к возрастанию доли регионального сегмента к 2024 году. Это подтверждается и статистикой регионального центра управления регионом (ЦУР), по сведениям которого за 2022 год было зарегистрировано 9 фейков про Ярославскую область, а в 2023 году эта цифра выросла до 19 [7].

Подчеркнем еще раз, что анализу подвергнуты не сами сообщения СМИ, имеющие признаки «fake news», а сообщения, в которых упоминается о распространении «fake news». Таким образом, на основании этих данных мы можем делать выводы о масштабах присутствия данной темы в информационном пространстве региона, а не о количестве выявленных фейковых сообщений.

Безусловно, представленные данные свидетельствуют о том, что тема «fake news» стала одной из ключевых характеристик регионального информационного пространства региона и нет признаков того, что она в ближайшем будущем перестанет таковой являться. Более того, наличие в постоянном фоновом режиме недостоверной информации в информационном поле с неизбежностью будет иметь следствием трансформацию как профессионального медийного сообщества, так и аудитории масс-медиа. Стандартным требованием к любому участнику современного информационного взаимодействия становится обладание навыками фактчекинга [4, с.6]. Как бы, на первый взгляд, странно это не звучало, процедура фактчекинга хорошо известна и раскрыта как в научных работах, так и учебных материалах для профессиональных журналистов.

Так, И.А. Стернин и А.М. Шестеркина в свои исследованиях [6, с.4-6] акцентируют внимание на критериях различия фейков и других видов суждений (оценочное), разграничивают сообщения по степени искаженности данных и др. Эти действия, на первый взгляд, обязательные и активно использовались специалистами в масс-медиа в «традиционную» эпоху, но, сегодня, как известно, кроме профессионалов в публичных массовых коммуникациях присутствует значительное количество блогеров-любителей, пренебрегающих правилами элементарной информационной гигиены.

Выводы

Таким образом, использование технологии «fake news» стало неотъемлемым атрибутом сферы массовых коммуникаций в современ-

ном мире. Искусственно сформированная публичная среда предстает в результате этого сферой манипулятивного противоборства различных политических субъектов. Можно с большой долей уверенности предположить, что «fake news» неизбежно будут присутствовать в информационном пространстве и дальше. Проведенное нами исследование регионального сегмента СМИ подтверждает данные выводы.

Второй немаловажный момент, фиксируемый по итогам исследования: благодатной почвой для использования «fake news» являются моменты напряженности в политической системе, ускорения политических процессов, связанные со значимыми событиями и политическими процессами.

Региональное информационное пространство в значительной степени подвержено информационному влиянию федеральной повестке, тиражируя, в том числе, «fake news» федерального уровня. Тем не менее, количество фейков собственно регионального уровня имеет тенденцию к росту, что свидетельствует о значимости регионального сегмента массовых коммуникаций для субъектов политической борьбы.

Список источников

1. Alcott H., Gentzkow M. Social Media and Fake News in the 2016 Election. Retrieved from Stanford University // Journal of Economic Perspectives. Volume 31, Number 2. 2017. P. 211-236. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.3386/w23089> (дата обращения 01.03.2024).

2. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Фейк как элемент манипулирования общественным сознанием // Гуманитарные и социальные науки. 2018. №5. С.101-112.

3. Гарбузняк А.Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Знание. Понимание. Умение. 2019. №1. С. 184-192.

4. Лебедева Е.Г. Фейковые новости как инструмент манипулятивного воздействия в медиасреде // Universum: филология и искусствоведение : электрон. науч. журн. 2021. №3(81). С. 4-7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://universum.com/ru/philology/archive/item/11340> (дата обращения: 01.03.2024).

5. Патюкова Р.В., Оломская. Н.Н., Николаева Ю.Е. Механизмы создания фейковой новости как современной технологии взаимодействия с общественностью // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2022. № . Т. 2. С. 238-246.

6. Стернин И.А., Шестернина А.М. Маркеры фейка в медиатекстах. Рабочие материалы. Воронеж: ООО «РИТМ»., 2020. 34с.

7. Фейков стало больше, но справляются с ними лучше // <https://1yar.tv/n52at/>

"Fake news" as a manipulative tool for public consciousness

D. E. Palatnikov, E. V. Ratmanova

P.G. Demidov Yaroslavl State University

Yaroslavl, Russia

This article is devoted to the theoretical operationalization of the concept of “fake news” as a technology for manipulating mass consciousness, which has received wide practical application at the present time. The theoretical part of the work examines the historical aspect of the development of this technology, the features of implementation in the context of the active development of the Internet media and social networks segment, methods of implementation, as well as efficiency factors in the practice of modern mass communications. Based on the results of the conducted practical research, the specific features of the implementation of “fake news” technology in the communication space of the region (using the example of the Yaroslavl region) were identified, due to the continued dominance of topics on the federal information agenda with an increase in the share of regional “fake news” cases.

Keywords: fake news; regional area of communication activity; manipulation of consciousness; mass consciousness; media; audience; fact-checking

Воспроизводство российской цивилизационной идентичности личности – общества – государства в условиях утверждения доминант глобальных цифровых технологий*

С. А. Панкратов¹, Л. С. Панкратова²

¹Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия
pankratov@volsu.ru

²Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия
l.s.pankratova@spbu.ru

Цифровые технологии выступают не только важнейшей составляющей экономического и технико – технологического развития любого современного общества и государства, но и фактором, оказывающим существенное влияние на содержание и структуру социально – политических процессов, динамику и векторы политических изменений. В частности, в условиях существенных трансформаций в институализированном миропорядке XXI века, цифровые технологии претендуют на доминирование в воспроизводстве (сохранении / противостоянии / искажении и т.д.) цивилизационных ценностей и идентичностей. В работе предложена авторская интерпретация включенности цифровых технологий в систему воспроизводства и презентации на уровне личности (гражданина), общественных и государственных институтов базовых основ российской идентичности в контексте политики русофобии и «отмены» русской культуры со стороны недружественных стран. При этом акцентируется внимание на позитивных / негативных ресурсах цифровых технологий, усиливающих / минимизирующих риски доминант цифровой культуры во взаимодействии представителей различных цивилизаций, имеющих несовпадающие стратегии позиционирования идентичностей как во внутренней политике стран, так и в международном сообществе.

Ключевые слова: Россия; цивилизация; идентичность; цифровые технологии; воспроизводство; глобальные вызовы

Введение

Расширение сферы внедрения цифровых технологий, формирование специфической цифровой среды, институализация наиболее общих принципов цифровой культуры современного общества, с нашей точки зрения, все чаще воспринимаются как обыденные явления и тенденции, особенно среди представителей молодежи, нередко характеризующихся исследователями через специфическую социальную когорту – поколение Z. Вместе с тем, следует согласиться с тем, что явственно проявляется «рассогласование в скорости и результативности создания цифровой инфраструктуры и формирования, прежде всего у новых поколений россиян, ценностей, норм, стратегий поведения, позволяющих максимизировать возможности и минимизировать издержки цифровых политики, экономики и гражданского общества» [1, с. 65].

Цифровые технологии глобальные по своей сущности и структурно - функциональному «бытию», с одной стороны, актуализируют вызов идентификационной ограниченности (замкнутости) национально – государственной, региональной, социокультурной, политико - правовой и иных проекций для личности, граждан и их объединений. С другой стороны, «мгновенное распространение информации, а также преодоление территориальных и временных барьеров коммуникации способствует формированию коллективной идентичности – общих для большинства членов сообщества предметов, на основе которых индивиды отождествляют себя как участника коллективного действия» [8, с. 43]. При этом преимущества внедрения и использования отечественных наукоемких, в том числе цифровых технологий, должны обеспечивать согласно «Стратегии научно – технологического развития Российской Федерации», «противодействие техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и экстремистской идеологии, деструктивному иностранному информационно – психологическому воздействию, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства, укрепление обороноспособности и национальной безопасности страны в условиях роста гибридных угроз» [9, с. 10].

В этом контексте воспроизводство российской цивилизационной идентичности выступает одним из ответов на «большие вызовы» - угрозы и риски суверенитету (социально – экономическому, государственному, технологическому и т.д.) России. Цифровые технологии могут рассматриваться: и как один из потенциальных источников

опасности российскому обществу и государству со стороны недружественных стран, активно реализующих санкционную, русофобскую политику, в том числе «политику отмены» российской культуры; так и как эффективный инструментарий консолидации отечественного социума для решения всего комплекса задач, объективируемых реалиями XXI века. При этом самоценность российской цивилизационной идентичности проявляется наиболее отчетливо сквозь призму трансформации современного мироустройства, перехода от однополярности к многополярности, отрицанию доминант господства «сверхдержавы» и единого модернизационного образца (модели) для иных стран [6].

Теоретическая рамка исследования

Анализ различных аспектов воспроизводства российской цивилизационной идентичности с учетом целевых, технологических, политико – правовых и иных характеристик использования цифровых технологий, ставит перед исследователями задачу применения междисциплинарного подхода. Это позволяет опираться на концептуальные методологические конструкции, нередко по своей сути взаимодополняющие, но и иногда «конфликтующие» (а скорее абсолютизирующие в теоретическом и прикладном плане «иное»), представляя палитру возможностей. При этом приходится обратиться к переосмыслению самих методологических доминант в научном дискурсе и учитывать ракурс их возрастающей политизации.

Наиболее дискуссионная в этом смысле выступает проблема операционализации идентификации как процесса и идентичности как состояния (явления). Методологическое «противостояние» натуралистически – эссенциалистского (признание идентичности как естественной сущности – объективное свойство) и конструктивистского (исторически изменчивый итог некоего конструирования самоидентичности – возможность «переделки» идентичности) подходов распространилось от микроуровня (индивида), среднего и макроуровней (малые и большие социальные группы) до мегауровня (в нашем случае цивилизации). Как отмечает Федотова Н.Н., в начале XXI века в теориях идентичности в первую очередь стали видеть «универсальный неинструментальный аппарат анализа ценностных ориентаций, культурного сходства и различия обществ, стран, цивилизаций...» [10, с. 55]. Отдельные попытки (Эйзенштадт Ш.) соединения / гармонизации этих двух подхо-

дов не нашли поддержки и выбор «концептуальной опоры» чаще всего зависит от иных предпочтений.

Цивилизационный взгляд на мегатренды современного мира и условия, параметры воспроизводства российской цивилизационной идентичности базируется на принципах преодоления доминант западнцентричного подхода, в том числе переосмыслении двух альтернативных культурно-цивилизационных версий. Первая из них утверждает, что организующим принципом миропорядка выступает противостояние унитарной и универсальной «по своему потенциалу общечеловеческой цивилизации». Вторая исходит «из сосуществования множественных цивилизационных проектов» и принципы «нового миропорядка будут вырабатываться, а его перспективы проясняться непосредственно в процессе межцивилизационного взаимодействия» [5, с. 136]. Авторы учитывают и дискуссионность отношения целого ряда исследователей к трактовке «русской цивилизации», на которые обратил внимание в своем фундаментальном труде Хорос В.Г. [11, 12]

В работе использованы идеи Шмидт Э. и Коэн Д. о возможностях влияния цифровых технологий на трансформацию гражданских и государственных институтов [4], положения информационно – технологического подхода и теорий цифрового гражданства (Моссбергер К.).

Цель и методы исследования

В рамках политологического дискурса целью статьи является выявление основных векторов и способов влияния цифровых технологий на многоуровневую систему воспроизводства российской цивилизационной идентичности в условиях внутренних и внешних вызовов обществу и государству. В качестве эмпирической базы исследования послужили: нормативно-правовые документы РФ; результаты исследований, проведенных ведущими социологическими центрами; материалы периодической печати; Интернет-ресурсы органов государственной власти и управления. Интерпретированы предварительные результаты, полученные в ходе исследований, проведенных при непосредственном участии авторов.

Основная часть

Практически повсеместное использование цифровых технологий, их глобальный и тотальный характер проникновения в сферы, ранее

считавшиеся прерогативой человеческой особи - политической элиты, позволяет констатировать активный процесс разрушения границ между машиной и человеком. Вступление мира в эпоху четверной промышленной революции – «Индустрия 4.0» характеризуется не простым внедрением интернета и основанных на его возможностях технологических комплексов, а создание «умным машинам» условий для специфической работы – «принимать решения». Вместе с тем доминирующим драйвером этих технологических трансформаций, значительное число исследователей называет цифровые корпорации, собственно и создающих цифровые платформы. Далее технологии «освоили» вектор совершенствования через деплатформизацию (deplatformization) включающей как удаление / контроль учетной записи, аккаунта гражданина по тем или иным идейно – политическим, ценностным основаниям, так и монополию цифровых корпораций по сравнению с конкурентами в институализирующемся пространстве цифровой экосистемы [2, с. 49 - 50].

Первую треть нынешнего XXI века, с нашей точки зрения, целесообразно было маркировать как период, когда алгоритмический метакapитал позволяет актору управления воздействовать и контролировать иные формы капитала и их носителей. При этом перед государственной властью раскрываются новые аспекты обеспечения информационной безопасности государственных и гражданских институтов, отдельных граждан, т.к. трансграничные цифровые корпорации де – факто вменили себе возможность / право не только собирать и анализировать персональные данные, но и монополизировать само предоставление / обеспечение права на коммуникацию. Однако наряду с государством и цифровыми корпорациями закрепились и вновь возникшие равноуровневые субъекты цифровой инфраструктуры: популярные / влиятельные блогеры, сетевые общественно - политические движения и партии, политические хакеры и т.д.

В этом контексте появилось и утверждается мнение о формировании глобальной цивилизации, имеющей западноцентричные основания и единые, в конечном итоге, стандарты идентификации. Следует согласиться с позицией Козловского В.В., совершенно справедливо подчеркивающего, что «единству цивилизационного развития различных стран способствуют новейшие тренды в разных сферах. К ним, безусловно, относятся прорывные технологии (биология, генетика, медицина, информационно-коммуникационные системы, робототехника,

искусственный интеллект и др.), транснациональная экономика, глобальная цифровизация, мировые социальные сети, культурные индустрии, борьба с климатическими изменениями, транснациональная миграция» [3, с. 44].

Выделяется несколько доминирующих в науке подходов, в рамках которых накоплен опыт понятийных, сущностных и структурных характеристик цивилизации. Не вдаваясь в методологическую дискуссию, в качестве рабочей для данной статьи концептуальной опоры, авторы будут отталкиваться от трактовки предложенной Хорос В.Г., где под цивилизацией понимается единство, с одной стороны, «кристаллизовавшейся культуры, “осевшей” в некоторых долговременных ценностях», а, с другой стороны, институты, подчеркивающие «факт укорененности соответствующих элементов культурного наследия в социуме» [11, с. 6]. При этом принципиально важно признание множественности моделей цивилизационного развития современного социума.

Именно в этом контексте актуализируется изучение вопросов воспроизводства идентичности России как государства – цивилизации в условиях противоречивости глобальных трендов и усиления влияния на идентификационные процессы новейших цифровых акторов, а также государств, имеющих технологические преимущества в производстве и обладании программным обеспечением и внедрением искусственного интеллекта. В практиках воспроизводства цивилизационной идентичности в первую очередь происходит институциональное закрепление опыта и механизмов решения жизненно значимых проблем в исторической перспективе с учетом позиционирования ценностных доминант личности – общества – государства.

Значимость технологической (цифровой) составляющей российской идентичности, где «цифра» выступает формой регулирования и принуждения, связана и с тем, что как подчеркнул в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Путин В.В., «все годы после развала Советского Союза Запад не оставлял попыток поджечь постсоветские государства и, главное, окончательно добить Россию как самую большую сохранившуюся часть нашего исторического государственного пространства» [7]. Следует акцентировать внимание на том факте, что процесс воспроизводства российской идентичности тесно связан с векторами взаимодействия России и Китая, возглавивших отстаивание цивилизационных основ незападного мира.

В этом контексте происходит переосмысление обоснованности использования цифровых технологий в экспорте демократии и осуществления демократических транзитов (в том числе в виде «цветных революций»), которые реализуют США совместно со своими ближайшими союзниками по НАТО.

Не стоит не до оценивать и комплекс внутренних рисков и угроз, эффективная минимизация которых возможна лишь с использованием новейших цифровых технологий, во многом освоенных и используемых от «бытовой» практики до выбора форм социально – политической активности в первую очередь различными группами отечественной молодежи. При этом, с нашей точки зрения, российская идентичность должна воспроизводиться на творческом переосмыслении традиционных ценностей, выработанных предшествующими поколениями и органично включенными в образ будущего России как современного комфортного для жизни государства – цивилизации.

Выводы

За рамками данной статьи остались дискуссионные вопросы: о целесообразности выделения российской цивилизации в отдельную цивилизацию; о соотношении понятий российская и русская цивилизация, имеющих не столько семантическое, сколько сущностное значение; о векторах соотнесения цивилизационной идентичности России с ареалами Запада и Востока и т.д. Основное внимание было акцентировано на усилении влияние новых цифровых технологий на воспроизводство российской цивилизационной идентичности, где нейтральный статус технологий приобретает политико – ценностные характеристики. Более того, институализация новых цифровых акторов, оказывающих опосредованное / непосредственное целевое влияние на идентификационные стратегии / установки граждан, а в конечном итоге общества и государства.

Одной из важнейших задач политической науки в настоящее время выступает характеристика функциональной роли традиционных и новых акторов в воспроизводстве многосоставной и многоликой российской идентичности, их способности привлечь в союзники России глобальное большинство. Суверенная модель цивилизационного развития, или цивилизационный суверенитет российского общества может базироваться только на высокотехнологичной составляющей, сориентированной на цивилизационную динамику современности.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01067, <https://rscf.ru/project/23-18-01067/>.

Список источников

1. Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть.- 2019.- № 4. С. 65-69.

2. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровизация пространства современной политики в условиях глобальных технологических трансформаций: актуальные научные подходы, модели и сценарии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2022.- № 2. – С. 46 – 57.

3. Козловский В.В. Модели цивилизационного развития современных обществ: самоопределение и взаимодействие // Журнал социологии и социальной антропологии.- 2023. - № 26(4). – С. 41–62.

4. Коэн Д., Шмидт Э. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 368 с.

5. Лапкин В. В. Социально-политическая динамика эпохи глобального кризиса: цивилизационный бэкграунд // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 135–150.

6. Панкратов С.А., Клиньшанс Е.В. Россия в современной архитектуре международных отношений: прогнозные сценарии и границы допустимой реструктуризации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 226–238

7. Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565>

8. Соколов А.А., Барский Я.В. Интернет – активизм как феномен цифровизирующейся гражданской активности // Власть.- 2021.- № 6. С. 42– 47.

9. Стратегия научно – технологического развития Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>

10. Федотова Н.Н. Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики // Знание. Понимание. Умение.- 2013.- № 2. С. 52 – 62.

11. Хорос В. Г. Цивилизации в современном мире. Кн. 1. Индийская, Африканская, Исламская и Китайская цивилизации. Латиноамериканская цивилизационная общность. М.: ЛЕНАНД, 2022. 304 с.

12. Хорос В. Г. Цивилизации в современном мире. Кн. 2. Европейская цивилизация. Российская цивилизация. М.: ЛЕНАНД, 2022. 240 с

Reproduction of the Russian civilizational identity of the person – society – state in the conditions of the establishment of the dominants of global digital technologies

S. A. Pankratov¹, L. S. Pankratova²

¹Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

²Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation

Digital technologies are not only the most important component of the economic, technical and technological development of any modern society and state, but also a factor that has a significant impact on the content and structure of socio-political processes, the dynamics and vectors of political change. In particular, in the context of significant transformations in the institutionalized world order of the 21st century, digital technologies claim to dominate in the reproduction (preservation / opposition / distortion, etc.) of civilizational values and identities. The work offers the author's interpretation of the inclusion of digital technologies in the system of reproduction and presentation at the level of the individual (citizen), public and state institutions of the basic foundations of Russian identity in the context of the policy of Russophobia and the “cancellation” of Russian culture by unfriendly countries. At the same time, attention is focused on the positive / negative resources of digital technologies that enhance / minimize the risks of the dominants of digital culture in the interaction of representatives of different civilizations who have divergent strategies for positioning identities both in the domestic politics of countries and in the international community.

Keywords: Russia; civilization; identity; digital technologies; reproduction; global challenges

Особенности цифровых СМИ в современной политической жизни

А. Б. Ромашкина, Д. А. Киричук

РУДН им. П. Лумумбы

Москва, Российская Федерация

romashkina-ab@rudn.ru, kirichuk-da@rudn.ru

В статье рассматриваются ключевые аспекты влияния цифровых СМИ на политическую жизнь в различных государствах и политических режимах. Выявлены основные особенности цифровых СМИ по сравнению с традиционными, а также способы их использования различными акторами – представителями государственной власти и истеблишмента, руководством крупных технологических компаний, оппозицией и политическими активистам. На основании анализа важных событий общественной жизни в политической жизни таких стран как США, Россия, Армения, делается вывод о важности роли Интернет-СМИ в формировании общественного мнения и координации действий их участников. Влияние цифровых СМИ неуклонно растет, и наиболее явно эта тенденция прослеживается среди молодежи. Однако все больше участников политического процесса осознает перспективы использования новых видов масс-медиа.

Ключевые слова: политический дискурс; социальные сети; цифровые СМИ; медиасистема; общественное мнение

Введение

Процессы коммуникации, ценности, смыслы и символы всегда являлись основой обеспечения легитимности институтов и представителей власти в обществе. Так, еще в древних обществах на основе мифологических и религиозных верований формировалось представление о необходимости подчинения власти правителей в той или иной форме. Новые средства массовой информации оказывают все большее влияние на политический процесс, в связи с чем они часто используются для формирования политического дискурса и манипулирования общественным мнением, в связи с чем становятся одним из важнейших ресурсов политической власти в обществе. В цифровом пространстве, упорядоченным алгоритмами и интерфейсами, властные функции

начинают выполнять цифровые элиты, которые имеют возможность не только формировать и направлять информационные потоки, но также осуществлять ограничения и изолировать тех пользователей, которые, по мнению представителей цифровых элит, нарушают правила коммуникации. Такие инструменты воздействия могут применяться не только к “рядовым” пользователям, но и к представителям органов государственной и политической власти. Одним из наглядных примеров растущего влияния электронных СМИ является инцидент, произошедший после объявления итогов президентских выборов в США в 2020 г., когда Д. Трамп призывал своих сторонников, убежденных, что у их кандидата «украли» победу, к протестам. В результате Twitter и другие социальные сети заблокировали аккаунт экс-президента «из-за риска дальнейшего подстрекательства к насилию» [13]. Этот случай - лишь один из немногих, свидетельствующих о том, что изучение влияния подобных СМИ на политическую жизнь имеет не только теоретическую, но и практическую ценность.

Теоретическая рамка исследования

О значении трансляции в сознание граждан ценностей и смыслов, которые лежат в основе социализации и воспитания, говорил в своем диалоге “Государство” еще Платон [8, с.81-91]. Роль СМИ в процессах формирования общественного сознания и значение массовой коммуникации в политической деятельности отмечал в своем исследовании У. Липпман, который говорил о том, что для людей, которые получают информацию из газет, реальностью является именно то, что они прочитали, хотя в действительности всё может обстоять иначе, чем описано [6]. Символы и смыслы, транслируемые по каналам массовой коммуникации, являются инструментом конструирования реальности, поскольку являются основой познания и общения, а потому являются важными ресурсом власти [2]. О роли дискурсивных практик, а также об их роли в процессах распределения власти в обществе и определения модели доминирования в своем исследовании писал Т. Ван Дейк [4]. Он отмечает, что политическое познание напрямую связано с политическим дискурсом, т.е. с той социальной информацией, способах ее трансляции, контекстов и других компонентов дискурсивного влияния, которые создают в сознании человека определенные репрезентации, определяют содержание социальной памяти, убеждений и влияют на модели политического поведения [4, с.197-203], а потому производ-

ство и контроль над дискурсом являются важнейшим ресурсом и инструментом политической власти. Изменение технологий трансляции информации, возможности осуществления контроля над ее содержанием являются фактором значительных трансформаций, которые происходят в обществе. Эти тенденции отмечает М. Кастельс, который определяет сетевой характер современного общества, власть в котором осуществляется на основе коммуникации [5].

Теоретической основой исследования являются коммуникационный и дискурсивный подходы, которые позволяют определить значение процессов трансформации средств коммуникации в социально-политической деятельности современного общества.

Цель и методы исследования

Целью настоящего исследования является изучение отличительных характеристик цифровых СМИ, их инструментальный потенциал в политической деятельности, выявление рисков и угроз их применения в процессах социально-политического управления, а также оценка их реального влияния на события общественной и политической жизни.

В исследовании применяются различные методы, которые позволяют рассмотреть проблематику процессов массовой коммуникации в современной политической жизни:

- общенаучные (аналитический, структурный, дедуктивный);
- специальные (теоретико-журналистский, коммуникативистский, статистический).

Поставленные проблемы разрешаются в свете структурной традиции, позволяющей проследить связь динамики развития медиа с политическими и социальными практиками.

Также ряд ученых рассматривают изменения, коснувшиеся СМИ в последние десятилетия и их выводы релевантны для темы данной работы. Например, А. Чедвик вводит термин «гибридная медиасистема», утверждая, что и политика, и СМИ находятся в стадии перехода, при этом баланс по-прежнему смещен в сторону более старой логики распространения информации [12, p.37].

Другой теорией, объясняющей роль современных СМИ в политике, является «теория формирования повестки» (agenda-setting theory), сторонники которой утверждают, что в настоящий момент средства массовой информации определяют не то, что именно люди должны думать, а то, о чем они будут думать.

Основная часть (результаты сбора данных)

Современные процессы массовой коммуникации осуществляются как в цифровой среде интернета, так и посредством традиционных СМИ (газеты, радио, телевидение), что способствует формированию так называемого фиджитал-пространства. Интернет представляет собой сложное коммуникационное пространство, в котором есть сегменты, в которых обычные пользователи не имеют возможности формирования и трансформации дискурса (например, сайты, на которых нельзя оставлять комментарии, делиться мнением и т.д.), и те части, в которых пользователи самостоятельно создают контент, транслируют информацию и распространяют сообщения (различные блоги и социальные сети). Государству и политическим акторам в современных условиях приходится перестраивать свои модели взаимодействия с гражданами, поскольку прежние вертикальные модели коммуникации не могут быть эффективными в интернете, где информация распространяется на горизонтальных основаниях (от многих ко многим). Интернет же как пространство коммуникации, которое Кастельс называет пространством массовой самокоммуникации [5], имеет ряд важных характеристик, способствующих трансформации всей социально-политической жизни общества.

Распространение влияния социальных сетей и других современных технологий массовой коммуникации на политическую сферу объясняется наличием у них ряда объективных преимуществ по сравнению с печатной прессой, радио или телевидением. Можно отметить, что децентрализация и трансграничность интернет-коммуникации позволяют обходить процессы цензурирования и ограничивать возможности осуществления контроля со стороны институтов и органов государственной власти. Такие условия способствуют обеспечению более широкого вовлечения граждан в политические процессы, что становится фактором демократизации, с одной стороны. С другой стороны, существуют объективные риски и угрозы такого вовлечения, поскольку манипулятивный потенциал социальных сетей позволяет усиливать протестную активность, внедрять деструктивные ценности и смыслы, производить перекодирование политического сознания, что способствует дестабилизации политической ситуации и усилению социально-политических противоречий в обществе.

Исследователи отмечают некоторую степень отрицательного влияния цифровых медиатехнологий и, в первую очередь, социальных

сетей, на политическую дискуссию. Их распространение неизбежно приводит к образованию так называемых «эхо-камер», поскольку социальные сети — в отличие от традиционных средств массовой информации — могут способствовать предоставлению и потреблению односторонней информации либо с помощью алгоритмов, либо через предоставление пользователям возможности самостоятельно выбирать предпочтительный контент [10, p.5].

Важно отметить, что часто цифровые СМИ используются для организации протестов. Так, «марши свободы» в Каталонии координировались через виртуальное пространство - преимущественно в социальных сетях лидеров протеста [9, с.190]. Подобная тенденция прослеживалась и в Армении. Социальные сети (прежде всего Facebook*) играли ключевую роль в информировании населения о действиях лидеров протестного движения, создании общего информационного фона [1, с.78].

Однако являются ли СМИ лишь инструментом, который используют политики, или они сами создают повестку? Здесь имеет смысл вспомнить высказывание М. МакЛюэна – “the medium is the message” (“средство коммуникации есть сообщение”) [7, с.14]. Иногда те или иные цифровые СМИ действительно формируют общественное мнение в политической сфере. Есть данные, свидетельствующие о том, что Twitter снизил долю голосов Трампа во время праймериз 2016 года. Дело в том, что условные либералы и сторонники демократической партии чаще получают политические новости в Twitter и следят за большим количеством СМИ и политических аккаунтов по сравнению с “консерваторами” (60% пользователей Twitter идентифицировали себя как демократы, в то время как на долю республиканцев приходилось лишь 35%). Попадая в такую среду, пользователь склоняется к схожим взглядам [10, p.6].

Основатель Facebook³ Марк Цукерберг говорил о замене «старой» социальной инфраструктуры государства, противостоящей распространению знаний, торговле и иммиграции, новым глобальным сообществом. Он даже заявлял о том, что социальная сеть больше похожа на правительство, чем на обычную компанию [11, с.80]. Учитывая ее практически монопольное положение на рынке цифровых услуг, с этим сложно спорить. На сегодняшний день у ведущих цифровых СМИ действительно есть все возможности, чтобы стать полноценными участни-

---

³ Компания-владелец Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена

ками политической жизни, чье влияние превышает влияние многих государственных органов и политиков.

Кроме того, владельцы и модераторы цифровых СМИ создают собственные правила взаимодействия на их площадках, а потоки информации начинают управляться с помощью алгоритмов, созданных программистами по тем критериям, которые были указаны заказчиками, что усложняет процесс выявления доминирующих акторов и субъектов политической коммуникации в интернете. Поскольку алгоритмы создаются на основе определенных ценностей и представлений, а правила разработаны в интересах владельцев цифровых площадок, то именно эти люди становятся субъектами управления коммуникации, которых называют еще “цифровыми элитами”. Коммуникация и каналы ее распространения как один из важнейших ресурсов власти не может оставаться под контролем государства и его институтов, а потому в современных реалиях государственным органам власти и их представителям необходимо выстраивать коммуникацию с гражданами с учетом данной специфики интернет-пространства.

Выводы

На основании анализа собранных данных можно сделать следующие выводы о роли СМИ в современной политической жизни:

1) СМИ непосредственно не провоцируют те или иные события – революции, менее значительные протесты, победу того либо иного кандидата в ходе обычного электорального процесса. Как правило, их предопределяют более глубинные причины – социальные и экономические трудности, инициативы политиков. Однако, если подобные процессы уже начались, СМИ способны сыграть решающую роль в аккумуляции ресурсов и сторонников, создании благоприятного образа той или иной стороны.

2) Цифровые СМИ способствуют более активному вовлечению широкой публики в политический процесс. Вместе с тем они скорее приводят к поляризации общества, чем к конструктивному диалогу между различными группами на онлайн-площадках, а в условиях существования множества конкурирующих акторов и субъектов политической коммуникации государству все сложнее обеспечить социальный консенсус.

3) Роль цифровых СМИ значительно отличается в зависимости от страны, ее политического режима. Например, ограничения, нало-

женные на них в США, несущественны, в то время как их влияние сложно переоценить, тогда как в таких государствах, как Китай, правительство достаточно успешно осуществляет контроль над средствами коммуникаций в сети Интернет.

4) Роль цифровой среды как «пространства свободы» преувеличена, поскольку, как и традиционные СМИ, он предоставляет возможности для манипулирования аудиторией, с поправкой на специфику электронных СМИ.

Список источников

1. Атанесян А. В. Влияние социальных сетей на протестное поведение (на примере Армении) // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 73-84. <https://doi.org/10.31857/S013216250004280-1>

2. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетей, 2017. 288 с.

3. Беляцкая Е.В. Дискурс и власть в концепции М. Фуко: точки пересечения // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2022. №13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-i-vlast-v-kontseptsii-m-fuko-tochki-peresecheniya> (дата обращения: 03.03.2024).

4. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 352 с.

5. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. 591 с.

6. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт фонда “Общественное мнение”, 2004. 384 с.

7. Маклюэн М.Г. Понимание медиа: Внешние расширения человека. 5-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2018. 464 с.

8. Платон. Государство. М.: Издательство АСТ, 2023. 448 с.

9. Скрипка И. Р. Электронные СМИ и социальные сети в политике: европейский опыт /И. Р. Скрипка // Современная Европа. 2021. № 4(104). С.184-193. DOI 10.15211/soveurope42021184193.

10. Fujiwara Thomas and Müller Karsten and Schwarz Carlo. The Effect of Social Media on Elections: Evidence from the United States (October 27, 2020). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3719998> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3719998>

11. Schleffer G., Miller B. The Political Effects of Social Media Platforms on Different Regime Types. *Texas National Security Review*. 2021,4(3), 78-103.

12. Schroeder R. *Social Theory after the Internet: Media, Technology, and Globalization*. UCL Press, 2018. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/j.ctt20krxdr>. Accessed 1 Mar. 2024.

13. Twitter навсегда заблокировал аккаунт Трампа. [Электронный ресурс]. 2021. Дата обновления: 09.01.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/01/2021/5ff8f6599a7947cb28665d7e?from=copуhttps://www.rbc.ru/politics/09/01/2021/5ff8f6599a7947cb28665d7e?from=copу> (дата обращения: 01.03.24).

Features of digital media in modern political life

A. B. Romashkina, D. A. Kirichuk

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia

The article examines the key aspects of the influence of digital media on political life in various states and political regimes. The main features of digital media in comparison with traditional ones are revealed, as well as ways of their use by various actors – representatives of government and the establishment, the leadership of large technology companies, the opposition, and political activists. Based on the analysis of important events in public life in the political life of countries such as the United States, Russia, and Armenia, the conclusion is made about the importance of the role of online media in shaping public opinion and coordinating the actions of their participants. The influence of digital media is steadily growing, and this trend is most clearly seen among young people. However, more and more participants in the political process are realizing the prospects of using new types of mass media.

Keywords: political discourse; social networks; digital media; media system; public opinion

Моделирование цифровой социально-политической повестки дня: от сетевого анализа к графовым нейросетям

Н. А. Рябченко, О. П. Малышева

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

info@prozifru.ru

В предлагаемой научной статье представлен опыт реализации управления цифровой социально-политической повесткой дня (ЦСППД) посредством графовой нейронной сети. Для работы с необученной графовой нейросетью были отобраны обучающие кейсы, содержащие датасеты связанных данных и описывающие различные социально-политические ситуации в ходе реализации ЦСППД. С точки зрения управления ЦСППД обучающие кейсы представляют собой реальные ситуации, произошедшие в прошлом, применяющиеся в качестве ориентира для соотнесения результатов работы нейросети с результатами разрешения проблемных ситуаций в действительности. Переход от модели управления ЦСППД к её реализации в виде графовой нейросети позволит решить фундаментальную проблему повышения качества предиктивной аналитики в социально-политических исследованиях, основанных на работах российских ученых, учитывающих национальную специфику и использование кириллицы. Вопросы обучения нейросетей любого уровня и их дальнейшее использование при анализе социальных и политических вопросов в стране так же тесно связаны с вопросами национальной безопасности, как и разработка современного вооружения или проведение современных медицинских исследований.

Ключевые слова: графовые нейронные сети; сетевые данные; Интернет; цифровая повестка дня; ЦУР; информационное противостояние; социальные сети; большие данные

С началом специальной военной операции в феврале 2022 года цифровое пространство России стало одновременно полем глобально-информационного противостояния (информационной войны) и консолидирующим пространством. Современная специфика российского онлайн-пространства позволяет внедрять новые подходы и решения к выстраиванию общественных и политических коммуникаций с це-

люю конструктивного диалога между государством и обществом. Подобная дихотомия, присущая сложным нелинейным системам, требует выработки модели, а также инструментов управления и прогнозирования процессов, протекающих в цифровом пространстве и неизбежно затрагивающих все сферы социально-политических и экономических систем, как и их элементов, в онлайн-, так и в офлайн-пространстве.

В 2020 году коллективом авторов была разработана модель управления цифровой социально-политической повесткой дня (далее ЦСППД) как сложной нелинейной многослойной сетью (подробное описание приведено в исследованиях авторов, опубликованных в номерах 2 и 5 журнала «Полис» за 2022 год). Однако на сегодняшний день мы можем констатировать появление новых акторов в цифровой социально-политической повестке РФ, серьёзный прорыв в области искусственного интеллекта и, наконец, социально-политическую турбулентность – факторов, требующих кардинального пересмотра существующих подходов и выработку новых гибких методов к анализу и управлению цифровой социально-политической повесткой дня, отвечающих современным реалиям. Исследовательский фокус, таким образом, должен быть направлен на многоаспектный анализ свойств элементов, обеспечивающих инициацию и протекание социально-политических процессов, а также характер их взаимодействия.

Новыми акторами, принимающими активное участие в формировании ЦСППД, стали: центры управления регионом (ЦУР); муниципальные центры управления (МЦУ), которые по распоряжению Президента РФ будут созданы в ближайшее время; официальные паблики органов власти на всех уровнях; манифестные и латентные лидеры мнения; бот-системы.

В контексте появления новых акторов в цифровом пространстве РФ и принятия федерального закона от 14.07.2022 № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления” и статью 10 Федерального закона “Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации”» [1] необходимо пересмотреть роль и степень влияния официальных пабликов органов власти на формирование цифровой социально-политической повестки дня и возможности управления ею.

Помимо этого в условиях глобальных информационных кризисов и распространения фейкового контента необходимо переходить

(с учётом накопленных эмпирических данных и технологических разработок коллектива авторов) от теоретического построения и актуализации модели управления цифровой социально-политической повестки к её практической реализации в виде графовой нейросети, которая позволит анализировать цифровую социально-политическую повестку дня на разных уровнях (федеральном, региональном, муниципальном) с одинаковой эффективностью с учётом региональной специфики или особенностей языка (региолекта).

Выбор графовых нейросетей обоснован тем, что полем реализации цифровой социально-политической повестки является онлайн-пространство, каждый структурный элемент которого – социальные сети, сайты, видеохостинги, форумы – представлен наборами связанных данных. Применение графовых нейросетей позволит решить проблему статичности в исследовании цифровой социально-политической повестки дня и рассматривать её как сложную нелинейную динамическую многомерную сеть.

Переход от модели управления цифровой социально-политической повесткой дня к её реализации в виде графовой нейросети позволит решить фундаментальную проблему повышения качества предиктивной аналитики в социально-политических исследованиях, основанных на работах российских ученых, учитывающих национальную специфику и использование кириллицы. Вопросы обучения нейросетей любого уровня и их дальнейшее использование при анализе социальных и политических вопросов в стране имеют такую же высокую значимость в решении вопросов национальной безопасности, как и разработка современного вооружения или проведение современных медицинских исследований.

Исследование «Моделирование цифровой социально-политической повестки дня: от сетевого анализа к графовым нейросетям» было проведено в несколько этапов:

1. Первый этап обеспечил актуализацию модели управлений цифровой-социально политической повесткой;
2. Второй этап – разработку аналитического конструкта на базе графовой нейросети «Концептоскоп: ЦСППД»;
3. Третий этап – подготовку обучающего дата-сета;
4. Четвертый этап – обучение аналитического конструкта;
5. Пятый этап – анализ результатов и прогнозирование.

В рамках представленной статьи мы остановимся на рассмотрении вопросов актуализации модели управления ЦСППД.

Модель управления ЦСППД «представляет собой многомерную сеть, включающую измерения «Официальный дискурс» и «Сетевой дискурс» [4]. Субъекты ЦСППД взаимодействуют друг с другом в разных измерениях с разной эффективностью протекания диффузионных процессов. Под диффузионными процессами в модели управления ЦСППД, затрагивающей более одного измерения, авторы понимают активное взаимодействие информационных потоков и социальных интеракций между измерениями ввиду высокой степени их проницаемости и подверженности информационному и управленческому воздействию независимо от степени его конструктивности или деструктивности. Диффузионные процессы количественно измеряемы благодаря применению математических моделей, основанных на том, что некий элементарный акт диффузии между измерениями ЦСППД сопоставляется с вероятностным процессом, отражающий его динамику. Другими словами, каждому акту диффузии между измерениями ЦСППД сопоставляется некоторая вероятность его осуществления. Диффузионные процессы в измерениях ЦСППД характеризуются показателем *diffusio_degree*, значение которого показывает степень сформированности и развития ЦСППД (подробнее см. [4]). Структурной единицей каждого измерения ЦСППД являются дискурсивные поля и формируемые ими лингвопрагматические паттерны социально-политического действия. Дискурсивное поле, как и определённый лингвистический паттерн, сформированный в рамках данного поля, количественно и качественно измеряется методами компьютерной и сетевой лингвистики, подробно описанными авторами в предыдущих исследованиях. Продвижение информации по дискурсивным полям также регулируется диффузионными процессами. При этом элементами, между которыми происходит взаимопроникновение и воздействие, могут быть как отдельные пользователей, группы, так и целые сообщества, объединяющие пользователей независимо от их территориальной локализации или социокультурной принадлежности.

В условиях информационных кризисов (от локальных до глобальных) и в особенности в условиях информационных войн возможность прогнозирования появления и развития дискурсивных полей и последующая реализации генерируемых ими лингвопрагматических паттернов в виде конкретных социальных действий как онлайн, так и офлайн

является одной из важнейших задач в прогностической аналитике социально-политических процессов и установлении ЦСППД. Интернет-пространство способно гипертрофировать, или нивелировать, любой информационный повод, трансформируя смыслы и значения «нулевого сообщения». В качестве примера можно назвать исследовательский кейс «Пакистанские иммигранты в Индии похищают детей», описанный в предыдущих работах авторов, подтверждающий масштабность и драматичность последствий искажения информации. Подобные случаи с достаточно большой периодичностью возникают во всём глобальном цифровом пространстве, затрагивают все мировые государства и классифицируются как инструменты информационного противостояния, фейковый-контент, информационное манипулирование, информационные провокации или дезинформация.

Каковы механизмы борьбы с подобными явлениями?

В первую очередь – повышение уровня информационной грамотности населения и формирование аналитических структур, способных противостоять деструктивным формам интернет-активности.

В декабре 2020 года во всех субъектах РФ по поручению президента России Владимира Путина были созданы Центры управления регионами (ЦУР), координацию работы которых выполняет некоммерческая организация «Диалог Регионы» [3]. ЦУР осуществляет координацию работ по мониторингу и обработке всех видов сообщений (жалоб) от жителей определенного субъекта РФ, поступивших в исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные организации, организации с государственным и муниципальным участием, в том числе с использованием инфраструктур: электронного правительства (включая платформу обратной связи «Инцидент-менеджмент»); региональных и муниципальных систем обратной связи и обработки сообщений из открытых источников (социальные сети, мессенджеры, иные средства электронной массовой коммуникации). ЦУР создавался как инструмент цифровой трансформации государственного управления для прямой и эффективной коммуникации жителей и власти с целью решения актуальных для жителей региона проблем и предотвращения их возникновения в будущем. ЦУР становятся новым значимым элементом управления ЦСППД. Место ЦУРов в управлении ЦСППД представлено на Рисунке 1.

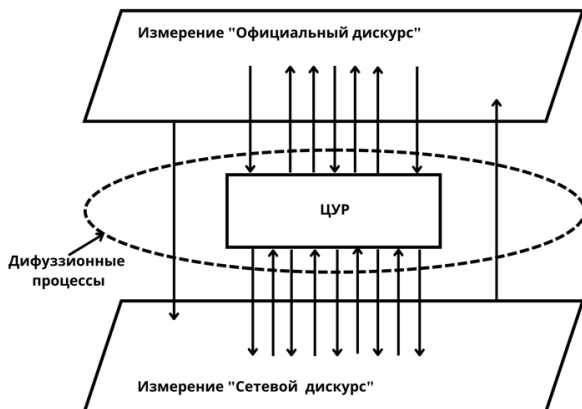

Рисунок 1. Роль ЦУР в управлении ЦСППД

В модели управления ЦСППД новый элемент, ЦУР, является структурой, регулирующей диффузионные процессы между измерениями ЦСППД. Учитывая скорость сетевых взаимодействий и объем генерируемого обоими измерениями контента, регулирование процессов создания и трансформации ЦСППД возможно только при условии выработки принципиально новых способов принятия управленческих решений на основе искусственного интеллекта, при наличии и возможности оперирования глобальными датасетами больших данных [2].

Какой аналитический механизм необходимо разработать для эффективного регулирования диффузионными процессами и проведения ЦУРами предиктивной аналитики развития ЦСППД?

В ходе проведенного нами предварительного исследования «Работа. Потребности. Развитие ЦУР в России 2023» было выяснено, что работа ЦУР основывается на использовании:

- 1) автоматизированной системы управления негативными мнениями в социальных сетях «Инцидент-Менеджмент»;
- 2) цифровой платформы обратной связи «Госуслуги. Решаем вместе»;
- 3) информационно-аналитической системы для поддержки принятия управленческих решений «ВІ: ЦУР РФ», которую также называют «тепловой картой».

Отвечая на вопрос о развитии инструментально-аналитической базы ЦУР, руководитель ЦУР Приморского края отметил,

что в 2023 году планируется осуществление интеграции системы электронного документооборота «Практика», в которой регистрируются обращения граждан в Правительство Приморского края, в систему «ВІ: ЦУР РФ». Руководитель ЦУРа Республики Саха (Якутия) добавил, что в планах дальнейшее развитие управления на основе технологий больших данных. В аналитику будут включены структурированные данные из государственных информационных систем, используемых органами государственной власти (например, АС «Адресная социальная помощь», ГИС «Территориальное планирование РС(Я)» и др.), что призвано повысить качество аналитики за счёт привлечения отраслевых данных. Подобный подход подтверждает тренд на развитие аналитических инструментов принятия управленческих решений, основанных на использовании больших данных и переходе к инструментам, базирующимся на искусственном интеллекте.

В модели управления ЦСППД оба измерения, «Официальный дискурс» и «Сетевой дискурс», по своей архитектуре являются многослойными сетями, изменяющимися во времени и генерирующими глобальные массивы сетевых данных. Следовательно, диффузионные процессы работают в потоке больших данных, которые можно структурировать и анализировать как социальные графы, что позволяет создавать обратную связь на основе анализа принятых управленческих решений и тем самым регулировать ЦСППД в обоих измерениях.

Оптимальным решением для регулирования диффузионных процессов в модели ЦСППД и управления повесткой дня в обоих измерениях является применение графовых нейросетей, способных обеспечить эффективную работу с сетевыми данными и проведение прогностической аналитики.

Механизм реализации подобного подхода в модели управления ЦСППД предполагает взаимодействие двух измерений («Официальный дискурс» и «Сетевой дискурс») через аналитический конструкт «Концептоскоп: ЦСППД», работу которого мы моделируем, применяя графовую нейросеть. Актуализированная модель управления ЦСППД, включающая аналитический конструкт «Концептоскоп: ЦСППД» (представленная на рисунке 2), позволит ЦУР и другим структурам регулировать и прогнозировать развитие ЦСППД.

Аналитический конструкт «Концептоскоп: ЦСППД» состоит из двух блоков: блок «Пользователи» – «Концептоскоп: ЦСППД(п)» и блок «Сообщения» – «Концептоскоп: ЦСППД(с)». В рамках дан-

ной статьи мы подробно остановимся на описании работы блока «Сообщения».

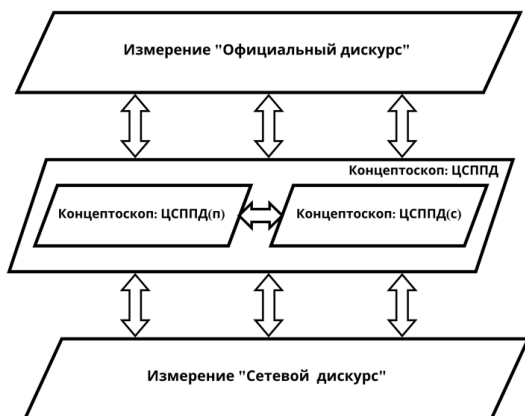

Рисунок 2. Актуализированная модель управления ЦСППД

При разработке блока «Концептоскоп: ЦСППД(с)» необходимо учитывать особенности работы с сетевыми данными:

- 1) данные, поступающие в «Концептоскоп: ЦСППД(с)» – сетевые текстовые данные, имеющие графовую структуру;
- 2) при анализе массивов сообщений и текстов необходимо перейти от анализа ключевых слов к аналитической модели SVO, предполагающей анализ предикативных связей между объектами графа;
- 3) значение тональности необходимо присваивать не только сообщениям, но и аналитическим связкам в модели SVO;
- 4) результаты анализа на каждой стадии должны быть визуализированы как графы;
- 5) прогноз процесса формирования ЦСППД должен основываться на анализе потенциала разрастания или угасания сети пользователей и нарративов, формирующихся лингвопрагматическими паттернами социального действия в измерениях «Сетевой дискурс» и «Официальный дискурс».

Данные особенности послужили основой выработки критериев для разработки аналитического инструментария блока «Концептоскоп: ЦСППД(с)».

В целом прогностическая аналитика в социально-политических системах затруднена, поскольку подобные системы являются сложными и нелинейными конструктами, требующими использования качественных и количественных подходов и инструментов к проводимой аналитике и достаточного количества накопленных эмпирических данных. Помимо этого, необходима детальная проработка концептуальных моделей анализируемых процессов. Опыт построения модели управления ЦСППД позволяет сформировать алгоритм выстраивания прогностической аналитики, применяемой к социально-политическим процессам:

- 1) наблюдение и фиксация эмпирических данных во времени;
- 2) создание объяснительной модели;
- 3) упрощение модели и проверка её работоспособности;
- 4) актуализация модели согласно эмпирическим данным и окружению системы;
- 5) поиск новых инструментов, отвечающих потребностям актуализированной модели;
- 6) реализация модели и проведение прогностической аналитики;
- 7) проверка данных прогноза;
- 8) формирование обратной связи для уточнения модели и инструментов.

В условиях геополитической турбулентности оперативность в принятии решений, основанная на точных математических расчетах, является залогом успешного управления ЦСППД и предвосхищения конфликтных ситуаций. Интеграция нейросетей в государственный аппарат позволит оптимизировать систему государственного управления и подготовиться к эффективному ответу *российского общества на большие вызовы современности*.

Список источников

1. Закон Российской Федерации «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления” и статью 10 Федерального закона “Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации”» от 14 июля 2022 № 270-ФЗ // Информационно-правовой портал «Гарант.РУ». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404892163/>.

2. ИИ+Медиааналитика=Качественныеуправленческиерешения//Диалог. URL: <https://anodialog.ru/2023/05/25/ii-mediaanalitika-kachestvennye-upravlencheskie-resheniya/> (дата обращения: 15.08.2023).

3. Кто мы? // Диалог. URL: <https://anodialog.ru/about/> (дата обращения: 15.08.2023).

4. Тимофеева Л.Н., Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 37–51. <https://doi.org/10.17976/2022.02.04>.

Modeling the digital socio-political agenda: from network analysis to graph neural networks

N. A. Ryabchenko, O. P. Malysheva

Kuban State University, Krasnodar, Russia

The proposed scientific article deals with the experience of implementing digital socio-political agenda management with a graph neural network. The neural network used for the purposes of the study is trained on datasets of networked data that describe various socio-political situations during the implementation of the agenda in different historical periods. Regarding the effectiveness of agenda management, the training cases represent real situations that are used as a benchmark for correlating the results generated by the neural network with the results achieved in reality. The transition from the agenda management model to its implementation in the form of a graph neural network shall solve the fundamental problem of improving the quality of predictive analytics in socio-political research, based on national research with regard to national specifics and the use of the Cyrillic alphabet. Being closely related to national security, implementation of neural networks in scientific research and in the analysis of social and political issues is highly warranted at any level, just like the development of modern weapons or medical research.

Keywords: graph neural networks; network data; Internet; digital agenda; digital socio-political agenda setting; information warfare; social networks; big data

Становление сетевого государства в условиях цифровой трансформации

В. Ф. Саляхутдинов

Уфимский государственный нефтяной технический университет

Уфа, Россия

vsalyakhutdinov@bk.ru

В статье анализируется процесс становления сетевого государства, которое оформляется в условия цифровизации как ответ на вызовы подрыва суверенитета национального государства, децентрализации и деволюции. Автор делает вывод, что сетевое государство характеризуется распределением ответственности и суверенитета между разными властными структурами и органами на разных управленческих уровнях, гибкостью менеджмента и управленческих технологий, существенным разнообразием пространственно-временных отношений между гражданами и политической системой. Отмечается, что, несмотря на перемены, национальное государство остается доминирующей формой политико-территориальной организации и пытается повысить свою эффективность.

Ключевые слова: государственная политика; сетевое государство; цифровизация; цифровая среда; цифровые технологии

Введение

Изменения, происходящие с современным национальным государством в условиях информатизации и цифровизации существенно меняют сами его основы [3, 5]. Наиболее наглядно это заметно в размывании государственного суверенитета, на что обратили внимание Э. Аппадурай, У. Бек, П. Джэкет, Донахью, Най, Прайс, Н. Фрейзер и др. [1, 3, 4, 5, 6]. Мы наблюдаем, как современное государство вынуждено адаптироваться, трансформироваться, приспосабливаться к новым условиям ослабления своей независимости. Наиболее эффективным средством самосохранения государства становится сетевизация, которая проявляется в трех направлениях и механизмах, на которые указывает еще один авторитетный специалист по теории информационного общества М. Кастельс [2, с. 57].

Основная часть

Новый тип государства возникает вследствие повышения значения информационных потоков и развертывания информационно-коммуникационных сетей на базе новых технологий под влиянием определенного экономического порядка, т.е. в капиталистических условиях, что обобщается в концепте М. Кастельса «информационный капитализм». Капиталистический тип экономики и новые информационные технологии обусловили оформление нового общества и государства, особенностями которых оказывается ориентация на бесконечный безжалостный захват прибыли, высочайшую гибкость и присутствие в масштабе всей планеты, обеспечиваемое сетевыми связями. Глобальные информационно-коммуникационные сети играют как положительную роль, соединяя общества и государства, так и отрицательную роль, углубляя разрыв на глобальном рынке труда и обостряя социальную дифференциацию. В свою очередь, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и цифровые средства (ЦС) способствовали капиталистическому росту. Вместе с тем они негативно повлияли на национальные государства и привели к его заметному упадку ввиду безразличия к государственным границам, невзирая на которые обеспечивается повсеместная передача коммерческой информации, повсюду осуществляется маркетинг и управление производственной деятельностью. И если ранее государство нельзя было никак обойти в экономической деятельности, то с появлением и расширением ИКТ и ЦС оно оказывается отстранено и отодвинуто, а на передний план выдвинулись транснациональные корпорации. Эти вызовы повлекли за собой ряд изменений в политической жизни национальных государств, их устройстве, способах их функционирования.

Во-первых, формируются полифункциональные сети государств, в которых суверенитет распределяется особым образом. Например, это такое надгосударственное образование, как Европейский Союз. Другими примерами здесь служат специализированные межгосударственные образования типа НАТО, связанные региональными интересами структуры наподобие Шанхайской организации сотрудничества, построенная для выработки совместных стратегий и управления планетарными процессами «Большая семерка». Хотя эти объединения довольно разные, однако, их общей чертой является сетевой принцип и передача части суверенитета для более эффективного достижения общей цели.

Во-вторых, согласно сетевому принципу, в настоящее время выстраиваются международные отношения. Для этого действует сеть наднациональных организаций и международных институтов: Организация объединенных наций, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, Всемирный банк, Международный уголовный суд и т.д. Кроме того, существуют разнообразные договоры типа Договора о нераспространении ядерного оружия.

В-третьих, многие государства (Испания, Бельгия и др.) инициировали процессы передачи части властных полномочий региональным и местным правительствам. При этом создаются новые инклюзивные институты, открывающие доступ к политическому участию для рядовых граждан и общественных организаций.

Происходящие процессы недвусмысленно свидетельствуют о том, что принятие политико-государственных решений сегодня осуществляется в рамках взаимодействия, в сетях, в которые входят межгосударственные, региональные и местные структуры, а также группы гражданских активистов.

Происходящая трансформация порождает ряд сложностей. Во-первых, организационное противоречие внутри сетевого государства. Во-вторых, сбой коммуникации, в т.ч. вызванные неэффективным программным обеспечением (протоколами и пр.). В-третьих, разнонаправленность координации внутри сетевой структуры. В-четвертых, трудность нахождения общих ценностей и единого языка среди разных подсистем внутри сетевой структуры. В-пятых, нарастание противоречий между национальными государствами, которые по инерции продолжают руководствоваться национальными, но не сетевыми интересами. Поэтому общие сети управления часто становятся не площадкой сотрудничества для достижения общего блага, а местом торга и конкурентной борьбы между национальными государствами, нацеленной на максимизацию собственной выгоды. В связи с этим глобальное управление все чаще потрясают кризисные явления, в нем нарастают противоречия. Наиболее наглядный пример здесь – внешнеполитические действия США, которые, несмотря на многомерность мира, стоят только на своем, ставят свои интересы на первое место, зачастую нанося тем самым ущерб другим членам международного сообщества, подрывая стабильность и безопасность в целых регионах мира. Такая деятельность привела к настоящему хаосу на Ближнем Востоке, в Афганистане, что подтачивает и могущество самого гегемона. Вы-

ходом из этой сложности видится переформатирование международных отношений, не просто создание в ходе переговоров сетевой формы принятия решений, но установление конституционной системы сетевого глобального правления при самом активном участии граждан по всему миру.

Серьезный удар по позициям национальных государств наносят транснациональные корпорации (ТНК), усиливающиеся и расширяющиеся в ходе информатизации. ТНК, как и государства, активно использует технологии сетевизации, превращаясь в сетевых конкурентов для национальных государств.

Выводы

Совокупность описанных процессов указывает на возникновение «сетевого государства», которое характеризуется распределением ответственности и суверенитета между разными властными структурами и органами на разных управленческих уровнях, гибкостью менеджмента и бюрократических процедур, огромным разнообразием пространственно-временных отношений между гражданами и политической системой, что радикально отличает сетевое государство от предшествующей формы, т.е. от национального государства. Вместе с тем стоит отметить, что национальное государство по-прежнему является доминирующей формой политико-территориальной организации социума, оно пытается повысить свою эффективность, несмотря на кризис легитимности. В некоторых случаях это удастся, в других, напротив, возникают новые противоречия и трудности, при которых ослабевает общественный контроль над политическим процессом. Таким образом, процессы укрепления национального государства продолжаются, но они идут параллельно с иными процессами, в ходе которых проявляются элементы альтернативных систем власти, правила, институты, часть из которых пока очень расплывчата.

Список источников

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. М.: Прогрестрадиция, 2007. 459 с.
2. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

3. Соколов А.В. Осмысление трансформации государства в условиях противоречий начала XXI века // Политическая наука. 2022. № 3. С. 317-324.

4. Прайс М.Э. Масс-медиа и государственный суверенитет. Москва: Ин-т проблем информ. права, 2004. 332 с.

5. Яковлев М.В. Государство датификации и его дисциплинарные техники: направленность социально-политической трансформации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 71. С. 246-259.

6. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis (MN): University of Minnesota Press, 1996. 229 p.

7. Fraser N. *Transnationalizing the Public Sphere: On the Legitimacy and Efficacy of Public Opinion in a Post-Westphalian World* // *Theory, Culture and Society*. 2007. Vol. 24. No. 4. P. 7-30.

8. Jacquet P., Pisani-Ferry J., Tubiana L. (eds). *Gouvernance Mondiale*. Paris: Documentation Française, 2002. 507 p.

Formation of a network state in conditions of digital transformation

V. F. Salyakhutdinov

Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russia

The article analyzes the process of formation of a network state, which is formalized in the conditions of digitalization as a response to the challenges of undermining the sovereignty of the national state, decentralization and devolution. The author concludes that a network state is characterized by the distribution of responsibility and sovereignty between different power structures and bodies at different management levels, the flexibility of management and management technologies, and a significant variety of spatio-temporal relations between citizens and the political system. It is noted that, despite the changes, the nation state remains the dominant form of political-territorial organization and is trying to increase its effectiveness.

Keywords: public policy; network state; digitalization; digital environment; digital technologies

Влияние новых медиа на становление популистских движений в контексте президентских выборов в Мексике 2024 г.

Я. В. Самарин¹, Р. Контрерас Луна²

¹Факультет политологии СПбГУ, Санкт-Петербург
y.samarin@spbu.ru

²Школа Перспективных Исследований ТюмГУ
rafaelc_luna@yahoo.com.mx

В статье анализируется влияние новых медиа и социальных сетей как фактора в становлении популистских движений. Старые партии, движущиеся к центру в союзе с традиционными СМИ и экспертами защищали сложившийся после окончания «холодной войны» консенсус. Но кризис 2008 г. вскрыл накопившиеся проблемы этой консенсусной модели. А наступившая коммуникационная революция дала голос тем, кто был ею недоволен. Возникновение социальных сетей привело к тому, что стало возможным обходить старые медиа. Возможности социальных сетей с одной стороны позволили обойти те ограничения, которые создавали старые медиа, а с другой демократизируя политику они же создали и условия для ее все большей радикализации. В электоральном поле появились новые силы, позиционирующие себя как защитники простого народа, обещавшие вернуть тому демократию и оппонировать истеблишменту. Особенно ярко этот феномен проявил себя в Латинской Америке. Примером подобного типа популиста может служить президент Мексики Лопес Обрадор.

Ключевые слова: популизм; медиа; демократия; Лопес Обрадор; Мексика

К к. 1990-х гг. начали складываться те предпосылки, которые привели к расцвету популистских движений в мире, наступившем после кризиса 2008 г. Среди них, помимо социально-экономических изменений, стоит отметить и три взаимосвязанных фактора:

- 1) Упадок традиционных партий
- 2) Медиатизация политики
- 3) Персонализация политики

При этом ключевым тут оказывался в первую очередь второй фактор, а первый и третий усиливали его.

На Западе эволюция партийной системы началась еще в период завершающегося этапа холодной войны. Превращение традиционных массовых партий во всеохватные, а затем в картельные, привело к все большему совпадению позиций по основным вопросам социально-экономической и внешней политики, примером чему могут служить такие документы, как программа Agenda-2000 Г. Шредера и Т. Блэра, а также сам факт участия СДПГ в три из четырех кабинетов Меркель, позиционирование Демократической партии США эпохи Билла Клинтона как партии «правее центра». Сам же президент Клинтон как-то охарактеризовал себя как «Эйзенхауэровского республиканца» [7]. Если до кризиса 2008 г. с подобным межпартийным консенсусом избиратель мог соглашаться, то после неизбежно возникает запрос на формулирование альтернативного курса, а поскольку традиционные партии оказались не в состоянии его сформулировать, то стали формироваться новые движения, подчеркивающие свою связь с запросами со стороны простых людей и предлагающие простые решения накопившихся проблем.

В начале 2000-х гг. считалось, что с помощью развития новых информационных возможностей, с переходом от иерархической модели коммуникаций к сетевой удастся воплотить модель делиберативной демократии, придавая ей инклюзивный характер. [5] При этом коммуникационное поле увеличивается, как за счет роста аудитории, так и из-за связей внутри сети, что приводит к расширению доступа к информации, и, в свою очередь, повышает возможность публичного выступления и коллективных действий. Изменились способы и качество коммуникаций, а сетевые взаимодействия обрели новую форму, интегрированную с публичным интернет-пространством. Результатом этого стало то, что сформировались «неинституционализованные, виртуальные формы политической деятельности и появились новые субъекты гражданского общества — сетевые сообщества, обладающие колоссальным потенциалом к самоорганизации и мобилизации» [1, с. 231].

Возникновение социальных сетей привело к тому, что стало возможным обходить старые медиа. Хотя, первоначально считалось, что это приведет к кризису в первую очередь в «старых» автократиях, довольно быстро оказалось, что данный феномен имеет универсаль-

ный характер и затрагивает в том числе и либеральные демократии. Коммуникационная революция случилась именно тогда, когда партии все больше превращались в элитарные клубы, а традиционные медиа в значительной степени утратили свой авторитет, потому что выглядели частью старого истеблишмента, и получили свою долю критики наравне с ним, став не столько институтами гражданского общества по контролю за политической сферой или экспертами, оценивающими эффективность проводимой политики, сколько «привратниками», защищающими сложившийся консенсус от посягательств извне и пропагандирующими ценности этого консенсуса для общества. Вердикт, который выносили эти СМИ в отношении проводимой политики и самих политиков, возможность предоставления информационной площадки или отказ в ней – позволяли им поддерживать сложившееся *status quo*. Но со временем это вошло в противоречие со стремлением граждан к изменениям и нивелировало авторитет старых медиа. По словам А. В. Курочкина, «центральная проблема современной сетевой политической коммуникации — это проблема доверия, доверия к контенту и к субъекту, этот контент создающему, либо распространяющему. Отсюда чрезвычайно важным представляется необходимость отнесения оценки «доверия» к центральным показателям эффективности политической коммуникации» [3, с. 54].

В этой ситуации предполагалось, что коммуникационная революция позволит преодолеть кризис, затронувший представительную модель демократии. Новые медиа и социальные сети должны были гарантировать доступ гражданского общества к политической публичной сфере и отражать мнение «забытого» гражданина. Тут появляются «неизбранные представители», как их называет Дж. Кин, защитники общественных интересов, публичные фигуры, чей авторитет лежит за пределами электоральной политики, и чье влияние увеличивается с развитием новых медиа [4, с. 74]. Формируются требования по повышению прозрачности и подотчетности государственных институтов, усилению контроля за политикой.

Но, одновременно, это дало новые возможности и для политиков, выражающих идеи антиистеблишмента. Они ориентированы на широкие группы избирателей из всех идеологических сегментов, а их главным врагом становится старая элита. Их разделение на левых и правых при этом оказывается достаточно условным, более точным будет определение этих течений как –национал-консерваторы, сосредото-

ченные на образе прошлого величия, [11] и прогрессисты (в американском смысле этого слова). Обе эти группы оказываются ближе друг к другу, чем к центру, в соответствии с «теорией подковы» Ж.-П. Фэй, согласно которой различия между крайне левыми и крайне правыми движениями не столь значительны.

Возможности социальных сетей с одной стороны позволили обойти те ограничения, которые создавали старые медиа, а с другой демократизируя политику они же создали и условия для ее все большей радикализации. Манипулирование информацией, разрастание «эхо-камер», привели к размыванию критерия истинности и к возникновению феномена «пост-правды».

В этих условиях встает вопрос о совместимости демократии и популизма. Хотя, на примере Болсонару, а также Трампа видно, что поиск консенсуса и компромисса с оппозицией все более затруднен, но все еще сохраняется возможность для перестраивания старых институтов под новую реальность, а популистские лидеры со временем могут избавиться от «болезней роста», таких, как тяга к авторитаризму и агрессивной эксклюзивности, что уже видно на примере стран Южной Европы.

Тем не менее, что именно значит быть популистским? Как и многие другие понятия в социальных науках, термин «популизм», мягко говоря, неоднозначен. Но можно выделить ряд центральных характеристик всех тех движений, которые характеризуются как популистские, важнейшей из которых будут нападки на правящую элиту. В то же время, Я.-В. Мюллер пишет, что не всякий, кто критикует элиты — популист. Главным тут является как раз проблема плюрализма. [4, с. 131-132]. Наконец, возникает проблема «народа», к которому апеллируют популисты. Образ народа, с одной стороны идеализируется, а с другой—приобретает эксклюзивный характер: из него исключаются все противники популистов. По словам К. Мюлде: истинный народ борется против коррумпированной элиты. [10, р. 543].

В случае Латинской Америки популизм стал регулярно воспроизводимым политическим явлением. Для него характерно появление лидеров и движений, которые позиционируют себя представителями «народа», выступающими против «истеблишмента». Хотя термин «популизм» может иметь различные коннотации, в Латинской Америке он обычно ассоциируется с харизматичными лидерами левого или правого крыла, которые продвигают экономическую политику перерас-

пределения, проводят сильную националистическую политику и часто следуют конфронтационной риторике по отношению к политическим и экономическим противникам.

Лидеры-популисты в Латинской Америке подвергаются критике со стороны различных слоев общества. Их обвиняют в проведении непродуманной экономической политики, которая в конечном итоге может привести к банкротству страны, а также в подрыве демократических и судебных институтов. Более того, лидеров-популистов часто обвиняют в поляризации общества с целью сохранить свою популярность в условиях снижения национального дохода. Несмотря на постоянную критику из-за рубежа, популизм остается главной силой в латиноамериканской политике, являясь порождением глубокого социального и экономического неравенства в регионе, а также отражая недовольство народа традиционными элитами и их отношениями с США.

В Латинской Америке — Хуан Доминго Перон в Аргентине, Жетулио Варгас в Бразилии, а из лидеров последних десятилетий Уго Чавес в Венесуэле и Эво Моралес в Боливии — считаются эталонными примерами левых популистов. Крупнейшими представителями правого популизма можно считать президента Бразилии Ж. Болсонару и, с определенными оговорками — новоизбранного президента Аргентины Х. Милея. Для Мексики таким может считаться правительство генерала Ласаро Карденаса (1934–1940), которое в определенной степени может быть названо популистским в связи с аграрной реформой, экспроприацией нефти и поддержкой профсоюзного движения. К популистам относят и Андреса Мануэля Лопеса Обрадора (АМЛО, как его часто называют в самой Мексике) президента Мексики с 2018 г.

В ходе трех своих кампаний за пост президента (2006, 2012 и 2018 гг.) он активно прибегал к антиэлитной риторике, атакуя так называемую «властную мафию», которая представляла союз политиков из центристской Институционально-революционной партии (PRI), чьи представители находились у власти с 1928 по 2000 г. и с 2012 по 2018 гг., и правоцентристской Партии национального действия (PAN), удерживающей пост президента в 2000-2012 гг. По мнению Обрадора, истеблишмент из обеих партий систематически действовал в сговоре при полной поддержке и в интересах наиболее влиятельных олигархов.

Характеристика Обрадора как популиста являлась предметом споров среди политологов Мексики как минимум с 2000 года, ког-

да он стал главой федерального округа Мехико. Часто утверждают, что АМЛЮ является популистским лидером из-за его антиэлитарных выступлений; противопоставления «народа» «элите»; прямого обращения к «Pueblo» (народу); его программ социальной помощи, направленных на поддержку наиболее уязвимых слоев общества; за его высказывания, подчеркивающие суверенитет и национальную гордость; и особенно из-за его поляризующей риторики, проводящей четкое различие между своими сторонниками и оппонентами, которых он называет консерваторами, принадлежащими к «властной мафии». Установившуюся политическую модель в Мексике Обрадор характеризует как «демократию для олигархов», а сам он выступает за «демократию для народа» [9].

В то же время, часто утверждается, что ярлык «популист» упрощает или искажает политику и цели Обрадора: его приверженность демократическим процедурам, борьбу за улучшение условий жизни мексиканцев посредством проведения публичной политики, согласование ее с парламентом, а не через введение чрезвычайных мер, в корне отличает его от других лидеров, традиционно считающихся популистами. По словам мексиканского политолога Лоренцо Мейера Обрадор не выстраивал модель эксклюзивности, как это обычно бывает с популистскими движениями. АМЛЮ действительно постоянно использовал во время своей первой президентской кампании (2006 г.) слоган: «Для блага всех, в первую очередь бедных», и его политическое позиционирование является антиэлитарным, а не популистским как таковым. Популистский дискурс обычно представляет часть общества в качестве целого, будь то крестьяне, рабочие, этнические группы или «подлинный забытый народ» и т. д. По сути, как было сказано выше, популизм антиплюралистичен. По мнению Мейера, именно здесь определение популизма не может быть применено к дискурсу АМЛЮ, поскольку его выступления охватывают не только «бедных», он инклюзивен, хоть и антиэлитарен. [9].

Понятно, что по многим причинам АМЛЮ может считаться популистом. Тем не менее, следует подчеркнуть, что часто этот термин используется намеренно, с целью дискредитации политического лидера. Традиционные медиа поддерживают сложившееся положение вещей, в том числе через делегитимацию «неправильных» кандидатов. В этом смысле три крупных консорциума того времени (Televisa, TV Azteca, Radio Formula) сыграли фундаментальную роль в поражении

Обрадора в 2006 г., когда он проиграл президентские выборы, уступив всего 0,54%. Они организовали масштабную кампанию по его дискредитации, усугубляющую поляризацию внутри общества. Следует подчеркнуть, что эти три консорциума имели хорошие отношения с Обрадором в течение первых четырех лет, когда он был мэром Федерального округа Мехико (2000-2004 гг.), но затем произошел разрыв, когда он начал искать поддержку вне основных средств массовой информации. С тех пор отношения между «вечным» кандидатом в президенты и крупными медиаконсорциумами так и не восстановились и к 2010 г. противоречия достигли пика. Проиграв президентские выборы во второй раз в 2012 г. с огромным отрывом, АМЛО решил порвать с поддерживавшими его ранее политическими структурами и основал собственное политическое движение «MORENA» (Движение национального возрождения), которое в 2015 году стало политической партией. Наконец, в 2018 г. в составе коалиции во главе с «MORENA» Обрадор завоевал президентский пост, набрав 53% голосов избирателей. Это не только нарушило политический баланс сил в Мексике, но и изменило политический спектр в стране. Точно так же три крупных медиа-конгломерата начали приходить в упадок с точки зрения влияния и доходов, практически положив конец монополии СМИ, существовавшей в стране последние пятьдесят лет. В ходе своей кампании Обрадор активно использовал социальные сети для прямого обращения с гражданами, чтобы выстроить новую коммуникационную линию в обход враждебных традиционных СМИ [6].

В итоге, несмотря на всю свою противоречивость, президентство Обрадора не привело ни к экономической катастрофе, ни к повороту к авторитаризму, как это случилось в ряде других стран Латинской Америки после прихода популистов к власти. [8]. Именно о такой угрозе говорили представители старого мексиканского политического истеблишмента и союзные им СМИ, борясь с Обрадором в ходе его президентских кампаний. Сейчас баланс сил внутри властных элит существенно изменился, но еще предстоит увидеть, закрепится эта тенденция или нет. На президентских выборах 2024 г. победительницей и первой женщиной-президентом Мексики скорее всего станет Клаудия Шейнбаум из «MORENA». АМЛО связан конституционными ограничениями, не позволяющими ему переизбраться после шести лет пребывания в должности, но он играл центральную роль в определении преемника, обеспечив выдвижение на пост Шейнбаум, свою

протеже и бывшего мэра Мехико. Ей предстоит встретиться с Сочитель Гальвес, которая возглавляет коалицию бывших правящих партий (PRI-PAN), спонсируемую в значительной степени старыми экономическими элитами и поддерживаемыми традиционными медиа, теми силами, чье влияние снизилось за время президентства АМЛЮ.

Резюмируя, можно отметить что демократизация информации с появлением новых медиа приводит к слому властных иерархий и способствует росту влияния несистемных политиков. В результате недовольства политическим status quo идет рост радикализации и эти политики получают возможность прийти к власти. Вместе с тем, само понятие «популизм» становится все более и более размытым, поскольку начинает использоваться в политической борьбе силами истеблишмента и союзными им традиционными медиа против этих несистемных политиков и движений исключительно в негативной коннотации. Примером этому может служить политическая карьера президента Мексики Андреса Мануэля Лопеса Обрадора.

Список источников

1. Будко Д. А., Морозова, С. С. Особенности политической коммуникации в виртуальных сообществах в условиях глобальных вызовов и рисков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т. 19, № 2.
2. Кин Д. Демократия и декаданс медиа. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.
3. Курочкин А.В. Проблема оценки эффективности политических коммуникаций в социальных медиа // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т. 19, № 1.
4. Мюллер Я.-В. Что такое популизм? М.: Изд-во ВШЭ. 2018
5. Самарин Я.В. Влияние социальных сетей на формирование децентрализованной демократии // Современное российское общество: социально-политические тренды и вызовы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль, 2019.
6. Beltrán, U. Traditional Media and Social Networks in the 2018 Presidential Election. *Política y gobierno*. 2020. 27(2) URL: http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1665-20372020000200012&lng=en&tlng=en. (Дата обращения 01.03.2024)
7. Clinton swipes the Gops lyrics// The Washington Post. 1996. 20 July. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1996/07/21/clinton-swipes-the-gops-lyrics/9c725e88-b5a7-46a5-bb74-8bc12b22795b/> (Дата обращения 01.03.2024)

8. Meakem, A.. AMLO's Legacy Is on the Ballot in Mexico // Foreign Policy. 2024. January 2.

9. Meyer L. Populismo, concepto cargado. Agenda Ciudadana. 2020. URL: <https://lorenzomeycercosio.com/wp-content/uploads/2020/10/180816.pdf> (Дата обращения 01.03.2024)

10. Mudde C. The Populist Zeitgeist// Government & Opposition. 2004. Vol. 39. Iss. 3.

11. Sibarium A. National Conservatism: A Guide for the Perplexed// The American Interest. 2019. August 15. URL: <https://www.the-american-interest.com/2019/08/15/national-conservatism-a-guide-for-the-perplexed> (Дата обращения 01.03.2024)

The influence of the internet media to formation of the populist movements in the context of the 2024 Mexican presidential election

Ya. V. Samarin¹, R. Contreras Luna²

¹St. Petersburg State University, Saint Petersburg

²School of Advanced Studies, Tumen

The paper examines the role of the new media and social networks as a factor in the development of modern populist movements. The old parties, the traditional media and pundits defended the post-Cold War consensus. But The Great Recession revealed the problems of this consensus. The communication revolution gave a voice to groups which were dissatisfied of the current situation. New media and social networks should guarantee access of civil society to the political public sphere and help narrow the gap between the elite and the people. But now we should admit that the new media development causes disappointment. The social networks made it possible to bypass the restrictions that the old media created, but on the other part, by democratizing politics, they also created the conditions for its increasing radicalization. New forces have appeared in the electoral field, positioning themselves as defenders of the people, offering to return them the power and opposing to the establishment. This phenomenon manifested itself especially clearly in Latin America. An example of this type of populist is the President of Mexico Lopez Obrador.

Keywords: populism; media; democracy; Lopes Obrador; Mexico

Установление политической повестки дня в третьих пространствах

А. М. Самиев, Р. О. Дукян, Г. В. Лукьянова

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, Санкт-Петербург

samievalishka@gmail.com, dykian.raisa@mail.ru, g.lukiyanova@spbu.ru

В данной статье анализируется процесс установления политической повестки дня в неполитических виртуальных сообществах. Выдвигается предположение о том, что третьи пространства выступают в роли своеобразных выразителей различных общественных мнений. Авторы рассматривают механизмы формирования и распространения политической тематики в группах, которые изначально не были ориентированы на политические дискуссии. Особое внимание уделяется комментариям с целью выявления общественно значимых политических тем и проблем. Результаты исследования позволяют понять, какие факторы определяют возникновение и распространение политических обсуждений в различных онлайн-сообществах. Также изучены способы формирования политической повестки дня в рассматриваемых группах. Сделан вывод о том, что в условиях бесконтрольного процесса установления повестки дня актуальность приобретает феномен информационной войны и связанные с ней риски.

Ключевые слова: третьи пространства; повестка дня; политическая повестка дня; социальные сети; интернет-сообщества; информационная война

Введение

Интернет и его частные случаи в виде форумов, соцсетей и прочих платформ видеоизменили многие типы социальных взаимодействий, сделав их виртуальными. Это коснулось и третьих мест, которые полноценно оформившись онлайн, трансформировались в третьи пространства. Социальные сети, мессенджеры, блоги, каналы и прочие площадки отныне используются не только для досуга, это многофункциональные платформы для реализации методов и технологий информационной войны. В данной статье мы подробнее остановимся на том, как и кем формируется политическая повестка дня в неполитических онлайн-сообществах, а также изучим контекст и скрытые значения комментариев пользователей под постами.

Теоретическая рамка исследования

Исследователем и вместе с этим отцом-основателем концепции третьих пространств является Рэй Ольденбург. Он занимался изучением третьих мест – общественных площадок вне дома и работы, предлагающих неформальные встречи и повседневное общение. С появлением Интернета концепт третьих мест был расширен и сегодня третьи пространства представляют собой виртуальные неполитические сообщества по интересам. В своей работе «Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества» ученый утверждает, что «третьи места» играют решающую роль в развитии обществ, поскольку выполняют социальные, экономические и политические функции [8]. Последняя представляет особенный интерес ввиду резкой политизации неполитического контента за последнее время, а также превращения третьих пространств в своеобразные эхо-камеры. В продолжении темы С. Эванс и Г. Бойт в книге «Свободные пространства» подчеркивают политическое значение третьих мест, поскольку «они служат сохранению народной демократии в условиях растущего контроля одновременно со стороны правительства и со стороны корпораций» [13, с. 667].

Отечественные разработки в рамках темы третьих пространств представлены в работах Г.В. Лукьяновой, Д.С. Мартынова. В монографии «Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды» [7] интерес представляют исследования политического дискурса в виртуальном пространстве, а также соотношение третьих пространств с третьими местами.

Теоретическая рамка исследования также представлена работами отечественных и зарубежных авторов в области изучения повестки дня. Одними из первых исследователей, обратившихся к данной теме, являются М. Маккоумбс и Д.Шоу [15]. Они обращают внимание на то, что СМИ задают вектор тем, самостоятельно распределяя их в зависимости от важности. Цитата, высказанная Б. Коэном, очень точно описывает отличия повестки дня от пропаганды, поскольку, по мнению американского ученого, пресса не совсем преуспела в том, чтобы указать людям, что именно думать, однако она успешна в указании на то, о чем думать.

Также теоретические аспекты повестки дня рассмотрены в трудах Д. Дирина [12], Е. Г. Дьяковой [2], А.А. Казакова [4], Д. Кингдона

[14], А.Д. Трахтенберг [3] и др. Среди фундаментальных исследований, посвященных политическому содержанию повестки дня, проанализированы работы Д.Андерсона [11] и Д. Кингдона [14].

Политическая повестка дня в сети Интернет находится в центре внимания таких авторов, как В. А. Губченко [1], Д. И. Каминченко [5], Г. В. Лукьяновой и А. Ю. Соловьёва [6], Г. Н. Сербина [9], Е. Б. Шестопап [10].

Цель и методы исследования

Цель настоящего исследования заключается в выявлении основных акторов, устанавливающих политическую повестку дня в третьих пространствах. Эмпирическую базу исследования составили комментарии под постами в неполитических сообществах. Анализ производился на базе одной из самых популярных и имеющих довольно широкий функционал российских социальных сетей «ВКонтакте». В выборку вошли сообщества, относящиеся к третьим пространствам в рамках наиболее общих тем:

Авто	
Название	Количество подписчиков
АВТО (https://vk.com/autoclub_i)	1 456 182
#БРИЧАН (https://vk.com/brichan)	121 295
#БРИЧАН Новостной (https://vk.com/brichannews)	30 771
Туризм	
Неизвестная Россия (https://vk.com/unknown_russia)	319 325
Неизвестная Россия (https://vk.com/wasdre)	482 916
Интересная планета - путешествия, туризм (https://vk.com/interestplanet_ru)	2 458 143
Романтика русских деревень (https://vk.com/romantika_dereven)	372 320

Выбор обозначенных выше тем обусловлен тем, что начало специальной военной операции в феврале 2022 года, с одной стороны, обнажило многие проблемы внутри страны, которые ранее не были четко артикулированы, с другой, СВО также оказало влияние и на ситуацию в мире. Наряду с прочим, произошло усиление санкционной политики в отношении РФ, что заметно отразилось на многих сферах жизни, в том числе неполитических. Автомобильная и туристическая отрасли

сегодня продолжают работу в русле сглаживания негативных последствий от сложившейся обстановки в мире.

Сообщества, составившие эмпирическую базу, отбирались по принципу «оживленности» (ER от 1%) с минимальным количеством комментариев 15 шт. под каждой записью, попавшей в выборку. Были просмотрены по 30 последних постов. Проанализированы от 3-х сообществ в русле одной тематики. Временные рамки исследования: март – апрель 2023 года.

Основными методами исследования выступили:

1. Контент-анализ, который применялся в русле тематического анализа с целью выявления политического нарратива в третьих пространствах;

2. Критический дискурс-анализ Н. Фэркло, а именно анализ комментариев с точки зрения языкового поведения, идеологических установок и политического контекста, для выявления скрытых значений и намерений, закодированных в текстах комментариев.

Результаты исследования

Центральной и актуальной проблемой для автомобилистов России стал уход дилеров. С началом СВО из страны ушли или приостановили работу практически все официальные представители иностранных автопроизводителей. Более того, не так давно Япония заявила, что рассматривает возможный вариант расширения эмбарго, и в этой связи готова прекратить поставки даже поддержанных авто. Последнее обстоятельство ведет к удорожанию товара для конечного потребителя. После ухода официальных дилеров появилась острая необходимость заполнения пустого пространства спроса каким-либо предложением. Главной альтернативой стал китайский автопром и «Москвич» (по сути, те же самые «китайцы»). Стоит оговориться, что в роли ведущего субъекта импортозамещения могла выступить «Лада», если бы большая половина агрегатных частей наиболее популярных моделей (Largus, Vesta) была российской. Таким образом, главным вызовом стало отсутствие своего в полной мере «отечественного» авто. Многие комментарии содержат следующие смыслы и нарративы: «Быть страной-изгоем плохо», «от нас все отвернулись», «играем в империю, а свой авто не придумали», «псевдопатриотизм», «сколько лет прошло», «много времени было и ничего, все впустую», «Рашка копирует Китай», «Кто-бы мог подумать, раньше Китай копировал всех, а теперь Россия ко-

пирует Китай» и т. д. Пользователи в большинстве случаев не верят в высокотехнологичные российские разработки: «люди хотят ездить на машинах, а не на ведрах отечественного производства». Слабой стороной вопроса также является стоимость «Москвича», родстера «Крым» и «Лады», которые в ближайшее время планируют выпускать на российских платформах. По мнению пользователей, цена совершенно не оправдана: «скоро машины будут стоить как крыло от боинга», «куда уже выше, ценник и так конский». Далее дискурс трансформируется, перетекая в область социально-экономических проблем. В основном отмечается неспособность рядового российского гражданина покупать машину по актуальным на сегодняшний день ценникам (для среднестатистического комментатора наиболее комфортной будет вилка 800 т.руб.-1,5 млн. руб.).

Более малочисленный лагерь транслирует патриотическую точку зрения. Пользователи акцентируют внимание на правильно взятом курсе и проводимой политике в стране, поскольку изо всех сил «наши» стараются не дать закрыться заводам, обеспечить людей работой, разработать собственные проекты (среди которых родстер «Крым», Flanker F). Комментирующие убеждены, что быстро ничего не делается, «необходимо подождать», а некоторые категорично призывают «закрыть ввоз иномарок, чтобы остались только наши и развивались», «заикались за импортозамещение, сейчас самое время».

Намного реже, однако встречаются дискуссии о Боге, президенте, его политике, патриотизме и его бессмысленности, поставках газа в Европу, зависимости нашей страны от импорта, о Западе. Также присутствуют открытые обсуждения СВО в самом негативном русле.

В рассмотренных сообществах уход официальных дилеров, вызванный началом СВО, продолжает оставаться для автомобилистов наиболее проблемным моментом. Комментарии под постами можно свести к следующей цепочке обсуждений: отсутствие собственных разработок – СВО – уход дилеров и эмбарго на импорт – повышение цен – тесное сотрудничество с автопроизводителями из КНР и импортозамещение. В данном случае повестка дня конструируется снизу. Множество личных повесток дня (*intrapersonal agenda - система приоритетов относительно важных для индивида социальных и политических проблем*) в рамках одного сообщества встречаются в комментариях и перерастают в межличностную (*interpersonal agenda*) в процессе онлайн-дискуссий. В результате анализа нескольких сообществ мож-

но выделить ряд общих и актуальных тем, которые беспокоят членов авто-групп в целом. Эти темы формируют собой предполагаемую общественную повестку дня (*perceived community agenda, т.е. представления индивида о том, какие проблемы являются наиболее важными для того сообщества, к которому он принадлежит (повестка дня автомобилистов)*). И в нашем случае эти особо значимые проблемы имеют политическое выражение. То есть через дискуссии и обмен мнениями в онлайн-режиме, повестка дня формируется снизу активно участвующими в онлайн-сообществе пользователями.

Анализ групп, посвященных теме путешествий, туризма и отдыха, показал, что установление повестки дня в данном случае кардинально отличается от авто-тематики. Результаты исследования показали следующее:

1. Подписчики озадачены вопросами разрушающихся провинциальных городов и депрессивных регионов, особенно, в тех случаях, когда эти города – малая Родина комментирующего. Людей беспокоит тенденция постепенного исчезновения небольших городов и деревень. Наиболее ярко эта тенденция проявляется, когда в обсуждение вмешивается человек из крупного развитого города (Москва, Санкт-Петербург). Мнения по поводу состояния российских глубинок полярно расходятся. С одной стороны те, кто критикует действующую власть и обвиняет ее в таком положении дел: *«иуды, способствующие этому процессу»*, с другой те, кто придерживается более оптимистичной точки зрения (коренные жители этих регионов, путешественники, патриоты). Последние предлагают различные варианты решения проблем: развитие туризма, добыча полезных ископаемых, обращения в органы власти, модернизация градообразующих производств с целью образования новых рабочих мест (поскольку отток населения происходит в том числе из-за их отсутствия), улучшение качества образования и медицины.

2. Пользователи снова оказываются по две стороны баррикад. Для одних обсуждения происходят в русле возвеличивания России, ее уникальности и неповторимости, для других поиск лучшей доли за границей и вариант: *«сегодня никто никому ничего не должен»*, является наиболее оптимальным. Такой формат обсуждений касается не только путешествий, но и жизни в целом.

Таблица 1

Обобщенные темы обсуждений в авто-пабликах

Авто	шт	%
1. Отечественного авто в России не существует. Все, что сегодня предлагается в качестве «отечественного» – либо более ранние совместные российско-французско-японские разработки, либо полностью готовые, привезенные из Китая автомобили в качестве нового Москвича.	57	32,8
2. Стоимость автомобилей на данный момент и в обозримом будущем вызывает беспокойство пользователей (ввиду и без того взлетевших цен, как ввезенные из-за рубежа, так и российские разработки, видятся пользователям недоступными для обычного среднестатистического гражданина в нашей стране)	26	14,9
3. Прекращение поставок и производства иномарок в связи с СВО. С ее началом из России ушли официальные представители всех иностранных автопроизводителей (кроме китайских). С этим связывают такие проблемы, как увеличение стоимости для конечного покупателя на комплектующие, отсутствие новых моделей авто зарубежного производства для российского рынка. Более того, опасаются повышения госпошлин на ввоз машин по параллельному импорту.	26	14,9
4. Отдельное внимание пользователи уделяют новому Москвичу и Ладе. В данном случае все разговоры в русле того, что в России не может быть достойного и высокотехнологичного авто. Рынок экспорта автомобилей, собранных в РФ – несерьезен. Именно поэтому оптимальным решением кажется покупка Б/У.	38	21,8
5. В данном случае акцент делается не на сравнении, а на оценке проекта, ситуации, разработки и т.д. в качестве отдельного объекта. Пользователи подчеркивают тот факт, что «наши» не позволяют закрыться заводам и дают работу тем, кто без нее остался. Также отмечаются современные российские проекты и разработки в качестве достаточно интересных и привлекательных, двигающихся в правильном «отечественном» направлении, однако, важным элементом является время. Более того, часть пользователей достаточно радикально призывает к переходу на полное импортозамещение, запрет на ввоз иномарок с целью развития автомобильной промышленности России.	27	15,5
Итого:	174	100

3. Путешествия по России, по мнению комментаторов, недоступны для большинства населения. Например, Курилы являются дорогим удовольствием настолько, что дешевле съездить за границу. В данном случае также наблюдается разница мнений по этому вопросу.

4. Открытое выражение собственного мнения в Российской Федерации – проблема. Многие пользователи сходятся в одном: *«Любая публичная критика или несогласие – плохо», «Если высказываешь свое мнение – ты враг в нашей стране»*. В этой связи характерным является существующее различие точек зрения по поводу иноагентов и уехавших от мобилизации людей.

5. Власть в стране рассматривается персонифицировано и, в своем большинстве, в лице В.В. Путина. Проводимый курс и роль Владимира Владимировича в современной истории являются наиболее спорными вопросами.

5. В контексте СВО пользователи касаются достаточно широкого спектра тем: о патриотизме, об Украине и украинцах, их истории и происхождении, о путешествиях в страны НАТО.

6. Интерес также вызывает тема политической элиты, *«детей чиновников»* и *«раскрутившихся на россиянах знаменитостях»*. Основное внимание приковано к следующим вопросам:

- Почему дети должностных лиц живут, имеют недвижимость, получают образование и *«разъезжают по заграницам»*, спонсируя вражеские нам страны, и не являются продолжателями политики государства в русле патриотизма;

- Почему государство не контролирует куда и в каких количествах уходят *«заработанные»* деньги;

- Почему, зарабатывая здесь, многие из упомянутых выше представителей имеют гражданство иностранных государств.

7. По отношению к другим странам, народам и национальностям широко распространены как позитивные, так и негативные стереотипы, касающиеся внешнего вида, культурных особенностей, предпочтений, характера и поведения людей. Реже встречаются стереотипы про самих себя.

Общие закономерности, присущие туристическим онлайн-сообществам, выглядят следующим образом:

1. Людей волнуют самые разнообразные вопросы, и ни по одному они не сходятся во мнении.

2. СВО не является основной темой для обсуждений, однако косвенно проходит сквозь многие обсуждения.

3. Процесс формирования повестки дня происходит 50 на 50. Администрация сообщества определяет круг спорных тем, которые необходимо осветить (социально-экономические условия, положение городов, сел и деревень, новостные сводки), в результате единичные комментирования плавно переходят в глобальные обсуждения, дополняя повестку дня новыми смыслами и придавая ей политическое выражение.

Выводы

Основным результатом данного исследования является факт, доказывающий наличие политических разговоров в третьих пространствах. Для изучения политической повестки были отобраны сообщества в рамках двух тематик: авто и туризм. Для автомобилистов России начало СВО является переломным моментом. Уход официальных дилеров, отсутствие по-настоящему российских разработок в сфере автомобилестроения, увеличившаяся стоимость авто и комплектующих, китайские аналоги, новый Москвич (тот же китайский аналог) – наиболее проблемные вопросы, формирующие повестку дня. Инициатива обсуждения наболевших тем идет исключительно снизу по схеме: личная – межличностная – общественная повестки. В тур-группах затрагиваются самые различные политические вопросы, касающиеся всех сфер жизни общества. Повестка дня складывается совместно: транслируется через тему поста (которая может отходить от основного направления группы), в дальнейшем активно обсуждается, расширяется и уходит в политическое русло, зачастую предлагаются способы решения проблем.

Справедливо отметить тот факт, что интернет-сообщества в целом превратились во влиятельный и потому заслуживающий особого внимания инструмент транслирования общественной мысли, и более того, стали неотъемлемым фактором складывания политической повестки дня в современной России. В традиционном понимании теории установления повестки дня обществу отводится роль потребителя, тогда как сегодня аудитория получила возможность активно участвовать в этом процессе.

Таким образом, в условиях неконтролируемого установления повестки дня, когда одним из главных субъектов выступает «потребитель», тема рисков и возможностей информационной войны становится все более актуальной в современной напряженной международной обстановке. Некоторые из проанализированных комментариев были оставлены нарочно с целью провокации и вызова бурных обсуждений.

В качестве недавнего примера можно привести обстановку в комментариях после теракта в «Крокус Сити Холл» 22.03.2024, когда в соцсетях обострился антииммигрантский и ксенофобский дискурс по отношению к выходцам из Центральной Азии. Это дает почву для дальнейших дискуссий в русле исследования основных нарративов информационной войны в социальных сетях.

Список источников

1. Губченко В.А. Влияние коммуникативного фактора на формирование политической повестки дня // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 4. С. 182-189.

2. Дьякова Е. Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. Политические исследования. 2003. №. 3. С. 109–119

3. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Повестка дня и информационное общество: социологические очерки. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. 142 с.

4. Казаков, А.А. Теория установления повестки дня vs. Фрейминг: к вопросу о соотношении подходов // Политические теории URL: <https://cyberleninka.ru>

5. Каминченко Д.И. Политическая медиаповестка дня: эмпирический анализ новостных заголовков. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 2022. 677-689 с. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru>

6. Лукьянова Г. В., Соловьев А. Ю. Особенности формирования повестки дня в мессенджере Telegram // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 90–97. URL: <https://soziopolit.sgu.ru>

7. Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды. Монография / Под ред. Д. С. Мартьянова. СПб.: Элек-Сис, 2019. 312 с.

8. Ольденбург, Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Р. Ольденбург; пер. с англ. А. Широкановой. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 456 с.

9. Сербина Г. Н. Роль интернета в формировании новостной повестки дня: критический анализ теории agenda-setting // Вестник Томского государственного университета. 2015. No 397. С. 56–59.

10. Шестопап Е. Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами. – Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 7-24
11. Anderson J. E. Public policymaking: An introduction. Boston: Houghton. Mifflin Company, 1994. p. 322.
12. Dearing J., Everett M. Agenda-Setting. Thousand Oaks, CA: SAGE, 1996. p. 53
13. Evans S. M., Boyte H. C., Free spaces: The sources of democratic change in America/Contemporary Sociology, Vol. 16, No. 5. (Sep., 1987), pp. 667-668
14. Kingdon G. Agendas, Alternatives and Public Policies. Boston: Little, Brown & Co., 1984, 240 pp.
15. McCombs, M.E., Shaw, D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // The Public Opinion Quarterly. Vol. 36. № 2, 1972, pp. 176-187.

Setting the political agenda in third spaces

A. M. Samiev, R. O. Dukyan, G. V. Lukyanova,

St. Petersburg State University

Russia, St. Petersburg

This article analyzes the process of setting a political agenda in non-political virtual communities. It is suggested that third spaces act as peculiar representatives of various public opinions. The authors consider the mechanisms of policy formation and dissemination in groups that were not initially focused on political discussions. Special attention is paid to comments in order to identify socially significant political topics and problems. The results of the study allow us to understand what factors determine the emergence and spread of political discussions in various online communities. The ways of shaping the political agenda in the groups under consideration have also been studied. It is concluded that in the context of an uncontrolled process of setting the agenda, the phenomenon of information warfare and the risks associated with it are becoming relevant.

Keywords: third spaces; agenda; political agenda; social networks; online communities; information warfare

К вопросу о соотношении рисков и выгод применения технологии онлайн-голосования на выборах в Российской Федерации: анализ отечественного и зарубежного опыта

Ю. Г. Смирнова

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

ju.smirnova_spbu@mail.ru

Данное исследование посвящено изучению проблемы соотношения рисков и выгод применения технологии онлайн-голосования в избирательном процессе. Посредством сравнительного анализа стратегий развития онлайн-голосования в Российской Федерации, Финляндии и Эстонии, а также изучения позиций отечественных и зарубежных ученых и экспертов по данной теме, были выявлены ключевые риски и угрозы, с которыми сталкиваются государства при внедрении Интернет-технологий в процесс голосования, и способы их преодоления. Делается вывод о наличии различных стратегий использования технологии онлайн-голосования в государственной избирательной системе, основанных на соотношении рисков и выгод, а также о необходимости непрерывного совершенствования существующих технологий и механизмов онлайн-голосования и внедрения инновационных решений, для поддержания работоспособности, устойчивости и безопасности этой системы.

Ключевые слова: выборы; избирательный процесс; онлайн-голосование; электронное голосование; цифровые технологии; цифровизация; электронная демократия

Введение

Текущий 2024 год связан для многих стран мира с ключевыми политическими событиями, а именно, выборами общегосударственного значения. Россия готовится к проведению президентских выборов в марте этого года, в то время как в соседней Финляндии уже избрали нового президента, а в июне состоится голосование на выборах в Европейский Парламент. Перечисленное представляет собой лишь несколько примеров, иллюстрирующих высокую степень значимости

этого временного рубежа, который ставит перед странами множество важных вопросов, в том числе, и о будущем их избирательных систем. Развитие и совершенствование современных технологий оказывает непосредственное влияние на все сферы жизни человека и государства, в связи с чем все более актуальной становится проблема внедрения технологии онлайн-голосования в избирательный процесс. Анализ зарубежного опыта, например, таких стран как Эстония и Финляндия, а также дискуссий о соотношении рисков и выгод применения данной технологии, могут быть полезны для определения собственной позиции России по этому вопросу и формирования дальнейшей стратегии в области онлайн-голосования.

Теоретическая рамка исследования

Концепция онлайн-голосования, именуемая также как Интернет-голосование, электронное дистанционное голосование (ДЭГ) или i-voting, разрабатывается и исследуется учеными по всему миру как на техническом уровне (M. Gomułkiewicz, M. Klonowski & M. Kutylowski (2003); D. Chaum, P. Y. A. Ryan & S. Schneider (2005); J.A. Goler & E. J. Selker (2010); B. Shahzad & J. Crowcroft (2019); Н. С. Кытманов, С. Е. Путилова, Е. В. Каменная, И. А. Щербинина (2019); И. И. Ртищев, Е. В. Сазанова (2021); T. Selker & J. Pelletier (2023) и др.), так и в контексте социально-политических процессов, нормативно-правового регулирования и обеспечения безопасности данных (S. Kumar & E. Walia (2011); И. В. Крупнов (2011); D.A. Gritzalis, et al. (2012); J.P. Gibson, R. Krimmer, V. Teague, et al. (2016); А. Н. Гладун, О. Г. Клепикова (2021); Д. М. Худолей, К. М. Худолей (2022); В. Петрова, А. В. Сидорова (2022); К. С. Евсиков (2023) и др.), начиная с конца прошлого столетия. Хотя строгого, общепризнанного определения онлайн-голосования не существует, в общем смысле, под этим термином принято понимать форму электронного голосования, предполагающую подачу бюллетеней через Интернет, без посещения избирательного участка [16].

Цель и методы исследования

Данное исследование направлено на выявление различных аргументированных позиций по вопросу о соотношении рисков и выгод внедрения технологии онлайн-голосования в избирательный процесс. Целью исследования является обобщение полученных знаний для со-

действия органам государственной власти и лицам принимающим решения в определении дальнейших стратегических шагов Российской Федерации в области развития системы и механизмов дистанционного электронного голосования (ДЭГ).

Методологической основой исследования является сравнительный анализ стратегий внедрения технологии онлайн-голосования в избирательный процесс, этапов их реализации, а также выявленных рисков и найденных путей их преодоления или избегания. Данные для исследования были получены из открытых источников: были использованы материалы, опубликованные на официальных государственных сайтах, сайтах международных организаций и в средствах массовой информации.

Основная часть

В Российской Федерации технология онлайн-голосования начала активно развиваться и внедряться в избирательный процесс сравнительно недавно. В 2019 году в трех избирательных округах Москвы было проведено первое экспериментальное дистанционное голосование на выборах в Московскую городскую Думу. Несмотря на высокий показатель явки избирателей (более 90%), зафиксированный по этим трем округам, эксперимент был подвергнут серьезной критике. Один из кандидатов, Роман Юнеман, заявил о технических сбоях во время электронного голосования, 550 пустых бюллетенях, а также подал жалобу в Мосгоризбирком, с просьбой признать итоги голосования недействительными [6]. О технических сложностях из-за сбоев системы также заявлял заместитель руководителя департамента информационных технологий Москвы Артем Костырко [1]. Французский эксперт по криптографии Пьеррик Годри, проанализировав данные публичного тестирования системы онлайн-голосования, опубликовал доклад, в котором описал обнаруженную им уязвимость системы, связанную со слишком малой длиной публичного ключа шифрования (менее 256 бит) и, как следствие, простотой его вычисления и угрозой нарушения принципа тайного голосования. Российские разработчики и эксперты согласились с мнением Пьеррика Годри, а представитель департамента информационных технологий Москвы заявил о уже запланированном увеличении длины ключа и переходе на другой принцип формирования случайных элементов кода [12].

Дальнейшее развитие системы дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в России происходило уже на базе созданной ПАО «Ростелеком» по заказу ЦИК России и Минцифры России платформы vubory.gov.ru. В 2020 году апробация платформы была осуществлена на дополнительных выборах в Государственную Думу в двух одномандатных округах, а также на общероссийском голосовании по поправкам в Конституцию РФ (в двух субъектах РФ: Москве и Нижегородской области). На выборах федерального уровня 2021 года система ДЭГ применялась уже в шести регионах России: Курской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской, Ярославской областях и Севастополе. В единый день голосования в 2022 году онлайн-голосование было доступно в семи субъектах федерации: Калининградской, Калужской, Курской, Новгородской, Псковской, Томской, и Ярославской областях.

Важной вехой в истории развития российской системы онлайн-голосования стало тестирование федеральной платформы ДЭГ, ГАС «Выборы» и новой ГАС «Выборы 2.0», проходившее в 24 субъектах РФ (в Москве голосование осуществлялось через портал mos.ru) с 15 по 17 ноября 2023 года в преддверии президентских выборов. Для использования портала vubory.gov.ru избирателям необходимо было заранее подать заявление на портале gosuslugi.ru, а затем, в день голосования, зайти на портал ДЭГ, используя логин и пароль от своей учетной записи (которая должна быть полной и подтвержденной) на Госуслугах. Задачей данного тестирования, как отметил член Центризбиркома России Антон Лопатин, являлась «тренировка избирательных комиссий, а не проверка системы под нагрузкой голосующих» [11]. Тем не менее, в тестировании приняли участие 2,8 млн избирателей из 3,69 млн подавших заявку на участие [2], что позволило также протестировать устойчивость системы под нагрузкой. В ЦИК оценили работу программно-технического комплекса как успешную, а также сообщили о продолжении полномасштабной подготовки к предстоящим выборам в марте 2024 года [3].

Как сообщалось ранее, в 2024 году у 49 млн избирателей из 30 субъектов федерации впервые будет возможность проголосовать на президентских выборах с использованием технологии ДЭГ [3]. Согласно опубликованным данным, на конец февраля 2024 года было подано 3,185 млн заявлений на участие в ДЭГ, которое доступно избирателям из 28 регионов на портале vubory.gov.ru, а жители Москвы смогут проголосовать посредством mos.ru [7, 8]. В отношении федеральной

платформы ДЭГ vubory.gov.ru высказывались предложения по улучшению детализации результатов голосования до уровня участковых избирательных комиссий (УИК), однако было принято общее решение отказаться от этой идеи на президентских выборах, поскольку ее реализация является технически сложной задачей, а в отдельных случаях детализация до уровня УИК может нарушить тайну голосования [9].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод об активном и последовательном продвижении Российской Федерации по пути внедрения и совершенствования технологии онлайн-голосования в избирательном процессе. Однако необходимо также указать на наличие живой дискуссии по проблеме соотношения рисков и выгод применения ДЭГ на государственном уровне. Вот только некоторые из обозначенных научным и экспертным сообществами рисков и угроз, связанных с использованием онлайн-голосования:

1) неэффективная процедура идентификации голосующего [4]: устройства, посредством которых избиратель участвует в процедуре ДЭГ, могут быть плохо защищены и подвержены воздействию вредоносных программ, фишингу и различным хакерским атакам, осуществляемым с целью злонамеренного вмешательства в процесс голосования или доступа и кражи личной информации пользователя [5, с. 30];

2) риск принуждения избирателя со стороны третьих лиц [4] или передачи устройства, подключенного к платформе ДЭГ, третьим лицам [5, с. 30];

3) опасность подделки сертификатов аутентификации пользователей и регистрации их голосов, а также взлома ключей шифрования [4] (угроза, с которой столкнулись разработчики платформы для онлайн-голосования в Мосгордуме в 2019 году, описанная ранее);

4) риск перехвата злоумышленниками промежуточных результатов голосования с целью дальнейшей манипуляции [4];

5) хакерские атаки на платформы ДЭГ и провайдеров, обеспечивающих работу этих платформ, DoS-атаки и проч. [4].

Вышеперечисленное, безусловно, характерно не только для России, но и для общемировой практики применения онлайн-голосования в избирательном процессе. Разумеется, каждое государство, идущее по пути цифровизации голосования, выстраивает собственную стратегию преодоления рисков. Однако в самом вопросе о соотношении рисков и выгод онлайн-голосования не все страны разделяют точку зрения, согласно которой выгоды от применения этой технологии

превышают риски. Далее, на примере двух государств, мы рассмотрим, на чем основываются две противоположные позиции в отношении онлайн-голосования.

Вероятно, неожиданным может показаться решение Финляндии, занимающей 2 место в рейтингах ООН 2022 года по уровню развития электронного правительства и онлайн сервисов, отказаться от использования онлайн-голосования на всеобщих выборах. Тем не менее, в 2017 году Министерство юстиции Финляндии заявило о том, что технология еще не находится на достаточно хорошем уровне, и отказалось продвигать этот вопрос в течение срока полномочий действовавшего на тот момент времени правительства. Несмотря на то, что проект электронного голосования был запущен в Финляндии еще 2005 году, а первая апробация технологии была осуществлена на муниципальных выборах 2008 года в трех муниципалитетах избирательного округа Уусимаа, к 2017 году, по итогу всех тестов и обсуждений, правительство пришло к выводу о нецелесообразности его применения на данном этапе развития [15].

Рабочая группа по онлайн-голосованию Министерства юстиции подготовила подробный отчет, в котором отразила выявленные проблемы и риски онлайн-голосования, а также аргументированно высказала свою позицию относительно настоящего и будущего данной технологии в Финляндии. Среди обозначенных в отчете проблем и рисков онлайн-голосования, оптимального решения которых еще не было найдено, можно выделить следующие:

1) потеря голосов в результате ошибок и сбоя в системе онлайн-голосования;

2) опасность кибератак, таких как атаки типа «отказ в обслуживании» и т. д;

3) риск давления со стороны посторонних лиц или покупки голосов;

4) противоречие принципов проверяемости и тайны выборов: с одной стороны, избиратель должен иметь возможность убедиться в том, что голос был передан в подсчет в неизменном виде, получить какие-то доказательства этого; с другой стороны, тайна выборов требует, чтобы система голосования не предоставляла доказательств, которые можно было бы использовать для давления на избирателя или продажи голосов;

5) возможность заражения ПК избирателя водоносным ПО;

б) самый большой риск, по мнению рабочей группы, заключается в доверии и его утрате: доверие может быть подорвано простым распространением ложной информации и слухов, однако при онлайн-голосовании невозможно провести отдельный аудит подсчета голосов, чтобы опровергнуть эти слухи или, в случае ошибки, найти и исправить ее [14].

По мнению финской рабочей группы, существующие на данный момент решения, разработанные как в Финляндии, так и в других странах (Эстонии, США, Великобритании, Германии и т.д.), не способны в полной мере решить указанные проблемы, а, следовательно, нельзя гарантировать безопасность и успешность применения технологии онлайн-голосования на всеобщих выборах. Утверждение о том, что онлайн-голосование способно решить проблему низкой явки, было отрицательно оценено членами рабочей группы со ссылками на результаты проведенных исследований. Однако было также принято решение о необходимости следить за развитием цифровых технологий, изучать зарубежный опыт и развивать уже существующую в Финляндии избирательную информационную систему [14].

Таким образом, Финляндия сделала свой выбор в пользу традиционной системы голосования (в частности, на прошедших в январе-феврале 2024 года президентских выборах онлайн-голосование также не применялось), заняв позицию наблюдателя, пристально отслеживающего современные тенденции в сфере цифровизации и изучающего опыт других стран, для того чтобы быть готовой к внедрению новых технологий в свой избирательный процесс, в случае если они будут отвечать всем многочисленным требованиям безопасности.

Передовым государством в сфере онлайн-голосования является Эстония, где уже в 2005 состоялось первое в мире общенациональное Интернет-голосование (i-voting) на местных выборах. С тех пор технология онлайн-голосования активно развивалась, и на парламентских выборах 2023 года впервые большинство голосов были поданы онлайн (51%). Не только Финляндия, но и весь мир следит за тем, как уверенно Эстония продвигается по пути цифровизации и интернетификации процесса голосования.

Безусловно, Эстония, как и другие государства, сталкивается на своем пути всё с теми же трудностями и рисками, о которых уже неоднократно было здесь сказано. Однако Эстония непрерывно совершенствуется и внедряет в свою практику новые технические решения,

которые позволяют сделать процесс i-voting более безопасным и прозрачным. Перечислим лишь некоторые, основные решения, уже внедренные в эстонскую систему онлайн-голосования:

1) проверяемость при сохранении тайны голосования: избиратель может проверить, правильно ли был перенаправлен и принят его голос, с помощью специального приложения для смарт-устройств; при этом личные данные избирателя, такие как имя и номер социального страхования, извлекаются из цифровой подписи голоса;

2) обеспечение безопасности персональных данных: онлайн-голоса шифруются с использованием подходящего и современного криптоалгоритма, с помощью двух ключей шифрования (публичного ключа шифрования голосования и закрытого ключа дешифрования, части которого распределены между членами Национального избирательного комитета);

3) возможность изменения выбора (снятие риска давления на избирателя): избиратель может изменить свой голос столько раз, сколько пожелает (до вечера субботы недели голосования), учитывается только последний i-голос, а более ранние голоса аннулируются; кроме того, с 2021 избиратели могут изменить свой i-голос, проголосовав при помощи бумажного бюллетеня на избирательном участке в воскресенье, тогда голос, отданный онлайн, будет аннулирован [13].

Однако, несмотря на все вышеперечисленное и высокоразвитую систему i-voting, Эстония также подвергается кибератакам и имеет некоторые проблемы, связанные с онлайн-голосованием с точки зрения прозрачности и надежности результата [14]. Тем не менее, опыт Эстонии может быть полезен для тех стран, которые встали на путь разработки и внедрения технологии онлайн-голосования значительно позже и продолжают двигаться в этом направлении.

В частности, здесь следует отметить, что на предстоящих президентских выборах в России у избирателя отсутствует возможность изменения отданного посредством портала ДЭГ голоса, как онлайн, так и на избирательном участке, однако создан механизм проверки учета онлайн-голосов (их наличия в блокчейн) при помощи специального сервиса на портале наблюдения ДЭГ [10].

Выводы

Процесс внедрения технологии онлайн-голосования в избирательную систему государства сопряжен с множеством вызовов и рисков,

ключевые из которых были отражены в этой статье в результате проведенного сравнительного анализа практик применения данной технологии в России, Финляндии и Эстонии, а также на базе исследования научного и экспертного дискурсов.

Наиболее оптимистичный сценарий развития онлайн-голосования мы можем видеть на примере Эстонии, которая, несмотря на возникающие трудности в виде хакерских атак и некоторых системных проблем, продолжает постоянно совершенствовать механизмы i-voting и внедрять новые технологические решения, повышающие уровень безопасности данных и надежность самой системы. Иной стратегии придерживается правительство Финляндии, которое по итогам проведенных апробаций, исследований и дискуссий пришло к выводу о преобладании рисков онлайн-голосования над его выгодами, и сделало свой выбор в пользу традиционной избирательной системы.

Изучение практики реализации ДЭГ в Российской Федерации с 2019 года по настоящее время позволяет сделать вывод о том, что российское правительство сделало свой выбор в пользу выгод онлайн-голосования и готово справляться с возможными рисками и угрозами путем непрерывного совершенствования существующих технологий и механизмов, а также внедрения инновационных решений. Со временем мы сможем проанализировать, справится ли система ДЭГ с задачей увеличения количества избирателей, участвующих в выборах, и повышения доступности процедуры голосования, а также насколько высок будет уровень доверия граждан России к онлайн-голосованию.

Финансирование: Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта при поддержке РНФ 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности».

Список источников

1. В Москве подвели итоги эксперимента с электронным голосованием // Российская газета, 2019. URL: <https://rg.ru/2019/09/09/reg-cfo/v-moskve-podveli-itogi-eksperimenta-s-elektronnym-golosovaniem.html> (дата обращения: 01.03.2024).

2. В тестировании федеральной платформы ДЭГ приняли участие более 2,8 млн россиян // Объясняем.рф, 2023. URL: <https://объясняем.рф/articles/news/v-testirovanii-federalnoy-platformy-deg-prinyali-uchastie-bolee-2-8-mln-rossiyan/> (дата обращения: 01.03.2024).

3. В ЦИК заявили об успешности тестового электронного голосования // ТАСС, 2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19330853> (дата обращения: 01.03.2024).

4. Главные риски в онлайн-голосовании: мнение охотника за киберугрозами // Information Security, 2018. URL: <https://www.itsec.ru/blog/2018/05/03/information-security-1-2018-%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B8-%D0%B2-%D0%BE%D0%BD%D0%BB%D0%B0%D0%B9%D0%BD-%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2> (дата обращения: 01.03.2024).

5. Гладун А. Н. К вопросу о том, почему Интернет-голосование опасно / А. Н. Гладун, О. Г. Клепикова // Выборы: теория и практика. – 2021. – № 1(55). – С. 29-32. – EDN WSQIXI.

6. Горбунов: электронное голосование не повлияло на результаты выборов в Мосгордуму // ТАСС, 2019. URL: <https://tass.ru/politika/6877019> (дата обращения: 01.03.2024).

7. Заявки на участие в ДЭГ на выборах президента РФ подали 3,18 млн избирателей // Ведомости, 2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/02/28/1022658-zayavki-na-uchastie-podali> (дата обращения: 01.03.2024).

8. На Госуслугах подано уже более 3 млн заявлений на участие в ДЭГ // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, 2024. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/49520/> (дата обращения: 01.03.2024).

9. На президентских выборах не будет возможности отображать результаты ДЭГ по УИК // Ведомости, 2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/11/22/1006986-na-prezidentskih-viborah-ne-budut-otobrazhat-rezultati-dega-po-uik> (дата обращения: 01.03.2024).

10. Портал дистанционного электронного голосования ЦИК России. URL: https://vybory.gov.ru/#how_to_observe (дата обращения: 01.03.2024).

11. ЦИК завершает основной этап тестирования цифровых сервисов перед выборами президента // РАПСИ, 2023. URL: https://rapsinews.ru/election_right_news/20231117/309395343.html (дата обращения: 01.03.2024).

12. Эксперт нашел уязвимость в онлайн-системе голосования на выборах в Москве // РБК, 2019. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/08/2019/5d55640b9a7947b11c444371?from=copy (дата обращения: 01.03.2024).

13. Introduction to i-voting. URL: <https://www.valimised.ee/en/internet-voting/more-about-i-voting/introduction-i-voting> (дата обращения: 01.03.2024).

14. Nettiäänestyksen edellytykset Suomessa. Nettiäänestystyöryhmän loppuraportti. URL: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/160412> (дата обращения: 01.03.2024).

15. Sähköinen äänestäminen. URL: <https://vaalit.fi/sahkoinen-aanestaminen> (дата обращения: 01.03.2024).

16. The International Foundation for Electoral Systems (IFES). Internet Voting: Past, Present and Future (2013). URL: <https://www.ifes.org/news/internet-voting-past-present-and-future> (дата обращения 01.03.2024).

On the question of the risk-benefit balance of implementing online voting technology in elections in the Russian Federation: analysis of domestic and foreign experience

Iu. G. Smirnova

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russia

ju.smirnova_spbu@mail.ru

This research is dedicated to exploring the issue of balancing the risks and benefits of implementing online voting technology in the electoral process. By analyzing the development strategies of online voting in the Russian Federation, Finland, and Estonia, as well as studying the positions of domestic and foreign scholars and experts on this topic, key risks and threats encountered by states in adopting Internet technologies in the voting process are identified, along with ways to overcome them. The conclusion is drawn that there exist various strategies for using online voting technology in the state electoral system, based on the balance of risks and benefits, and there is a need for continuous improvement of existing technologies and mechanisms for online voting, as well as the implementation of innovative solutions, to maintain the functionality, stability, and security of this system.

Keywords: elections; electoral process; online voting; electronic voting; digital technologies; digitization; e-democracy

Причины уклонения от социального рейтингования

А. В. Соколов, П. А. Бабаджанян

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
Ярославль, Россия

babajanyanpapik@yandex.ru,

В современном мире социальное рейтингование является распространенной практикой, оказывающей значительное влияние на поведение и решения людей. Однако, некоторые отказываются подчиняться этим нормам и уклоняются от социального рейтингования. В данной статье рассматривается феномен уклонения от социального рейтингования, причины, стоящие за этим выбором. Эмпирические данные были получены по результатам 2 фокус-групп: с представителями молодежи (от 18 до 35 лет) и респондентов старшего поколения от 36 лет; а также эксперимента по коммуникации с организациями, осуществляющими рейтингование граждан. По итогам исследования было выявлено, что уклонение от социального рейтингования - это комплексное явление, связанное с индивидуальными особенностями личности, страхами, ценностями и убеждениями. Для некоторых людей - это стратегия самозащиты, позволяющая им сохранить психологическую свободу и независимость. Для других - это путь к самоопределению и осознанию своей уникальности и стойкости. Независимо от причин, уклонение от социального рейтингования остается актуальным явлением в современном обществе.

Ключевые слова: социальное рейтингование; уклонение; цифровизация; избегание; оценивание; контроль

Введение

В современной эпохе всеобщей цифровизации общества, когда активно развиваются и широко используются цифровые технологии, социальное рейтингование становится все более распространенным явлением. Вместе с этим растет и необходимость обсуждать и исследовать феномен уклонения от социального рейтингования. Одной из ключевых проблем, которые рассматриваются в данном исследовании, является влияние социального рейтингования на самочувствие и психологическое благополучие индивидов. В условиях всеобщей конкуренции, быстро меняющихся технологий и социальных ожиданий, ощущение

постоянного наблюдения и оценки со стороны других людей может оказывать давление на индивида и влиять на его эмоциональное состояние. Исследование уклонения от социального рейтингования может дать понимание того, как индивиды развивают стратегии для сохранения своего самовосприятия, снижая влияние внешней оценки на свою жизнь.

Кроме того, исследование уклонения от социального рейтингования имеет большое значение для анализа социальной структуры общества. Система социального рейтинга может создавать преграды для людей с низким рейтингом, которые не вписываются в социальные нормы или стандарты. Такая позиция в обществе будет иметь долгосрочные последствия для их жизненных перспектив и возможностей. Исследование уклонения от социального рейтингования может помочь понять механизмы, которые поддерживают и усиливают такие неравенства, и предложить решения, которые будут способствовать более справедливой и инклюзивной социальной среде.

Более того, изучение уклонения от социального рейтингования имеет практическую значимость для различных секторов общества. В бизнесе, например, оно может помочь компаниям понять, как уклонение от социального рейтинга влияет на производительность и мотивацию работников, и как создать условия, которые предотвратят негативные последствия социального рейтингования на рабочем месте. В образовании и здравоохранении исследование уклонения от социального рейтингования может помочь улучшить системы поддержки и укрепить психическое здоровье студентов и пациентов. В политике изучение уклонения от социального рейтингования может помочь определить гражданскую активность (пассивность) людей.

Теоретическая рамка исследования

Социальный рейтинг является одной из наиболее актуальных тем в современном обществе. Этот показатель определяет степень приспособленности и влияния каждого индивида внутри группы или социальной структуры. Большинство экспертов по данной тематике, отмечают социальный рейтинг не является статическим показателем. Он может меняться в зависимости от различных факторов, включая личные качества, достижения, статус и социальное взаимодействие. Система социального рейтинга (социальной оценки) представляет собой инструмент контроля за общественной активностью граждан, основанный на анализе различных критериев. Путем вычисления рейтингового балла с использованием специальных алгоритмов обработки информа-

ции формируется набор возможностей и услуг, доступных отдельно-му гражданину [8, с. 57-58].

Величина рейтингового балла зависит от количества одобренных системой критериев. Чем выше балл, тем больше привилегий и возможностей у гражданина, а также меньше негативных санкций. Среди основных преимуществ положительного рейтинга можно выделить возможность получения кредита с оптимальными процентными ставками, оформление надежной авто- и медстраховки, получение государственных услуг без очереди или с минимальным временем ожидания, возможность трудоустройства на престижную работу по желанию, а также предоставление большого выбора курортов для отпуска и т.д. [6, с. 26-27]. Некоторые ученые считают, использование социального рейтинга может способствовать формированию у граждан высоких морально-нравственных качеств, поощряя их к самоанализу собственного поведения. Основываясь на морально-нравственных принципах, как основе общественной и государственной организации, можно создать гармоничное социально-ориентированное общество [5, с. 102]. С другой стороны, ряд исследователей выделяет проблемы и недостатки, связанные с развитием данного феномена:

- слабое взаимодействие с действующим законодательством;
- необходимость полной цифровой интеграции и взаимодействия между государством и обществом;
- наличие унифицированной цифровой базы данных предполагает возможность цифрового надзора со стороны государства;
- низкая прозрачность критериев, принципов и системы оценки [7, с. 170-171].

В настоящее время большинство исследований сосредоточены на анализе социально-политической системы «social credit scor», внедренной в Китае. Ученые прилагают усилия, чтобы описать конкретные методы, применяемые китайским правительством для создания системы социального кредита. В своих работах они:

- делают прогнозы относительно функционирования этой системы с помощью различных механизмов в государственном и частном секторах;
- изучают, как будет оцениваться «надежность» граждан и предприятий;
- выявляют как будет награждаться положительное поведение и наказываться отрицательное;

- описывают пилотные системы внедрения отдельных проектов систем социального кредита [9].

Российские ученые исследуют и анализируют систему, внедренную в Китае, с точки зрения правовых аспектов и вопросов справедливости, связанных с применением этой системы к гражданам страны. Они изучают ее как систему наказания, рассматривают через призму социальной инженерии и практики формирования юридических норм в системе социального рейтингования. Исследователи стремятся понять, каковы последствия внедрения данной системы, и как она влияет на жизнь обычных граждан Китая [1, с. 23]. В результате, ученые надеются найти пути улучшения этой системы, создания более справедливых правовых норм, соответствующих интересам и потребностям граждан.

Отечественные выявляют негативные последствия социально-рейтингования:

1. Ограничение свободы и приватности. Одним из главных недостатков социального рейтинга является его возможность ограничивать свободу личности и вмешиваться в частную жизнь граждан. Прозрачность и открытость рейтинговой системы позволяют государству и другим участникам контролировать и оценивать действия и поведение каждого члена общества. Это может привести к самоцензуре, страху и ограничению некоторых прав и свобод, таких как свобода слова и мнения.

2. Возможность манипуляции и ошибок. Социальный рейтинг может также стать инструментом для манипуляции и неправильной оценки деятельности граждан. Восприятие и оценка поведения могут быть субъективными и зависеть от тех, кто контролирует и устанавливает правила рейтинговой системы. Это может привести к целенаправленной некорректной оценке и рейтингу конкретного индивида или, наоборот, благосклонному отношению к другому.

3. Создание атмосферы недоверия. Внедрение социального рейтинга в общественную жизнь может способствовать развитию атмосферы недоверия и неприятия. Люди, зная о том, что их действия оцениваются и ранжируются, могут потерять естественность и стать неискренними в своих отношениях. Коллективная ответственность и страх перед потерей рейтинга могут подавлять индивидуальные и инициативные действия, что препятствует инновациям и креативности в обществе [4].

Таким образом, в отечественной литературе предпринимаются попытки осмысления влияния социального рейтингования

на жизнь человека, общества и государства. Однако на данный момент мало рассматривается феномен избегания от рейтингования. Уклонение от социального рейтингования - это стремление уклониться от необходимости постоянного оценивания и ранжирования в обществе.

Один из теоретических подходов, объясняющих феномен уклонения связан с понятием самоофективности. Люди с высокой самоофективностью склонны доверять своей способности действовать, осуществлять контроль и достигать поставленных целей [3]. То есть они рассматривают социальный рейтинг как неконтролируемый и нестабильный фактор, который может повлиять на их самооценку и самоофективность. Поэтому они стремятся уклониться от подобных ситуаций.

Другим заметным фактором, влияющим на уклонение от социального рейтингования, является страх осуждения и неприятия. Люди, испытывающие высокую тревогу по поводу социального рейтинга, опасаются быть осужденными или отвергнутыми группой. Они стремятся избежать таких ситуаций, их стремление уклониться от социального рейтингования основано на необходимости сохранить свою психологическую безопасность и комфорт [2, с. 52-53].

Исходя из рассмотренных подходов понимания и интерпретации социального рейтингования, мы представляем следующее определение: социальный рейтинг – это система оценки индивидуального поведения и деятельности в обществе, которая предоставляет возможность влиять на формат взаимодействия с другими людьми, цифровыми сервисами организаций, характер доступа к определенным ресурсам или накладывать ограничения в различных сферах жизни. Под уклонением от социального рейтингования мы понимаем практику, которая заключается в избегании оценки, классификации и ранжирования личности или социального статуса на основе различных метрик и систем рейтингов.

Методы исследования

Цель исследования – определение причин уклонения граждан от социального рейтингования.

Исследование проводилось в феврале 2024 года.

Для достижения цели исследования были проведены 2 фокус группы среди представителей молодежи (от 18 до 35 лет) и старшего поколения (более 36 лет), по полуформализованному гайду. Респондентам предлагалось познакомиться с тремя обезличенными существующими системами рейтингования: такси, кредитного рейтинга и системы

социального кредита Китая. Указанные описания систем рейтингования были сформулированы организаторами исследования на основе данных организаций, осуществляющих рейтингование (Яндекс-такси и бюро кредитных историй), а также характеристики системы социального кредита Китая в открытых источниках. Выбор данных систем рейтингования был связан с тем, что они представляют собой системы с разной степенью интенсивности и значимости оценки гражданина и используемых форматов коммуникации и взаимодействия с ним (от малой значимости для гражданина до максимальной значимости и влияния на его жизнь).

Гайд фокус-групп включал две группы вопросов. Первая была посвящена оценке социального рейтингования в целом. Вторая – предполагала оценку конкретных примеров рейтингования: после ознакомления с данными системами рейтингования респондентами предлагалось высказать свои мнения и опасения относительно их.

Вторым методом сбора данных выступил эксперимент по коммуникации с организациями, осуществляющими рейтингование граждан. Запросы были направлены в следующие организации: «ЯндексGo», «Едем.РФ», «Авито», Uber (Россия) и компьютерную игру Warface. Вопросы были ориентированы на выявление степени открытости организаций в процессе рейтингования, открытости методики рейтингования, а также последствий рейтингования.

Основная часть (результаты сбора данных)

Значительная часть респондентов отметила, что уклонение от социального рейтинга может способствовать индивидуальному развитию личности. Имея отличное от большинства мнение или поведение, человек выходит за рамки шаблонов и тем самым может развивать собственную уникальность и индивидуальность. Такой подход способствует формированию самоуважения и уверенности в себе, поскольку он обучает осознанному выбору и принятию решений в соответствии с индивидуальными ценностями и убеждениями.

Причины уклонения от социального рейтингования могут быть различными. Часть респондентов считают, что некоторые люди просто не придают большого значения мнению окружающих и более ценят свое личное мнение о себе. Другие могут быть убеждены, что социальное рейтингование несправедливо и необъективно, и поэтому не стоит на него обращать внимание. Также было выявлено, что уклонение

от социального рейтингования не всегда связано с низкой самооценкой или низкой уверенностью в себе.

Респонденты отмечали, что на уклонение от рейтингования в значительной мере влияет сфера, в которой оно осуществляется. Так, большинство участников фокус-групп положительно восприняли возможность их оценки в профессиональной сфере, так как рейтингование сотрудников и руководителей является эффективным инструментом для того, чтобы оценить профессиональные компетенции граждан. Аналогичные установки были выявлены и в экономической сфере. Большинство респондентов, особенно старше 26 лет считают, что рейтингование положительно влияет финансовые операции человека. К примеру, значительная часть участников фокус-групп отмечают положительную роль кредитного рейтинга, который позволяет фильтровать ответственных и злостных клиентов.

В тоже время, респонденты негативно относятся к публичному рейтингованию, так как не желают, чтобы их личные данные были известны всем. Особенно негативно участники фокус-групп отнеслись к идее социального кредита, реализуемого Китае, так как, по их мнению, это вторжение государства в личную жизнь человека, которое может привести социальному расслоению общества. Помимо этого, представители старшего поколения отметили, что угрозой социального рейтингования может стать утечка личных данных, что, несомненно, стимулирует избегание участия в рейтингах. В целом респонденты указывают, что уклонение от социального рейтингования может проявляться в различных формах, таких как:

1. избегание общественных мероприятий и социальных связей, чтобы не подвергать себя оценке окружающими;
2. скрытность и замкнутость, чтобы избежать высказывания своего мнения или выделения себя в глазах других;
3. избегание проявления своих достижений или успехов, чтобы не привлекать к себе излишнее внимание и критику;
4. избегание конфликтов и ссор с окружающими, чтобы сохранить имидж «хорошего человека».

По мнению респондентов, последствия уклонения от социального рейтингования могут быть следующими:

1. ощущение одиночества из-за отсутствия поддержки и понимания от окружающих;
2. ограничение своего личностного роста;

3. развитие страха быть оцененным и подвергнутым критике;
4. потеря возможностей для социальной и карьерной успешности из-за отказа от участия в социальных мероприятиях и оценивания;
5. потеря возможности пользоваться различными социально полезными приложениями, где ставятся оценки (например, Яндекс-такси или Едем.рф);
6. вероятное развитие низкой самооценки из-за постоянного страха быть неодобряемыми и отвергнутыми окружающими.

Также стоит отметить значимые различия причин уклонения от социального рейтингования по возрастному критерию. Так, представители молодежи чаще отмечали, что избегание социального рейтингования может произойти из-за страха быть подвергнутыми критике другими людьми. Помимо этого, молодые люди отметили, что некоторые люди могут не хотеть подчиняться стандартам и ожиданиям, установленными определенными социальными группами, и поэтому будут стараться избегать социального рейтингования. Аргументировалось это стремление тем, что некоторые индивиды ценят свою искренность и аутентичность выражения себя и поэтому предпочитают быть собой вне зависимости от того, что об этом подумают другие. В тоже время молодые люди отметили, что основной негативной стороной уклонения от социального рейтингования является ограничение возможностей: из-за цифровизации многие сферы жизни, такие как бизнес и политика, требуют активного участия в социальном рейтинговании для достижения успеха и влияния.

Представители старшего поколения отмечали, что некоторые люди предпочитают не подвергаться социальному рейтингованию, чтобы сохранить свою индивидуальность и не быть зависимыми от мнения окружающих. Также респонденты отметили, что у индивидов и социальных групп могут возникать опасения, что социальное рейтингование способно привести к негативным последствиям, таким как утрата доверия людей или ухудшение отношений с окружающими. Негативной стороной уклонения от социального рейтингования, по мнению участников фокус-групп старше 36 лет, является отрицательное влияние на карьеру, проявляющееся в отсутствии интереса к формируемому содержанию своего образа и репутации, что может негативно сказаться на возможностях карьерного роста и профессионального успеха.

Также почти все участники фокус групп, считают, что человек, который уклоняется от социального рейтингования, вероятно, будет

испытывать трудности в установлении и поддержании отношений из-за недостаточного понимания и уважения к общественным нормам и ценностям.

Выводы

Современное общество все больше ставит акцент на социальном рейтинговании, оценивая людей по различным критериям и ставя в зависимость их статус от общественного мнения. В научной литературе под социальным рейтингованием понимается, процесс оценки человека окружающими на основе его социального статуса, внешности, поведения и других критериев. В тоже время, присутствует мнение, что постоянное стремление к улучшению своего рейтинга может привести к потере собственной индивидуальности, когда человек начинает подстраиваться под требования окружающих, теряя себя в этом процессе. Всё это побуждает к избеганию (уклонению) от социального рейтингования.

Значимым феноменом в связи с этим становится избегание социального рейтингования, которое может проявляться в отказе принимать стандартные социокультурные шаблоны. Это может быть выражено в нестандартном образе жизни, нетипичной карьере, отказе от участия в гонках за статусом. Важно отметить, что уклонение от социального рейтингования не является призывом к бездействию или отрыву от общества. Это скорее стремление оставаться верным себе и своим принципам, несмотря на внешние ожидания и стандарты. Люди, уклоняющиеся от социального рейтингования, предпочитают довольствоваться меньшим признанием и одобрением, зная, что следуют своим убеждениям и принципам. Исходя из результатов фокус-групп можно выделить следующие причины уклонения от социального рейтингования:

1. Страх неудачи. Люди могут опасаться, что не будут соответствовать определенным стандартам или ожиданиям общества, что может привести к понижению их рейтинга.

2. Страх осуждения. Люди боятся быть подвергнутыми критике или оцененными негативно другими людьми, что может повлиять на их самооценку. Из-за этого страха люди могут предпочесть держаться в стороне от ситуаций, где происходит рейтингование.

3. Желание сохранить личную независимость. Люди могут считать, что их ценности и достоинства не должны подвергаться оценке другими, и предпочтут оставаться в стороне от процессов рейтингования.

4. Стремление к аутентичности. Некоторые считают, что их личность и уникальность не должны быть оценены по каким-то общепринятым стандартам, и поэтому избегают участия в социальном рейтинговании.

Таким образом, причины уклонения от социального рейтингования могут быть разнообразными, от страха неудачи и осуждения до желания сохранить личную независимость и аутентичность. По мнению респондентов, важно понимать, что каждый человек уникален и имеет право на свое мнение о себе, независимо от внешних оценок и рейтингов. Таким образом, уклонение от социального рейтингования может иметь разнообразные и сложные последствия. Важно соблюдать баланс между индивидуальностью и социальной адаптацией, принимая во внимание собственные потребности и ценности, а также учитывая влияние действий на окружающих.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-28-00728 «Политические последствия социального рейтингования граждан», <https://rscf.ru/project/24-28-00728/>

Список источников

1. Асмоловский М.Д., Колпакова Т. В. Система социального рейтинга как механизм социального управления в КНР // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2020. № 23. С. 20-24.

2. Беззубиков К.С., Мкртчян Д. Э. Анализ перспектив цифрового развития страны: риски и проблемы внедрения системы социального рейтинга в России // Научные записки молодых исследователей. 2020. Т. 8, № 1. С. 50-58.

3. Борисенко В.А. Уклонение от ответа как коммуникативная стратегия респондента в политическом интервью // Культура и цивилизация. 2016. Т. 6. № 6А. С. 283-290.

4. Васильева Е.И. Социальный рейтинг в Китае и России: перспективы и риски применения // Научные труды студентов Ижевской ГСХА: Сборник статей. Ижевск: Удмуртский государственный аграрный университет. 2023. С. 785-788.

5. Катрашова Ю.В., Митяшин Г.Ю., Плотников В. А. Система социального рейтинга как форма государственного контроля над обществом: перспективы внедрения и развития, угрозы реализации // Управленческое консультирование. 2021. № 2. С. 100–109.

6. Костина А.А., Кожушко А. И. Система социального рейтинга как способ обеспечения национальной безопасности: возможен ли опыт Китая в России // Экономическая безопасность в условиях цифровой трансформации. Сборник статей по материалам Первого Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности. Тюмень. 2020. С. 25–31.

7. Нургалиев И.М. Социальный рейтинг на уровне государства, влияние социального скоринга на жизнь и поведение граждан: опыт анализа // Информационные технологии обеспечения комплексной безопасности в цифровом обществе: Сборник материалов III Всероссийской молодежной научно-практической конференции, 21–22 мая 2020 года / Отв. редактор А.С. Исмагилова. Уфа: Башкирский государственный университет. 2020. С. 168–171.

8. Рувинский Р.З., Рувинская Е.А., Комарова Т.Д. Общественное восприятие практик цифрового профилирования и социального рейтингования: ситуация в России и Китае // Социодинамика. 2021. № 12. С. 56 - 76. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.12.36824

9. Liu C. Multiple Social Credit Systems in China (2019) // Economic Sociology: The European Electronic Newsletter. Vol. 21 (1) P. 22–32. https://papers.ssrn.com/sol3/Papers.cfm?abstract_id=3423057

Reasons for avoiding social rating

A. V. Sokolov, P. A. Babajanyan

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

In the modern world, social rating is a common practice that has a significant impact on people's behavior and decisions. However, some refuse to comply with these norms and shy away from social rating. This article examines the phenomenon of social rating avoidance and the reasons behind this choice. Empirical data were obtained based on the results of 2 focus groups: with representatives of young people (from 18 to 35 years old) and older respondents from 36 years old; as well as an experiment in communication with organizations engaged in rating citizens. According to the results of the study, it was revealed that social rating avoidance is a complex phenomenon associated with individual personality traits, fears, values and beliefs. For some people, it is a self-defense strategy that allows them to maintain psychological freedom and independence. For others, it is a path to self-determination and awareness of their uniqueness and resilience. Regardless of the reasons, the avoidance of social rating remains an urgent phenomenon in modern society.

Keywords: social rating; avoidance; digitalization; avoidance; evaluation; control

ГРНТИ 11.15.89

Особенности технологии экспертного разбора в цифровом пространстве

А. В. Соколов, А. Мавричева

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,

Ярославль

alex8119@mail.ru

В статье представлены результаты исследования разборов экспертов из различных сфер, выделены модели и стратегии ведения разборов от начала ведения личной страницы в социальных сетях до разборов, оцениваемых аудиторией как качественная экспертиза. Оценены выгоды внедрения формата разбора для эксперта и целей аудитории, рассмотрены основные форматы проведения разборов в бизнесе и других сферах. Обобщена практика разборов в русскоязычном сегменте Рунета, выявлены их общие черты у различных специалистов. Отмечается, что при онлайн разборах действуют принципы открытости и доверия, но у некоторых экспертов немного даётся эмоциональная обратная связь, допускающая негативные установки и резкие высказывания в адрес участника разбора и его работы. Принципиальное значение приобретает способность сформировать эмоциональный отклик у аудитории, для последующей работы с ней, в том числе, продаже услуг эксперта. Эффективность подобных форматов определяется ненавязчивостью формата, формированием двух аудиторий – онлайн и офлайн, интерактивностью, созданием дополнительных эффектов за счет использования современных форматов видеоконтента.

Ключевые слова: видеоконтент; экспертный разбор; социальные сети; форматы коммуникации

Введение

Развитие информационно-коммуникативных технологий привело к смещению приоритетов потребления контента от традиционных каналов (телевидение, радио) к новым сетевым ресурсам и каналам. Среди них лидирующее значение приобрели социальные сети и цифровые платформы трансляции видеоконтента (в первую очередь, YouTube). Однако данные форматы для привлечения и сохранения внимания

и востребованности со стороны аудитории требуют создания ярких и интерактивных форматов.

Новым трендом стало создание форматов «разборов» персон с последующей трансляцией для целевой аудитории через различные форматы и каналы в социальных сетях. Он вырос из традиционного формата телевидения – интервью.

Подобные форматы позволяют одновременно показать достоинства, преимущества и достижения объекта разбора, а с другой (при правильном эмоциональном фоне и позиционировании) - сформировать к ней лояльность потенциальной аудитории. Важным достоинством является способность показать уровень экспертизы объекта разбора. Подобный формат позволяет эффективно управлять впечатлением, продвигать продукты и услуги через эмпатию к объекту разбора.

Коммуникация в Интернете и, в частности, в социальных сетях в аспекте коммерциализации деятельности и необходимости повышения экспертности требует от создателя контента поиска новых и востребованных аудиторией форматов. Коммуникация в социальных сетях – «вид социальной активности, который затрагивает производство, передачу и получение символических форм» [1]. Медиакоммуникация, по мнению тех же авторов, «распространение с помощью технических средств между различными группами и индивидуумами специально подготовленных сообщений, представляющих социальную и личную значимость» [1]. Медиакоммуникация с позиции эксперта подразумевает не только распространение информации, но и ряд специфических черт формата: передачу, сохранение, распространение и актуализацию оценочной информации. Это позволяет потребителям выделить экспертов. Медиакоммуникация влияет на социальные установки – на то, какие отношения могут выстраиваться в модели эксперт-потребитель, на каком уровне и к какому результату может приводить такое взаимодействие. Технические средства, которые позволяют на регулярной основе функционировать информационному потоку и поддерживать статус и демонстрировать компетентность экспертов очень важны в обеспечении эффективной медиакоммуникации [2].

Эксперт «уполномочен» в социальных сетях воздействовать на мнение своей аудитории, создавать личный образ и бренд, что, согласно модели коммуникации Г.Ласуэлла [Подробнее см. 3, с. 95-117], представляет собой трёхфакторное взаимодействие: автор – сообще-

ние – потребитель, окруженное эффектами и разнообразными сообщениями. Затрагивая вопрос взаимодействия на личной странице, остановимся на теории коммуникаций Т. Ньюкомба, Подобное взаимодействие представляет собой систему, отражающую социально-политическую специфику обмена информацией и реакциями между автором и потребителем по конкретному поводу. Коммуникационная система тяготеет к равновесию и симметрии. При этом автор постов заведомо знает, что его точку зрения может разделить определенная часть аудитории. Блог формируется, исходя из интересов как потенциальных читателей, аудитории, так и интересов и взглядов автора. В случае попадания в более симметричную и равную по интересам среду потребителей возникает идентичная связь между несколькими реципиентами. Если предположить изначальное отсутствие симметрии, то чем выше симпатия между потребителем и автором, тем выше вероятность того, что коммуникация между ними состоится, при этом качество подобной коммуникации может носить как положительный или отрицательный характер, так и нейтральный [4].

Говоря об экспертной странице, стоит указать, что потребитель способствует развитию (или не развитию) своего стиля, бренда, уровня экспертности, так как является не пассивным актором, а сами его формируют благодаря значительному числу всевозможных сервисов.

История формирования технологии

Отследить историю формирования экспертных разборов как технологии непросто: специализированной информации на данную тему ни на русском языке, ни на английском языке нет. Это может быть связано с естественностью технологии, её укорененностью в самой сущности ведения социальных сетей. После рассмотрения нескольких разных разборов и изучения социальных сетей авторов можно отметить, что наиболее часто встречающийся сценарий заключается в следующем: эксперт на протяжении нескольких лет собирает заинтересованную аудиторию, завоевывает её доверие, что приводит к самостоятельному инициированию запроса на разборы «снизу» для получения качественной обратной связи по разным вопросам.

Сначала могут использоваться более скромные форматы организации разборов, такие как прямые эфиры или рассмотрение кейсов на видео, затем, по мере увеличения бюджета, привлекательно-

сти и популярности, эксперт может полностью сфокусироваться на разборах как основном виде своей деятельности. Встречаются некоторые другие вариации: например, эксперт использует разборы изначально как свой основной вид деятельности – это относится к бизнес-тренерам, наставникам, коучам и др. В этом случае всё строится на публичности, социальном капитале и медийности персоны.

Технология разборов всегда пользовалась популярностью, в первую очередь, благодаря наличию значительных выгод для каждого участника.

Выгоды со стороны эксперта:

— относительная дешевизна технологии разборов как одного из инструментов продвижения себя и своих продуктов/услуг;

— дополнительное закрепление своего профессионального статуса, демонстрация наличия уникальных знаний и навыков;

— взаимодействие с аудиторией, повышающее доверие и лояльность;

— привлечение новых заинтересованных подписчиков/заказчиков за счет публикации разборов в социальных сетях;

— возможность интегрировать рекламу курсов в разбор или приурочить разбор к выходу нового продукта, что облегчает перенаправление трафика и может увеличить доход;

— простота технологии;

— при соблюдении качественного подхода к организации разборов высокие просмотры и вовлеченность практически гарантированы.

Выгоды для подписчиков:

— бесплатное получение ценных знаний;

— возможность получения обратной связи на свою работу или «учеба на чужих ошибках»;

— повышение осведомленности;

— понимание того, как теоретические принципы реализуются на практике;

— обнаружение своих болевых точек, получение рекомендаций по сферам роста, а также конкретные способы для этого роста;

— дополнительный источник мотивации.

Таким образом, технология разборов неотделима от социальных сетей, где она получила наибольшее применение и популярность за счет адаптивности к разным форматам, простоты и дешевизны.

Она является, с одной стороны, способом продвижения эксперта и повышения его узнаваемости с возможностью установить доверительные отношения с аудиторией, а с другой – источником бесплатных и ценных знаний для людей, заинтересованных в развитии в той или иной сфере.

Особенность формата (сущность)

Разбор подразумевает под собой одно- или двустороннюю коммуникацию между экспертом и «гостем» (под гостем понимаем и физического гостя, который приходит на разбор или подключается онлайн, и подписчика, чьи работы разбираются) по вопросам развития и дальнейшего роста.

В большинстве случаев разбор включает в себя обсуждения сильных сторон, слабых сторон, а также обозначение перспективных направлений для работы и конкретные инструменты. Особенностью формата можно назвать возможность отнесения советов и корректировок ко всем слушателям, то есть помощь одному человеку открывает возможности для консультации всех причастных. Ещё одной общей чертой всех разборов можно назвать определение типовых ошибок, допускаемых новичками в какой-либо конкретной сфере деятельности.

Целью разборов является, во-первых, повышение компетенций гостей, распространение знаний, нормализация получения обратной связи, в том числе и критической, во-вторых, обнаружение проблем и сложностей, с которыми столкнулся гость, психологический анализ внутренней мотивации и разработка детальных этапов действий.

В то же время стоит обратить внимание, что разборы — это не «критика ради критики», имеет значение и положительные характеристики (похвала). Акторами стандартно выступают эксперт, гость и аудитория. Дополнительно могут участвовать приглашенные экспертом спикеры, также разбирающие кейс и задающие направления для работы.

Общие принципы и особенности разборов от разных экспертов

Технология разборов может быть реализована как в офлайн, так и в онлайн среде. Основные форматы можно разделить по нескольким основаниям: тема и формат. Тематически разборы включают биз-

нес-разборы, продвижение соцсетей, сонграйтинг (сочинение песен), вопросы кулинарии, овладения профессиональными навыками, например, техникой речи и др. Для бизнес-разборов характерна большая длительность. В подавляющем большинстве длительность одного разбора приближается к двум часам. Формат встречи предлагается очный в помещении с живой аудиторией, привлечением медиа-материалов (презентации, фото, видео). Одновременно с этим и личность гостя, и личность эксперта играют большую роль.

Бизнес-разборы схожи с наставничеством или сессией с психологом (особенно это заметно на примере работы методолога и блогера Михаила Дашкиева). По мере продвижения беседы фокус постепенно смещается с бизнеса и бизнес-процессов на самого гостя. Предпринимаются попытки выявить психологические проблемы, анализируется прошлый опыт и родительские отношения, так как это влияет на паттерны поведения человека и, соответственно, может мешать или помогать бизнесу. В этом случае эксперт выступает как более просветленный учитель, которому гость вверяет свой путь, и авторитет которого признается.

Можно предположить, что у эксперта есть не сценарий с заготовленными заранее вопросами, а «ключевые точки беседы», обязательные для проговаривания. Этим обуславливается кольцевая композиция построения диалога. Можно выделить следующие этапы:

1. Формальное представление гостя (имя, должность, сфера деятельности, возраст, интересы, количественные показатели бизнеса);
2. Обозначение запроса для проработки с экспертом;
3. Плавное и ненавязчивое смещение внимания с бизнеса на личность и уход в «тонкие материи» в ходе беседы, поиск дополнительных проблем и паттернов, которые до этого не были известны самому гостю;
4. По результатам психологического анализа происходит возвращение к бизнесу гостя;
5. Подведение итогов.

Эта схема подходит для Михаила Дашкиева, Михаила Гребенюка, Ольги Волковой (у неё отличается формат: не очные встречи, а записи прямых эфиров с гостями). Аяз Шабутдинов подходит к организации разбора немного иначе. У него упрощенный вариант схемы (без включения психологического анализа). Также его отли-

чает большая концентрация на конкретных, измеримых, понятных шагах для постижения цели. Это менее комплексный подход, фиксирующий точку «А» (нынешнее положение дел и стартовый капитал) и точку «Б» (идеальное состояние бизнеса), а далее, углубляя диалог и выясняя проблемные места в производственных цепочках, он предлагает алгоритм решений.

Важна и создаваемая атмосфера: главный инструмент здесь – конструируемое настроение беседы. М. Гребенюк и А. Шабутдинов схожи в том, что стремятся расположить гостя к себе и проявляет открытую дружелюбность. Легкость разбора, небольшие юмористические вставки, допустимость нецензурной лексики и рассказы из жизни для иллюстрации теоретического утверждения позволяют информации лучше усвоиться. Для пользователя получается совмещение приятного с полезным, так как формат проработки мышления и бизнеса оборачивают в развлечение. Для М. Дашкиева свойственен более серьезный настрой с внимательным включением эксперта и как психолога в анализ жизненного пути гостя. Во время задевания острых тем эксперт наблюдает за реакцией тела гостя, за его мимикой и неосознанными жестами. Обращая на них внимание и стремясь усилить понимание того, что происходит, эксперт прикладывает большие усилия для нахождения слабых мест, препятствующих устремлениям гостя.

Все эксперты при объяснении ключевых факторов успеха/неуспеха бизнеса привлекают знания из маркетинга, биологии, SMM, психологии, теории менеджмента, юриспруденции и т.д. В целом, это положительно сказывается и на образе самого эксперта, имеющего знания в разных сферах деятельности, и на результативности всего экспертного разбора.

Рассмотренные эксперты, за исключением М. Дашкиева, не уделяют достаточное внимание техническому наполнению разборов. Для людей с визуальным типом восприятия информации может не хватить наглядности. Записи, делающиеся по ходу разбора на специальной доске, некачественные (мелкий и/или плохой подчёрк, неудачный ракурс при съёмке). В то же время мультимедийное оборудование на разборах М. Дашкиева позволяет и презентацию показать, и транслировать записи/рисунки с планшета спикера на большой экран.

Кроме того, М. Дашкиев и М. Гребенюк, завершая бизнес-разбор, привлекают к обсуждению аудиторию. Это и работа с залом, и форми-

рование дополнительного источника обратной связи для гостя. Создаётся ощущение коллективной вовлеченности в проблемы одного конкретного бизнесмена, что положительно сказывается на продвижении контента.

Общими принципами организации для всех рассмотренных примеров бизнес-разборов будут:

- предварительная запись непосредственно на сам разбор;
- наличие запроса и проблемной ситуации у гостя, с разрешением которых требуется помочь;
- использование дополнительного оборудования (планшеты, презентации и др.);
- привлечение психологического анализа для поиска «точек прорыва»;
- выработка системы рекомендаций и алгоритмичных действий для преодоления проблемной ситуации;
- для многих разборов также общими является работа с аудиторией и получение рефлексии от гостя.

Дополнительно хотелось бы выделить принципы открытости и доверия (гость не лукавит и не скрывает реальное положение дел, а эксперт со своей стороны даёт полную обратную связь), принцип взаимоуважения, строящийся на этических нормах взаимодействия участников коммуникации.

Разборы в формате онлайн между собой практически не различимы. Вне зависимости от сферы деятельности разборы либо имеют среднюю длину (от 10 до 40 минут), либо большую длину (свыше 60 минут). Схожи и организационные принципы: подача заявок на разбор осуществляется через электронную почту или оставления комментария под специально созданным постом. Эксперт случайным (как это позиционируется) образом выбирает кейсы или отсматривает все, в свободной форме комментируя разбор. В отличие от оффлайн формата разбор не предполагает погружения в историю и интересы гостя, рассмотрение происходит «здесь и сейчас».

Общая структура при онлайн разборе соблюдается: обозначаются сильные и слабые стороны, вырабатываются рекомендации на основе существующих в нише базовых, фундаментальных правил и актуальных кейсов. Отличается только затрачиваемое время на анализ, нет уклона в психологию. С точки зрения получения обратной связи

от эксперта, это наиболее оптимальный вариант, так как он позволяет получить ёмкую, краткую и максимально полезную информацию о своих профессиональных навыках и направлениях для дальнейшего развития.

Тон и настроение экспертов отличаются. Некоторые эксперты подходят к разбору более основательно и серьезно, другие – добавляют юмор, мемы и просторечные выражения, переводя анализ в формат развлечения и простой беседы.

На качество съемки и подход к её построению влияет бюджет и «масштабность» блогера. Например, были рассмотрены два варианта разборов в нише стилистов (Александр Рогов и Кирилл Бондаренко). Первого эксперта смотреть намного интереснее из-за разных ракурсов съемки, приятной картинке, студийного света и звука, наличия интерактивов и творческого подхода. Разумеется, за счет большой команды профессионалов и денежных средств для А. Рогова это более доступно, чем для К. Бондаренко. Однако глубина анализа присланных образов и подача информации экспертов также отличается. Во втором варианте встречается как раз не очень приемлемый для технологии разборов прием, напоминающий критику ради критики.

Для разборов эксперты предпочитают два основных формата: прямые эфиры или полноценные видео. Каждый из форматов ориентирован на достижения разных целей, помимо указанных выше. В случае с прямым эфиром преследуется цель установления непосредственного взаимодействия с аудиторией (общение в чате), стремление охватить значительное количество кейсов и дать более развернутую обратную связь, в том числе объяснить принципы и правила, существующие в той или иной нише. Ничего не требуется монтировать после записи видео и нет ограничения по длительности разбора. Для полноценных видео берется меньшее количество кейсов на разбор, используется более сжатый формат, что работает на продвижение эксперта как блогера (если брать YouTube, то это дополнительный материал для контента, реакций и, соответственно, привлечение новых подписчиков после попадания в рекомендации). Также в видео (до событий 2022 года) вставлялась реклама от платформы, что давало монетизацию. Дополнительным плюсом становится вовлечение аудитории. Многие эксперты в видео говорят, что рубрика разборов на их каналах «долгожданная» и «самая популярная». Востребованность заключает-

ся в желании соприкоснуться с любимым блогером и одновременно получить отзыв от человека, чьё мнение имеет для пользователя значение – чем качественнее разборы, тем выше запрос.

Вне зависимости от выбранного формата эксперты часто используют разборы для рекламы уже имеющихся продуктов. Например, для того, чтобы исправить определенные ошибки и не допускать другие нужно пройти интенсив или курс, уже подготовленный и выпущенный, доступный для оплаты. Разбор для эксперта наиболее простой и эффективный способ зарекомендовать себя, тем самым повысить продажи и прибыль.

Важно отметить, что эксперты используют разнообразные форматы и площадки для публикации. Так, например, длинный разбор может быть опубликован на канале в YouTube, а короткие и яркие вырезки из него — в формате Reels или Shorts.

Общими чертами для онлайн разборов можно назвать:

— использование разной длительности (нарезки) в определенных соцсетях для повышения просмотров и получения дальнейших выгод;

— использование технологии разбора для продвижения себя как эксперта и своих товаров/услуг;

— использование технических средств, позволяющих отслеживать вносимые изменения в режиме реального времени (результат сравнения «до» и «после»);

— фиксирование сильных и слабых сторон, предложение вариантов решения имеющихся проблем;

— даются общие правила и принципы выполнения работы (особенно актуально для UX/UI, верстки, соцсетей, рисования и др.);

— эксперт самостоятельно вносит правки, чтобы продемонстрировать, как можно улучшить работу.

Также во взаимодействии экспертов и гостей при онлайн разборах действуют принципы открытости и доверия, но у некоторых экспертов немного нарушается принцип взаимоуважения, то есть даётся более жесткая, более эмоциональная обратная связь, допускающая негативные установки и резкие высказывания в адрес объекта разбора и его деятельности. Возможно, это связано с тем, что частично снимается ответственность с эксперта, ведь он даёт обратную связь «в никуда», перед ним не сидит живой человек.

Принципиальное значение в данном формате приобретает способность сформировать эмоциональный отклик у аудитории как в студии, так и в онлайн пространстве, для последующей работы с ней. Разборы позволяют объекту и, что очень важно, субъекту разбора стать ближе к аудитории, стать на одной волне с ней.

В связи с эффективностью данного формата, он является востребованным как у пользователей социальных сетей и цифровых платформ, так и у предпринимателей, чей бизнес базируется на продвижении и продаже в цифровом пространстве. При этом в данном случае практически не имеет значения то, какой именно продукт или услуга продвигаются через формат разбора. Важно попасть в целевое ядро по ценностным критериям и приоритетам.

Несмотря на то, что формат разборов является неофициальным (особенно по сравнению с телевидением), для значимого отклика у аудитории он должен быть не менее профессиональным, с вовлечением большой команды специалистов (как из сферы создания видеоконтента, так и работы с аудиторией). Он позволяет более оперативно создавать и запускать продукты и смыслы в аудиторию, повышать ее лояльность.

Эффективность подобных форматов определяется ненавязчивостью формата, формированием двух аудиторий – онлайн и офлайн, интерактивностью (возможны вопросы из зала, отбор участников из зала), созданием дополнительных эффектов за счет использования современных форматов видеоконтента.

Список источников

1. Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа: Учебник для вузов. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 423 с.
2. Войтик Е.А. К вопросу определения медиакommunikации как понятия // Открытое и дистанционное образование. 2013. №1. С. 26-31.
3. Lasswell H.D. Describing the Effects of Communications // Smith, Bruce Lannes and Lasswell, Harold D.. Propaganda, Communication and Public Opinion, Princeton: Princeton University Press. 1946. 446 p. <https://doi.org/10.1515/9781400878642>

4. Social psychology: the study of human interaction / Theodore M. Newcomb, Ralph H. Turner and Philip E. Converse (2nd ed., rev.). London: Routledge and K. Paul, 1969. 612 p.

Features of expert review technology in the digital space

A. V. Sokolov, A. Mavricheva

P.G. Demidov Yaroslavl State University
Yaroslavl

The article presents the results of a study of expert reviews from various fields, identifies models and strategies for conducting reviews from the beginning of maintaining a personal page on social networks to reviews evaluated by the audience as a qualitative examination. The benefits of introducing a debriefing format for the expert and the audience's goals are assessed, the main formats of debriefing in business and other areas are considered. The practice of analysis in the Russian-speaking segment of the Runet is summarized, their common features among various specialists are revealed.

It is noted that the principles of openness and trust apply in online reviews, but some experts give a little emotional feedback, allowing negative attitudes and harsh statements about the participant in the analysis and his work. Of fundamental importance is the ability to form an emotional response from the audience, for subsequent work with it, including the sale of expert services. The effectiveness of such formats is determined by the unobtrusive nature of the format, the formation of two audiences – online and offline, interactivity, and the creation of additional effects through the use of modern video content formats.

Keywords: video content; expert analysis; social networks; communication formats

Исторический дискурс в отражении этнополитических конфликтов в российских интернет-СМИ

Н. А. Сухонина

ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

evametal@mail.ru

В этой статье рассматривается использование исторического дискурса в освещении этнополитических конфликтов средствами массовой информации, предпринимается попытка понять, как исторические нарративы используются для формирования общественного мнения и политики. Анализируя тематические исследования и опираясь на работы известных исследователей в области изучения СМИ и разрешения конфликтов, раскрываются механизмы, с помощью которых средства массовой информации создают и распространяют эти нарративы, тем самым влияя на ход и восприятие этнополитических конфликтов.

Ключевые слова: Грузия; интернет-СМИ; исторический дискурс; российский медиадискурс; этнополитический конфликт; Южная Осетия

Введение

Этнополитические конфликты, характеризующиеся спорами между этническими или национальными группами по поводу суверенитета, территории или политических прав, часто являются сложными и имеют глубокие исторические корни. Освещение этих конфликтов в средствах массовой информации играет решающую роль в формировании общественного понимания и отношения к ним. Примечательно, что такие исследователи, как Гади Вольфсфельд, который подчеркивал роль СМИ как зеркала и формовщика реальности, утверждают, что исторические нарративы, представленные средствами массовой информации, существенно влияют на восприятие этнополитических конфликтов.

В новой системе социальных медиа новостной деятельности особое внимание уделяется социальным сетям, которые являются самыми

популярными и востребованными среди медиа-платформ. В настоящее время большинство национальных и региональных СМИ имеют разделы с новостной информацией в социальных сетях. Изучение особенностей формирования новостного контента на различных платформах становится ключевым в свете современных тенденций и возможностей распространения контента.

Теоретическая рамка исследования

В литературе, посвященной освещению этнополитических конфликтов средствами массовой информации, освещается целый ряд стратегий, с помощью которых конструируются и разворачиваются исторические нарративы. Об основополагающей роли исторического дискурса писали Э. Дж. Хобсбаум и Д. Дж. Кертцер [7], М. Каррето и М. Криджер [6], Р. Водак [8] и Т. ван Дейк [11]. Отечественные ученые, рассматривавшие влияние исторических нарративов, прежде всего, относительно конфликтов на Кавказе – это Аствацатурова М. А. [10], Джантеева Д. С. [12], Панарин С. А. [13], Тишков В. А. [14] и др.

Говоря о грузинско-южноосетинском конфликте, стоит отметить, что он уходит своими корнями в начало XX-го века. Регион имеет значительное этническое осетинское население и исторические связи с Северной Осетией, которая является частью России.

Конфликт обострился в начале 1990-х годов после распада Советского Союза. В 1991 году Южная Осетия провозгласила независимость от Грузии, что привело к вооруженным столкновениям между грузинскими силами и южноосетинскими военными. Конфликт привел к тысячам жертв и перемещенных лиц с обеих сторон. В 1992 году при посредничестве России было достигнуто соглашение, но напряженность осталась высокой.

Конфликт вновь вспыхнул в 2004 году, когда новоизбранный президент Грузии Михаил Саакашвили пообещал восстановить грузинский контроль над Южной Осетией и Абхазией. В августе 2008 года Грузия начала военное наступление. Вмешательство российских войск позволило прекратить военные действия за 5 дней. Спустя несколько дней Россия официально признала Южную Осетию и Абхазию независимыми государствами.

На данный момент Грузия считает Южную Осетию «оккупированной Россией территорией», а сама Южная Осетия не раз высказывала инициативы о воссоединении с Северной Осетией.

Цель и методы исследования

Согласно последним исследованиям, социальная сеть ВКонтакте является одной из наиболее популярных в России. Это не просто эффективное средство массовой коммуникации, но и активно развивающаяся медиа-платформа для новостей. Для проведения исследования были взяты некоторые новостные паблики, отметившиеся в рейтингах, прежде всего, Медиалогии: РБК, РИА, Комсомольская правда, Телеканал 360 и News.ru. Период, выбранный для анализа, - 2023 год, так как в августе 2023 года исполнилось 15 лет со дня победы Южной Осетии над Грузией и признания ее Россией, что обусловило всплеск тематических публикаций в российских СМИ.

В данной статье предпринята попытка исследовать пересечение медиа и истории, проанализировать и определить, как исторический дискурс используется при освещении грузинско-осетинского конфликта в новостных пабликах ВКонтакте. В исследовании используется метод дискурсивно-исторического анализа Р. Водак и критического дискурс-анализа Т. ван Дейка.

Основная часть (результаты сбора данных)

Анализ использования исторических нарративов и исторического дискурса в российских СМИ позволяет выявить ряд ключевых аспектов и подходов, характерных для освещения вопросов международных отношений, конфликтов и политической интеграции. Основываясь на исследованных материалах, можно выделить следующие направления использования исторических дискурсов.

Текущие политические позиции обосновываются через исторический контекст. В материалах часто встречается обращение к событиям 2008 года и так называемой «пятидневной войны» в Южной Осетии как к определяющему моменту для оправдания текущей политики и внешнеполитических решений. Так, заявления российских официальных лиц и комментарии СМИ нередко подчеркивают, что военные действия России в 2008 году были направлены на защиту населения и стали ответом на агрессию Грузии, поддержанную Западом. Историческая обоснованность действий России представляется как фунда-

ментальный принцип ее внешней политики, направленной на защиту прав и интересов русскоязычного населения в соседних государствах («Южная Осетия с признанием Россией независимости 15 лет назад обрела мир и стабильность.»).

Использование исторических нарративов также направлено на демонстрацию противостояния России агрессивной политике Запада. С анализом прошлых событий связывают предостережения о попытках Запада вмешиваться во внутригосударственные дела стран постсоветского пространства, а также о поддержке вооруженных конфликтов в регионе («Первый раз в новейшей истории бывшую республику СССР [Грузию] вооружали и тренировали враждебные нам страны для войны с нами.»). Этот нарратив играет важную роль в формировании образа внешнего врага и обосновании необходимости консолидации общества вокруг государственной политики и ее лидеров.

В статьях и высказываниях об Абхазии и Южной Осетии активно используется тема исторической справедливости, а также неразрывности культурных и исторических связей народов этих республик с Россией («Медведев заявил, что Саакашвили наказала история и Бог»). Эти аргументы служат как обоснование для поддержки их стремлений к независимости или интеграции с Россией. Обращение к таким концепциям, как «русский мир», и упоминание о присоединении к России в контексте исторической неизбежности или естественности рассматривается не только как средство оправдания внешнеполитической стратегии, но и как инструмент межнационального и культурного единения («По его словам [Гаглюева А.], жители всегда ощущали себя «частью российского цивилизационного пространства» с того момента, когда Осетия как единая территориальная единица вошла в состав Российской империи в 1774 году.»).

Исторические нарративы применяются для анализа и критики современной политики Грузии, особенно в контексте отношений с Россией и статуса Абхазии и Южной Осетии. Сравнения с прошлыми событиями используются для подчеркивания последовательности внешнеполитических ориентиров Тбилиси и предостережений о возможных последствиях нынешних действий для грузинского населения и стабильности в регионе.

Выводы

Анализ показывает, что исторические нарративы и дискурс активно применяются в российских СМИ для обоснования внешнеполитической стратегии, формирования общественного мнения вокруг ключевых межгосударственных и межнациональных вопросов, а также для критического осмысления действий других стран и международных акторов. В контексте этих материалов нарративы направлены не только на объяснение прошлого, но и на оформление понимания современных политических процессов и целей.

Критический анализ исторического дискурса при освещении этнополитических конфликтов средствами массовой информации выявляет сложное взаимодействие между историей, идентичностью и политикой. Создавая и распространяя конкретные исторические нарративы, средства массовой информации играют значительную роль в формировании восприятия и продолжения этих конфликтов. Поэтому понимание этих механизмов имеет решающее значение для специалистов по разрешению конфликтов и политиков, стремящихся способствовать диалогу и примирению.

Список источников

1. NEWS.ru Новости // ВКонтакте: [социальная сеть]. – URL: https://vk.com/nws_ru (дата обращения: 01.03.2024).
2. Комсомольская правда // ВКонтакте: [социальная сеть]. – URL: <https://vk.com/kpru> (дата обращения: 01.03.2024).
3. РБК Новости // ВКонтакте: [социальная сеть]. – URL: <https://vk.com/rbc> (дата обращения: 01.03.2024).
4. РИА Новости // ВКонтакте: [социальная сеть]. – URL: <https://vk.com/ria> (дата обращения: 01.03.2024).
5. Телеканал 360 // ВКонтакте: [социальная сеть]. – URL: <https://vk.com/tv360> (дата обращения: 01.03.2024).
6. Carretero M., Kriger M. 2011. Historical representations and conflicts about indigenous people as national identities // *Culture & Psychology*. – 2011 - Vol. 17. issue: 2, pp. 177-195.
7. Hobsbaum E.J., David J. Kertzer. Ethnicity and nationalism in Europe today. *Anthropology today*. 1992. Vol. 8. M1. pp. 3-8.
8. Wodak R. The discourse of politics in action: Politics as usual. - Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011. - 252 p.

9. Wolfsfeld G., *Media and Political Conflict: News from the Middle East* (Cambridge University Press, 1997). Pp. 269.

10. Аствацатурова М.А. Россия и Кавказ [Электронный ресурс]. URL: http://politkavkaz.ru/expert_club/comments/the-discourse-of-russia-and-the-caucasus/ (дата обращения: 11.06.2017).

11. Дейк Т. А. ван. *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М.: Либроком, 2013. 344 с.

12. Джантеева Д.С. Северный Кавказ в историческом медиадискурсе // *Исторический выбор народов Кавказа - поступательное развитие в составе России: материалы I Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 185-летию вхождения Карачая в состав Российского государства*. 29 апреля 2014 г. / отв. ред. Джантеева Д.С. Черкесск: БИЦ СевКав-ГГТА, 2014. - 102 с.

13. Панарин С. А. *Позиционно-исторические факторы кавказской политики* // *Политические исследования*. Полис. - 2002. - № 2. - С. 100-112.

14. *Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов* / Ред. Тишков В.А., Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2018.

Historical discourse in the reflection of ethno-political conflicts in Russian Internet media

N. A. Sukhonina

P.G. Demidov Yaroslavl State University
Yaroslavl, Russia

This article examines the use of historical discourse in the coverage of ethno-political conflicts by mass media, attempting to understand how historical narratives are used to shape public opinion and policy. By analyzing thematic studies and drawing on the work of prominent researchers in the field of media studies and conflict resolution, the mechanisms through which the media create and disseminate these narratives, thereby influencing the course and perception of ethno-political conflicts, are revealed.

Keywords: Georgia; Internet media; historical discourse; Russian media discourse; ethno-political conflict; South Ossetia

Дискурсивные приемы отражения этнополитического конфликта в интернет-СМИ (на примере грузинских и абхазских СМИ)

Н. А. Сухонина, Я. Д. Георгиев

ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

evametal@mail.ru

В представленной статье анализируются дискурсивные стратегии враждебности, используемые интернет-СМИ в Грузии и Абхазии, относительно грузинско-абхазского этнополитического конфликта. Основываясь на теориях коммуникационных исследований, социологии и политологии, исследование выявляет, как медиа-нарративы формируют общественное восприятие и отношение к конфликту. Проводится критический дискурсивный анализ новостных статей известных грузинских и абхазских СМИ, а также анализируются лингвистические и семиотические приемы, используемые для конструирования образа врага и враждебного государства. Выводы исследования подчеркивают важность критической медиаграмотности и ответственной журналистики для содействия взаимопониманию и примирению в обществах, затронутых этнополитическими конфликтами.

Ключевые слова: Абхазия; Грузия; дискурсивные стратегии; интернет-СМИ; медиадискурс; этнополитический конфликт

Введение

Этнополитические конфликты представляют собой сложные социальные явления, часто сопровождающиеся освещением в средствах массовой информации, которое может либо усугубить напряженность, либо способствовать разрешению конфликтов. В этом исследовании мы анализируем дискурсивные стратегии враждебности, используемые средствами массовой информации в Грузии и Абхазии, уделяя особое внимание их изображению этнополитического конфликта между двумя государственными образованиями. Опираясь на теории коммуникационных исследований, социологии и политологии, мы исследуем, как медиа-нарративы формируют общественное восприятие и отношение к конфликту.

Теоретическая рамка исследования

Грузино-абхазский конфликт начался в 1992 году, когда Абхазия, автономная республика в составе Грузии, провозгласила независимость. Это привело к серьезным вооруженным столкновениям между абхазами и грузинскими вооруженными силами.

Конфликт был крайне насильственным и привел к массовым жертвам среди гражданского населения. В ходе боевых действий были совершены многочисленные нарушения прав человека, включая принудительное перемещение населения, пытки и убийства.

В 1993 году было достигнуто перемирие, но напряженность между Грузией и Абхазией остается высокой до сих пор. Многие страны не признают независимость Абхазии, продолжая считать ее частью Грузии.

Конфликт также оказал серьезное влияние на обе стороны, приводя к разрушению инфраструктуры, потере рабочих мест и экономическому ущербу. Урегулирование конфликта остается одним из главных вызовов для региона.

В результате так называемой «пятидневной войны» в 2008 году Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии. Конфликт укрепил позиции Абхазии и Южной Осетии как независимых государств, но также углубил напряженность между Грузией и Россией.

Цель и методы исследования

Целью исследования является выявление основных дискурсивных приемов репрезентации грузино-абхазского конфликта в грузинских и абхазских интернет-СМИ в 2023 году.

Исследование основано на критическом дискурсивном анализе (КДА), теоретическая база которого была разработана такими учеными, как Норман Фэйрклоу [3] и Теун А. ван Дейк [4]. КДА подчеркивает роль языка в отношениях власти и социальных структурах, исследуя, как дискурс конструирует и отражает идеологии, идентичности и иерархии.

Мы также используем подход качественного контент-анализа для анализа новостных статей, мнений и редакционных статей известных грузинских и абхазских СМИ. Кроме того, мы исследуем лингвистические особенности, такие как лексический выбор, метафоры и риторические приемы, чтобы выявить лежащую в основе дискурсивных стратегий враждебность.

Для анализа медиа-репрезентации были отобраны 2 интернет-ресурса. Со стороны Грузии – информационный портал Ambebi [1] Согласно рейтингу сайта prnews.io, это интернет-СМИ имеет наибольшую посещаемость в Грузии. Со стороны Абхазии было выбрано интернет-издание Arsnupress [2] Выбор обусловлен тем, что это интернет-СМИ является старейшим в республике, в 2021 году в его состав были включены несколько других сайтов, а также оно находится на полном государственном обеспечении.

Хронологические рамки исследования включают период с 1 января 2023 года по 31 декабря 2023. Этот период был выбран в том числе и потому, что в 2023 году исполнилось 15 лет со дня признания Южной Осетии и Абхазии Российской Федерацией и с войны 2008 года. Стоит отметить, что новости в Грузии про Абхазию выпускаются без привязки к конкретной дате, в то время как в Абхазии большинство новостей про Грузию относятся к периоду конфликта 2008 года.

Основная часть (результаты сбора данных)

За указанный период на сайте Arsnupress опубликовано 18 материалов о конфликте в Абхазии, а на Ambebi – 24 материала. Ключевой акцент в грузинских новостях ставится на темы кризиса в Абхазии и критики России (30,4% и 21,7% соответственно). В новостях Абхазии ставится акцент на темы войны 1992-1993 (22,2%), военных событий 2008 года (27,8%), отношений с Россией (27,8%), отношений с Грузией (16,7%).

Формально и абхазские, и грузинские СМИ транслируют призывы к миру, выступают за добрососедские отношения, но более глубокий новостных сообщений свидетельствует о глубокой обиде и непримиримых противоречиях.

Стремление к миру выражается в следующих высказываниях:

1. Абхазия

• «Развязывание войны противоречит не только национальным интересам Абхазии и Южной Осетии, но и самой Грузии.»

• «Выражаем надежду на победу здравых, миролюбивых сил в Грузии.»

2. Грузия

• «здесь врагов нет. Настало время совместного диалога. Нам надо начать выяснять отношения, надо двигаться дальше в будущее.»

Как грузинские, так и абхазские СМИ часто изображают противоположную сторону как «врага» или «агрессора», используя жесткие формулировки для очернения противника. Эта стратегия укрепляет внутригрупповую солидарность и оправдывает враждебное отношение к предполагаемому врагу.

В сообщениях средств массовой информации часто присутствует виктимизация и подчеркиваются страдания, испытываемые представителями собственной этнической группы, при этом преуменьшаются или игнорируются обиды противоположной стороны. Этот дискурс о виктимности направлен на то, чтобы заручиться сочувствием и поддержкой, одновременно делегитимизируя противника.

1. Абхазия

- «ослепленные ненавистью, отравленные идеологией крайнего национализма, захватчики стремились стереть с лица Земли все, что связано с историей и культурой абхазского народа. Это не было эпизодом гражданской войны, как об этом принято говорить в современной Грузии. Это было целенаправленное движение на уничтожение целого народа, включая его историко-культурное, духовное и материальное наследие.»

- «Мы помним, как под массированным обстрелом оказались мирные жители, мирные города, спящий город»

2. Грузия

- Символика потерь и горя через рассказ о семейных утратах и трагедиях, выраженных через мотивы поисков, похорон и возвращения на могилы умерших.

- Использование символических элементов, таких как могилы, ритуалы похорон, возвращение к родной земле.

- Использование сильной эмоциональной лексики: "невыразимая трагедия", "мучительная война", "невыносимая боль"

Медийный дискурс способствует поляризации, представляя конфликт в черно-белых тонах, собственная сторона изображается как праведная и добродетельная, в то время как противоположная сторона демонизируется как порочная по своей сути или морально коррумпированная. Такое бинарное обрамление усиливает межгрупповую враждебность и препятствует усилиям по налаживанию диалога и достижению компромисса. Грузинские СМИ часто высказывают недовольство по отношению к действующему правительству Абхазии. Например,

упоминаются проблемы с обеспечением жильем и экономическим развитием, и это представляется как провалы абхазских властей.

Грузинские и абхазские СМИ прибегают к выборочной интерпретации исторических событий, делая акцент на повествованиях, которые оправдывают их соответствующие претензии на территорию и суверенитет. Этот исторический ревизионизм увековечивает антагонистические отношения и подрывает перспективы примирения.

1. Абхазия

- «Абхазская государственность имеет 1200-летнюю историю. На протяжении столетий народ Абхазии боролся за свою независимость»

- «В ночь на 8 августа 2008 года Грузия совершила вооруженное нападение на Южную Осетию.»

- «То есть, уже были прецеденты, когда Грузия официально признавала Абхазию.»

- «Тогда, **к сожалению**, шел активный процесс распада Советского Союза.»

- «историческая правда на стороне Абхазии»

- «мы воевали не с грузинским народом, а с бандами мародеров и убийц, которые перед этим утопили в крови саму Грузию.»

- «мы воевали с грузинскими фашистами.»

2. Грузия

- «Абхазия — это регион Грузии, и грузинский народ — великие люди, которые хотят помочь абхазам».

- «это делает третья сторона, которая в принципе спровоцировала конфликт 30 лет назад — это была Россия»

- «два народа, которые веками были бок о бок и создавали общую историю, теперь живут отдельно»

- «Полиция исключительно груба и действует методами советских времен.»

Отношения Абхазии и Грузии к России, транслируемые в интернет-СМИ этих стран, имеют значительные различия из-за исторических, политических и культурных факторов.

Абхазия поддерживает тесные отношения с Россией, нередко в новостных сообщениях отражена благодарность за признание независимости республики после военных действий в Южной Осетии в 2008 году. Россия является главным экономическим и военным партнером Абхазии. Абхазия видит в России союзника и гаранта сво-

ей безопасности, особенно в контексте недружественных отношений с Грузией.

Грузия рассматривает Россию как потенциального угрозу для своей территориальной целостности и суверенитета, особенно из-за исторических конфликтов, включая военные действия 2008 года и признание независимости Абхазии и Южной Осетии Россией. В последние годы Грузия стремится укрепить отношения с Западом, особенно с Евросоюзом и НАТО, что создает дополнительную напряженности в отношениях с Россией. Критика российского руководства является главной темой 21,7% новостных публикаций. Например, в грузинских СМИ Россию обвиняют в том, что она обходит санкции, совершая грузоперевозки в Турцию через Абхазию, то есть использует регион в своих интересах. Отношения с Россией в медийном дискурсе представляются как причина кризиса в Абхазии. Сообщения о военных учениях и инцидентах на территории Абхазии, а также критика действий российских партнеров, создают обстановку напряженности не только внутри региона, но и на международном уровне.

1. Абхазия

- «Самое главное, что мы вместе с Российской Федерацией обеспечили твердый мир в Абхазии, создав возможность для развития, созидания, решения социально-экономических проблем.»

- «Власти Грузии приняли решение военным путем захватить республику Южная Осетия.»

- «Сыны Осетии и Абхазии вместе с многонациональным народом России сражаются плечом к плечу»

- «благодаря доброй воле российского руководства Грузия не была ликвидирована как государство»

- «95% того, что восстановлено в республике за этот период, восстановлено с помощью Российской Федерации»

2. Грузия

- «Люди бегут из страны [Абхазии] каждый день из-за пьяных водителей, десятки людей умирают, наркобизнес процветает, граждане чувствуют себя безнадежно.»

- «Россия спровоцировала конфликт»

- «Оккупированный регион»

- «Боритесь с российскими оккупантами и защищайте интересы Грузии.»

- «Россия – оккупант», «покиньте нашу страну»

• «недостроенные дома», «квартира по высокой цене», «наркобизнес»

СМИ Грузии и Абхазии, конструируя образ врага и отражая образ враждебного государства, используют разнообразные лингвистические и семиотические приемы. С лингвистической точки зрения враг часто изображается посредством дегуманизации языка, использования уничижительных терминов и негативных стереотипов для укрепления внутригрупповой солидарности и оправдания враждебного отношения. Кроме того, эвфемизмы и эвфемистический язык могут использоваться для смягчения изображения собственных действий и одновременного усиления воспринимаемой агрессии противника. В семиотическом плане визуальные репрезентации играют значительную роль в формировании представлений о враге и враждебном государстве. Эти приемы способствуют созданию поляризованного и антагонистического повествования, увековечивая враждебность и препятствуя перспективам примирения.

Выводы

Средства массовой информации играют решающую роль в формировании общественного восприятия и отношения к этнополитическим конфликтам. Посредством дискурсивных стратегий враждебности грузинские и абхазские средства массовой информации способствуют увековечиванию вражды и недоверия между двумя сторонами. Разъясняя эти дискурсивные паттерны, наше исследование подчеркивает важность критической медиаграмотности и ответственной журналистики в содействии взаимопониманию и примирению в обществах, затронутых конфликтами. Усилия по смягчению этнополитической напряженности должны вовлекать заинтересованные стороны средств массовой информации в содействие конструктивному диалогу и продвижению повествований, выходящих за рамки раскольнической риторики.

Список источников

1. Информационный портал Ambebi [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ambebi.ge> (дата обращения 20.03.2024)
2. Информационный портал Arsnypress [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения 20.03.2024)
3. Fairclough, Norman. *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. Psychology Press, 2003. 270 p.

4. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344 с.

5. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 176 с.

6. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс анализ: теория и метод / пер. с англ. / под ред. А. А. Киселевой. Харьков: Изд-во Гуманитарного центра, 2004. 336 с

7. Цурикова Л.В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности / Л.В. Цурикова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. №4. – [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-strategii-kak-obekt-kognitivnopragsmaticheskogo-analiza-kommunikativnoy-deyatelnosti>

Discursive strategies of reflecting ethno-political conflict in Internet media (on the example of Georgian and Abkhazian media)

N. A. Sukhonina, Y. D. Georgiev

P. G. Demidov Yaroslavl State University
Yaroslavl, Russia

In the presented article, discursive strategies of hostility used by internet media in Georgia and Abkhazia regarding the Georgian-Abkhazian ethno-political conflict are analyzed. Based on theories of communication studies, sociology, and political science, the study identifies how media narratives shape public perception and attitudes towards the conflict. A critical discursive analysis of news articles from well-known Georgian and Abkhazian media is conducted, as well as an analysis of linguistic and semiotic techniques used to construct the image of the enemy and hostile state. The findings of the study emphasize the importance of critical media literacy and responsible journalism in promoting mutual understanding and reconciliation in societies affected by ethno-political conflicts.

Keywords: Abkhazia; Georgia; discursive strategies; Internet media; media discourse; ethno-political conflict

Нейросети – путь к свободе или поворот в никуда? Философско-антропологический анализ

Е. Е. Тебякина

Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала
армии А. В. Хрулёва, г. Санкт-Петербург, Россия

Преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах),
elenasofos@gmail.com

В статье рассматривается влияние технологий искусственного интеллекта и нейросетей на современного человека, выявляются позитивные и негативные стороны этого явления в различных сферах человеческой деятельности (образовании, юриспруденции, медицине, охране общественного порядка), анализируется краткая история возникновения этого явления и описываются основные принципы его работы. Анализируя различные гуманитарные сферы общественного бытия, автор пытается выявить уровень влияния массового внедрения технологий на основе искусственного интеллекта на антропологический фактор. В результате исследования делается вывод относительно того, является ли практика массового внедрения в жизнь современного общества нейросетей просто новым механизмом расширения человеческих возможностей уже в виртуальном пространстве или же она представляет угрозу самому существованию человека как биологического вида.

Ключевые слова: нейросеть; искусственный интеллект; информация; антропологический фактор; ChatGPT; виртуальность; цифровизация

Введение

Современный нам мир эпохи метамодерна всё больше и больше переходит в цифровую среду, увлекая за собой человека и лишая его привязки к действительной реальности. Виртуальная среда предлагает не только средства для развлечения (сетевые игры, мессенджеры, видео- и аудиоконтент и т.д.), но и возможности для удалённой работы, а также для функционирования электронной денежной сферы (заработные платы, переведённые на карты и изобилие товаров и услуг, которые можно приобрести через интернет). Всё это усиливает

потоки информации (в том числе и инструкции по обращению с виртуальными продуктами, не только сам контент), которые обрушиваются на пользователя. Значение же информации для современного человека нельзя преуменьшить, а огромный и всё увеличивающийся её объём привёл к необходимости поиска иных средств, помимо человеческого мозга, которые были бы способны этот объём эффективно анализировать, классифицировать и выдавать результат, необходимый для принятия решения. И одним из таких инструментов выступают как раз нейросети. Именно они выступают той технологией, которая станет для человечества проводником в принципиально новый тип социальности – полностью виртуальный, максимально удалённый от реальной биологической, витальной и социальной действительности.

Теоретическая рамка исследования

Нейросети являются относительно новым, но при этом, как и любой феномен современности, быстро набравшими популярность и получившими возможность широкого применения во многих сферах человеческой жизни. Однако, не грозит ли столь быстрое распространение такого ещё не до конца изученного, но уже повсеместно распространённого виртуального феномена как нейросети собственно человечеству и не создаёт ли человечество тем самым угрозу для безопасности своего существования? И насколько вообще активное внедрение виртуальных структур в повседневную человеческую действительность влияет на собственно антропологический фактор?

Цель и методы исследования

Основной целью данного исследования является попытка рассмотреть историю возникновения, принцип работы и сферу применения такого виртуального феномена как «нейросеть», выявить плюсы и минусы, а также возможные социальные последствия при внедрении этого феномена в повседневную жизненную практику человечества в различных сферах общественного бытия. А также, представляется необходимым выяснить представляет ли развитие и распространение нейросетей опасность для человека и человечества в целом и сделать заключение о возможно новом антропологическом повороте в сферу виртуального и киберпанка и его последствиях. Методами, применяемыми для анализа данного явления, будут служить, в первую

очередь, феноменологический и герменевтический, а также диалектический метод для рассмотрения амбивалентного характера влияния нейросетей на социальную действительность и антропологический фактор.

Основная часть (результаты сбора данных)

Принято считать, что нейронные сети (или сокращённо «нейросети») получили своё распространение и развитие во втором десятилетии XXI века. Однако стоит отметить, что создание нейросетей является частью работы по разработке искусственного интеллекта, ведущейся ещё с 60-х годов века XX. Идея создания искусственного интеллекта с помощью компьютерных алгоритмов, равного и даже превосходящего человеческий по степени мощности анализа, обработки и классификации информации и легла в основу создания современного персонального компьютера и интернета. Как отмечают исследователи современные нейросети – это не только возможность реализации и воплощения идеи искусственного интеллекта (ИИ) [9], но и «мощное инструментальное средство в области искусственного интеллекта, позволяющее моделировать работу человеческого мозга и решать сложные задачи обнаружения, распознавания и классификации» [15, с. 275]. То есть фактически, нейросети построены по принципу работы нейронов в человеческом мозге (поэтому и носят такое название) с расширением функционала в виртуальном пространстве сети интернет и неограниченными возможностями для анализа, обработки и классификации информации, а также с возможностью самообучения. Таким образом, имитируя деятельность человеческого мозга, нейросети помогают современному человеку справляться со всё возрастающим объёмом информации, которая ежедневно циркулирует в виртуальном пространстве и эффективнее решать те задачи (рабочие, социальные и досуговые), которые ставит перед ним мир информационного общества. Как отмечает отечественная исследовательница З.И. Хадеева: «В задачи нейронных сетей входит решение сложных задач, которые требуют аналитических вычислений подобных тем, что делает человеческий мозг, а именно прогнозирование, принятие решений, распознавание образов, оптимизация, запоминание и анализ данных, создание архитектуры и т.п.» [17, с. 414].

В классическом виде структура нейросетей состоит из трёх слоёв (входного, принимающего данные и оценивающего их соразмерность

выполняемой нейросетью задачи, скрытых, выполняющих необходимые вычисления и осуществляющих коммуникацию между слоями, выходного, отвечающего за результат и, в зависимости от задачи, регулирующего количество нейронов), весов и связей, определяющих значимость информационной единицы и функции активации, позволяющие приспособлять функционал нейросети для решения конкретной задачи и формировать сложные зависимости между данными. Кроме того, потенциал любой нейросети состоит в её возможности самообучения и самосовершенствования, как с помощью обучающего её оператора, так и без него. «В общем случае обучение нейронной сети сводится к минимизации функции ошибки, путем корректировки весовых коэффициентов синаптических связей между нейронами» [7, с. 254]. Современные нейросети имеют возможность обучаться на основе запросов не только программистов и тестировщиков, разрабатывающих их программное обеспечение, но простых пользователей, которые их используют для работы и досуга. Наиболее популярными продуктами в этой сфере являются программы, имитирующие живой диалог с пользователем (так называемые чат-боты и голосовые помощники) и создающие изображения и видеоконтент по словесному описанию. Эти программы могут находить применения как в трудовой сфере (чат-боты и голосовые помощники могут выступать в качестве агентов экстренных служб, записать к врачу, помочь или проконсультировать на сайте или в приложении, при обращении в службу поддержки), так и в сфере отдыха и досуга (наиболее известный среди чат-ботов ChatGPT способен поддерживать диалог, выполнять функцию поиска и систематизации информации и даже имитировать написание научной работы, о чём подробнее поговорим ниже; но существуют и более узконаправленные сервисы, например, чат-боты для эмоциональной поддержки – сервис «Pi» или имитирующие диалог с известными героями поп-культуры – сервис «Character AI»). Нейросети сегодня могут быть использованы во множестве различных сфер человеческой жизни [15] – трудовой (могут писать код для программы, т.е., собственно, для самих себя, анализировать огромные объёмы данных, создавать таргетированную рекламу и подбирать для пользователей социальных сетей, мессенджеров и видео площадок контент (тем самым выполняя не только позитивные функции предоставления разнообразного контента, отвечающего пользовательским интересам, но и формируя вокруг него

сложнопроницаемый информационный пузырь), наблюдать и контролировать процессы осуществления трудовой деятельности в автоматическом режиме и т.д.), досуговой, учебной, охраны правопорядка, военной и многих других, о которых речь пойдёт ниже. Следует отметить, что в рамках данного исследования будут затронуты и проанализированы только те сферы, которые связаны непосредственно с антропологическим фактором и, как следствие, гуманитарными науками, сферой искусства, образования, медицины, культуры и витальной безопасности личности.

Чем же являются нейросети для самого человека или человечества в целом? И почему технологии искусственного интеллекта вызывают так много споров как у специалистов технического, так и гуманитарного профилей, которые указывают на проблему возможности появления сознания и самосознания у технологий подобного рода, а значит и потенциальной биологической проблеме признания прав искусственно созданной сознательной жизни. Всё же следует разобраться, что же феноменологически представляет собой нейросеть. Является ли она самостоятельным творцом или всего лишь новым виртуальным инструментом для творчества человека-пользователя? В октябре 2018 года на знаменитом лондонском аукционе «Кристис» (англ. Christie's) за 432,5 тысячи долларов был продан портрет некоего Эдмонда де Белами [4] – первый прецедент в истории современного искусства, созданный с помощью нейросетей. С одной стороны, идея картины и её словесное описание полностью принадлежат художнику, но само изображение сгенерировала нейросеть. Подобный парадокс вновь возвращает нас к древнейшей аристотелевской проблеме соотношения формы и содержания, материи и идеи. Поскольку с одной стороны, как отмечают специалисты: «Нейронные сети используются художниками для усиления или дополнения своих художественных навыков, а также для создания совершенно новых произведений искусства» [16, с. 191], но с другой, словесное описание желаемого образа не требует от пользователя-заказчика специальных художественных навыков (которым надо дополнительно и достаточно долго обучаться), наличия таланта или способностей к творчеству. Достаточно только одной идеи. Что порождает не только проблему удешевления талантливых художественных кадров, но и их исчезновения в будущем. По замечанию экспертов: «Применительно к обсуждаемой проблеме роль известного в экономике феномена «подталкива-

ния» предпочтений играет доступность и дешевизна «создания» искусственным интеллектом произведения искусства. Далее, возможно, возникает характерная петля – доступность и дешевизна устраивают потребителя, это формируют спрос, соответственно, растет предложение, цифровые продукты становятся доминирующим элементом восприятия, что формирует культуру и т.д.» [13, с. 327]. В качестве примера можно рассмотреть коллекцию изображений, созданных популярным программным обеспечением «Midjourney» (или в качестве отечественного аналога - приложение «Kandinsky» от группы сервисов «СБЕР»), которое создаёт изображение, наиболее полно отвечающие пользовательским запросам. Может сложиться впечатление, что работников художественной сферы спасает от потери рабочих мест только несовершенство генерируемых нейросетью изображений человеческих конечностей, поскольку, как замечают авторы вышеупомянутой статьи, пользователи не могут отличить изображения, нарисованные художниками и сгенерированными нейросетью. [13, с. 329]. Впрочем, эти опасения пока не имеют больших оснований, поскольку нейросети, находясь в рамках алгоритма могут «творить» только используя заложенные в них символы, то есть оперируя образами с переносным значением, закрепляющим единство формы и содержания объекта посредством культурной традиции (трава зеленая (если пользователь не задал иное), характерной формы в виде стеблей, а не в виде мазков, точек и т.п.), а творцы и художники создают свои произведения на основе внутренних репрезентаций образов и субъективного опыта их восприятия, которое может отличаться от общепринятого и стереотипного. Кроме того, остро стоит вопрос и с правом на интеллектуальную собственность произведений, созданных при помощи нейросети, а также ответственностью за их создание. Так по мнению экспертов: «Согласно действующему законодательству, а конкретно ст. 1257 ГК РФ, автором произведения науки, литературы или искусства может быть только гражданин, т. е. физическое лицо, творческим трудом которого оно создано» [1, с. 106], то есть сама нейросеть не может выступать субъектом права и может использоваться лишь в качестве инструмента для творчества, поскольку и сама программа или приложение на основе ИИ и нейросетей является авторской интеллектуальной собственностью. Но ещё больше вопросов относительно интеллектуальной собственности возникает к текстовым чат-ботам, поскольку они могут быть использованы для написания

научных работы, курсовых и дипломных работ, а также работ реферативного характера. Возникает также угроза и самому образовательному процессу, поскольку применение нейросетей даёт возможность студентам выполнять ряд обязательных письменных работ не самостоятельно и подобные примеры уже мелькают в российской образовательной практике [12], а компания «Антиплагиат» в июне 2023 года проводила семинар, по обучению преподавателей распознавать сгенерированные нейростью материалы, а также внесла ряд изменений в свой продукт, чтобы при проверке распознавать искусственный текст автоматически. Помимо этого, ряд отечественных исследователей-гуманитариев даже сейчас сомневается, что нейросети искусственный интеллект может написать качественную научную работу, по любой из дисциплин, связанных с науками о человеке и духе [11]. В частности, автор указывает на невозможность использования нейросетей для подготовки работ по юридическим специальностям, поскольку тексты, сгенерированные нейростью выделяются своей «юридической безграмотностью», служащей маркером их применения. Чат-боты не различают нюансы употребления юридических терминов, их отличия, например, от философских, социологических, медицинских. Кроме того, поскольку для обучения нейросети в неё загружается огромный объём информации (статей, публикаций, студенческих работ и т.д.), то значительная её часть может быть совершенно низкого, ненаучного качества, что значительно снижает и качество конечного результата, а сама возможность применения нейросети в образовательном процессе, при современной парадигме обучения, скажется на нём исключительно негативно. В свою очередь, молодые учёные настроены в этом вопросе не так категорично. Например, А. О. Шамрук [18] в своей работе предлагает использовать нейросети для подборки текстов для изучения философии по определённым темам и разделам. Однако подобная возможность сомнительна, поскольку, во-первых, встанет такая же терминологическая проблема, что и в юридических науках, но уже внутри различных философских школ и подходов (что затруднит и запутает систематизацию текстов по тематическим рубрикам), а, во-вторых, чат-боты могут выдать неправильную цитату или вообще сочинить ложный, подражательный текст. В мировом же научном сообществе создаются однозначные юридические прецеденты по решению проблемы применения нейросетей: «25 января 2023 года в рецензируе-

мом научном журнале *Finance Research Letters* вышло исследование, которое показывает, что нейросети могут генерировать академические статьи на достаточно научном уровне, чтобы их принимали в научные издания. Крупнейшие научные журналы *Science* и *Nature* запретили использовать ChatGPT при написании научных статей, а также предупредили ученых об ответственности за сокрытие использования нейросети» [8, с. 310].

Если перейти от сферы образования непосредственно в трудовую, то необходимо проанализировать представляет ли внедрение продуктов искусственного интеллекта в широкую общественную жизнь процесс полного замещение человека и его трудовых возможностей в социальной сфере или это всего лишь очередное его расширение, но уже не в природный, а в виртуальный мир, в соответствии с принципами органолептической проекции Э. Каппа[5]? Внедрение искусственного интеллекта может существенно расширить человеческий потенциал в различных областях, например, в медицине и военной сфере, но, при обязательном условии сохранения принятия окончательного решения за человеком-оператором. Искусственный интеллект способен быстрее и эффективнее собрать и обработать информацию (например, анамнез и историю болезни [2] или проанализировать ситуацию на поле боя [14]), выдать несколько наиболее эффективных вариантов решения проблемы, допустить меньше ошибок при работе с аппаратурой. Но, при этом, значительно сократиться количество специалистов, которые будут нужны для работы операторами с соответствующим образованием (военным, медицинским и т.д.) и высокой компетенцией в сфере ИТ. Что, в свою очередь, повлечет увеличение числа безработных качественных специалистов, чей труд смогут заменить технологии искусственного интеллекта. Так, к примеру, голливудские сценаристы уже бьют тревогу и добиваются запрета применения чат-ботов от киностудий [3].

Кроме того, что касается вопроса биологической и витальной безопасности человека, то и здесь технологии искусственного интеллекта имеют двойственный амбивалентный характер. С одной стороны, они могут быть использованы для раскрытия преступлений: «Несмотря на то, что на данный момент эта технология в основном на практике использует такую область действия, как распознавание, ее возможности гораздо шире; однако даже в таком формате это значительно облегчает работу органов внутренних дел» [6, с. 75],

а с другой, благодаря технологиям нейросети, преступники могут симитировать голос или лицо близкого родственника жертвы (например, с помощью технологии deepfake) что значительно увеличит количество преступлений с использованием средств телефонной связи, которое по оценкам отечественных аналитиков и так угрожающе высоко: «В настоящее время большое распространение получили мошенничества, совершаемые с использованием средств телефонной связи. Рост количества совершенных преступлений рассматриваемого вида впечатляет. По данным ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» в 2015 г. зарегистрировано 21 562 таких мошенничеств, а в 2022 г. — уже 143 986 (прирост составил более 600 %)» [10, с. 131].

В завершении исследования необходимо отметить, что в современных условиях многозадачности и стресса, вызванного ею, нейросети отнюдь не облегчают жизнь пользователям, а скорее добавляют новых задач – ставить правильные задачи перед нейросетью (что, быть может, станет в будущем востребованной профессией). А в добавок к проблемам с авторским правом на произведения, созданным с помощью нейросети возникает также проблема ответственности за конечный результат работ, выполненных при её помощи, а также этические проблемы пользователей, выводящие старый парадокс вагонетки в новый виртуальный мир. В конечном счёте нейросети и технологии ИИ – это или просто новый виток технологического развития человечества или же потенциальная угроза самому существованию человека как биологического вида.

Выводы

В качестве вывода хотелось бы заострить внимание на общих позитивных и негативных сторонах быстрого и массового внедрения технологий искусственного интеллекта в повседневную человеческую жизнь и вызванных этим процессом социальных изменений:

Положительные стороны:

- Избегание рутинных задач;
- Быстрый анализ и сбор данных, ускорение и удешевление этих процессов;
- Возможность творить без длительного освоения навыка или без способностей (рисовать, писать сценарии);

Отрицательные стороны:

- Увеличение количества информации, связанного с механизмом функционирования нейросети и уровня стресса из-за неверно или неточно поставленных задач, а также проверки валидности фактов, которые выдаёт нейросеть (из-за чего пользователю фактически приходится выполнять двойной объём работы);
- Опасность исчезновения некоторых профессий и сфер деятельности, связанных со сбором и анализом информации;
- Выход из-под контроля человека и угроза человеческому существованию;
- Существенные проблемы в образовании;
- Невозможность творить и выйти за рамки алгоритма.

Список источников

1. Ананьева Е. О., Потехина К. А. Нейросеть как новый объект интеллектуальной собственности // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 6(222). – С. 105-107.
2. Врачи из регионов получили доступ к московским ИИ-сервисам // Газета «Известия» [Электронный ресурс] URL: <https://iz.ru/1651262/2024-02-16/vrachi-iz-regionov-poluchili-dostup-k-moskovskim-ii-servisam> (дата обращения 29.02.2024 года).
3. Голливудские сценаристы прекратили пятимесячную забастовку // Газета «Ведомости» [Электронный ресурс] URL: <https://iz.ru/1651262/2024-02-16/vrachi-iz-regionov-poluchili-dostup-k-moskovskim-ii-servisam> (дата обращения 29.02.2024 года).
4. Ивтушок Е. Искусственное искусство // N + 1 [Электронный ресурс] URL: <https://nplus1.ru/material-print/18148> (дата обращения 29.02.2024 года).
5. Капп Э., Нуаре Л., Эспинас А.: Роль орудия в развитии человека. Философия машины // Роль орудия в развитии человека. — Л.: Прибой, 1925. — 192 с. [Электронный ресурс] URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3479> (дата обращения 27.02.2024 года).
6. Кетия Т.А. Применение нейросетей в деятельности органов внутренних дел // Евразийская адвокатура. – 2022. – № 3(58). – С. 71-76.
7. Куликова Я.В., Обухов Д. А., Орлова Ю. А. Разработка чат-бота на основе нейросети // Modern Science. – 2019. – № 11-2. – С. 253-255.

8. Курбанова З.С., Исмаилова Н. П. Нейросети в контексте цифровизации образования и науки // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 3(100). – С. 309-311.

9. Лапинский М.Н., Свищев А. В. Нейросети в 2022 году // Моя профессиональная карьера. – 2022. – Т. 2, № 43. – С. 181-185.

10. Мазунин Я.М., Машлякевич В. А. О потенциале использования возможностей нейросетей в целях выявления и раскрытия мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 4(44). – С. 130-135.

11. Малый А.Ф. Может ли нейросеть подготовить качественную выпускную квалификационную работу? // Юридическая орбита: Материалы IV Нижегородских юридических чтений, Нижний Новгород, 26 мая 2023 года. – Нижний Новгород: Нижегородский научно-исследовательский центр «Юридическая орбита», 2023. – С. 49-51.

12. Московский студент написал диплом с помощью нейросети // Москва24 (официальный сайт Телеканала «Москва24») URL: <https://www.m24.ru/news/obrazovanie/01022023/546627> (дата обращения 29.02.2024 года).

13. Пантелеев А.Ф. Проблема сравнительной оценки картин, созданных художником и сгенерированных нейросетью // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 326-330.

14. Рахметуллаев М.А. Искусственные нейронные сети в военной сфере // Молодой ученый. — 2020. — № 19 (309). — С. 48-53. — URL: <https://moluch.ru/archive/309/69627/> (дата обращения: 23.02.2024).

15. Рыбаков Д.А. Развитие и применение нейросетей в различных отраслях // Вестник науки. – 2023. – Т. 5, № 7(64). – С. 273-277.

16. Соколов А.Н., Зиганшина Е.А., Кресова В.П., Соловова Д.Д. Нейросети в современном искусстве // Вестник Тюменского государственного института культуры. – 2021. – № 3(21). – С. 189-193.

17. Хадеева З.И. Нейросети - особенности взаимодействия, устройство и развитие // Стратегическое развитие инновационного потенциала отраслей, комплексов и организаций: Сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Пенза, 10–11 октября 2023 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 414-418.

18. Шамрук А.О. Потенциал использования нейросетей в обучении философии // Современные средства связи. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 346-347.

Neural networks – a path to freedom or a turn to nowhere? Philosophical and anthropological analysis

E. E. Tebyakina

Military Educational Institution of Logistics named after General of the
Army A. V. Khrulyov, Saint-Petersburg, Russia

The article examines the influence of artificial intelligence technologies and neural networks on modern man, identifies the positive and negative aspects of this phenomenon in various spheres of human activity (education, law, medicine, public order), analyzes a brief history of the emergence of this phenomenon and describes the basic principles of its work. Analyzing various humanitarian spheres of social life, the author tries to identify the level of influence of the mass introduction of technologies based on artificial intelligence on the anthropological factor. As a result of the study, a conclusion is drawn as to whether the practice of mass introduction of neural networks into the life of modern society is simply a new mechanism for expanding human capabilities already in virtual space, or whether it poses a threat to the very existence of humans as a biological species.

Keywords: neural network; artificial intelligence; information; anthropological factor; ChatGPT; virtuality; digitalization

Искусственный интеллект: опасности и риски (на основе «речевого портрета» по данным корпусного исследования современного медиадискурса)

Е. В. Туркина^{1,2}

¹Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

²Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Ярославль, Россия

turkina.ketrin@yandex.ru

Статья исследует характеристики и особенности частотных лексических микрополей, входящих в макрополе «Искусственный интеллект» в медиатекстах, с использованием инструментов и базы Национального корпуса русского языка. Основное внимание уделяется анализу актуальной оппозиции «безопасная и полезная технология/машина — интеллект/разум, создающий риски и стремящийся превзойти человеческий». Выявлено, что словосочетания «искусственный интеллект» и «искусственный разум» имеют высокую частотность в современном употреблении. Контекстный анализ позволил сравнить представления о машинном разуме и искусственном разуме. Исследование показывает, что искусственный разум занимает доминирующее положение в медиадискурсе, превосходя машинный разум и становясь основным конкурентом человеческому. Выявление коллокаций, коннотаций и синтаксических позиций позволило зафиксировать биполярность отношения авторов медиатекстов к ИИ, обусловленную экстралингвистическими факторами. Одни воспринимают ИИ как друга и помощника, в то время как другие видят в нем врага и конкурента, несущего определенные риски, зафиксированные в НКРЯ. Дальнейшее развитие технологии ИИ и отношения к ней со стороны общества будет, на взгляд автора, фиксироваться в современном медиадискурсе, меняя его и расширяя уже обнаруженные семантические микро- и макрополя или провоцируя создание новых.

Ключевые слова: искусственный интеллект; частотные лексические микрополя; медиадискурс; технологические; социальные; психологические тренды; опасность и риски

Введение

Еще в 1980-х А. Барром и Э. Файгенбаумом было предложено определение для искусственного интеллекта (ИИ) – это область информатики, которая занимается разработкой интеллектуальных компьютерных систем, то есть систем, обладающих возможностями, которые мы традиционно связываем с человеческим разумом, – пониманием языка, обучением, способностью рассуждать, решать проблемы и т. д. [6].

К 2024 году оно не сильно изменилось в своем «точном» – научном воплощении, однако совсем иная ситуация наблюдается сегодня в медиасреде и, как следствие, в медиадискурсе: ИИ перестал быть только компьютерной разработкой, обретя возможности, позволяющие ему заменить в цифровом поле человека.

Такой быстрый «захват» территории не только технологической, цифровой, но и социальной, вторжение в мир человека и начало конкуренции с естественным интеллектом, послужили толчком для формирования новых макро- и микросемантических полей в современном медиадискурсе. И здесь важно понимать, что этот процесс обусловлен не только определенными и общеизвестными и достоверными фактами реализации этой технологии, тщательно описанной в СМИ, но и целями и задачами журналистов, учредителей и собственников массмедиа, государственной и редакционной политикой, гражданскими установками, коммерческим и PR- интересом.

В 2023 году, по данным ведущих медиаметрических компаний (в частности, BuzzSumo и MediaMetrics), тематический кластер «Искусственный интеллект» занял почетное первое место среди наиболее обсуждаемых тем, в число которых вошли и «Технологии», «Изменение климата», «Криптовалюты», «Бизнес и экономика», «Наука и образование», «Культура и искусство», «Социальные проблемы», «Международные отношения», «Политика». Ключевыми словами в тематическом поле «Искусственный интеллект» стали *искусственный интеллект, интеллект* (как таковой), *разум, технологии, наука, общество, общественность, человек, информация, риски*. О рисках и опасностях, которые связаны с ИИ и концептуализируются в массмедиа как социальная проблема, и пойдет речь в данной статье.

Теоретическая рамка исследования

Проблемы, связанные с ИИ, закономерно стали предметом мультидисциплинарного исследования: им занимаются не только информатика, кибернетика и робототехника, но и нейронауки, психология, философия и этика, социология, теория коммуникации и лингвистика. В области лингвистических исследований сделано уже немало: рассмотрена терминология ИИ [2]; обсуждаются проблемы взаимодействия языкознания и теории искусственного интеллекта в контексте современной антропоцентрической парадигмы, составляющей основу когнитивной лингвистики [5]; делаются попытки структурирования лексико-семантического поля «Искусственный интеллект», включающего и метафорические обозначения ИИ [1] и т.п. Однако образ ИИ в медиакартине мира и корпусный подход с использованием максимума возможных инструментов к исследованию лексической семантики медиатекста до сих пор не применялся. Между тем именно корпусное исследование позволяет не только составить полный и детализированный «портрет» искусственных интеллекта и разума и стоящих за ними понятий [3; 4], но и выявить значимые оценочно окрашенные оппозиции.

Сегодня важно изучить транслируемое массмедиа представление о ИИ, двигаясь от языка к понятию в конкретных текстовых реализациях, с учетом больших массивов данных, определить, какие опасности и риски «приписал» ИИ социум в структуре языка, в частности, посредством медиатизации его речевого образа.

Цель и методы исследования

Цель данного исследования – выявить частотные лексические микрополя, входящие в макрополе «искусственный интеллект» в медиатекстах, обратив внимание на оппозицию: «безопасная и полезная технология / алгоритм / машина» – «интеллект / разум, создающий поводы для тревоги и конкуренции, готовый превзойти человеческий». Сделать это позволяет материал Основного и Газетных корпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ – www.ruscorgo.ru). Основу методологии составят *корпусный метод* и *контент-анализ*. Предполагается также использовать статистический сервис, поиск устойчивых сочетаний, сервис «портрет слова», виджеты «однокоренные слова» и «похожие слова» и некоторые другие

инструменты НКРЯ. Будут также применяться методы дистрибутивного, компонентного, контекстного семантического анализа; описательно-аналитический метод; метод полевого структурирования.

Результаты сбора данных

Пилотное корпусное исследование тематической группы «Искусственный интеллект» в современном медиадискурсе показало, что ядерная номинация имеет ряд равноправных синонимов, в том числе *искусственный интеллект* в значении ‘алгоритм интеллектуальной деятельности’ предстает как *искусственный разум, машинный разум, машинный ум, мировой мозг*. Слово сочетание *искусственный интеллект* является одним из самых частотных в актуальном словоупотреблении (по статистике НКРЯ, LogDice, индекс частотности коллокации – 11.04, что соответствует и тематическому рейтингу СМИ); *искусственный разум* ему немного уступает (его LogDice – 8.10).

На основе анализа коллокаций были выделены оппозиции:

- *интеллект* – *ум, разум, сознание, подсознание, мозг*;
- (*интеллект*) *искусственный, машинный* – *естественный, живой, человеческий*;
- (*интеллект*) *коллективный* – *персональный*.

Они в целом отражают противопоставление свойств *искусственного интеллекта* и *человека (разума)*.

Оппозиция *интеллект* – *разум* является значимой, однако по частоте употреблений *интеллект* над *разумом* в 2000-х явно преобладает: распределение словоупотреблений по годам показывает резкое увеличение частотности *интеллекта*, начиная с 2012 года, и почти 30-кратное превосходство в частоте по сравнению с *разумом* к 2020 году.

Анализ сочетаемости также позволил установить, что *искусственный интеллект* занимает синтаксические позиции объекта действия (его *обучают, подчиняют себе, избавляют от зла*, в него *вкладывают ход мыслей*, на него *полагаются, перекадывают нагрузку* и др.) и субъекта действия (в роли актора он, например, *функционирует, справляется с задачей, создает программы, строит модели, что-то конструирует, трансформирует, принимает решения, планирует, осваивает творческие профессии, создает новые интеллекту-*

альные ценности, понимает язык, рассуждает, общается, приходит на помощь и т.д.).

В первом приближении можно констатировать, что текстовые реализации отражают представление о трех ипостасях искусственного интеллекта:

- «сильный искусственный интеллект» – способен мыслить и осознавать себя (Strong AI или Tru AI) – реализации этого образа значительно превышают по числу другие;
- «слабый искусственный интеллект» – не способен на это, но позволяет решать творческие задачи (Weak AI или Narrow AI);
- «персональный ИИ» – в него перенесен не только ум, но и личность: чувства, память, свойственные человеку.

Удалось также с помощью контекстного анализа сравнить языковые воплощения представлений о *машинном разуме* и *искусственном разуме* и сформулировать предварительные выводы.

Машинный разум – функция, инструмент. *Искусственный разум* – глобальное явление.

Искусственный разум наделяется множеством человеческих характеристик, сравнивается с человеком, о чем говорят многочисленные случаи олицетворения. *Машинный разум* – бездушен, примеров олицетворения нами не зафиксировано.

Негативная окраска присуща обеим номинациям. У *машинного разума* она связывается с ограниченностью его функций, а у *искусственного разума* – с деградацией человеческого интеллекта, негативным воздействием на человека и сферы его жизни.

С этими номинациями связаны и употребления, попадающие в периферийное микрополе «Риски и потери»: *машинный разум* может превзойти человеческий только функционально, а *искусственный разум* и интеллектуально.

Важно отметить способность *искусственного разума* к игре (одновременно развлечению и соревнованию и созданию типичных для какой-либо отрасли ситуаций и поиску в них практических решений), которой *машинный*, судя по материалам НКРЯ, не обладает. Получается, что в авторских текстах, попавших в Национальный корпус, *искусственный разум* наделяется уникальной человеческой способностью, в которой он способен его превзойти.

Большую роль в определении оценочных значений коллокаций искусственный интеллект и искусственный разум играют ограничения.

Если мы встречаем *машинный разум* в воплощении ИИ как исключительно технического инструмента, аппарата, то он, исходя из колокационного «сопровождения», предполагает «*полноценное использование*», человек видит в нем «*следы внезапного искусственного разума*», но последний осознается как «*бесперспективная попытка полностью смоделировать (человеческое мышление)*»; его «*опасное воздействие*» ощущается, встречаются советы *больше надеяться на себя, чем на машинный разум*, и лишь однажды появляется определение: «*разум, превосходящий человеческий*».

Иными словами, *машинный разум* – ограничен, и по свойствам, и по функциям и по возможностям. Он не конкурирует с человеком, человеческим потенциалом и интеллектом. Хотя и может стать опасным конкурентом в перспективе.

Иная ситуация отражается в коллокациях *искусственного разума*. Его «сопровождают» существительные и прилагательные, отражающие его основные характеристики: «развитие общественных отношений», «работа с огромными массивами данных», «инженерный гений», «произведение искусства», «полноценный», «блестящий» (положительный полюс оценочности), а также «чуждый интеллект», «конфликт между мозгом и разумом», «виртуальная реальность», «вредительство» (отрицательный полюс).

Сочетаемость с глаголами показывает, как *искусственный разум* «способен обозлиться и поработать», «контролирует человека», «превосходит человека в умении играть», способен «играть против», «часто выигрывает»; «работает более эффективно с людьми», «будет управлять и распоряжаться», «захватит власть», «научится сам себя программировать», «разнообразит модели поведения», «погубит человечество»; а перед человеком «ставит много вопросов», человек «не верит в его кристальную чистоту», но надеется, что искусственный разум «не превзойдет человеческий».

Таким образом, *искусственный разум* опережает *машинный*, даже превосходит его и становится главным конкурентом человеческому – именно в связи с тем, что практически безграничен и в своей власти, и в своих возможностях, и при этом вторгается в мир чело-

века, внедряясь в его мозг и сознание, превращаясь в их цифровой двойник.

Языковая единица *искусственный интеллект* концептуализируется и связывается с определенными рисками в четырех сферах основных сферах:

- социальной, где ИИ превращается в *источник глубокой трансформации общества и общественный мозг* (риск утраты человеком контроля над общественными процессами);

- сфере технологий / науки, где ИИ – *геномная машина*, которая *трансформирует, конструирует, дает общий контекст для любых концепций* (риск «усреднения» процессов);

- экономической, в которой ИИ *принимает решения, получает контроль, навязывает современные предметы потребления, меняет модели экономического развития* (риск утраты человеком контроля над экономикой и принятия ИИ ошибочных решений);

- креативных индустриях, где ИИ *играет роль в оуплении человека* (риск утраты человеком способности мыслить самостоятельно и нестандартно).

Выводы

Словосочетание имеет в современных медиатекстах значения ‘технология’, ‘алгоритм интеллектуальной деятельности’, ‘действующая система’ – но при этом преобладает (о чем говорит преимущественно занимаемая им позиция субъекта) представление о сильном и инициативном акторе, соревнующемся с человеком.

Машина олицетворяется, наделяется (о чем говорят коллокации) *разумом, сознанием и подсознанием, памятью, чувствами*, превращаясь в *мировой мозг*, способный *принимать решения* и создавать *новые интеллектуальные ценности*.

Искусственный разум в медиакартине мира опережает и превосходит *машинный*, он практически безграничен и в своей власти, и в своих возможностях, а потому вторгается в мир человека, внедряясь в его мозг и сознание, превращаясь в их цифровой двойник.

Выявление коллокаций и коннотаций по обеим номинациям и определение их синтаксических позиций позволило зафиксировать четкую биполярность в отношении создателей медиатекстов и их читателей к ИИ, воплощенную в оппозиции «*искусственный / машинный разум*» и обусловленную уже экстранлингвистическими

причинами. Одни воспринимают ИИ как друга и помощника, другие – как захватчика, врага и конкурента, обозначая определенные риски и страхи, что были отражены в медиатекстах и, соответственно, обнаружены в НКРЯ.

Мировые тенденции, в частности технологические, социальные и психологические нашли свое отражение в медиадискурсе. Дальнейший процесс развития самой технологии и отношения к ней социума продолжит фиксироваться в современном дискурсе, будет его менять, расширяя уже обнаруженные семантические микро- и макрополя или провоцировать создание новых.

Список источников

1. «Лингвистический форум 2020: Язык и искусственный интеллект». 12–14 ноября 2020 г. Институт языкознания РАН, Москва: Тезисы докладов международной конференции / Под ред. А.А. Кибрика, В. Ю. Гусева, Д.А. Залманова. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 164 с.

2. Мусаева А. С. Терминообразование в сфере искусственного интеллекта // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 166–173.

3. Плунгян В.А. Русский язык: современное состояние, словари, проблемы усвоения и обучения (комплексные исследования) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2. С. 9-13.

4. Савчук С.О. Национальный корпус русского языка в зеркале статистики // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2021». — СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 18-30.

5. Чухарев Е.М., Худяков А.А. Когнитивная лингвистика и искусственный интеллект: результаты и тенденции взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 2-3. С. 93-105.

6. Barr, A., Feigenbaum, E. A. The handbook of artificial intelligence. Reading, Mass.: Los Altos – Kaufmann, 1981. 440 p.

Artificial intelligence: hazards and risks (based on the "speech portrait" according to the corpus research of modern media discourse)

E. V. Turkina^{1,2}

¹V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

²P.G. Demidov Yaroslavl State University
Yaroslavl, Russia

The article explores the characteristics and features of the frequency lexical microfields included in the lexical-semantic macrofield "Artificial Intelligence" in media texts, using tools and the base of the Russian National Corpus. The main attention is paid to the analysis of the current opposition "safe and useful technology /machine — intelligence/mind that creates risks and seeks to surpass human". It has been revealed that the collocations "artificial intelligence" and "computer intelligence" have a high frequency in modern usage. Contextual analysis made it possible to compare the concepts of computer intelligence and artificial intelligence. The study shows that artificial intelligence occupies a dominant position in the media discourse, surpassing computer intelligence and becoming the main competitor to human intelligence. The identification of collocations, connotations and syntactic positions made it possible to fix the bipolar attitude of the authors of media texts to AI, due to extralinguistic factors. Some perceive AI as a friend and helper, while others see it as an enemy and competitor, bearing certain risks fixed in the Russian National Corpus. The further development of AI technology and the attitude of society towards it will, in the author's opinion, be fixed in the modern media discourse, changing it and expanding the already discovered semantic micro- and macrofields or provoking the creation of new ones.

Keywords: artificial intelligence; frequency lexical microfields; media discourse; technological; social; psychological trends; danger and risks

Экосистема городских сервисов «Цифровой Петербург» как уникальный кейс российской управленческой практики

О. Г. Филатова^{1,2}, Я. Ю. Файзулина^{1,2}

¹Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

²Национальный исследовательский университет ИТМО
Санкт-Петербург, Россия
o.filatova@spbu.ru

В статье представлены результаты трех фокус-групп среди молодежной аудитории, касающихся оценки социальной результативности создаваемой в Санкт-Петербурге экосистемы городских цифровых сервисов. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о складывающейся неоднозначной оценке, развиваемой экосистем. С точки зрения разработчиков и представителей власти в городе создана инновационная, омниканальная экосистема цифровых сервисов на основе открытых городских данных, позволяющая осуществлять открытый диалог власти и общества, способствующая росту доверия к власти, вовлеченности пользователей в жизнь общества и представляющая собой уникальный кейс российской управленческой практики. На взгляд же жителей города рассмотренный кейс пока нельзя назвать успешным, что требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: городские цифровые сервисы; экосистема коммуникации; власть; общество; диалог

Введение

На сегодняшний день происходит ряд серьезных изменений современных городов, вызванных глобальными процессами урбанизации и цифровизации. Город все больше сосредоточен на проблемах приращения человеческого капитала, устойчивого развития и внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни общества и городского управления. Важным аспектом является необходимость вовлечения граждан в процесс развития города, что в современных реалиях подразумевает под собой создание и обеспечение единой системы платформ с инструментами общественного участия, обеспечивающих

персональную коммуникацию между органами власти и гражданами, краудсорсинг идей, а также доступ жителей города к открытым данным в адаптированном и удобном формате. Все большую роль и значение в современном городе приобретают цифровые сервисы. Так, например, в Санкт-Петербурге внедряется новая модель предоставления услуг горожанам в цифровом виде - Экосистема городских сервисов (ЭГС) «Цифровой Петербург», включающая в себя мобильные приложения, цифровые сервисы от государственных и сторонних разработчиков, а также приложения и чат-боты в соцсетях и мессенджерах (см.: <https://petersburg.ru/>). Такая цифровая трансформация модели оказания электронных услуг влечет за собой изменения в системе взаимодействия граждан и власти и имеет важные эффекты, требующие изучения.

Тем не менее, в российской научной литературе уделяется не очень много внимания тематике городских цифровых сервисов. Значительная часть трудов посвящена применению цифровых сервисов как цифрового продукта, созданного бизнес-структурами в различных сферах [12, 13, 15, 19]. Оценивается создание, внедрение и эксплуатация цифровых сервисов органов государственной власти в рамках программы по цифровой трансформации России [1, 3, 4, 6, 9]. Ряд исследователей изучают не отдельные цифровые сервисы, а цифровые экосистемы [5, 8, 14, 17].

Но в целом проблема управления городской средой посредством цифровых сервисов остается мало разработанной и практически не исследованной. Попытку решить эту проблему предпринимает коллектив исследователей Санкт-Петербургского государственного университета, Высшей школы экономики-Санкт-Петербург, Санкт-Петербургского информационно-аналитического центра и Университета ИТМО на примере исследований экосистемы городских сервисов (ЭГС) «Цифровой Петербург», одно из которых представлено далее.

Цель исследования – пилотный анализ социальной результативности взаимодействия органов власти с населением на примере сервиса «Я здесь живу», который входит в экосистему «Цифровой Петербург», на основе предварительно выделенных критериев такого анализа.

Теоретико-методологическая рамка исследования

В представленном исследовании цифровой сервис рассматривается как поставщик цифровых услуг, способствующих оптимальному использованию городской (в т. ч. цифровой) среды для реализации по-

требностей граждан и установлению диалога со структурами власти. В качестве теоретической рамки исследования используется экосистемный подход Маршалла Маклюэна, который впервые ввел понятие медиаэкологии. В основе медиаэкологии по М. Маклюэну лежит проблема специфики взаимосвязи и взаимодействия человека и информационной системы, которую формируют медиа [7, с. 113]. Информационная среда является продолжением человека и обуславливается им же.

Экосистемный подход позволяет выделять в современной цифровой медиасреде сервисы информирования, сотрудничества и принятия решений [11]. При этом, как показывают проведенные ранее исследования, сервисы информирования являются наиболее распространенными, так как без наличия необходимой информации, например, о других сервисах, невозможно функционирование экосистемы вообще [11].

Исходя из экосистемного подхода к организации цифровой коммуникации между властью и гражданами, в указанном выше проекте разрабатываются критерии оценки социальной результативности взаимодействия власти и общества посредством городских цифровых сервисов. При этом отметим, что среди исследователей сегодня нет единой дефиниции социальной результативности. Гораздо более распространенным понятием в научной среде является «социальная эффективность» [6, с. 24]. Тем не менее, необходимо учитывать, что если эффективность - это соотношение между достигнутыми результатами и затраченными ресурсами, то результативность – это степень достижения поставленных целей (измеряется в непосредственном результате) [2]. Чем лучше и качественнее будет достигаться поставленная цель, тем лучше будут показатели результативности. Соответственно результативность цифровых сервисов будет измеряться в достижении результатов (полезности и потребности в использовании сервисов и услуг) по отношению к поставленной цели. Даная цель напрямую связана с целью коммуникации власти и общества вообще: повышение вовлеченности граждан в принятие управленческих решений. Такая вовлеченность, с нашей точки зрения, может измеряться следующим образом:

1. Доверие к цифровым сервисам: количество пользователей сервисами, частота использования.

2. Полезность сервиса: способность сервиса удовлетворять потребности и ожидания пользователей.

3. Рекомендации пользователей: как часто пользователи сервисов рекомендуют их другим.

4. Участие: участие в голосованиях, опросах, посещение собраний и мероприятий.

5. Связи с местным сообществом: членство в благотворительных организациях, в сообществах по интересам.

6. Уровень вклада в сообщество: участие в волонтерских проектах

Социальная результативность взаимодействия характеризуется социальным капиталом, который предполагает измерение в социальных величинах (изменение поведения граждан, настроений, потребностей и т.п.). Социальный капитал затруднительно выразить в конкретных цифрах, но его уровень все же возможно измерить с помощью различных методов исследования, которые предполагают, прежде всего, непосредственное общение с пользователями городских цифровых сервисов.

Для этого, в рамках проекта «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» реализуется целая серия исследований по следующим направлениям:

– соотношение потребностей и ценностей пользователей ЭГС «Цифровой Петербург»;

– социальный капитал как следствие взаимодействия пользователей с информационной системой и между собой;

– оценка результативности городских цифровых сервисов как ресурсов, необходимых для удовлетворения потребностей населения, на примере сервисов, собранных в ЭГС «Цифровой Петербург».

Ниже будут представлены результаты серии фокус-группы среди горожан, позволяющих выяснить, насколько экосистема городских сервисов «Цифровой Петербург» (и в частности приложение «Я здесь живу») соответствует выделенным критериям социальной результативности.

Описание кейса

Единая экосистема городских сервисов «Цифровой Петербург» (ЭГС) была запущена по инициативе Правительства Санкт-Петербурга в декабре 2021 года. Проект реализуется с Санкт-Петербургским

информационно-аналитическим центром при поддержке вице-губернатора, курирующего вопросы информатизации и связи. ЭГС представляет собой модель предоставления цифровых услуг или сервисов, агрегированных на одной интернет-площадке (см.: <https://petersburg.ru/mainPortal/services>). Целями проекта являются сбор полезных для горожан государственных и коммерческих сервисов, индивидуальная пользовательская фильтрация сервисов и обеспечение их доступности.

Как указано в официальной группе в социальной сети «ВКонтакте», в основе работы «Цифрового Петербурга» лежит несколько ключевых принципов:

- инновационность: использование новейших технологий, нейросетей, чат-ботов и так далее;
- омниканальность: один и тот же сервис часто доступен в разных проявлениях (сайт, голосовой помощник, приложение, чат-бот);
- открытые городские данные: они доступны для разработчиков, которые могут на основе данных создавать свои собственные сервисы;
- группирование сервисов: сервисы группируются согласно социальным ролям, которые есть у пользователей («Я пассажир», «Я студент», «Я родитель» и так далее);
- диалог: открытый диалог с пользователями на площадке «ВКонтакте», где пользователи могут предложить свои идеи для развития экосистемы [16].

Ключевой особенностью ЭГС является ролевая модель, позволяющая пользователю идентифицировать себя как носителя какой-либо социальной роли. Ролевая модель разработана создателями проекта, для чего ими были проведены социологические и аналитические исследования. При этом горожане могут предлагать свои роли, создавать собственные сервисы, вносить предложения, чем обеспечивается возможность диалога. Обратную связь, как позиционируют создатели экосистемы, можно оставлять в комментариях официальной группы экосистемы «ВКонтакте» «Экосистема городских цифровых сервисов» (на момент исследования на группу подписано немного менее тысячи пользователей). Также обратную связь можно оставлять в официальной группе «ВКонтакте» мини-приложения «Я здесь живу» (на которую подписано 4294 пользователя).

Мини-приложение «Я здесь живу» реализованное на платформе «ВКонтакте», – это флагманский проект «Цифрового Петербурга», запущенный в декабре 2022 года. Разработчики позиционируют ми-

ни-приложение как самый полезный проект для пользователей, поэтому проведенное исследование сосредоточено далее на анализе мини-приложения «Я здесь живу».

По сути, мини-приложение является адаптированным каталогом сервисов портала для пользователей «ВКонтакте». Главная особенность приложения – принцип шаговой доступности, который позволяет пользователям, например, изучить определенные места рядом (посмотреть, где можно выгуливать животных, узнать информацию о ближайших детских садах и школах, узнать, где убрали дороги и так далее).

По данным ресурса Tadviser на конец 2023 года число пользователей мини-приложения составляло 180 тыс. человек, то есть примерно 3.21% от числа жителей Санкт-Петербурга. Самыми популярными в 2023 году стали сервисы «Красивые места» – им воспользовались более 46 тыс. человек, «Я родитель» – 33 тыс. пользователей, «Блокада Ленинграда» – 27,5 тыс., «Мой дом» – 21,7 тыс. Закрывает пятерку сервис «Мой питомец», к нему в течение года обратились 12,5 тыс. человек [18].

В целом идея экосистемы городских сервисов представляет инновационным решением для создания и поддержания устойчивой городской среды, которое может быть масштабировано [10]. Пример Санкт-Петербурга – ЭГС «Цифровой Петербург» – является относительно новым проектом и находится на этапе разработки, однако уже сейчас заметна ориентация на различные аспекты жизни горожан и интерес к ним со стороны исполнительных органов власти Санкт-Петербурга. Каждый сервис представляет собой группу подсервисов, среди которых есть сайты, чат-боты, интерактивные карты. Мини-приложение «Я здесь живу» к тому же является мобильной адаптацией каталога сервисов. Так же экосистема предоставляет различные каналы обратной связи, чтобы пользователи могли обратиться с жалобами и предложениями. Тем не менее, статистика говорит о том, что к экосистеме обращается лишь малая часть жителей Санкт-Петербурга, хотя прошло больше двух лет с момента запуска экосистемы. Правительство Санкт-Петербурга ведет кампанию по продвижению экосистемы, но пользователи все еще редко обращаются к ней. Для выявления причин, препятствующих росту числа пользователей экосистемы городских сервисов, мы попытались исследовать опыт пользователей, проведя серию фокус-групп.

Результаты исследования

Участниками первой фокус-группы выступили 5 студентов, из них 3 девушки и 2 юноши 20-21 года, жители Санкт-Петербурга. Респондентами второй фокус-группы стали 7 участников 23-24 лет с полным высшим образованием, жители Санкт-Петербурга (3 юноши и 4 девушки). Стоит отметить, что результаты, полученные в ходе проведения второй фокус-группы, значительно схожи с результатами первой фокус-группы. Это может объясняться небольшой разницей в возрасте и почти одинаковым уровнем образования.

Участниками третьей фокус-группы выступили 7 человек, мужчин и женщин возраста 30-35 лет. Часть участников не имеют высшего образования.

С некоторыми ограничениями, но все фокус-группы можно считать репрезентативными для данного исследования, так как молодежь является основной группой, которая наиболее часто пользуется интернетом. Все участники фокус-групп знакомы с экосистемой городских сервисов «Цифровой Петербург» и пользовались мини-приложением «Я здесь живу».

Первый блок вопросов на фокус-группах касался *удобства, а также полезности использования*, то есть уровня удовлетворенности участниками использованием приложения. Участники отметили, что приложением пользоваться в целом удобно, но есть много технических недочетов.

Участники всех фокус-групп отметили, что мини-приложение «Я здесь живу» в основном выполняет функцию информирования, и не закрывает других потребностей жителей. Было выявлено, что никаких жалоб в государственные органы посредством экосистемы члены фокус-группы не отправляли, эту потребность они реализуют посредством других сервисов («Наш Санкт-Петербург»). В ходе фокус-групп было выяснено, что ни один из участников не пользуется приложением на постоянной основе: «Нет потребности обратиться к приложению, так как всю информацию я обычно нахожу через интернет-поиск». Таким образом, исходя из анализа полученных ответов в ходе фокус-групп, было выявлено, что приложение для пользователей является нефункциональным, а технические недочеты затрудняют пользование приложением и влияют на потребность в его использовании.

Следующий блок вопросов касался *социальной результативности* мини-приложения. В ходе фокус-групп было выявлено, что функции информирования, которое выполняет приложение, недостаточно для выполнения приложением таких функций как повышение доверия к власти и вовлечение населения к участию в политической и социальной жизни общества, поддержание системы гражданского общества. Члены фокус-группы подчеркивали, что не чувствуют себя политически вовлеченными гражданами, когда пользуются мини-приложением, у них не возникает ощущения «общности» с другими гражданами, причастности к социальной и политической жизни общества.

В тоже время в ходе обсуждений выяснилось, что в той или степени у участников все же возникает ощущение вовлеченности и общности с горожанами, когда они используют сервис «Блокада Ленинграда». Это можно объяснить тем, что сервис «Блокада Ленинграда» имеет значимую историческую составляющую, отличающую Санкт-Петербург и его жителей от жителей других регионов.

Все члены фокус-групп отмечали, что такие формы вовлеченности, как опросы и голосования позволили бы им чувствовать себя непосредственным участником социальной и политической жизни общества. У участников существует и запрос на освещение волонтерских мероприятий городскими сервисами, так как отмечают неудобства в работе со сторонними сервисами. Более того, у некоторых участников сформирован некоторый запрос на непосредственное участие в волонтерских проектах. Подобная логика рассуждений прослеживается и касательно информирования и участия в благотворительных организациях и мероприятиях. Участники имеют запрос на осуществление пожертвований в благотворительные организации, но опасаются осуществлять переводы через негосударственные сервисы, которые не могут гарантировать безопасности. В вопросах использования и хранения данных пользователей, исходя из анализа обсуждения, участники доверяют государственным сервисам.

В то же время некоторые участники получали информацию о проводимых в городе мероприятиях, но ни у кого из респондентов не возникало желания посетить эти мероприятия. Это обусловлено «непопулярностью» сервиса, то есть предположением, что мероприятия будут малочисленными, из-за чего, по словам участников, не может формироваться чувство общности с другими горожанами и доверие к системе в целом. Основной запрос участников направлен на посеще-

ние городских собраний: «Если бы опросы [об изменении городской среды] перерастали в собрания и встречи, то я бы чувствовала причастность к решению вопросов».

Последний блок вопросов касался *рекомендаций по улучшению приложения*. Участники отметили, что хотели бы видеть в мини-приложении возможность взаимодействовать с другими пользователями (чаты, комментарии), с общественными деятелями, получать информацию об их деятельности, а так же возможность организации социально значимого мероприятия по собственной инициативе. Такие нововведения в приложение позволили бы участникам ощущать вовлеченность в общественную жизнь гораздо сильнее. Улучшение также технических характеристик приложения, доработка сервисов, наличие большего количества визуального материала и уникальных сервисов позволило бы сделать мини-приложение удобным настолько, что участники фокус-группы пользовались бы им на регулярной основе и рекомендовали бы другим.

Стоит добавить, что у участников возрос интерес к приложению во время проведения фокус-групп. Также участники положительно оценивают саму инициативу создания сервисов для удобства жителей города

Заключение

Резюмируем результаты обсуждений в ходе фокус-групп. Среди участников существует запрос на использование экосистемы городских цифровых сервисов, но интерес и потребность в использовании приложения «Я здесь живу» весьма низкого уровня, так как участники не ощущают своей причастности к экосистеме и сообществу его пользователей. Это происходит, по мнению многих участников фокус-групп по двум причинам:

- некоторые технические неудобства: отсутствие фильтрации и поиска услуг и информации в приложении;
- отсутствие «активных» форм взаимодействия: опросов, возможности организации мероприятий, волонтерских и благотворительных проектов и т.п.

Более того, на потребность в использовании мини-приложения отрицательно влияют также его легкозаменяемость другими информационными сервисами и отсутствие популярности (широкой известности) среди жителей города.

Опираясь на рассуждения участников фокус-групп, можно говорить о том, что в рамках проанализированной экосистемы отсутствует непосредственная связь граждан между собой. Все сервисы и подсервисы направлены на то, чтобы удовлетворить потребности пользователей в информировании, но сервисов информирования может быть недостаточно для того, чтобы горожане чувствовали себя неотъемлемой и важной частью сообщества.

Таким образом, складывается парадоксальная ситуация. С точки зрения разработчиков и представителей власти, в городе создана инновационная, омниканальная экосистема цифровых сервисов на основе открытых городских данных, позволяющая осуществлять открытый диалог власти и общества, способствующая росту доверия к власти, вовлеченности пользователей в жизнь общества и представляющая собой уникальный кейс российской управленческой практики. На взгляд же жителей города рассмотренный кейс пока нельзя назвать успешным. В частности, мини-приложение «Я здесь живу» пока еще обладает низкой социальной результативностью. Подобная ситуация обусловлена отсутствием необходимых горожанам сервисов, а также проблемами с техническим функционалом и общей неосведомленностью о существовании экосистемы среди горожан. Несмотря на активное распространение информационных технологий в рамках коммуникации власти и общества, сегодня остается огромное пространство для улучшения функционала каналов взаимодействия власти и общества.

Конечно, исследователи понимают, что нельзя делать однозначные выводы по первым трем фокус-группам, которые были проведены с гражданами, использующими новый цифровой продукт. Опираясь на эти результаты, будут проведены новые исследования с вовлечением различных социальных групп, в т.ч. с целью выявления потребностей горожан в информации и услугах, которые потенциально может предоставить разрабатываемая цифровая экосистема. Новые исследования планируется проводить в рамках трехлетнего научного проекта, поддержанного в 2023 году Российским научным фондом и Санкт-Петербургским научным фондом. Основываясь на реальных эмпирических данных, предполагается разработка модели экосистемы взаимодействия граждан и власти с выделением технически различных типов основных медийно-коммуникационных сред: среда веб-сайтов, среда социальных сетей, среда мобильных платформ и чат-ботов. Постоян-

ное развитие таких сред постоянно усложняет поведенческие предпочтения городских жителей и их отношение к институтам городского управления. Недостаточный учет подобных изменений снижает пользу (общественную и индивидуальную) и результативность имеющейся и перспективной экосистемы цифровых сервисов.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» (<https://rscf.ru/project/23-18-20079/>).

Список источников

1. Абрамов В., Андреев В. Цифровая экосистема региона: практические аспекты реализации и структурные компоненты // Искусство управления. – 2023. – № 15. – С. 251–271.

2. В чем отличие результативности от эффективности? // Департамент организации управления и государственной гражданской службы администрации Губернатора Новосибирской области и Правительства Новосибирской области. – 2022. – URL: <https://dou.nso.ru/news/1319> (дата обращения: 15.11.2023).

3. Видясова Л.А., Кривошапкина А.С. Доверие городским электронным сервисам в Петербурге: анализ возрастных групп // International Journal of Open Information Technologies. – 2022. – Vol. 10, № 11. – С. 70–74.

4. Голова А.Г., Курбатова Е.В. Цифровая экосистема города как драйвер устойчивого развития // Экономические системы. – 2021. – Том 14, № 4 (55). – С. 43–52.

5. Иванов А.Л., Шустова И.С. Исследование цифровых экосистем как фундаментального элемента цифровой экономики // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14, № 5. – С. 655–670.

6. Лукьянова В.В., Рудакова О.В. Социальная эффективность государственного и муниципального управления // Основы экономики, управления и права. – 2013. – №6. – С. 24.

7. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / перевод с английского В. Г. Николаева. – Москва.: Гиперборея; Кучково поле, 2007.

8. Мансурова С.Е. Феномен цифровых и образовательных экосистем: гуманитарный контекст // Ценности и смыслы. – 2021. – № 6 (76). – С. 62–73.

9. Мартенс А.А., Деркач Н.О. Цифровизация управления муниципальным образованием как стратегия развития городского округа (на примере города Барнаула) // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2023. – № 2. – С. 65–71.

10. Минаев Н.Н., Лунг Д.В., Кораблев М.А., Тюева-Зряхова А.А., Филатова О.Г. Цифровые городские сервисы в системе регионального управления (на примере экосистемы городских сервисов города Санкт-Петербурга) // Региональная экономика: теория и практика. – 2023. – Т. 21, № 12. – С. 2327–2341.

11. Мисников Ю.Г., Филатова О.Г. Сервисы электронного участия в муниципалитетах Санкт-Петербурга: тестирование экосистемного подхода // Государство и граждане в электронной среде. – 2021. – Вып. №5.

12. Папаскири Т.В., Ананичева Е.П., Шевчук А.А., Байдакова К.Б., Дронина Д.А. Информационное взаимодействие с сервисами цифрового землеустройства // Московский экономический журнал. – 2020. – № 7. – С. 260–267.

13. Расходчиков А.Н. Интеллектуальные технологии в городской среде: возможности и пределы применения // Речевые технологии. – 2023. – № 1. – С. 11–20.

14. Самородова Л.Л., Шутько Л.Г., Якунина Ю.С. Цифровые экосистемы и экономическая сложность региона как факторы инновационного развития // Вопросы инновационной экономики. – 2019. – Том 9, № 2. – С. 401–410.

15. Степнова И.М., Федотова М.А. Управление цифровыми активами в цифровой среде: алгоритмы и сервисы // Управленческие науки. – 2021. – Т. 11, № 4. – С. 6–24.

16. Филиппова О. «Я здесь живу»: как в Петербурге запускают цифровые сервисы для горожан // Vc.ru : [сайт]. – 2023. – URL : <https://vc.ru/services/943735-ya-zdes-zhivu-kak-v-peterburge-zapuskayut-cifrovye-servisyy-dlya-gorozhan> (дата обращения: 16.11.2023)

17. Фролов А.А., Соколов А.В., Егоров Д.В. Ключевые характеристики цифровых экосистем в политике // Управленческое консультирование. – 2023. – № 2. – С. 46–55.

18. Число пользователей петербургского приложения «Я здесь живу» выросло в 18 раз // Tadviser.ru. – 2023. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Число_пользователей_петербургского_приложения_Я_здесь_живу_выросло_в_18_раз (дата обращения 17.12.2023).

19. Шендо М.В., Свиридова Е.В. Влияние цифровых технологий на современные тренды инновационного маркетинга в коммуникациях с потребителем // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2022. – № 1 (73). – С. 63–69.

Ecosystem of city services “Digital Petersburg” as a unique case of Russian management practice

O. G. Filatova^{1,2}, Y. Yu. Fayzulina^{1,2}

¹St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

²National Research University ITMO (St. Petersburg)

The article presents the results of three focus groups among youth audiences regarding the assessment of the social performance of the ecosystem of urban digital services being created in St. Petersburg. The conducted research allows us to conclude that there is an emerging ambiguous assessment of the developing ecosystems. From the point of view of developers and government officials, an innovative, omnichannel ecosystem of digital services based on open city data has been created in the city, allowing for an open dialogue between government and society, promoting increased trust in government, user involvement in the life of society, and representing a unique case of Russian management practice. In the opinion of city residents, the considered case cannot yet be called successful, which requires further research.

Keywords: urban digital services; communication ecosystem; power; society; dialogue

Медиа в эпоху постиндустриализма: политологический аспект

А. Р. Филиппов¹, В. В. Зубов²

¹РУДН, Москва, Россия

Аспирант кафедры сравнительной политологии Факультета гуманитарных и социальных наук

anfilippov98@mail.ru

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Кандидат исторических наук, доцент Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций

zubov305@yandex.ru

В статье представлен политологический анализ актуальных трендов функционирования каналов массовой коммуникации – медиализации и диджитализации. Раскрываются параметры существования медиа в современных условиях, такие, как сегментация реципиентов информации, потребительская инклюзивность, развитые горизонтальные коммуникации, потенциал к политической мобилизации, плюральность, депрофессионализация. Замечается, что увеличение количества трансляторов информации не свидетельствует о качественном видоизменении нарративов – идей и смыслов. В заключительной части констатируется неизменность роли и значения каналов массовой коммуникации. По мнению авторов, медиа постиндустриальной эпохи, равно как и средства массовой информации индустриального общества, по-прежнему пользуются своим мобилизующим влиянием, а субъекты массовой коммуникации выступают в роли инструмента политической борьбы конкурирующих акторов

Ключевые слова: постиндустриальное общество; массовые коммуникации; медиа; диджитализация; манипуляции; общественное мнение

Введение

Средства массовой информации в политической науке считаются полноправным институциональным актором властеотношений наряду с государством, муниципальными органами, политическими партиями и движениями, общественными организациями, группами давления [8,

р. 211] и религиозными объединениями. Причем в условиях информационного общества роль каналов массовой коммуникации неуклонно возрастает, о чем свидетельствуют высокий мобилизационный потенциал СМИ и возможность их влияния на политический процесс путем дисперсии чувствительных сообщений в выгодной для себя или для аффилированных политических структур конфигурации.

Теоретическая рамка исследования

СМИ, будучи сегодня неотъемлемой частью динамичного социума, эволюционируют в направлении общих трендов информатизации и цифровизации. Непрерывное совершенствование общественных отношений влечет за собой возникновение новых видов коммуникации, которые постепенно приходят на смену телевидению, радио и печатным изданиям. Это означает, что понимать сейчас средства массовой информации в узком смысле, то есть как нецифровые каналы распространения сведений, не следует. Гораздо точнее определять средства массовой информации в широком смысле, как медиа, куда также входят современные, сетевые способы коммуникации. И хотя в ближайшее время о полном отмирании традиционных СМИ речи не идет, нетрудно заметить, как в молодежной среде они замещаются интернет-источниками и мессенджерами, многие из которых, помимо канала персональных и групповых интеракций, стали трансляторами информации. В свете вышесказанного можно выделить две противоречивые тенденции политических коммуникаций, накладывающие свой отпечаток на функционирование СМИ в современных условиях.

С одной стороны, речь идет о медиализации – повышении значимости средств массовой информации в действительной политике. Данная тенденция, впрочем, находит свои истоки еще в индустриальном обществе и связывается, прежде всего, с постепенным включением широких слоев населения в управление государством. Х. Ортега-и-Гассет описывал столь распространенную политическую эмансипацию следующим образом: «Массы вышли из повиновения, не подчиняются никакому меньшинству, не следуют за ним и не только не считают с ним, но и вытесняют его и сами его замещают» [5, с. 25]. В этих условиях СМИ становятся не только ускорителем информационного обмена, но и действенным инструментом воздействия на общественное мнение. Причем, если средства массовой информации выступают в роли распространителя сведений, они не более чем сигнализируют

о событии. По мнению У. Липпмана, речь в таком случае будет идти о «функции новости» [3, с. 324]. Если же СМИ претендуют на установление скрытых фактов и выявление практически полезных причинно-следственных связей между событиями, они реализуют «функцию истины» [3, с. 324]. И здесь важно понимать, что последняя функция широко способствовала расцвету массовых партий мессианского толка, в основе которых лежало, по выражению М. Дюверже, стремление «к объединению и коллективному действию» [2, с. 121]. В данном контексте стоит говорить о большевистской партии в России (затем – в СССР) и о партии нацистов в Германии, которые нанесли колоссальный урон европейской и мировой стабильности.

С другой стороны, имеет место нарастающая диджитализация политических коммуникаций, которая состоит в усилении влияния субъектов, распространяющих информацию посредством сети Интернет. Некоторые отечественные исследователи, характеризуя диджитализацию, справедливо отмечают, что подменять сетевое пространство материальным миром ни в коем случае не следует [4, с. 158]. Однако данное обстоятельство не исключает того, что те тренды, которые набирают популярность в виртуальной среде, впоследствии могут экстраполироваться на действительную политику. Как показывает опыт организации «цветных революций» в Грузии («Революция роз»), на Украине («Оранжевая революция») и в Киргизии («Тюльпановая революция»), сетевые коммуникации активно используются в ходе дестабилизации политического порядка.

Вектор диджитализации не получил единой оценки в политологическом дискурсе. В научной печати нередко можно встретить критическое восприятие данного тренда. Оппоненты диджитализации обращают внимание на «подрыв деятельности СМИ, отрыв части населения, особенно подростков и молодежи, от решения проблем общества, манипулирование сознанием, которое может привести к отказу от реальности и искажению восприятия действительности» [10, с. 53]. Данный подход кажется нам не вполне верным. Действительно, сетевые ресурсы ускоряют процесс эрозии традиционных СМИ, в чем мы солидарны с авторами. Однако политическая пассивность молодежи кроется не в диджитализации, а в особенностях укоренившейся подданнической политической культуры, в рамках которой имеет место непреодолимая дистанция граждан от объектов на «входе» [1, с. 33] – политических элит и планов общественного развития. Что касается манипулирова-

ния, то оно одинаково успешно применяется во всех медиа, а не только в современных.

Цель и методы исследования

Целью исследования является проведение политологического анализа актуальных трендов массовых коммуникаций, проявляющихся как в традиционных средствах массовой информации, так и в современных сетевых медиа. В качестве методов исследования были избраны всеобщий диалектический метод, институциональный подход, кросс-национальный анализ. Также стоит заметить, что использованный метод политико-компаративного анализа проводился на субнациональном уровне.

Основная часть

Та противоречивая реальность (сосуществование диджитализации и медиализации), в которой функционируют современные медиа, обладает рядом важнейших параметров: сегментацией реципиентов информации, потребительской инклюзивностью, горизонтальными коммуникациями, способностью к политической мобилизации, плюральностью, депрофессионализацией. Одни параметры говорят о современных массовых коммуникациях как о рынке, где популярность информации зависит от предпочтений клиентов и качественного медиа маркетинга (SMM). Другие параметры, напротив, выражают активное и преобразовательное начало каналов массовой коммуникации, способность субъектов информационного обмена каналлизировать политический процесс.

Сегментация реципиентов информации означает, что общий массив сетевых пользователей разделяется на целевую и нецелевую аудиторию. Такое структурирование аудитории позволяет актерам воздействия ориентироваться на интересантов информации. Создатели продукта должны учитывать потребности своей целевой аудитории, проводить таргетинг (под таргетингом в маркетинге понимается «комплекс методов, с помощью которых можно «отфильтровать» всю имеющуюся аудиторию, оставив только пользователей, удовлетворяющих заранее заданным параметрам» [9, с. 83]), в противном случае их контент рискует оказаться невостребованным. В сущности, сегментация информации наглядным образом показывает, что универсальный ин-

формационный продукт отсутствует – он всегда носит адресный характер, пусть даже адресат – крупная социальная группа.

Потребительская инклюзивность позволяет пользователям в инициативной форме определять собственный информационный фон, отбирать на основе сложившихся убеждений, вкусов, привычек и стереотипов подходящие медиа.

Горизонтальные коммуникации как модель отношений между донорами и реципиентами информации предусматривает равенство трансляторов и потребителей контента, отсутствие субординации и дистанции. Впрочем, здесь важно подчеркнуть, что тенденцию горизонтальных коммуникаций все же не следует абсолютизировать. Так, чем больше у того или иного автора информационного продукта аудитория, тем, как правило, хуже развита его адресная связь с конечным потребителем контента. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, создатель информационных материалов порой физически не может вступить в контакт, пусть даже сетевой, с каждым подписчиком, зрителем или слушателем, в особенности если число реципиентов информации составляет несколько сотен тысяч или миллионов человек. Во-вторых, люди, влияющие на большую аудиторию, довольно часто относятся к единичным потребителям информационного продукта пренебрежительно. Они исходят из той презумпции, что несколько людей не повлияют на привлекательность сетевого проекта.

Способность к политической мобилизации показывает, что виртуальный мир, а точнее, настроения, в нем царящие, способны как бы «перетечь» в реальную политику. С нашей точки зрения, здесь уместно вспомнить «твиттер-революции» – группу революций и масштабных протестных мероприятий (акции протеста в Иране 2009 года, революция в Египте 2011 года, Евромайдан 2013-2014 гг.), координация которых происходила благодаря социальным сетям.

Плюральность предполагает наличие множества медиаресурсов и сетевых платформ, которые в свободной среде конкурируют за внимание потребителя. Здесь надо понимать, что рассматриваемая многоканальность – атрибут исключительно демократических обществ, основанных на партиципативных, делиберативных и диалогических началах [6, с. 195]. В диктаторских режимах, какой бы инновационной ни была их экономика, многоканальность отсутствует.

Может стать, что в условиях информационного общества многообразие благоприятствует усилению объективности и повышению

чистоты инфополя, однако, по нашему убеждению, из увеличения количества трансляторов информации повышение качества не следует.

Депрофессионализация означает распространение массовой информации лицами, далекими от журналистской работы. При этом в единстве с депрофессионализацией сосуществует профессионализация сетевых каналов коммуникации, которая заключается во внедрении журналистского сообщества в сеть Интернет. Интеграция профессиональных политических журналистов в пространство интернет-коммуникаций в существующих условиях видится как неизбежная реакция на потребности подрастающего поколения, которое оторвано от бумажной прессы и телевидения и потребляет информационный продукт через социальные сети, мессенджеры и видеоплатформы.

С нашей точки зрения, депрофессионализация представляет собой неизбежный тренд современных массовых коммуникаций. Она есть следствие возникновения у любого пользователя сетевого пространства потенциальной возможности приобретения статуса так называемого инфлюенсера – субъекта массовой коммуникации, обладающего влиянием на определенную аудиторию. Однако очевидное увеличение количества популярных распространителей информации вовсе не говорит о расширении и углублении содержания транслируемых сведений и смыслов по сравнению с информационной повесткой традиционных средств массовой информации. Так или иначе, генерация политического контента происходит в условиях непрекращающейся политической конкуренции, участники которой используют медийных личностей в качестве инструментов распространения собственной точки зрения на происходящие события и общественно-политические перспективы. Потому не вызывает удивления то обстоятельство, что число мнений в сетевом пространстве в части оценки политической жизни порой не превышает количество конкурирующих сторон политической борьбы.

Конечно, тональность и манера преподнесения информации могут незначительным образом меняться от автора к автору, но мейнстримные идеи остаются прежними – апология существующего политического строя или критика действий правящей власти. То есть тем или иным образом все идеи будут укладываться в границы универсального принципа бинарной оппозиции [11, с. 152], который в данном случае представлен дихотомией «свой/чужой», или, если использовать более радикальные коннотации К. Шмитта, – «друг/враг» [7, с. 383].

Выводы

В условиях постиндустриального общества в области средств массовой информации произошли два основных изменения. Во-первых, крупные политические игроки (государство, корпорации, церковь, общественные организации) утратили монопольное право на распространение политически значимых мнений и сообщений – теперь оказывать такое влияние на широкие народные массы потенциально способен любой субъект, обладающий харизмой и использующий приемы убеждающей или внушающей коммуникации. Во-вторых, произошло кратное увеличение источников информации, что подталкивает традиционные СМИ, основанные на журналистском профессионализме, к наработке конкурентных преимуществ по сравнению с инфлюенсерами. В то же время роль и значение каналов массовой коммуникации остались неизменными. Медиа по-прежнему пользуются своим мобилизующим влиянием, а ньюсмейкеры выступают в роли инструмента политической борьбы конкурирующих партий, групп, индивидов.

Список источников

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.
2. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический Проект, 2002. 560 с.
3. Липшман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
4. Новиков О. Г., Мамаева Ю. А. Политический менеджмент. М.: КНОРУС, 2023. 236 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: Издательство АСТ, 2002. 509 с.
6. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. М.: Аспект Пресс, 2011. 351 с.
7. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: «Наука», 2016. 568 с.
8. Bentley A.F. The Process of Government: A Study of Social Pressures. Chicago: The University of Chicago Press, 1908. 502 p.
9. Дугар-Жабон Т.З., Симакина М.А. Таргетинг и ретаргетинг как инструменты маркетинга // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. №4. С. 83-89.

10. Коровина Е.В., Цветкова Е.А. Трансформация жизненного пространства в условиях новых вызовов и актуальные коммуникативные практики гражданского общества // Российская школа связей с общественностью. 2021. № 22. С. 47-57.

11. Маслова С. В., Усова А. В. Бинарные оппозиции в современном массовом сознании // Вестник науки Сибири. 2014. № 4 (14). С. 152-155.

Media in the post-industrialism society: a politological aspect

A. R. Filippov¹, V. V. Zubov²

¹RUDN, Moscow, Russia

Postgraduate student of the Department of Comparative Political Science,
Faculty of Humanities and Social Sciences

²Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of
Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications

The article presents a political analysis of current trends in the functioning of mass communication channels – medialization and digitalization. The parameters of the existence of media in modern conditions are revealed, such as segmentation of information recipients, consumer inclusiveness, developed horizontal communications, potential for political mobilization, plurality, amateur. It is noted that the increase in the number of information translators does not indicate a qualitative modification of narratives – ideas and meanings. The final part states the immutability of the role and importance of mass communication channels. According to the author, the media of the post-industrial era, as well as the mass media of industrial society, still use their mobilizing influence, and the subjects of mass communication act as an instrument of the political struggle of competing actors

Keywords: post-industrial society; mass communications; media; digitalization; manipulation; public opinion

ГРНТИ

Цифровое партнерство: Россия и Узбекистан на пути к современному обществу

К. Ш. Ташмухамедова, Е. В. Храмова

ИМО (ВШМОиМИ) г.Казань, Республика Татарстан

kamisha_9595@mail.ru

В данной статье представлен анализ этапов и достижений цифрового развития в обеих странах, подчеркивая значимость их взаимодействия в данной сфере. Описываются инфраструктурные усовершенствования, внедрение новых технологий, реформы в образовании и стимулирование цифровой экономики. Автор анализирует, как совместные усилия способствуют обмену опытом, инновационным исследованиям, укреплению образовательных программ и решению общих вызовов цифровой эпохи. В статье подчеркивается, что цифровое партнерство между Россией и Узбекистаном является стратегическим фактором в создании современного общества и способствует устойчивому развитию обеих стран.

Ключевые слова: Цифровое развитие; Россия; Узбекистан; сотрудничество; инфраструктурные усовершенствования; новые технологии; образовательные реформы; цифровая экономика

В эпоху цифровых технологий страны всего мира фокусируют свое внимание на цифровом преобразовании, стремясь обеспечить не только экономическую устойчивость, но и активное участие в мировых инновационных процессах. В контексте этой стремительной перемены, Россия и Узбекистан выступают как важные участники, активно развивающие свои цифровые пространства. Данная статья предлагает взгляд на этапы и достижения цифрового развития в этих странах, подчеркивая ключевую роль их сотрудничества. От инфраструктурных преобразований и внедрения новых технологий до образовательных реформ и стимулирования цифровой экономики— статья анализирует путь, который Россия и Узбекистан избирают в стремлении создать современное общество. В фокусе внимания — не только отдельные достижения, но и важность взаимодействия этих двух стран в цифровой эре, которое становится ключевым фактором в обеспечении устойчивого и инновационного развития.

Цифровое развитие представляет собой многогранный процесс, охватывающий внедрение и использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) для улучшения социальных, экономических и культурных аспектов общества. Этот процесс становится ключевым фактором для стран, стремящихся укрепить свою позицию в глобальной экономике и обеспечить устойчивое развитие.

В современном мире цифровое развитие охватывает широкий спектр аспектов, начиная от расширения цифровой инфраструктуры и внедрения передовых технологий до обеспечения цифровой грамотности и создания условий для развития цифровой экономики. Этот процесс имеет ключевое значение для формирования информационного общества, где цифровые технологии становятся неотъемлемой частью повседневной жизни граждан.

Россия и Узбекистан, как участники глобальной цифровой трансформации, внимательно следят за этими трендами, стремясь не только догнать, но и опережать мировые стандарты. Обе страны сосредоточили свое внимание на создании современной цифровой инфраструктуры, стимулировании инноваций, улучшении системы образования и развитии цифровой экономики.

Цель данного исследования заключается в анализе этапов достижения цифрового развития в России и Узбекистане, с фокусом на важности их сотрудничества в этой области. Основной задачей является выявление ключевых моментов, определяющих путь этих стран к созданию цифрового общества.

Был проведен обзор академических источников, аналитических статей и официальных документов, посвященных цифровому развитию в России и Узбекистане, исследование этапов цифрового развития в обеих странах с выделением общих и отличительных особенностей.

Эти методы в совокупности позволяют глубже понять динамику цифрового развития в России и Узбекистане, а также выделить факторы, влияющие на их совместное стремление к формированию современного цифрового общества.

Так что же такое цифровизация? Первое, что приходит на ум, когда речь заходит о цифровой трансформации государств, это RFID-метки, блокчейн, Яндекс.Карты, то есть продукты современных цифровых технологий, внедренные в различные сферы нашей жизни с целью ее облегчения.

Цифровизация государства представляет собой сложный процесс внедрения современных цифровых технологий в работу государствен-

ных органов с целью улучшения управления, обслуживания граждан и повышения эффективности государственных функций. Этот процесс включает в себя автоматизацию процедур, обработку данных, электронное взаимодействие с обществом и улучшение информационной безопасности. Для государств цифровая трансформация играет важную роль, улучшая работу государственных органов, обеспечивая безопасность в цифровой среде, стимулируя инновации и увеличивая конкурентоспособность на мировом уровне.

Рассмотрим меры по переходу к цифровому обществу со стороны России и Узбекистана.

Согласно указу президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева была утверждена стратегия «Цифровой Узбекистан-2030».[7, с. 1]

В республике активно проводятся комплексные мероприятия по широкому внедрению современных информационно-коммуникационных технологий в различные секторы и области, в первую очередь в сферу государственного управления, образования, медицины и аграрного сектора.

В том числе, запущено выполнение более 220 ключевых проектов, направленных на усовершенствование и развитие системы электронного правительства, расширение отечественного рынка программных продуктов и информационных технологий, создание IT-парков в каждом регионе республики и обеспечение индустрии необходимыми специалистами. В рамках комплексной программы "Цифровой Ташкент" осуществляется запуск геопортала, взаимосвязанного с более чем 40 информационными системами, разработка информационной системы управления общественным транспортом и коммунальной инфраструктурой, а также цифровизация социальной сферы с последующим распространением опыта на другие территории.

В рамках цифровой трансформации регионов и отраслей был повышен до 95 процентов уровень подключения населенных пунктов к сети Интернет; в рамках проекта «Один миллион программистов» было организовано обучение 587 тысяч человек основам компьютерного программирования; было внедрено более 400 информационных систем и иных программных продуктов в разных сферах социально-экономического развития регионов.

В регионах, где расположены высшие учебные заведения, были выделены места для улучшения цифровой грамотности и навыков сотрудников государственных структур и предприятий, проведения курсов по информационным технологиям и информационной безопасности,

а также обучения 12 тысяч работников. Для дошкольного образования была предусмотрена разработка ИТ-инфраструктуры, обеспечение компьютерным оборудованием и внедрение информационных систем с последующим обучением персонала. Также была создана единая база данных отечественных ИТ-компаний и разработчиков программного обеспечения, с предоставлением поддержки в продвижении их продукции внутреннем и международных рынках.

Опубликованы данные о проектах, направленных на внедрение информационных систем и других программных продуктов в государственные структуры и организации. Установлен эффективный и открытый диалог по вопросам развития цифровой экономики и улучшения законодательства в области информационных технологий. Ежегодно Министерство инновационного развития вместе с Министерством по развитию информационных технологий и коммуникаций представляет в Республиканский совет по науке и технологиям программы научных и инновационных проектов в области цифровой экономики, с акцентом на проведение фундаментальных и прикладных исследований в сфере информационных технологий и коммуникаций, изучение возможностей применения в экономике технологий виртуальной и дополненной реальности, искусственного интеллекта, криптографии, машинного обучения, анализа больших данных и облачных вычислений, а также реализацию и коммерциализацию инновационных разработок и стартап-проектов. Россия активно работает над цифровой трансформацией своей экономики и общества, начиная с 2002 года, когда была принята федеральная цифровая программа "Электронная Россия".

В настоящее время система управления реализацией программы "Цифровая экономика РФ" включает несколько направлений, таких как нормативное регулирование цифровой среды, подготовка кадров для цифровой экономики, развитие информационной инфраструктуры, обеспечение информационной безопасности, продвижение цифровых технологий, цифровое государственное управление и развитие искусственного интеллекта, развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли и расширение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи. В рамках партнерства между Россией и Узбекистаном обсуждаются вопросы цифровизации экономики, создания условий для развития цифровых навыков у населения и программ сотрудничества в цифровой сфере, глобальной, конкурентоспособной и безопасной инфраструктуры передачи, обработки и хранения данных, а также подготовки высококвалифицированных кадров в этой области.

27 февраля 2024 года прошла экспертная сессия "Открывая цифровую Узбекистан", ориентированная на исследование перспективных рынков и областей сотрудничества между Узбекистаном и Россией в сфере цифровой трансформации и цифровой экономики. В рамках данного мероприятия был проанализирован текущий статус и перспективные тренды в области трансграничной торговли между двумя странами, рассмотрены актуальные проекты и инициативы.

В России, также как и в Узбекистане, наблюдается стремление к созданию инновационных технологических инфраструктур. Обе страны активно инвестируют в цифровые инициативы, способствуя развитию экономики, образования и повышению качества жизни граждан.

Применение цифровых технологий и информационных систем способствует развитию регионов, сокращает разрыв в качестве управления между ними и центром, обеспечивает равные возможности в использовании современных технологий. Однако, необходимо учитывать риски разрозненных ведомственных баз данных и информационных систем при создании цифровых платформ для ключевых сфер экономики. Важно помнить, что цифровая трансформация должна ориентироваться на интересы трех основных групп: государства, граждан и бизнеса, обеспечивая повышение качества управления, безопасность и стабильность для жизни и деятельности, а также создание благоприятной для бизнеса среды и доступа к новейшим технологиям.

Список источников

1. Кенжабаев А.Т. Современное содержание и понятие цифровой экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – №1-1 (71).
2. Маймина Э. В., Пузыня Т. А. Особенности и тенденции развития цифровой экономики // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2017. №6. С. 37-45.
3. Мещеряков К.Е. Российско-узбекские отношения в 2008—2012 годах: тенденции и проблемы развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1.
4. Паньшин Б. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития // Наука и инновации. 2016. Т. 3, № 157. С. 17—20.
5. Постановление Президента Республики Узбекистан от 28 апреля 2020 года №ПП- 4699.
6. Соломатин М.С., Сайбель Н.Ю. Роль цифровой экономики в развитии государства // Институциональные и инфраструктурные аспекты развития различных экономических систем: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. 2017. С. 137—139.

7. Указ Президента Республики Узбекистан об утверждении стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» и мерах по ее эффективной реализации г. Ташкент, 5 октября 2020 г., № УП-6079.

8. Цифровая экономика и «Индустрия 4.0»: проблемы и перспективы (industry-2017): тр. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. А.В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. 685 с.

9. Черненко Е.Ф. Восточная ориентация внешней политики России: интересы, трудности и перспективы // Ежегодник «Россия: тенденции и перспективы развития». М.: ИНИОН РАН, 2013. 8(1). С. 364—368.

10. Романчук Е. Особенности российской помощи развитию стран Центральной Азии // Общество и экономика. 2022. № 5. С. 88–106. DOI 10.31857/S020736760020123-4.

11. Нурмуратов М. Глава ЦБ — о причинах рекордного роста денежных переводов в Узбекистан. Газета.UZ. 21.07.2022. <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/21/transfers/>.

12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://science.gov.ru>

13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://my.gov.uz>.

Digital partnership: Russia and Uzbekistan on the path to a modern society

K. Sh. Tashmukhamedova, E. V. Khramova

IMO (Higher School of Management and Innovation)
Kazan, Republic of Tatarstan

This article presents an analysis of the stages and achievements of digital development in both countries, emphasizing the significance of their interaction in this sphere. It describes infrastructure improvements, the implementation of new technologies, education reforms, and the promotion of the digital economy. The author examines how joint efforts contribute to the exchange of experiences, innovative research, strengthening educational programs, and addressing common challenges of the digital age. The article underscores that digital partnership between Russia and Uzbekistan is a strategic factor in creating a modern society and contributes to the sustainable development of both countries.

Keywords: digital development; Russia; Uzbekistan; collaboration; infrastructural advancements; new technologies; educational reforms; digital economy

Государственное регулирование в условиях цифровой трансформации общества: риски и угрозы

Н. Б. Цветкова

ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

tsvetoknb@gmail.com

В данной статье проанализированы тенденции государственного регулирования деятельности институтов гражданского общества в условиях геополитической изоляции России, а также рассмотрены основные вызовы и угрозы национальной безопасности, связанные с цифровой трансформацией общества. На фоне изменения геополитической ситуации нарастает политическое давление на Россию, происходит усиление политизации взаимодействия государственных структур и институтов гражданского общества, что является необходимой предпосылкой для развития и изменения формы государственного регулирования в данной области. Цифровая трансформация — это процесс, требующий разностороннего изучения, включая изучение законодательной и нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность акторов в цифровой среде. Формируются исследовательские подходы, основанные на объективно-правовых отношениях, которые возникают в процессе использования цифровой виртуальной коммуникации субъектов права. Быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства в разных сферах. Государство способно обеспечить успешное взаимодействие властных структур и институтов гражданского общества для сохранения мира и согласия в обществе благодаря изменениям механизмов государственного регулирования.

Ключевые слова: государственное регулирование; цифровая трансформация; национальная безопасность; институты гражданского общества

Введение

Политическая значимость исследования вызвана общественными изменениями в условиях санкций, гибридной войны, проводимой против России странами Запада. В данной ситуации крайне важно своевременно оценивать существующие риски и эффективно противодействовать возникающим вызовам и угрозам.

Цифровая трансформация — это процесс, требующий разностороннего изучения, включая изучение законодательной и нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность акторов в цифровой среде. К числу новых исследовательских проблем можно отнести формирование новой отрасли права – цифрового права. Формируются исследовательские подходы, основанные на объективно-правовых отношениях, которые возникают в процессе использования цифровой виртуальной коммуникации субъектов права.

Теоретическая рамка исследования

В основе теоретико-методологического обоснования исследования лежит общественная значимость проблемы. Используются принципы политологического, системного анализа, метод контент-анализа. Междисциплинарный подход позволяет использовать концепции социологии, политологии, теории государства и права для адекватного раскрытия природы и динамики системных взаимодействий государства с институтами гражданского общества, комплексность, вариативность и разноплановость их развития.

Цель и методы исследования

Целью данного исследования является анализ тенденций государственного регулирования деятельности институтов гражданского общества в условиях геополитической изоляции и вынесение предложений по их оптимизации.

Для исследования существенными стали методы непосредственного включения и участия, позволившие анализировать развитие взаимоотношений государства и институтов гражданского общества в реальном времени. Аналитический подход предполагает изучение источниковой базы российских и зарубежных публикаций в области взаимодействия государства и институтов гражданского общества, а также изучение законов и нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность институтов гражданского общества. При прове-

дении исследования особое внимание уделялось сбору и систематизации данных, характеризующих социально-политическую ситуацию в стране и уровень технологического развития.

Основная часть (результаты сбора данных)

Нормативно-правовую основу государственного регулирования деятельности институтов гражданского общества составляет Конституция Российской Федерации [1]. К числу важных доктринальных документов относится Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, которая была утверждена в июле 2021 года [2]. В соответствии с законом № 172-ФЗ от 28 июня 2014 года «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Стратегия корректируется каждые шесть лет. Важной новацией документа является то, что обеспечение национальной безопасности определяется как реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности.

К документам стратегического планирования относится также Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы.

В силу объективных вызов и угроз национальной безопасности России со стороны Запада, процесс обеспечения безопасности страны постоянно усложняется. Формируются новые теоретические и практические подходы в этой области. На основе Стратегии и других доктринальных документов вырабатываются практические меры по обеспечению безопасности [3].

При внедрении современных технологий особое место занимает проблема обеспечения безопасности граждан РФ. К вызовам и угрозам, существующим в цифровой среде на данном этапе относятся: кибербезопасность, защита персональных данных граждан, кибератаки на промышленные объекты, киберпреступность, кибернасилие, создание Deep Fake видео в интернете и социальных сетях, подмена ТВ и радио контента, размещение дезинформации в социальных сетях,

на цифровых платформах, взлом информационных баз данных граждан РФ и промышленных объектов. Кроме того, необходимо контролировать соблюдение нравственных и этических принципов применения Искусственного Интеллекта (ИИ).

Быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства в разных сферах. Государство обеспечивает успешное межнациональное и межконфессиональное взаимодействие для сохранения межнационального мира и согласия с учетом перемещения этнических групп.

Государство создает эффективные институты и инструменты профилактики, реагирования на возникающие вызовы и угрозы, связанные с появлением радикализма, экстремизма на национальной и религиозной почве. Комплексная реализация государством положений по созданию социально-экономических и социально-политических условий по вовлеченности граждан и общественных объединений в этнокультурную деятельность создает синергетический эффект для укрепления общероссийской гражданской идентичности.

Огромная работа проведена по созданию государственной информационной системы мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций. В данной работе участвовали экспертные сообщества и научные объединения. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации N 1312 от 28.10.2017 года, с изменениями от 17.02.2022 года [4] были определены основные цели, задачи и принципы создания и развития государственной информационной системы мониторинга, определена ее структура, порядок обеспечения доступа, требования к ее технологическим, программным и лингвистическим средствам, правила информационного взаимодействия с другими информационными системами, а также порядок защиты информации, содержащейся в системе мониторинга. Оператором системы мониторинга является Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России). Пользователями системы мониторинга являются федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, их подведомственные организации, государственные внебюджетные фонды и органы местного самоуправления, участвующие в выполнении задач в сфере государственной национальной политики, предусмотрен-

ных Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [5]. Система мониторинга обеспечивает формирование единого информационного пространства для поддержки принятия управленческих решений в сфере реализации государственной национальной политики.

Федеральное агентство по делам национальностей является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной национальной политики, государственной политики в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации, а также по нормативно-правовому регулированию и оказанию государственных услуг в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации и по профилактике любых форм дискриминации по признакам расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. Выявляет и предупреждает попытки разжигания национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды.

В соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [6] и Стандартом деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти, утвержденном решением совета Общественной палаты Российской Федерации от 5 июля 2018 г. № 55-С [7], при ФАДН России созданы: Общественный совет, Экспертный совет, Экспертно-консультативный совет по вопросам социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Следующим важным вопросом является государственного регулирования деятельности лиц, находящихся под иностранным влиянием. Иностранный агент — это физическое или юридическое лицо, которое прямо или косвенно занимается политической и финансовой деятельностью в интересах иностранного государства. Законодательства многих стран налагают ограничения на деятельность иностранных агентов: СМИ, некоммерческих организаций (НКО), физических лиц. Существовавшие ранее возможности для работы в России иностранных агентов, в том числе с использованием интернета и социальных сетей, были существенно сужены в связи с принятием 14 июля 2022 году Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [8],

согласно которому иностранными агентами признаются физические и юридические лица, которые получают иностранную поддержку и (или) находятся под иностранным влиянием в иных формах, и чья деятельность касается политики. В соответствии с данным законом, с 1 декабря 2022 года Минюст ведет единый реестр иноагентов. Ранее список был разделен на четыре различных реестра: НКО, СМИ, НОО (незарегистрированные общественные объединения) и отдельный список физических лиц-иноагентов. В реестр СМИ-иноагентов также вносились физические и юридические лица [9].

Выводы

Проанализировав существующие риски и угрозы в условиях цифровой трансформации общества, а также рассмотрев изменение формы государственного регулирования и управления в условиях геополитической изоляции России и особенности формирования внутриполитического курса Российской Федерации в современных реалиях были сделаны следующие выводы:

1. При изучении основных изменений в области государственного регулирования деятельности институтов гражданского общества в цифровой среде стоит обратить внимание на следующие направления: 1) правовое регулирование деятельности цифровых платформ; 2) цифровые платформы как работодатели, соблюдение трудового законодательства цифровыми платформами и их сотрудниками; 3) правовое регулирование социальных сетей и мобильных приложений; 4) правовой статус государственных медиа и частных СМИ; 5) регулирование рекламного рынка и интернет контента; 6) место и роль медиа в избирательной системе; 7) регулирование цифровых платформ как инструмента для онлайн голосования; 8) правовое регулирование использования акустической (речевой) информации; 9) регулирование авторизации и аутентификации цифровых устройств на информационных ресурсах; 10) правовое регулирование использования персональных данных; 11) искусственный интеллект и авторское право; 12) права на аккаунт (учетную запись) на цифровых платформах.

2. В сложившихся условиях нарастания геополитической изоляции, современное российское общество способно эффективно противостоять попыткам внешнего давления и обеспечить национальную безопасность, принимая активное участие в управлении делами государства и формируя государственные органы, экспертные

и общественные советы; выступать с инициативами и изложением общественного мнения; участвовать в голосованиях; проводить общественную экспертизу принимаемых законов и нормативно-правовых актов.

Список источников

1. Белозеров В.К. Новая стратегия национальной безопасности Российской Федерации: от обретения смыслов к реализации // Вестник МГЛУ. Общественные науки. Вып. 2 (843), 2021.

2. Конституция Российской Федерации (с изменениями от 01.07.2020) // Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595>

3. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск от 22.07.2014 №163 (6435).

4. О внесении изменений в ст. 10.4 и 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ст.6 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: Федеральный закон от 25.11.2017 № 327-ФЗ. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201711250002>

5. О государственной информационной системе мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций: утв. Постановлением Правительства РФ от 28.10.2017 № 1312 (с изменениями от 17.02.2022 № 204) Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/555609778>

6. О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск от 14.04.2022 №154(8802).

7. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. N 1666.

8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Режим доступа:

9. Стандарт деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти (Типовое положение): утв. Решением совета Общественной палаты РФ от 05.07.2018 N 55-С. (ред. от 16.06.2023) Режим доступа: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307885/

State regulation in the context of digital transformation of society: risks and threats

N. B. Tsvetkova

Institute of Social and Political Research, Federal Research Sociological Center
of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

This article analyzes the trends of state regulation of the activities of civil society institutions in the context of Russia's geopolitical isolation, and also examines the main challenges and threats to national security associated with the digital transformation of society. Based on background of the changing geopolitical situation, political pressure on Russia is increasing, and the politicization of interaction between state structures and civil society institutions is increased, which is a necessary prerequisite for the development and change of the form of state regulation in this area. Digital transformation is a process that requires a comprehensive study, including the study of the legislative and regulatory framework governing the activities of actors in the digital environment. Research approaches based on objective legal relations that arise in the process of using digital virtual communication of legal entities are being formed. The rapid development of information and communication technologies is accompanied by an increase in the likelihood of threats to the security of citizens, society and the state in various fields. The State is able to ensure the successful interaction of government structures and civil society institutions to preserve peace and harmony in society through changes in the mechanisms of state regulation.

Keywords: government regulation; digital transformation; national security; civil society institutions

Новые методики исследования политической повестки дня и выводы для будущего

А. И. Челан

Кубанский государственный университет

Краснодар, Россия

linachelan@yandex.ru

В статье представлены результаты использования новых методик исследования политической повестки дня на примере кризисных событий в истории нашей страны и их освещения современниками в ведущих СМИ. Анализ информационной повестки дня является ключевым элементом в понимании политической ситуации в любой стране. В данной работе проведен сравнительный анализ информационных повесток дня в период внешнеполитических кризисов: СССР 1962 года и России 2022 года. Важность этой темы заключается в том, что информационная повестка является одним из инструментов государства и политических субъектов в формировании общественного мнения и влияния на политические процессы. Сравнительный анализ политических повесток в СМИ позволит нам понять, как изменились подходы к формированию информационной повестки на протяжении времени и как это влияет на современную политическую ситуацию в России.

Ключевые слова: Информационная повестка; анализ текстовых массивов данных; Gephi; СМИ

Информационная повестка дня играла и продолжает играть важную роль в социально-политических процессах как в прошлом, так и в настоящем. В прошлом, до появления Интернета и социальных сетей, главным каналом распространения информации были СМИ. Они обладали большой властью и могли влиять на общественное мнение, формировать общественное сознание и определять ход политических процессов. Теория повестки дня, предложенная М. МакКомбсом и Д. Шоу, гласит, что сообщения массовой коммуникации задают «повестку дня» для большого количества людей: определяют, какие события или аспекты проблем (событий) люди считают более важными, а какие — менее важными.

Анализ информационной повестки дня является ключевым элементом в понимании политической ситуации в любой стране. В данной работе мы проведем сравнительный анализ информационных повесток в период внешнеполитических кризисов: СССР 1962 года и России 2022 года. Важность этой темы заключается в том, что информационная повестка является одним из инструментов государства и политических субъектов в формировании общественного мнения и влияния на политические процессы. Сравнительный анализ политических повесток в СМИ позволит нам понять, как изменились подходы к формированию информационной повестки на протяжении времени и как это влияет на современную политическую ситуацию в России.

Несмотря на то, что исследования политических повесток начались еще в 1940-х годах, и продолжали активно развиваться в 1970-х годах, сегодня актуальность подобных исследований поддерживается особенностями современных условий и технологий в которой существует современная политическая коммуникация.

Мы видим острую необходимость разрабатывать инструменты анализа текстовых массивов данных, содержащих в себе историческую ценность, для понимания информационной повестки в прошлых и настоящих внешнеполитических кризисах и для понимания того, как меняются приоритеты и ценности в прошлом и в современной политике и какие методы и инструменты используются для управления общественным мнением в условиях информационной войны. Это поможет нам разобраться в том, как работают механизмы манипуляции и пропаганды, а также определить какие риски и вызовы стоят перед свободой слова и доступом к независимой информации во время кризисных ситуаций. Рассматривая информационные повести дня в кризисных ситуациях, нужно учитывать особенности и возможности каналов распространения. Так, информационная повестка в период Карибского кризиса была связана с распространением газетных статей, радиопередач и телевизионных программ, а в настоящее время, информационная повестка формируется как в традиционных каналах СМИ, так и в Интернете и социальных сетях.

В нашем исследовании были использованы общетеоретические методы исследования – сравнительный анализ и метод исторических аналогий, а также специальные методы - контент-анализ текстовых массивов данных и методы обработки естественного языка (разработана

программа на языке программирования Python («PRO-Текст»), методы графовой визуализации (программа Gephi).

Эмпирической базой исследования политической повестки дня стали массивы данных газеты «Правда» за период сентябрь-ноябрь 1962 года (91 печатный выпуск в оцифрованном виде) и массивы данных информационного агентства «РИА Новости» за период январь-март 2022 года (339 электронных статей). Статьи были отобраны по ключевым словам: «Куба», «США», «Политика» - в период событий 1962 года; и «Украина», «Политика», «Зеленский» для событий 2022 года.

Выбор печатного издания и агентства обусловлен критериями масштабности, популярности и уровнем доверия населения. Газета «Правда» до 1991 года являлась основным ежедневным печатным средством массовой информации КПСС и наиболее массовым и влиятельным изданием в СССР. Доступ к номерам газет мы получили в Краснодарской краевой универсальной научной библиотеке им. А. С. Пушкина, которые были нами оцифрованы для проведения объективного исследования и возможности применения методов анализа текстовых массивов данных, указанных выше. Информационное агентство «РИА Новости» - крупнейшее действующее государственное информационное агентство на сегодняшний день.

При помощи разработанной программы «PRO-Текст» полученные массивы текстовых данных были подвергнуты процедурам частотного анализа. Для каждого массива текстовых данных были просчитаны относительные частоты всех используемых слов. Использование относительной частоты (см. формула 1) позволяет нам сопоставлять и анализировать этапы формирования политической повестки 1962 и 2022 гг., а также сравнивать технологии формирования этих повесток.

$$ОтЧ = ЧС/ОКС$$

Формула расчёта относительной частоты слов, где ОКС — это общее количество слов, ЧС – это частота слова

К полученным результатам был применен метод графовой визуализации данных в программе Gephi. В результате мы получили «концептосферы политической повестки дня» 1962 и 2022 гг. Концептосфера состоит из маркеров дискурсивных тематик политической повестки дня за выбранный период. Также, мы провели анализ N-грамм, который показал нам не только маркеры дискурсивных тематик, а их связь между собой.

На следующем этапе мы провели качественный анализ данных – сравнительный анализ политических повесток в период обострения отношений между СССР (и России как современного приемника) и США, выявили общие тенденции и особенности, а также аргументировали современный прогноз развития повестки в медиапространстве. Сравнение информационных повесток позволило нам определить, какие проблемы и вызовы стали особенно актуальными в нашем времени, как на них реагировали в прошлом и как можно эффективно реагировать сегодня.

Исходя из результатов частотного анализа газеты «Правда» следует, что наиболее часто упоминаемыми маркерами дискурсивных тематик политической повестки дня в период Карибского кризиса стали:

- США
- Кубы
- Сентября
- Против
- Мира
- Советского
- ООН
- Правительство
- ТАСС
- СССР
- Войны
- Правительства
- Стран
- Года
- Страны
- Союза
- Государств
- Которые
- Советское
- Советский
- Генеральной
- Время
- Соединенных
- Том
- Ассамблеи

Маркер «США» чаще всего упоминался в связке с такими словами как «против», «Кубы», «СССР», «правительства», «правительство»,

«ТАСС», «Мира», «Советского», «Кеннеди», «Президент», «Войны», «Время».

Анализ N-грамм показал, логику использования слова «США» в информационной повестке газеты «Правда»:

- 1) «США» → «против» → «Кубы»
- 2) «США» → «против» → «Советского» → «правительства»
- 3) «США» → «против» → «Мира»

СССР чаще всего использовался в связке с такими словами как: «США», «дел», «советского», «правительства», «делегации», «иностранных», «правительство», «заместитель», «совета», «ТАСС», «министра», «союза», «делегация», «мира», «вчера», «председателя», «Громыко», «против», «сегодня».

- 1) «СССР» → «дел» → «Мира»
- 2) «СССР» → «дел» → «Кубы»
- 3) «СССР» → «дел» → «иностранных»

А также:

- 1) «СССР» → «Советского» → «Союза»
- 2) «СССР» → «Советского» → «правительства»
- 3) «СССР» → «Советского» → «против»

Таким образом, мы видим, что «США» было описано с точки зрения отношения (позиции), а СССР как «действие».

Результаты частотного анализа в виде ядра концептосферы «РИА Новости» показали, следующие маркеры дискурсивных тематик политической повестки дня:

- Украины
- России
- США
- РИА
- Новости
- Украине
- Sputnik
- Радио
- РФ
- Украину
- Москва
- НАТО
- МИД
- Заявил

- Россия
- Ранее
- Страны
- Президента
- Против
- Перейти
- Медиабанк
- Германии
- Зеленского
- Зеленский

– Безопасность Маркер «Украины» чаще всего упоминался в связке с такими словами как «РФ», «России», «президент», «Владимир», «Путин», «заявил», «февраля», «Россия», «НАТО», «военной», «Москва», «США», «Донбасса», «Sputnik», «Радио», «Зеленский», «новости», «РИА», «Минобороны».

1) «Украины» → «президент» → «Владимир»

2) «Украины» → «президент» → «Путин»

3) «Украины» → «президент» → «заявил»

Также:

4) «Украины» → «заявил» → «РФ»

5) «Украины» → «заявил» → «Москва»

6) «Украины» → «заявил» → «Новости»

Маркер «России» был связан со следующими словами: «Украины», «РФ», «Президент», «Путин», «заявил», «Владимир», «РИА», «новости», «Москва», «Украине», «США», «против», «военной», «президента», «Украину», «МИД», «силы», «минобороны», «НАТО», «пресс», «вооруженные», «наносят», «песков», «угрожает», «Россия», «Sputnik», «Дмитрий», «словам», «ДНР», «санкции», «ЛНР», «безопасности», «вторжения», «Донбасса», «ранее», «секретарь», «стороны», «операции», «решение».

1) «России» → «Путин» → «президент»

2) «России» → «Путин» → «Владимир»

3) «России» → «Путин» → «РФ»

Также:

1) «России» → «МИД» → «Глава»

2) «России» → «МИД» → «Сергей»

3) «России» → «МИД» → «Захарова»

Выделенные N-граммы показали, что в начале современного кризиса позиция РФ и Украины в информационной повестке было описано через «действие». В обоих анализах фигурирует четкая стратегия стран позиция «мы», однако выделяются лидеры стран: в Карибском кризисе Дж. Кеннеди и А. А. Громько, а в современном кризисе – это В. Зеленский, В.В. Путин, Д.С. Песков, С. В. Лавров и М.В. Захарова.

Проанализировав маркеры дискурсивных тематик в начале Карибского кризиса (1962) и в начале Украинского кризиса (2022), можно заметить, что они полностью соответствуют контексту событий. Также, есть общие тенденции, например: и в ядре концептосферы «Правды», и в ядре концептосферы «РИА Новости» видно, что лидерами являются названия стран участников конфликта. Для Карибского кризиса – это США, Куба, СССР; а для современного кризиса – Украина, Россия, США. Однако в современном кризисе долю общей информации забирает на себя конкретная личность, его имя, его должность (Зеленский, президент).

Смысловые единицы в политической повестке в контексте развития Карибского кризиса 1962 года (на материалах газеты «Правда»): «НАТО», «Общий рынок Европы», «Вторжение американских самолетов в воздушное пространство Кубы», «Митинги и протесты в Кубе против обстрела Гаваны», «Поддержка Кубы странами Азии и Африки», «Холодная война», «Отрицание правительством США наступательного характера политики в отношении Кубы», «Давление США на Европу и на других союзников в сотрудничестве в антикубинской программе», «ГДР», «ФРГ», «КНР», «Братская помощь Советского правительства дружественной Кубе», «Обращение Кубы к Советскому союзу за помощью», «Помощь Советского союза Кубе рассматриваемая США как «часть всемирного вызова, создаваемого коммунистическими угрозами миру».», «Экономическая блокада и политический бойкот Кубы, странами Европы и США», «Угроза ядерной войны», «Военные базы США» - угроза окружения СССР военными базами США, «Взаимные Ноты протеста», «Взывание правительства СССР к обещаниям Кеннеди Советскому правительству не возобновлять полеты «У-2» и не допускать нарушения американскими самолетами государственных границ Советского Союза», «Генеральная Ассамблея ООН», «Политическая поддержка Кубы советскими гражданами (общественная поддержка)».

Позиционирование Кубы идет всегда как «мужественного», «героического» народа противостоящему «провокаторам» и «агрессорам»

в лице США. Куба — это суверенное государство, а США строит против него «антикубинские авантюры».

Описание политики США идет через такое описание как: «крикун-фыриси», «лицемерные вопли американской реакции», «добренские», «жалкие», «наглая» «вероломная» провокация, «Американская военщина», «шпионская политика США».

1) НАТО и Общий рынок Европы в информационной повестке — в статьях утверждается, что США поддерживают идеи Общего рынка Европы, прежде всего потому, что он развивается как экономический собрат НАТО, как орудие «холодной войны». Публикуются рассуждения о том, что США переживает финансовый спад и им нужно расширять свои рынки и с этой целью США втягивают в «Общий рынок» Англию как дестабилизирующий элемент (убрав союз французских и западногерманских монополий) и хотят затормозить развитие европейской промышленности и содействовать ослаблению западноевропейских конкурентов на рынках третьих стран. Так что в информационное поле вводится тезис «США» — «Соединенные Штаты Атлантики». В некоторых статьях «Общий рынок» рассматривался даже с точки зрения реколонизации слаборазвитых экономик стран Африки и Азии — «Уолл-стрит мечтает о времени (Если оно придет!), когда «Общий рынок» и «объединенная Европа», включенные в «Соединенные Штаты Атлантики», станут орудием реколонизации Африки в интересах американских монополистов». В статьях так или иначе рисуется образ колонизаторского западного мира: «Политика «большой дубинки», произвол и использование силы в отношениях с малыми странами — вот что характеризует внешнюю политику США, которая ничем, по существу, не отличается от политики старых колонизаторов».

2) Давление США на своих союзников проявлялось, например, через требования к Англии прекратить предоставлять свои торговые суда для перевозок грузов социалистических стран на Кубу. Англия ответила отказом, поэтому в ответ США организовали пиратские нападения на английские и кубинские суда у северного побережья Кубы. А в это время «Кеннеди высказал едва прикрытую угрозу и по адресу своих «друзей по НАТО», которых он призвал «учесть последствия использования их судов в торговле с Кубой».)»

Газета «Правда» показывает общественную поддержку позиции Советского Союза по вопросу поддержки Кубы не только внутри страны, но и на международной арене. (Противоположную картину мы уви-

дим в современном конфликте, позицию Кубы уже занимает современная Украина).

3) Тема ГДР и ФРГ активно присутствует в информационной повестке формируемой газетой – «Правда» показывает, что существуют попытки дезинформации и политического обмана, искажение реальной ситуации в вопросе Западного Берлина со стороны США. «Одна из причин паралича Вашингтона заключается в том, что, не приняв мирное сосуществование в качестве политики (наоборот: государственный секретарь Дин Раск заявил на съезде ветеранов иностранных войн 13 августа, что политика Соединенных Штатов направлена на то, чтобы «выиграть» «холодную войну»), он хочет, чтобы положение в Берлине осталось таким, каким оно является ныне, то есть костью в горле коммунистов. Другая причина — продолжение умиротворения Соединенными Штатами западных немцев».

Дэвид Уэсли говорит, что «Запад намеренно сохраняет Берлин и Тайвань в качестве «фокус» напряженности, и оба они служат для того, чтобы лишить государства, которым они в действительности принадлежат, законно признанного статуса». А мирное существование было бы возможным, пойдя США на заключения договора в отношении Берлина, юридическому урегулированию проблем – взамен угрозы ядерной войны.

В целом, в печати Берлинский и Кубинский вопросы неразрывно связаны. Мы видим, что конфронтация США и СССР была по нескольким направлениям и на основании противоречий не только этих двух стран, но и стран Запада, их интересов и нежелании вести мирную политику и договариваться с Советским государством, а более того, создания образа угрозы в развитии коммунистического строя в самом СССР и малоразвитых странах, которые все больше разворачивались к Советскому Союзу. Авторитет СССР достигал своего пика, воспринимался многими обществами как страной победительницей и «мирным соседом» - такое представление формирует правительство в политической повестке дня через СМИ.

На протяжении всех осенних выпусков публикуются статьи о предложениях СССР к США прекратить испытания ядерного оружия во благо всему миру. Вместе с тем в информационной повестке идет постоянное ядерное нагнетание: новости о готовящихся и проводимых ядерных испытаниях со стороны США, отказ Запада юридического урегулирования Берлинской проблемы, нападения на суда Кубы и ди-

версии на ее территории, вторжение в воздушное пространство СССР и КНР американскими самолётами «У-2», отказ оформления договора о разоружении (Запад не принимал проекты договоров подготовленные Советской стороной).

Призывы правительства СССР покончить с провокациями США. Во всех статьях, так или иначе подчеркивается позиция СССР в вопросе провокаций со стороны США на международной арене и отказ США в сотрудничестве по вопросам разоружения.

«Правда» пишет, что в американской печати и американском конгрессе происходит «истерия», «реакционные» силы ведут пропаганду против Кубинской Республики, призывая к нападению на территорию Кубы, на советские суда с товарами и продовольствием для кубинского народа: «Американский монополистический капитал, владея всей печатью США, радио, телевидением — всеми средствами воздействия на умы людей, держит в плену неведения американский народ и пользуется этим, чтобы обрабатывать общественное мнение страны в удобном для него направлении».

Проанализировав публикации по политической повестке осени 1962 года, можем увидеть ряд знакомых нам сегодня проблем: дезинформация в СМИ, противостояние с Западом, отказ и нежелание мирного урегулирования конфликта со стороны Запада, финансирование параллельных очагов конфронтации – поддержание других кризисов (Тайвань, Германия) противником, использование США экономических рычагов давления на своих союзников и главного врага, запугивание ядерной войной.

Смысловые единицы в политической повестке дня в контексте развития специальной военной операции в 2022 году (на материалах информационного агентства «РИА Новости»), показали, что технологии провокаций и нагнетания конфликта не так новы, как может показаться.

Смысловые единицы:

1) Санкции – цитирование зарубежных СМИ о ужасающих последствиях санкций как для экономики РФ, так и для стран Запада.

2) Процедура поддержки ДНР и ЛНР. Публикуются материалы, призывающие «признать независимость донбасских республик, провести переговоры по созданию правовой основы межгосударственных отношений с ними, а также оказать им помощь», мнения государственных лиц, в контексте обоснования всех сопутствующих причин и событий этому предложению. А также высказанные сомнения и риски в данном

вопросе – анализ публикаций показал полярность мнений и подходов, видений будущих стратегий страны в политических элитах России в вопросе урегулирования конфликта.

3) Активное обсуждение стратегии России в конфликтном противостоянии США – будут ли «наступательные действия» на территории Украины? А также опровержения со стороны России подобных утверждений – мы видим четкое отрицание представителей государства (официальных, высокопоставленных лиц), представителей общественной и образовательной деятельности любых новостей о «планируемом Россией вторжении на Украину». Когда в информационном поле глава Чечни Рамзан Кадыров заявил, что на Украине нужно «навести порядки», поскольку США намерены разместить в этой стране военную базу, и будь он на месте президента, «давно бы забрал Украину» – пресс-секретарь президента РФ Д. Песков публично напомнил ему, что вопросами внешней политики России занимается президент страны: «Я хочу напомнить, что основу внешней политики Российской Федерации формулирует глава российского государства. И, к нашей всеобщей радости, главой российского государства, куда в качестве субъекта входит Чеченская Республика, является Владимир Владимирович Путин». Здесь может быть тонкая политическая игра для внешней и внутренней аудитории: с одной стороны, оправдывается и объясняются причины возможного (еще на тот момент) вторжения, и измеряется реакция внутренней аудитории, а с другой стороны, подчеркивается, что путь страны зависит от решений президента РФ, учитывая ультиматум Путина, Западу нужно изменить свою политику, либо в конечном счете угроза со стороны РФ реализуется.

4) Объединение «коллективного Запада». Тезисы обвинений США и других стран НАТО в эскалации конфликта, ухудшении отношений и подрыве доверия Россией, поставками Украине оружия и военных инструкторов. Называются конкретные союзники США в конфликте: «Кроме американцев, в военном снабжении в общей сложности на миллиарды долларов участвуют Великобритания, Канада, Франция, Польша, Турция, Литва, Чехия, Болгария, Румыния, Эстония». «Россия призывает Запад перестать «накачивать» Украину оружием, так как это провоцирует киевское руководство на военные авантюры. В МИД не раз заявляли, что, распространяя фейки о российской агрессии, США и НАТО просто наращивают свои группировки у российских границ». «Москва призывает отказаться от поставок оружия Украине, а в США

заявляют о якобы возможном нападении России на Украину с территории Белоруссии».

Проводя параллели с Кубинским кризисом 1962 года, можно отметить, что термин «истерии» в отношении американского правительства также используется Российской стороной: «Посольство РФ в США призвало западные страны «прекратить истерики», не нагнетать напряженность вокруг ситуации в Донбассе и не подталкивать «горячие головы» в Киеве к провокациям».

Еще до начала Специальной военной операции, объявленной Россией 24 февраля 2022 года, страны Запада не только не способствовали разрешению конфликта, но наоборот усугубляли его. Россия часто напоминала общественности о событиях конца 2021 года (декабрь), когда «Москва передала Брюсселю и Вашингтону проекты документов о гарантиях безопасности. Кремль настаивает на прекращении военного сотрудничества блока с постсоветскими странами, отказе от создания баз на их территории, ограничении размещения ударных средств у российской границы, вывозе из Европы американского ядерного оружия и нерасширении НАТО на восток».

США позиционируется в материалах данного информационного агентства (РИА Новости) как зачинщик «прокси-войны», которая занимается провокациями Киева к действиям против России на Донбассе, а «коллективный» Запад занимается информационными взбросами: «Россия с Украиной воевать не будет, но это не устраивает Вашингтон, который делает все, чтобы столкнуть государства друг с другом, заявил спикер Госдумы Вячеслав Володин.»; «России и Украине нужен мир. США и странам Европы не нужна ядерная война. Давайте исходить из этого», – подчеркнул спикер Госдумы; «Без Запада конфликт на Украине давно бы урегулировали» считают в МИД РФ. «Сражаться до последнего украинца» - часто употребляемая фраза в описании действий и планов США и ее партнеров в контексте намерений обострять конфликт не на своей территории.

В контексте всегда осуждаются фейковые новости, которые формируются Западом для западной аудитории, в целях настраивания общественного мнения против России. Однако, подчеркивается то, что Запад не знает менталитет славян и не разбирается в сути и тонкостях отношений между Россией и Украиной и вместе с тем, можно обвинить западную прессу, политологов в намеренном формировании неправильных представлений в массовом сознании людей своей страны с от-

личающейся культурой от России и Украины в главном историческом вопросе этих стран.

В политической повестке дня есть акцент на несамостоятельности Украины как суверенной страны в данном конфликте; цитируются заявления президента Украины о возврате утерянных территорий (Крым, Донбасс). Публиковались также материалы о том, что как на Украине, так и на Западе «заявлениям Зеленского мало кто верит». Это обусловлено его политикой, его предвыборным обманом, ведь главным лозунгом было обещание установления мира в Донбассе.

Все стороны конфликта признают, что шла информационная борьба за внимание и поддержку аудитории. Российская сторона, согласно материалам «РИА Новости», фиксирует снижение интереса обычных граждан к конфликту и развороту к событиям и проблемам внутри своих стран, на фоне разгорающегося желания правительств коллективного Запада не допустить подобного: «надо как-то вернуть зрителя к обсуждению новостей на «украинском фронте». Европейские и американские СМИ регулярно пишут о «российской агрессии» и называют ее основанием для поставок Киеву вооружения. Подобный нарратив мы видели в информационной повестке дня Карибского кризиса: СССР предупреждала Запад о том, что США занимают «агрессивную тактику» в отношении Кубы и в связи с обращением Кубы к СССР за помощью она не может не ответить против этой несправедливости и нарушению устава ООН о невмешательстве во внутренние дела других государств.

Сегодня, США использовала ту же модель и аргументы информационный борьбы с противником, с той разницей между США тогда и Россией сейчас в том, что РФ не устраивает военные провокации на международной арене, а также как и СССР в 1962 году продолжает настаивать на мирном урегулировании конфликта (более того, как считает РФ конфликта бы не было, если бы не Запад), призывает к сотрудничеству и мирному договору, совершая при этом ту же ошибку, что и СССР в 1959-1962 годах, когда предлагали США подписать договор о объединении ФРГ и ГДР, о полном разоружении альянсов, терпя дипломатические унижения со стороны оппонентов, не понимая, что западные партнеры не хотят прислушиваться к мирному плану СССР.

Чем похожи Карибский кризис и современный? Тем, что в основе лежат территориальные проблемы, непризнанные территории, отказ всех сторон юридического оформления прав и обязательств. Желание

Запада сохранить «яблоко раздора» для подрыва стабильности в мире, для эксплуатации, шантажа и давления одной из сторон.

Обобщая анализируемый нами материал, приходим к выводам, что многие приемы политической борьбы, которые показали результат в прошлых конфликтах, переносятся в настоящее время и действуют на общественное сознание современников «по-новому», в силу ограниченности времени человеческой жизни.

На фоне всего изученного и проанализированного, трудно осознавать, что за 60 лет Европа не стала более самостоятельной в выборе своего пути развития, а стала все более зависимой от политического, экономического, военного и даже идеологического влияния США и используются ими как посредники продвижения целей. А ведь за счет привлечения Западных стран США усиливается конфронтация в прошлом и нынешнем конфликтах. Являясь объектом манипулирования со стороны Америки, страны создали идентичные ситуации и кризисные состояния. Также, нужно понимать, что тактика агрессии США – уничтожение репутации противника, а также это военные конфликты не на своей территории и не на территории основного противника, очевидно, чтобы не привести к тому, что будут задействованы главные военные силы, в том числе ядерное оружие.

Говоря о тактике США «уничтожения репутации противника», следует понимать следующее: в условиях развития Интернета неудивительно, что мы столкнулись с проблемами роста количества дезинформации, фейковых новостей и целых информационных операций, в том числе по «расчеловечиванию врага» в массовом сознании.

Механизмы дезинформации пришли из прошлых кризисных времен и сейчас меняются только формы: большой поток информации в сети больше не заставляет нас проверять каждое сообщение на достоверность, коммуникация пользователей в сети в форме комментариев теперь тоже имеет влияние – пользователи социальных сетей стали не просто получателями контента, но и его создателями, а если учитывать, что мы все подвержены когнитивным искажениям и можем стать источником той самой «истерии» или ее переносчиком, так как в первую очередь дезинформация признана выбить человека из уравновешенного эмоционального состояния и дезадаптировать.

Таким образом, несмотря на развитие Интернета и его массовое использование, цифровизацию многих сторон нашей жизни и выросших новых цифровых поколений, делаем вывод, что многие политиче-

ские технологии не перестают быть эффективными как сами по себе, без современных технических условий. Однако, необходимо учитывать, что сейчас мы обладаем более высоким техническим потенциалом для анализа накопленных материалов из разных источников, чем когда либо, и сегодня существует острая необходимость анализировать происходящее в прошлом и в настоящем, ради нашего будущего.

Список источников

1. Информационное агентство РИА Новости – URL: <https://ria.ru/>
2. Советская и российская газета «Правда» – URL: <https://gazeta-pravda.ru/>
3. Тимофеева Л.Н., Рябченко Н.А., Мальшева О.П., Гнедаш А.А. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 37-51.
4. Gephi - The Open Graph Viz Platform – URL: <https://gephi.org/>

New research methods for the political agenda and conclusions for the future

A. I. Chelan

Kuban State University, Krasnodar, Russia

linachelan@yandex.ru

The article presents the results of new research methods for the political agenda using the example of crisis events in the history of our country and their coverage in the leading media by contemporaries. The author expresses the need to explore with new methods the material accumulated by previous generations, which previously could not be studied due to time and technical constraints; and sees the need to develop tools for analyzing text data arrays to process information containing great historical value in understanding the information agenda in past and present foreign policy crises in order to identify similarities and differences, for to gain an understanding of how priorities and values change in the past and in modern politics, and what methods and tools are used to manage public opinion in an information war.

Keywords: Information agenda; analysis of text data arrays; Gephi; mass media

Цифровые платформы взаимодействия власти и граждан: формирование коммуникационных моделей

А. В. Чугунов

Национальный исследовательский университет ИТМО
Санкт-Петербург, Россия
chugunov@itmo.ru

Статья ориентирована на формирование предметного поля исследований, связанных с применением экосистемного подхода и развитием цифровых платформ, обеспечивающих электронное взаимодействие органов власти с гражданами и бизнесом. Исследование процессов, связанных с внедрением информационных систем и цифровых платформ, обеспечивающих коммуникацию между государством, с одной стороны, гражданами, бизнесом и общественностью, с другой, позволило сформулировать коммуникационные модели этого взаимодействия: государственные информационные порталы; государственные порталы электронных услуг; государственные цифровые платформы с участием бизнеса и коммерческие цифровые платформы с участием государства. Представляется, что эта классификация может стать важной составляющей при определении набора индикаторов, которые нужно учитывать при создании методики оценки результативности функционирования государственных цифровых платформ (и негосударственных платформ, реализующих задачи, поставленные органами власти).

Ключевые слова: электронное управление; модель принятия технологии; концепция доверия; цифровые платформы; коммуникационные модели; электронное участие

Введение

Процессы централизации цифровых механизмов взаимодействия власти с гражданами, поступательно развивающиеся в Российской Федерации начиная с 2020 года, можно зафиксировать не только в модернизации системы, которую принято называть «Электронное участие» (E-Participation), но и во внедрении концепции «Государство как плат-

форма» (Government as a Platform). В настоящее время происходит не только поступательное развитие централизованной платформы «ГосТех», но и видна целенаправленная работа по повышению участия государства в деятельности коммерческих цифровых платформ Яндекс, Сбер и ВКонтакте.

Исследование специфики применения платформенного подхода в сфере государственного управления актуализировалось в значительной степени на фоне повышения значимости цифровых платформ в экономической и социальной жизни, что все нагляднее проявляется в последнее десятилетие.

Считается, что родоначальником самой идеи рассматривать государство как цифровую платформу, обеспечивающую взаимодействие власти с гражданами и бизнесом является Тим О'Рейли (Tim O'Reilly), который в 2010 г. опубликовал визионерскую статью [1], где обосновывалась целесообразность перенесения подходов управления цифровыми активами, доказавшими свою эффективность в бизнес-среде, в сферу госуправления. Первым (в 2012) эту инициативу подхватило американское правительство [2] и постепенно данный подход стал общепотребимым и использоваться в разных странах для модернизации и реинжиниринга своих систем электронного правительства. Отмечается, что по мере развития социальных сетей и расширения платформенной экономики данная идея (вернее подход к формированию новых государственных программ) стала восприниматься вполне реалистично и к концу десятых годов она обрела официализацию во многих странах, в т.ч. в России [3]. В 2018 году Центр стратегических разработок опубликовал концептуальный документ «Государство как платформа» [4], а разработчики Национальной программы «Цифровая экономика в Российской Федерации» в паспорте федерального проекта «Цифровое государственное управление» [5] в качестве цели обозначили внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг. Таким образом, можно утверждать, что в 2018 г. в России стартовал процесс внедрения концепции «Государство как платформа».

Представляемая работа продолжает предыдущие публикации автора, связанные с концептуализацией исследований в области управления на основе данных [6] и специфике применения платформенного подхода в государственном управлении [7]. В отличие от предыду-

щих работ делается попытка предложить для обсуждения коммуникационные модели этого процесса с учетом российской специфики.

Теоретическая рамка исследования

Теоретическая рамка представляемого исследования опирается на две концепции, предлагающие подходы к изучению как технологических, так и социальных факторов, влияющих на специфику внедрения в Российской Федерации платформенного подхода.

Во-первых, это модель принятия технологии (The Technology Enactment Framework - TEF), предложенная Джейн Фонтейн в книге «Построение виртуального государства» [8]. В концепции TEF «принятие» (или восприятие, освоение технологии как отвечающей ценностям и установкам граждан) является ключевой позицией, т.к. в отличие от традиционного «бюрократического» подхода (иерархическое устройство бюрократии по Максус Веберу), речь идет о сетевом подходе, где эффективность взаимодействия определяется уровнем доверия его участников (или социальным капиталом).

Второй концепцией, составляющей основу теоретической рамки исследования, выступает концепция доверия Френсиса Фукуямы [9], согласно которой «социальный капитал - это определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами» [9, с. 52]. Важным понятием в рамках данной концепции является понятие «спонтанная социализированность», как наиболее эффективное свойство социального капитала – способность создавать новые сообщества и новые рамки и нормы взаимодействия, что приводит и к важным позитивным экономическим последствиям [9, с. 54-63].

В научной литературе вопросы баланса общественных норм и ценностей с интересами как государственных, так и коммерческих структур выступают в качестве предмета отдельных исследований [10] [11] [12]. Концепция «Государство как платформа» нашла свое отражение и в научных работах в области политической науки, социологии, информационного менеджмента и государственного управления. В статье М. Янсена и Э. Эстеvec [13] анализ осуществляется с опорой на концепцию «бережливого правительства» (Lean Government) и описание ситуации, когда правительства всего мира ищут способы сократить расходы и в то же время стимулировать инновации. Авторы утверждают, что последовательное решение этих двух задач невозможно

но без принципиальных изменений, использования новых методов, инструментов, практик и моделей управления, в частности когда государство выступает в роли «дирижера», т.е. регулятора межсекторного взаимодействия.

Имеется значительное количество научных публикаций, посвященных важности межсекторного сотрудничества при реформировании государственного управления, в том числе с использованием цифровых технологий, в этой связи можно отметить работы, акцентирующие внимание на межагентском взаимодействии при формировании «умного» государства [14], а также статьи, представляющие исследования, затрагивающие фактор общественных ценностей (Public Value) [11] [15]. Можно отметить, что российский опыт внедрения платформенного подхода при реализации государственных услуг также является предметом исследования и анализа как на федеральном [16], так и региональном [17] уровнях.

Указанные выше теоретические конструкции мы применяем в исследованиях процессов внедрения экосистемного подхода в Российской Федерации. Наши исследования, в частности, свидетельствуют о проявлении тенденций централизации каналов электронного взаимодействия граждан с властью и все более тесной интеграции государственных платформ с коммерческими системами и социальными сетями.

В качестве кейсов для углубленного исследования выступают два проекта: федеральный – сеть Центров управления регионами, взаимодействующая с Платформой обратной связи на Едином портале государственных услуг и региональный - Экосистема городских сервисов «Цифровой Петербург», демонстрирующая высокий уровень интеграции с социальной сетью ВКонтакте (платформа «Я здесь живу»). Следует отметить, что основным побудительным мотивом старта этих проектов является желание выстроить прямое взаимодействие с гражданами с целью формирования политической лояльности и укрепления доверия к власти.

В данном тексте мы не углубляемся в конкретику и специфику этих кейсов и представляем подход к классификации моделей коммуникации власти с гражданами и бизнесом при использовании цифровых платформ.

Модели коммуникации власти с гражданами и бизнесом при использовании цифровых платформ

Исследование процессов, связанных с внедрением информационных систем и цифровых платформ, обеспечивающих коммуникацию между государством, с одной стороны, гражданами, бизнесом и общественностью, с другой, позволяет сформулировать несколько моделей этого взаимодействия. Попытаемся сделать это с использованием платформенного подхода.

Для обозначения каналов взаимодействия будем использовать традиционные для публикаций по темам, связанным с электронным правительством обозначения: G2C / C2G / G2B / B2G, где G означает Government (власть), C – Citizen (гражданин), B – Business (бизнес). Цифра 2 в данных обозначениях является связкой, означающей направление (от англ. «to», что созвучно при произнесении с англ. «two»). Данные обозначения стали общеупотребимыми и классическими после первых публикаций, описывающих каналы взаимодействия власти с различными акторами (как индивидуальными, так и институтами).

Для обозначения взаимодействия с институтами, не относящимися к власти и бизнесу (структуры гражданского общества, пресса, СМИ, социальные медиа, др. организации и институциональные образования, которых, следуя за Ю. Хабермасом, можно отнести к «публичной сфере»), используем обозначение S (Society) и соответственно варианты взаимодействия могут быть такими: S2C / C2S / S2B / B2S / S2G / G2S и т.п.

Данный подход с выделением блоков «Государство» (G), «Граждане» (C), «Бизнес» (B) и «Гражданское общество» (S) нами уже использовался для описания специфики функционирования каналов электронного взаимодействия в институциональной модели E-Participation [18, с. 44-47].

Первая модель: государственные информационные порталы. Классическая схема реализации порталов органов власти с преимущественно информационными услугами. Задействованные каналы: G2C, G2B, G2S (обратная связь в этой модели очень ограничена).

Вторая модель: государственные порталы электронных услуг. Наиболее наглядный пример – Единый портал государственных и муниципальных услуг и отраслевые порталы, обеспечивающие оказание услуг. В данной модели уже имеется интерактив и соответственно рас-

ширен набор задействованных каналов: G2C / C2G, G2B / B2G, G2S / S2G.

Третья модель: государственные цифровые платформы с участием бизнеса. В последнее время все чаще звучат сюжеты, что на базе портала Госуслуг формируется цифровая платформа, с одной стороны, находящаяся в «облаке» Гостеха, а с другой стороны, обеспечивающая взаимодействие с бизнесом через личный кабинет [19]. В эту же конструкцию входит и цифровая платформа для малого и среднего бизнеса МСП.РФ. Учитывая, что для малого и среднего бизнеса предусмотрены и услуги, предполагающие горизонтальное взаимодействие (например, компания - банк) и таким образом можно обозначить следующие каналы взаимодействия: G2B / B2G, B2B, B2C / C2B. Видимо можно обозначить и C2G / G2C, т.к. гражданин, еще не являющийся индивидуальным предпринимателем, также использует портал для получения услуг, связанных с открытием нового бизнеса.

Четвертая модель: коммерческие цифровые платформы с участием государства. В качестве примера можно привести экосистему и цифровую платформу Сбера, где имеется тесная интеграция с государственными платформами, например, с Единой биометрической системой. В 2020 году Сбер даже претендовал на то, чтобы стать оператором платформы «Гостех» и даже выиграл конкурс Минцифры, однако позже был расширен функционал этой платформы и создано федеральное казенное учреждение «Гостех», обеспечивающее ее эксплуатацию и развитие. Еще один пример – платформа ВКонтакте, где с декабря 2022 года начали функционировать т.н. «Госпаблики» - официальные сообщества органов власти и подведомственных учреждений в социальных сетях. Отличить их от обычного паблика можно по специальной метке «Госорганизация», которая стоит под названием сообщества. Фактически в данном случае мы имеем дело с теми же каналами, что и во второй модели (G2C / C2G, G2B / B2G, G2S / S2G), но дополненными горизонтальным взаимодействием через социальные сети: C2C, C2S / S2C и, возможно, C2B / B2C (что предстоит еще исследовать).

Каждая из выделенных моделей обладает своей спецификой, как по технической реализации, так и по уровню доверия со стороны акторов, участвующих в электронном взаимодействии.

Предложенная классификация является предварительной и требуется еще верификация полноты охвата различных конкретных реали-

заций. К примеру, пока не совсем ясно, можно ли отнести экосистему центров управления регионами с системой «Инцидент-менеджмент» к четвертой коммуникационной модели. С одной стороны, налицо функционирование с использованием ресурсов и информации социальных сетей, которые относятся к коммерческим продуктам, с другой – институционально эта деятельность ведется автономной некоммерческой организацией, что по формальным признакам соотносит эту деятельность с гражданским обществом.

Заключение

Поиск методологических оснований и формирование набора методов исследования формирующихся государственных и окологосударственных цифровых экосистем находятся в фокусе внимания серии проектов, реализуемых в 2022-2025 гг. в Центре технологий электронного правительства ИТМО. Представленная работа описывает промежуточные результаты изучения данных явлений и процессов.

Предварительные результаты исследований позволяют сформулировать следующие выводы.

Процессы централизации можно зафиксировать и в проектах развития механизмов электронного взаимодействия власти с гражданами, и при поступательном внедрении в Российской Федерации концепции «Государство как платформа». Это выражается в политике интеграции государственных ресурсов на централизованной платформе «ГосТех», а также через повышение участия государства в деятельности коммерческих цифровых платформ Яндекс, Сбер и ВКонтакте.

При этом в российском правовом поле определения цифровых платформ и экосистем еще не зафиксированы. Имеется довольно много подходов и документов, преимущественно со статусом рекомендаций экспертно-аналитических центров и неправительственных структур. Органы власти и экспертные сообщества, представляющие экономический и финансовый блоки, постепенно внедряют в стилистику документов определения «цифровая экосистема», «цифровая платформа», однако это не носит системный характер.

Исследование процессов, связанных с внедрением информационных систем и цифровых платформ, обеспечивающих коммуникацию между государством, с одной стороны, и гражданами и бизнесом, с другой, позволяет сформулировать четыре модели коммуникации: государственные информационные порталы; государственные пор-

талы электронных услуг; государственные цифровые платформы с участием бизнеса и коммерческие цифровые платформы с участием государства.

Представляется, что эта классификация может стать важной составляющей при определении набора индикаторов, которые нужно учитывать при создании методики оценки результативности функционирования государственных цифровых платформ (и негосударственных платформ, реализующих задачи, поставленные органами власти).

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00364 «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики» (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>).

Список источников

1. O'Reilly T. Government as a Platform // *Opening Government: Transparency and Engagement in the Information Age*. 2010. Vol. 6, № 1. P. 37–44.

2. US Government. Digital Government: Building a 21st Century Platform to Better Serve the American People. 2012. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2012/05/23/presidential-memorandum-building-21st-century-digital-government> (дата обращения: 10.03.2024).

3. Стырин Е.М., Дмитриева Н. Е., Синятуллина Л. Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2019. № 4. С. 31-60.

4. Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа: (кибер)государство для цифровой экономики. *Цифровая трансформация*. М., 2018. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccef0db1eecd56071b98f5f.pdf> (дата обращения: 10.03.2024).

5. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление». URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovoye-gosudarstvennoe-upravlenie.pdf> (дата обращения: 10.03.2024).

6. Чугунов А.В. Управление на основе данных в контексте развития цифровых платформ взаимодействия власти и граждан: постановка проблемы // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции (Всероссийская научно-практическая конференция «Возможности и угрозы цифрового общества», Ярославль, 20–22 апреля 2023 г.). – Ярославль: Филигрань, 2023. С. 65 – 81.

7. Чугунов А.В. К вопросу о возможностях применения цифровых платформ в государственном управлении // Информационные ресурсы России. 2021. №5. С. 2-6. DOI: 10.52815/0204-3653_2021_05183_2

8. Fountain J. E. Building the virtual state. Washington, D.C.: Brookings Institution, 2001.

9. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004.

10. Стырин Е.М., Дмитриева Н. Е., Синятулина Л. Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 31-60.

11. Klievink B., Bharosa N., Tan Y.H. The collaborative realization of public values and business goals: Governance and infrastructure of public-private information platforms // Government Information Quarterly. 2016. Vol. 33 (1). P. 67–79. DOI: 10.1016/j.giq.2015.12.002.

12. Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Ефремов А.А., Ключкова Е.Н., Талапина Э.В., Старцев Я.Ю. Цифровое будущее государственного управления по результатам. – М.: «Дело», 2019.

13. Janssen M., Estevez E. Lean government and platform-based governance—doing more with less // Government Information Quarterly. 2013. Vol. 30 (1). P. S1–S8. DOI: 10.1016/j.giq.2012.11.003

14. Gil-Garcia R. Towards a Smart State? Inter-Agency Collaboration, Information Integration and Beyond // Information Polity. 2012. Vol. 17 (1). P. 269–280. DOI: 10.5555/2656990.2656996

15. Cordella A., Bonina C. A Public Value Perspective for ICT Enabled Public Sector Reforms: A Theoretical Reflection // Government Information Quarterly. 2012. Vol. 29 (4). P. 512–520. DOI: 10.1016/j.giq.2012.03.004

16. Styryn E. M., Mossberger K., Zhulin A. B. Government as a platform: Intergovernmental participation for public services in the Russian Federation // Government Information Quarterly. 2022. Vol. 39. No. 1. Art. 101627. DOI: 10.1016/j.giq.2021.101627.

17. Клечиков А.В., Смирнова П.В., Сытник А.С. Цифровая экосистема Ленинградской области как основа межведомственного взаимодействия для повышения качества электронного управления // International Journal of Open Information Technologies. Т. 11, №12. С. 104-110.

18. Электронное участие: концептуализация и практика реализации в России / под ред. А.В. Чугунова, О.Г. Филатовой. - СПб.: Алетейя, 2020. - 254 с.

19. Бойко А. Минцифры предложило новую схему взаимодействия госорганов с бизнесом // Ведомости. 10 января 2024 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/01/10/1014327-mintsifri-predlozhilovovuyu-shemu-vzaimodeistviya-gosorganov-s-biznesom> (дата обращения: 10.03.2024).

Digital platforms for interaction between authorities and citizens: formation of communication models

A. V. Chugunov

The article is focused on the formation of a research field related to the application of the ecosystem approach and the G2C / G2B digital platforms development. The study of the processes associated with the implementation of information systems and digital platforms that ensure communication between the state, citizens, business and the public, made it possible to formulate communication models of this interaction: state information portals; state portals of electronic services; state digital platforms with the participation of business and commercial digital platforms with the participation of the state. It seems that this classification can become an important component in determining a set of indicators to assess the effectiveness of the state digital platforms (and non-state platforms that implement the tasks set by authorities).

Keywords: e-governance; Technology Enactment Framework; Trust Concept; digital platforms; communication models; e-participation

Роль игрового контента в политической социализации современной российской молодежи

Я. Ю. Шашкова, Д. А. Казанцев

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

yashashkova@mail.ru, dimkazanchev@mail.ru

В статье поставлена проблема трансформации процессов социализации и политической социализации в условиях цифрового общества, выделена специфика киберсоциализации как современного этапа формирования личности. Особое внимание уделено оценке потенциала компьютерных игр в политической социализации современной молодежи. На основании анализа контента популярной у российской молодежи игровой платформы Steam установлено, что на ней размещено значительное количество игр, содержащих в своем сюжете общественно-политические оценки. Однако, в силу специфики игровых ситуаций, они не оказывают на молодых людей прямого социализирующего воздействия, крайне редко порождают у них новые политические знания и навыки. В ходе изучения обзоров пользователей платформы был сделан вывод о том, что игры создают «эхо-камерь», не формируя новые идентичности игроков, а усиливая уже имеющиеся или выводя участников дискуссий на обсуждение политических проблем, даже не всегда напрямую связанных с содержанием игрового контента.

Ключевые слова: политическая социализация; политическое сознание; киберсоциализация; геймификация; компьютерные игры; молодежь

Игра традиционно является одной из форм человеческой деятельности. Понимая ее в широком смысле как вид управляемого поведения, Э. Берн констатировал, что «общественная жизнь по большей части состоит из игр...», некоторые из которых «бывают порой очень опасными, а иногда даже чреватые фатальным исходом» [1, с. 5]. Вместе с тем, игры и игротехники чаще всего ассоциируются с процессом социализации. Как писал А.С. Макаренко, «игра имеет важное значение в жизни ребёнка, имеет то же значение, какое у взрослого имеют деятельность, работа, служба. Каков ребёнок в игре, таков во многом он будет в работе, когда вырастет. Поэтому воспитание будущего деятеля происходит прежде всего в игре. И вся история отдельного человека как деятеля

и работника может быть представлена в развитии игры и в постепенном переходе её в работу» [5]. Данный тезис, сформулированный применительно к первичной социализации, можно распространить и на ее более поздний период, рассматривая игру как универсальный способ моделирования различных ситуаций и выработки навыков поведения в них. В последние годы это находит отражение в бурном развитии технологий геймификации.

В то же время, в условиях информационного общества смысл геймификации зачастую сужается, превращаясь в вопрос характера влияния компьютерных игр на социализацию молодежи, в том числе политическую. Цель данной работы – оценить потенциал компьютерных игр как новых агентов социализации вообще и политической социализации в частности. Методологической рамкой исследования выступила конструктивистская парадигма, согласно которой становление личности происходит в тесном взаимодействии со значимыми другими, которые представляют собой социальную среду, в которую попадает человек. Они выступают в роли ретрансляторов между миром и индивидом. Значимые другие, интерпретируя информацию, передают ее индивиду, опираясь на элементы, присущие любому процессу социализации и состоящие в освоении языка данной общности, мотивационных и интерпретационных схем, а также аппарата легитимации.

Постановка вопроса о роли компьютерных игр в социализации современной молодежи обусловлена тем, что в условиях цифровизации интернет превратился для студентов и школьников не просто в источник информации, а, фактически, в среду существования, в рамках которой они учатся, работают, коммуницируют, совершают покупки, развлекаются. Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в мае 2023 г., «74% россиян ежедневно заходят в глобальную сеть, при этом доля «heavy users» – тех, кто в интернете проводит более четырех часов в день, – составила 35%». 86% в группе «heavy user» – это молодые люди в возрасте «до 25 лет, с высшим и неполным высшим образованием (40%), с хорошим или очень хорошим материальным положением (39%), жители одной из столиц или города-миллионника (49% и 42% соответственно)» [10]. И хотя данные по младшим возрастным группам в подобных опросах отсутствуют, другие исследования позволяют распространить эти характеристики и на школьников.

Указанная ситуация обусловила выделение нового явления – киберсоциализации. Несмотря на то, что часть авторов трактуют это понятие (наряду с термином – синонимом «цифровая социализация») как повы-

шение цифровой грамотности в различных возрастных группах, на наш взгляд, оно должно применяться в первую очередь к поколению «цифровых аборигенов» и описывать ситуацию, когда онлайн-среда, различные виды интернет-контента активно, прямо или косвенно, участвуют в формировании мировоззрения, умений и навыков студентов и школьников, которые «вооружившись электронными устройствами, практически самостоятельно осваивают новый образ жизни» [8, с. 75]. В ходе киберсоциализации формируется «гиперподключенная, технологически достроенная цифровая личность как часть личности реальной; ... когда развивающееся сознание фактически сращивается с внешними орудиями (гаджетами) и знаковой реальностью (Интернетом). Цифровые технологии интегрируются в нашу когнитивную и социальную систему, определяя цифровое расширение (достройку) человека. Ключевые измерения цифровой социализации – гиперподключенность к Интернету, смешанная реальность, расширенная личность и цифровая социальность» [9, с. 431].

Подобное существование в смешанной реальности обеспечивается в том числе за счет компьютерных игр. Не отрицая наличие их влияния на современную молодежь в принципе, исследователи расходятся в его оценке. Одна позиция представлена сторонниками идеи положительной роли видеоигр в социализации человека, указывающими на возможность игр развивать навыки анализа ситуаций, планирования и социальных взаимодействий. Например, многопользовательские игры требуют от игроков совместной работы для достижения общих целей, поощряя командную работу и сотрудничество. Игровые сообщества также могут обеспечить благоприятную среду для общения с другими людьми, разделяющими общие интересы. Более того, видеоигры могут предоставить возможность познакомиться и пообщаться с представителями различных культур и политических движений [4]. Также технология виртуальной реальности может использоваться для создания реалистичных и интерактивных социальных сценариев, позволяющих людям обрабатывать социальные навыки [7].

Критики потенциала видеоигр как агентов социализации, напротив, утверждают, что их чрезмерное использование может привести к формированию деструктивных установок, склонности к насильственному решению проблем, социопатии [2]. По их мнению, «особенностью технологии геймификации является высочайшая скорость инклюзивности в конкретную область цифровой реальности и, как следствие, хотя бы кратковременный выход из других частей он-

лайн- и офлайн-жизни. Более того, наличие ограниченного количества игровых сообществ повышает склонность индивидов к часто воспроизводимому сопоставлению «свой-чужие», лишая его желания узнавать иные сообщества и быть толерантным к ним, что в контексте многонационального государства катализирует риски социальных конфликтов, в частности, межэтнических» [6, с. 144].

Но насколько эти выводы справедливы для политической социализации?

Исследование игровой платформы Steam, контент которой, несмотря на санкции и ограничения против российских пользователей, продолжает являться неотъемлемой частью повседневной жизни молодежи, выявило, что множество размещенных на ней игр содержат в своем сюжете общественно-политические оценки относительно исторических или актуальных событий, привлекая целевую аудиторию к обсуждениям и дискуссиям. Однако, как показал дальнейший анализ, влияние Steam на политическую социализацию молодежи оказалось не столь однозначным и детерминированным, как можно было предположить, исходя из объема контента.

Для выявления объектов исследования – конкретных игр – были использованы инструменты анализа сетевого трафика и поисковых запросов – Google Trends и Вордстат. Они позволили установить тренды в изучаемых запросах, выделить наиболее актуальные темы в заданный период, сделать выводы о предпочтениях и интересах потребителей, а также сформировать выборку из игр, вызывающих наибольшее внимание в контексте политической социализации молодежи.

Анализ более 2,5 тыс. обзоров, собранных в Steam в период с 2020 по 2024 гг. продемонстрировал наличие взаимосвязи между содержанием игр и целевыми реакциями аудитории платформы, в том числе молодежной, обусловленными политической повесткой. При этом было замечено, что контент, содержащий нарративы с полемическим характером или вызывающий дискуссии вокруг актуальных общественно-политических тем, часто привлекает к себе внимание сообщества и способствует более активному обмену мнениями.

В то же время, оказалось, что выбор игрового контента является не случайным процессом, а определяется уже имеющимися у молодых людей ценностями и установками. Возникает эффект «эхо-камеры», проявляющийся в сосредоточении пользователей со схожими взглядами и убеждениями в рамках соответствующей проблематики, и далее члены какой-либо группы, «общаясь исключительно с единомыш-

ленниками», «только сильнее укрепляются в своем мнении» [3, с. 11]. В частности, в контексте игр, посвященных военному делу, наблюдается склонность к обсуждениям геополитических вопросов, таких как политические конфликты и стратегических навыков боев, что привлекает к себе участников с определенными политическими предпочтениями. Например, в «FPV Kamikaze Drone» игрок управляет дроном во время боя с противником, что, судя по обзорам, отсылает аудиторию к событиям СВО, поэтому здесь комментаторы активно пишут о поддержке СВО и демонстрируют пророссийские лозунги: «Хайп игра, советую тем, кто собирается на СВО». Если же игра повествует об альтернативной истории СССР, как в «Atomic Heart», то пользователи говорят о ностальгии по Союзу, дискутируют про роль СССР в истории современной России, положительно или отрицательно оценивают историческое прошлое, рассуждают об образе будущего или спорят о конкретных периодах в СССР, вроде: «Редко меня впечатляют игры, но эта прямо в самую душу. Такая атмосферная. Даже появилась некая ностальгия по этим временам, хотя не жила в СССР». Или, если игра глубокая по философии и сюжету, вроде «Disco Elysium», в которой авторы рассказывают детективную историю через призму левых и правых идеологий, то к игре появляются комментарии о левых и правых идеях, например: «Если вам нравится декаданс, упадническая тема и детектив, который, в свою очередь, отлично переплетается с двумя вышеперечисленными темами, то Disco Elysium определенно ваш выбор. Неоднозначное, но весьма интересное управление в стиле point and click, а также необычная графика - однозначные плюсы этой игры среди других представительниц жанра ролевой игры. Меня нельзя назвать истинным любителем всего этого, но шарм Ревашоля и близкая к сердцу тема коммунизма, а также проблема фашизма/нацизма/расизма дали о себе знать во время прохождения данного шедевра инди разработки».

В целом можно констатировать, что игровой контент, в частности, размещенный на платформе Steam, мало способствует получению политических знаний и формированию навыков политического поведения, однако усиливает идентификацию игроков на основе знаний и навыков, полученных от других агентов социализации. Основанный на альтернативной и выдуманной, но «своей» истории, контент может вызвать рефлексию участников сообществ о прошлом и будущем, стимулируя рассуждения молодых людей о политике в целом, политических событиях, идеологиях и исторических периодах, провоцируя эмоциональные реакции и оценки, базирующиеся на личном опыте и восприятии игроков.

В результате сообщества в Steam становятся площадками для активных дискуссий о социальных и политических феноменах, отражающихся как в контексте игры, так и в широком социокультурном пространстве. При этом в ходе этих дискуссий они могут трансформировать восприятие контента, вкладывая в него новое, не предусматривавшееся создателями содержание.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 24-28-01584 «Политическая социализация российской молодежи в контексте трансформации ее коммуникативных стратегий».

Список источников

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих отношений / Э. Берн. // Игры, в которые играют люди: психология человеческих отношений. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы. – СПб.–М.: «Университетская книга», 1998. – 247 с.
2. Breuer J. Violent video games and physical aggression: Evidence for a selection effect among adolescents / J. Breuer, J. Vogelgesang, T. Quandt, R. Festl // *Psychology of Popular Media Culture*. – 2015. – №4(4), – P. 305–328. DOI: 10.1037/ppm0000035
3. Брунс А. Реальна ли стена фильтров? / А. Брунс. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2023. – 120 с.
4. Cole H. Social Interactions in Massively Multiplayer Online Role-Playing Gamers / H. Cole, M.D. Griffiths // *CyberPsychology & Behavior*. – 2007. – Aug. – P. 575-583. DOI: 10.1089/cpb.2007.9988
5. Макаренко А.С. О воспитании молодежи / А.С. Макаренко [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_m/makarnk_igra.php?ysclid=ltv01dmjrf768432135 (дата обращения: 01.03. 2024 г.).
6. Мальцева Д.А. Потенциальные риски и угрозы геймификации социально-политических коммуникаций молодежи поколения Z в условиях медиатизации / Д.А. Мальцева, О.Д. Сафонова, П.Р. Тузова // *Корпоративные стратегические коммуникации: тренды в профессиональной деятельности: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения В. Р. Вашкевича*, Минск, 5–6 окт., 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Беляев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – С. 141-145.

7. Ryan R. The Motivational Pull of Video Games: A Self-Determination Theory Approach / R. Ryan, C. Rigby, A. Przybylski // *Motivation and Emotion*. – 2006. – №30. – P. 344-360. DOI: 10.1007/s11031-006-9051-8

8. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире / Г.У. Солдатова // *Социальная психология и общество*. – 2018. – Т. 9. – № 3. – С. 71–80. DOI: 10.17759/ sps.2018090308

9. Солдатова Г.У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики / Г.У. Солдатова, А.Е. Войскунский // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2021. – Т. 18. – № 3. – С. 431-450. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450

10. Цифровой детокс – 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него // ВЦИОМ. – 2023. – 13 июня [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego> (дата обращения: 01.03. 2024 г.).

The role of game content in the political socialization of modern Russian youth

Ya. Yu. Shashkova, D. A. Kazantsev

Altai State University, Barnaul, Russia

The article poses the problem of transforming the processes of socialization and political socialization in a digital society. It highlights the specifics of cybersocialization as a modern stage of personality formation. Particular attention is paid to assessing the potential of computer games in the political socialization of modern youth. Based on the analysis of the content of the gaming platform Steam, popular among Russian youth, we established that it hosts a significant number of games that contain socio-political assessments in their plots. However, due to the specific nature of gaming situations, they don't have a direct socializing effect on young people and don't develop new political knowledge and skills. In the course of studying reviews of the platform, it was concluded that games create "echo chambers". They do not form new player identities, but strengthen existing ones or cause the participants to discuss political issues that are not always directly related to the content of the game.

Keywords: political socialization; political consciousness; cybersocialization; gamification; computer games; youth

Политико-правовые аспекты цифровой повестки США на современном этапе

Е. С. Шевченко

Центр развития образовательных и исследовательских проектов
«Академический Альянс», Москва, РФ
katerina.shevv@yandex.ru

В современных динамично развивающихся обществах и государствах цифровые атрибуты приобретают трансформационный потенциал применительно к идейным, управленческим, регуляторным, коммуникативным процессам и практикам. В данном контексте имеют особое значение разработка и апробация концептуально и технически нового инструментария формулирования оригинальных политических решений и действий ввиду правил и требований современной цифровой среды. Конечно, на подобные системные изменения оказывает заметное влияние национальная специфика, а также конкретные внутривнутриполитические факторы и условия, модели и механизмы межинституционального общения, личностные особенности политического руководства и др. В этой связи особый научно-исследовательский интерес представляет анализ политико-правовой проблематики цифрового развития США на современном этапе в рамках актуализируемых рисков и угроз глобального и межгосударственного взаимодействия.

Ключевые слова: цифровая повестка; цифровое законодательство; политические решения; государственное управление; США; президент США

Введение

Сегодня разработка перспективных цифровых проектов с последующим внедрением полученных практических результатов в конкретные сегменты общественной жизни является одним из ключевых направлений государственного управления с точки зрения обеспечения политической конкурентоспособности и усиления геополитического и геостратегического влияния в мировом и региональном аспектах. Реальность такова, что цифровая проблематика в обязательном порядке включается в политическую повестку большинства современных госу-

дарств. В данном смысле передовые цифровые ресурсы и инструменты являются объектом усиливающегося межгосударственного противоборства наиболее влиятельных политических акторов. Естественно, США и, в частности, американская политическая элита по объективным причинам включены в данную политическую гонку на фоне экспортируемого мирополитического вклада Российской Федерации, КНР, стран Европейского союза и др.

Теоретическая рамка исследования

В качестве теоретической основы анализа актуальной политико-правовой проблематики формулируемой американской цифровой повестки использованы федеральные и отраслевые источники действующего цифрового законодательства США, а также отдельные документы политического и стратегического планирования применительно к формулированию ключевых ориентиров диджитализации американской общественно-политической системы и обеспечению цифровой безопасности США. В том числе в рамках данного исследования используются конкретные данные и информация, представленные в работах американских политологов и экспертов по вопросам и проблемам политического развития США.

Цель и методы исследования

Целью данного исследования является определение основных политико-правовых аспектов цифровой повестки США на современном этапе. За методологическую основу данного исследования приняты следующие методы: контент-анализ, вторичный анализ имеющихся научно-исследовательских данных, систематизация, категорирование.

Основная часть (результаты сбора данных)

Событийный ряд в рамках обновлений и изменений политической системы США последние несколько лет обусловлен комплексом притязаний и мероприятий, направленных на более-менее адекватное поддержание американского политического лидерства при Дж. Байдене и безальтернативное восстановление «политической имперскости» США при Д. Трампе. Разумеется, реализуемый политический курс по активизации использования цифровых продуктов в системе государственного управления и политического администрирования не является исключением, причем в пользу предыдущего тезиса свидетельствуют данные о бюджетном финансировании соответствующих

научно-технических проектов и программ в США: если в первом случае речь идет о сумме чуть более \$50 млрд в 2022 году, то во втором случае – о сумме более \$84 млрд в 2019 году.

Конечно, проводя некоторые параллели между президентством Д. Трампа и Дж. Байдена относительно специфики наращивания цифрового потенциала США, необходимо отметить, что для Д. Трампа было характерно применение системного идейно-технологического подхода в контексте собственного видения политической ситуации в США на основе пяти ключевых методологических принципов (Research And Development, Infrastructure, Governance, Workforce, International Engagement) [8]. При этом политическая команда Дж. Байдена фокусируется вокруг формулирования точечных руководств к политическим действиям в ответ на соответствующие процессуальные и инфраструктурные изменения политических партнеров и оппонентов.

Сегодня основными источниками действующего цифрового законодательства США являются следующие федеральные нормативно-правовые акты:

- S. 2787 – 5G SALE Act (регулирование вопросов лицензирования коммерческой деятельности и определения ключевых требований системы конкурсных торгов в области массовых коммуникаций и связи);
- H.R. 7132 – Safe Connections Act Of 2022 (регулирование вопросов соблюдения требований конфиденциальности и ограничения предоставления услуг мобильной связи со стороны поставщиков мобильных услуг совершившим преступные деяния лицам);
- H.R. 4346 – CHIPS And Science Act (развитие сети научных исследований и научно-исследовательских разработок в области микроэлектроники, освоение новых технологических мощностей на основе имеющейся и обновляемой институциональной базы (CHIPS For America Fund, CHIPS For America Defense Fund, CHIPS For America International Technology Security And Innovation Fund, CHIPS For America Workforce And Education Fund), коммерциализация инновационных полупроводниковых и иных технологий, стратегическое увеличение производственных объемов выпуска компьютерных чипов в федеральном масштабе, обеспечение безопасности критически важных отраслей национальной обрабатывающей промышленности, наращивание кадрового потенциала в рамках развития STEM-образования);
- S. 658 – National Cybersecurity Preparedness Consortium Act Of 2021 (формулирование критериев и направлений поддержания совместных

усилий в рамках межинституционального обмена по купированию соответствующих рисков и угроз кибербезопасности, расширение сети аккредитованных операторов в области защиты киберпространства, разработка профильных и отраслевых научно-образовательных программ для государственных служащих, решение технических задач по оперативному реагированию на взломы и слежение);

• H.R. 4998 – Secure And Trusted Communications Networks Act Of 2019 (утверждение правил получения разрешительной документации на конкретное коммуникационное оборудование, а также формирование списка коммуникационных услуг, представляющих угрозу национальной безопасности США и личной безопасности американских граждан) и др.

Обзор правоприменительной практики определяет проблемный контур формулирования различных и подчас противоречивых позиций федеральных судей по аналогичным судебным делам, влияющих, соответственно, на рассмотрение заявлений сторон судебного процесса и вынесение судебного решения. Вместе с тем необходимо особо оговорить то обстоятельство, что в ситуации приобщения влиятельных представителей политической и медийной общественности к конкретным судебным прецедентам органы судебной власти США склонны солидаризировать используемые доводы и аргументы и выступать «единым фронтом» в рамках рассмотрения неотрегулированных или спорных институциональных и процессуально-технических особенностей принятой модели цифрового развития США. В частности, подобная постановка вопроса прослеживается в рамках рассмотрения судебных притязаний Apple и WhatsApp* к NSO Group Technologies, являющейся одной из крупных организаций в израильском IT-секторе, на тему использования инструментария кибершпионажа и получения несанкционированного доступа к личным данным пользователей [1] [3]. Хотя, пожалуй, это является одной из ключевых особенностей судебной системы США в целом [9].

Результаты более подробного анализа положений представленных нормативно-правовых актов по цифровой проблематике и конкретных прецедентов использования стратегий и схем «цифрового правоприменения» свидетельствуют о том, что сегодня на законодательном уровне принят предметно очерченный пул федеральных законов США, предусматривающих регламентирование работы компетентных органов исполнительной власти и регулирование отдельно взятых специфических

вопросов цифровой экономики и цифровизации в целом. При этом отсутствует единый законодательный пакет, предусматривающий комплексное рассмотрение и решение цифровых проблем в США.

В контексте цифровизации деятельности правительственных структур и предоставления государственных услуг гражданам, регламентированных главным образом двумя стратегическими документами (Executive Order 13571 On «Streamlining Service Delivery And Improving Customer Service», Executive Order 13576 On «Delivering An Efficient, Effective And Accountable Government»), предусмотрены следующие основные директивные направления работы на основе принципов прозрачности и подотчетности перед обществом:

- размещение открытых данных (метаданных) на официальных Интернет-порталах с защитой конфиденциальных данных пользователей (Open Data Policy);

- поддержание межинституциональной и межструктурной координации в формате рабочих групп и оперативных совещаний в рамках решения проблемных вопросов с привлечением сопровождения в том числе научно-исследовательского сообщества;

- повышение операционной эффективности используемых цифровых платформ и сервисов в рамках специально разработанных критериев и индикаторов;

- минимизация временных и финансовых ресурсов, направленных на обеспечение работоспособности адаптируемых инновационных технологий и инструментов.

С целью обеспечения полноценного доступа к необходимой информации и установления оптимальных межсубъектных связей осуществляется «оцифровка» и каталогизация соответствующих данных по штатам, округам, городам и аффилированным с политическими структурами институтам и организациям посредством сервиса Data.gov. В свою очередь, поддержание горизонтальных общественно-политических коммуникаций и контактов осуществляется с использованием онлайн-платформы GovUp, разработанной на технологической основе TechChange.

На уровне профильных органов исполнительной власти в составе американского федерального правительства действуют специальные цифровые стратегии, определяющие ключевые цели и задачи в области цифрового развития США, а также отраслевые цифровые научно-исследовательские и образовательные программы (Digital Research

And Learning Agenda). В последнее время в концептуальные документы включаются такие принципиально важные категории и нарративы, как инклюзивная цифровая среда, рынок цифровых продуктов и услуг, цифровая идентичность и др., а также выводится Digital Research Enterprise в качестве отдельного направления совместной деятельности правительственных и неправительственных организаций с целью просчета и прогнозирования наиболее вероятных политических результатов.

В политико-институциональном аспекте условно «кураторами» реализуемой на современном этапе в США цифровой повестки целесообразно обозначить, прежде всего, Агентство по кибербезопасности и защите инфраструктуры США (The United States Cybersecurity And Infrastructure Security Agency), Управление по научно-технической политике США (The United States Office Of Science And Technology Policy), Национальный институт стандартов и технологий США (The United States National Institute Of Standards And Technology), а также национальную сеть научно-исследовательских лабораторий (National Laboratories). Например, формулируются конкретные предложения и рекомендации по использованию двухфакторной и многофакторной аутентификации (TFA и MFA соответственно), разрабатываются превентивные меры и мероприятия с целью своевременного обнаружения и реагирования в ситуации активизации вредоносных программ и фишинга (в частности, вводятся в действие специальные дорожные карты типа Shields Up и Shields Ready), обсуждаются совместные конъюнктурные решения по расширению системного опыта работы в области искусственного интеллекта и т.д.

В техническом аспекте обеспечение бесперебойного и оптимизированного функционирования цифровой экосистемы США в современных условиях предполагает использование комплекса проверенных программных алгоритмов и инструментов, а также своевременное обновление руководств и схем управления системными характеристиками и конфигурациями на основе плана обеспечения цифровой безопасности (SSP) и плана действий в цифровом сегменте в чрезвычайных ситуациях (CP). С целью противодействия нежелательному вмешательству и ограничения противоправного поведения в цифровом пространстве, в частности, четко регламентированы и запротоколированы эксплуатационные особенности аппаратного обеспечения, разработаны и утверждены в соответствующем порядке требования по сертифи-

кации и аккредитации (C&A), запрограммирована исходная кодификация данных и определена система правил внесения изменений, а также в обязательном порядке организованы тестирование и проверка регистрационных и иных изменений с целью корректной идентификации пользователей и осуществления контрольных действий со стороны высококвалифицированных и опытных специалистов (Information Management Officers – IMO, Information Security Officers – ISO, Information System Security Officers – ISSO и др.).

Политическая деятельность в глобальном проблемном поле напрямую коррелирует с оперативным реагированием на актуализируемые цифровые вызовы в рамках межстрановой коммуникации и по возможности купированием их негативного воздействия на национальную политическую номенклатуру [7]. В данном контексте актуализируется проблематика использования согласованных методов и приемов цифровой дипломатии и противодействия распространения со стороны цифровых медийных ресурсов дезинформации и Fake News [5]. Соответственно, политическое руководство США последние несколько лет сигнализирует о секьюритизации современного глобального информационно-коммуникационного пространства и проведении качественной рефлексии на тему уважения предъявляемых требований цифровой безопасности и формирования цифровой ответственности с ориентацией на собственные национальные интересы и требования политико-правовых доктрин (справедливости ради необходимо отметить, что потенциал цифровой дипломатии США, оцениваемый в рамках аналитических данных Digital Diplomacy Index по 10-балльной шкале по таким критериям, как охват дипломатической сети, дипломатический вес, эффективность общения через посредников и агентов и др., в 2023 году составлял в среднем 8,6 баллов). Другими словами, целевая установка внутривнутриполитической цифровой повестки США – содействие развитию открытых гармонизированных связей в рамках государственно-частного партнерства на основе соответствующей идейно-функциональной архитектуры, при этом целевая установка внешнеполитической цифровой повестки США – максимальная защита национального цифрового пространства на основе обновляемой системы защитных механизмов и контрмер процессуально-технологического характера.

Отчетные материалы Pew Research Center начала 2024 года демонстрируют конкретные эмпирические подтверждения в целом успешной

цифровизации общественно-политической жизни США – 95% взрослых американцев, имеющих высшее образование и средний доход, использует высокоскоростной Интернет, при этом около 90% граждан США живет в онлайн-режиме с постоянным доступом к информационно-коммуникационным и цифровым источникам [2]. Вместе с тем более половины американского общества (около 56%) довольно скептически относится к использованию современных цифровых технологий в медицине и лечении, поскольку есть моральные и иные границы, переходить которые категорически нельзя: в частности, это касается использования микрочипов посредством хирургического вмешательства в работе головного мозга [4].

Если обратиться к наиболее востребованным и используемым сегодня мировым сообществом системам рейтингования государств по степени открытости цифровой экосистемы и уровню оперируемости цифровыми инструментами, то, в частности, в соответствии с Мировым рейтингом цифровой конкурентоспособности 2023 года швейцарской бизнес-школы IMD (World Digital Competitiveness Ranking 2023) США отведено первое место [10]. Это также подтверждается отчетными материалами Всемирного банка в отношении почти 200 современных государств по результатам анализа конкретных параметров и показателей цифровой трансформации в государственном секторе и развития цифровых технологий в общественно-политической жизни на основе индекса GTMI за 2022 год, в соответствии с которыми США – государство, лидирующее по успешному внедрению цифровых инструментов в рамках четырех декларируемых GovTech-направлений [6].

Выводы

Современной политической элитой США цифровая атрибутика понимается, прежде всего, с точки зрения получения конкурентных преимуществ в рамках межгосударственных отношений и позитивизации политического позиционирования на глобальном уровне. Это подтверждает хотя бы тот факт, что на уровне американской политико-правовой системы разрабатываются и соответствующим образом финансируются конкретные практические мероприятия в контексте актуализации цифровой проблематики: во-первых, принимаются регулирующие проблемные аспекты источники федерального цифрового законодательства США, во-вторых, реформируется система компетент-

ных в сфере цифрового развития США исполнительных органов государственной власти. Вместе с тем сохраняется необходимость преодоления «тормозных» факторов и обстоятельств на пути цифровизации современного формата, устранения «пробелов» в действующих нормативно-правовых актах, стабилизации межинституционального взаимодействия и т.д. В свою очередь, это определяет спектр приоритетных политических целей и задач для будущей администрации президента США в 2025 году.

Список источников

1. Суд США разрешил рассмотрение иска WhatsApp к производителю шпионского софта Pegasus // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/483546-sud-ssa-razresil-rassmotrenie-iska-whatsapp-k-proizvoditelu-spionskogo-softa-pegasus/> (дата обращения: 26.02.2024)⁴.

2. Americans' Use Of Mobile Technology And Home Broadband // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2024/01/31/americans-use-of-mobile-technology-and-home-broadband/> (дата обращения: 28.02.2024).

3. Apple подала в суд на израильского разработчика софта для взлома смартфонов // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/447095-apple-podala-v-sud-na-izrail-skogo-razrabotcika-softa-dla-vzloma-smartfonov/> (дата обращения: 26.02.2024).

4. Computer Chips In Human Brains: How Americans View The Technology Amid Recent Advances // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/02/01/computer-chips-in-human-brains-how-americans-view-the-technology-amid-recent-advances/> (дата обращения: 28.02.2024).

5. Fung K.C. Introduction To Special Section On Global Trading System With The New American Administration: China, United States And Europe // Journal Of Chinese Economic And Business Studies. 2021. Vol. 19, Issue 3. P. 173-179.

6. GovTech: Putting People First // The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/govtech/gtmi/> (дата обращения: 26.02.2024).

7. Taylor B.C. Defending The State From Digital Deceit: The Reflexive Securitization Of Deepfake // Critical Studies In Media Communication. 2021. Vol. 28, Issue 1. P. 1-17.

---

⁴ Компания-владелец Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена

8. Trump To Launch Artificial Intelligence Initiative, But Many Details Lacking // Science. URL: <https://www.science.org/content/article/trump-launch-artificial-intelligence-initiative-many-details-lacking/> (дата обращения: 26.02.2024).

9. WhatsApp Says Israeli Firm Used Its App In Spy Program // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/10/29/technology/whatsapp-nso-lawsuit.html/> (дата обращения: 26.02.2024).

10. World Digital Competitiveness Ranking 2023 // International Institute For Management Development. URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/> (дата обращения: 26.02.2024).

Political and legal aspects of the US digital agenda at the present stage

E. S. Shevchenko

Center For Development Of Educational And Research Projects "Academic Alliance", Moscow, Russian Federation

In modern dynamically developing societies and states digital attributes acquire transformational potential in relation to ideological, administrative, regulative, communicative processes and practices. In this context, creation and testing of conceptually and technically new tool of formulation original political decisions and actions in view of rules and requirements of modern digital environment have a specific importance. Of course, such systemic changes are significantly influenced by national specific, as well as concrete domestic political factors and conditions, models and mechanisms of interinstitutional communication, personal characteristics of political elite, etc. In this regard, the analysis of political and legal problems of the US digital development at the present stage in the framework of actualized risks and threats of global and interstate interaction can be of specific scientific research interest.

Keywords: digital agenda; digital law; political decisions; public administration; the United States; the US President

Измерения цифровизации: технологическое, антропологическое, сетевое

О. Г. Щенина

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, РФ

oschenina@mail.ru

В данной статье предпринимается попытка анализа эффектов цифровизации в ракурсе ее измерения: технологическом, антропологическом и сетевом. Показано, что менее изученным остается вопрос о социально-гуманитарных аспектах цифровой трансформации общества. Автором предпринимается попытка характеристики некоторых аспектов цифровизации на основе ее технологического, антропологического и сетевого измерений. Целью исследования является анализ некоторых сторон сложного и многоуровневого процесса цифровизации во взаимосвязи ее технологического и антропологического аспекта с попыткой применения сетевого подхода в процессе исследования. Методология основывается на комплексном применении контент-анализа, сетевого подхода, в также применен системный подход к анализу цифровой трансформации общества. Отмечается, что в настоящее время в различных областях знаний ведется активный поиск новых объяснительных моделей новой реальности, которая формируется на наших глазах в процессе становления сетевого общества. Автор статьи приходит к выводу о том, что в повестке дня общества - расширение спектра методологии измерений цифровизации, востребованы креативные идеи и концепции по трактовке влияния и прогнозирование последствий цифровых трансформаций.

Ключевые слова: цифровизация; цифровые технологии; цифровые практики; новая социальная реальность; сетевое общество

Введение

Мнения ученых и практиков, специалистов в области технологий и гуманитарных дисциплин о цифровизации как одной из сторон жизни современного человека весьма обширны и многозначны. Тематика цифровизации в течение последнего десятилетия устойчиво занимает лидирующие позиции в различного рода тематических рейтингах СМИ. Складывается представление, что обо всех гранях циф-

ровизации написано и сказано много и тема достаточно разработана. Однако пристальное внимание общества к цифровизации как глобальному тренду современного общественного развития не ослабевает, а в некоторых ракурсах цифровые практики вызывают значительный интерес не только у специалистов, но и обычных граждан.

Развитие технологий в том числе и цифровых, информационно-коммуникационных технологий, искусственного интеллекта во многом меняют наши возможности в области коммуникаций, представления о мире, мировоззрение людей. Вероятно, поэтому цифровизация настолько органично вошла в нашу жизнь и преобразила ее, изменив не только внешнюю среду обитания человека, но и его самого.

Цифровая трансформация связана со множеством инноваций не только технологического порядка, но и социальных, гуманитарных, антропологических. В этой связи актуализируется вопрос гуманитарной экспертизы инноваций в ракурсах ее влияния на социально-политические, экономические, культурные практики. На взгляд автора статьи представляет особый исследовательский интерес рассмотрение ракурсов атрибуции цифровизации в контексте многообразия ее эффектов и практик.

В статье теоретической рамкой исследования выступает анализ эффектов цифровизации в ракурсе ее измерения - технологическом, антропологическом и сетевом. Показано, что чаще всего цифровизация рассматривается как технологический процесс и измеряется на основе применения множества параметров. Изучаются уровни цифровизации, модернизация инфраструктуры на основе внедрения новых технологий и т.д., статистической информации по этому вопросу достаточно много. Однако на наш взгляд менее изученным остается вопрос о социально-гуманитарных аспектах цифровой трансформации общества. Поэтому автором предпринимается попытка характеристики некоторых аспектов цифровизации на основе ее технологического, антропологического и сетевого измерений.

Целью исследования является анализ некоторых сторон сложного и многоуровневого процесса цифровизации во взаимосвязи ее технологического и антропологического аспекта с попыткой применения сетевого подхода в процессе исследования. Методология основывается на комплексном применении контент-анализа, сетевого подхода, в также применен системный подход к анализу цифровой трансформации общества. Специалисты обращают внимание на тенденцию обновле-

ния методологии исследования общества в условиях цифровизации и указывают на «следующий трансдисциплинарный вектор: социальная философия – социальная эпистемология – цифровая антропология» [4, с. 289]. Таким образом, междисциплинарный подход к изучению сложных процессов стремительно изменяющегося современного общества позволит приблизиться к пониманию новой реальности.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в настоящее время в различных областях знаний ведется активный поиск новых объяснительных моделей новой реальности, которая формируется на наших глазах в процессе становления сетевого общества. В этой связи востребованы креативные идеи и трактовки социальных, политических практик, обсуждаются в среде специалистов различные варианты «траекторий развития» [1, с. 254]. Наряду с этим, «идет процесс освоения новой онтологии в ходе исследования цифровизации» [3, с. 9].

Поскольку новая социальная реальность находит свое воплощение в цифровой экономике, множестве самых разных цифровых платформ и т.д., одной из граней исследования действительности выступает множественность трактовок ее сущности и смыслов.

Основная часть

Перейдем к анализу измерений цифровизации и начнем с ее главного параметра – технологического. Технологическое измерение цифровизации выражается в анализе эффектов инновационных технологий прежде всего в различных сферах жизнедеятельности современного общества, например, в сфере государственного управления. В этой связи следует учитывать весьма емкое замечание - «все технологии имеют политическую природу» [6, с. 64].

Технологический аспект цифровизации обуславливается уровнем развития современных технологий, уровнем их внедрения в разные сферы жизнедеятельности общества. Одно из ярких проявлений из стремительного развития и усиления значимости для человека и общества представляет собой развитие искусственного интеллекта (ИИ). Дискурс о развитии искусственного интеллекта включает не только анализ возможностей этой технологии, ведь сегодня это неотъемлемая часть нашей жизни. Но чем дальше человечество продвигается по пути совершенствования ИИ, расширения спектра технологических возможностей тем отчетливее проявляются вызовы и риски. Достаточно вспомнить неоднократно высказываемое в течение последнего

десятилетия мнение Илона Маска о необходимости контроля за ИИ, об опасности разработок в этой сфере по отдельным направлениям.

Безусловно, как и любой другой технологический процесс цифровизация имеет позитивные и негативные последствия для человека и общества. С точки зрения позитивных последствий цифровой трансформации общества следует выделить значительные, скорее даже кардинальные, преобразования среды обитания человека и общества, той самой искусственной среды. Жизнь современного человека стала во много раз комфортнее по сравнению с предыдущими поколениями людей – цифровые телефоны, смартфоны, планшеты; цифровое телевидение и компьютеры, предоставляющие контент не только в традиционном привычном текстовом формате, видео или аудиоконтент, но и расширяющиеся возможности виртуальной среды и визуализация контента.

Цифровые каналы, используемые для передачи информации и контента, изменяют наши представления о пространстве и времени. Непрерывно расширяются рынки, предоставляющие цифровой контент населению и организациям, возрастает доля видеоконтента. То есть можно говорить о сформировавшихся во многих областях экосистемах на основе цифровых технологий – к ним относятся производство, распространение и потребление цифрового контента. Поэтому и возрастают требования к расширению компетенций современного человека, формированию у подрастающего поколения универсальных учебных действий. В системе современного российского образования на уровне основного общего образования в настоящее время реализуется системно-деятельностный подход, позволяющий расширять в процессе обучения школьников спектр их компетенций.

Важное значение приобретает формирование цифровой грамотности населения страны, развитие читательской, информационной и функциональной грамотностей людей. Изменяются и социальные роли человека под влиянием процесса цифровизации как потребителя и производителя информации, отсюда и востребованность приобретения новых компетенций.

Обратимся к данным исследования цифровой трансформации российской экономики (и общества в целом), проводимое на протяжении многих лет НИУ ВШЭ «Индекс цифровой экономики – 2023» [5]. Данные за 2023 год свидетельствуют о том, что 84% россиян пользуются интернетом, что свидетельствует о достаточно высоком уровне

цифровой грамотности населения страны. Причем 81% пользуется интернетом ежедневно, то есть цифровизация стала технологией нашей повседневности, которая воплощается в цифровых практиках повседневной жизни. Цифровые практики россиян включают оплату товаров и услуг, проведение различного рода финансовых операций, получение в электронном виде государственных услуг, взаимодействие с органами власти и др. Таким образом, значимость цифровой трансформации для современного общества трудно переоценить, при этом следует учитывать и другие стороны этого глобального процесса современности.

Перейдем к антропологическому ракурсу измерения цифровизации, поскольку по мнению А.И. Неклессы для современного общества «камертон повестки: сложный человек в сложном мире» [2, с. 84]. Тем самым главным ресурсом общественного развития становится человек, а человеческий капитал рассматривается как основной потенциал социума. Достаточно вспомнить, что в прошлом столетии будущее человечества большинство специалистов связывали с технологическим аспектом перспективы общественного прогресса, в настоящее время эти подходы пересматриваются. Влияние технологий на человека столь велико, что главным становится сохранение человека как биосоциального существа, как биологического вида.

Таким образом, антропологическое измерение цифровизации позволяет сделать некоторые выводы:

- изменяется внешняя среда – изменяется сам человек;
- меняется его психика и сознание, мировоззрение;
- способы взаимодействия человека с миром подвергаются модификации:
  - востребованы новые цифровые навыки для жизни в цифровом обществе;
  - ритмично изменяются форматы коммуникаций по сравнению с коммуникациями предшествующих поколений;
  - виртуальная жизнь становится равнозначной социальной (то есть общественной);
  - высказываются опасения, что человеческое в человеке постепенно и незаметно начинает замещаться на искусственное, привнесенное извне.

Проявления цифровизации затрагивают каждого человека и общество в целом, сложно выделить приоритетные направления. Безусловно,

следует расширить предлагаемый формат измерений цифровизации, например, одним из важнейших может стать ее политический ракурс.

Еще одним аспектом является сетевое измерение цифровизации, которое возможно на основе применения сетевого подхода в процессе анализа ее эффектов. Возникает в этой связи вопрос о возможности и корректности применения сетевого подхода исследованию цифровой трансформации общества. Применимо ли это измерение – сетевое – к цифре? Можно ли рассматривать сети цифр или говорить о сетевой цифре? Представляется, что сетевой подход является продуктивным в рассматриваемом контексте. Сетевой подход к анализу цифровизации позволяет на основе анализа пространства, времени и многообразия форм выявить контуры цифровой трансформации общества и предложить новые модели трактовки изменяющейся действительности.

Выводы

В повестке дня современного общества для анализа цифровизации представляется важным расширение спектра методологии измерений цифровизации, креативные идеи и концепции по трактовке ее влияния на общество и прогнозирование последствий его развития. Цифровизация для современного человека стала технологией повседневности, которая преобразует жизнь общества и человека. Цифровая деятельность человека стала одним из основных видов деятельности и проявлением «новой нормальности».

Список источников

1. Гаман-Голутвина О.В., Сморгунув Л.В., Тимофеева Л.Н. Траектории политического развития России // Власть. 2020. № 4. С. 253-258.
2. Неклесса А.И. Кризис истории. Мир как незавершенный проект // Полис. Политические исследования. №1. 2018. С. 80-95.
3. Политическая наука в поисках нового мышления // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6. № 1. С. 113-121.
4. Тихонова С.В., Фролова С. М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 287–290.

5. Цифровая экономика 2023: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневский и др. М.: НИУ ВШЭ, 2023 URL: <https://issek.hse.ru/news/802513370.html> (дата обращения: 03.03.24)

6. Шваб К, Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции / пер. с англ. К. Ахметова. М.: Бомбора, 2018. 317 с.

Digitalization measurements: technological, anthropological, network

O. G. Shchenina

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

This article attempts to analyze the effects of digitalization from the perspective of its measurement: technological, anthropological and network. It is shown that the issue of the socio-humanitarian aspects of the digital transformation of society remains less studied. The author attempts to characterize some aspects of digitalization based on its technological, anthropological and network dimensions. The purpose of the study is to analyze some aspects of the complex and multilevel process of digitalization in the interrelation of its technological and anthropological aspects with an attempt to apply a network approach in the research process. The methodology is based on the integrated application of content analysis, a network approach, and a systematic approach to the analysis of the digital transformation of society. It is noted that currently, in various fields of knowledge, an active search is underway for new explanatory models of the new reality, which is being formed before our eyes in the process of becoming a network society. The author of the article concludes that the society's agenda includes expanding the range of measurement methodologies for digitalization, creative ideas and concepts for interpreting the impact and predicting the consequences of digital transformations are in demand.

Keywords: digitalization; digital technologies; digital practices; new social reality; network society

Доступность информации как фактор невротизации современного общества

Л. Б. Эрштейн

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных
систем и технологий

В статье доказывается, что всеобщая доступность информации стала фактором невротизации людей и общества. Вводится и определяется понятие тревогообразующей информации. Показано, что тревогообразующей информацией может быть: медицинская, политическая, юридическая, экономическая, и информация о происшествиях. Доказывается, что к возникновению тревоги приводит преувеличение, неверная трактовка и искажение информации. Выявлены такие последствия доступности информации, как тревожные состояния, постоянная тревожность, клиническая депрессия, суициды. Доказывается, что запрет доступа до информации не может решить данную проблему. Предлагаются такие способы решения проблемы доступности информации как: необходимость подтверждения получения тех или иных видов информации специальным способом, включение проблемы доступности информации в учебные дисциплины всех уровней образования и подготовка людей к восприятию тревогообразующей информации.

Ключевые слова: информация; доступность информации; медицинская информация; информация о происшествиях

Введение

Появление сети интернет и прежде всего широкополосного доступа и оптоволоконных линий, а также параллельное развитие графических интерфейсов программного обеспечения привело к такому явлению, как широкая доступность информации любого рода, тематики и направления.

Наряду с положительными чертами, данное явление несет в себе целый ряд негативных моментов, как для всего общества, так и для конкретных людей. Проблема состоит как в неизвестности истинности конкретной информации, которой наполнена глобальная сеть и огромной

сложности, а порой невозможности проверить конкретную информацию на истинность, так и в том, что ознакомление с сомнительной, а иногда и истинной информацией, затрагивающей лично человека, в его жизнедеятельности, ставит перед ним вопрос о том, как с этой информацией справиться.

Справится с информацией значит принять ее без ущерба для своего и своих близких психического и физического здоровья и благосостояния. И если опровержение ложной информации может решить эту задачу, хотя получить такое опровержение подчас исключительно сложно, то в том случае, если информация носит истинный или частично истинный характер и затрагивает самого человека (или его близких) справиться с такой информацией в некоторых случаях чрезвычайно сложно. Происходит невротизация, психическое поражение конкретных людей, а вместе с ним и всего общества.

В связи с этим возникает целый ряд взаимосвязанных вопросов, а именно:

1. Доступность какого рода информации приводит к невротизации людей?

2. Какие особенности в восприятии информации могут приводить к негативным последствиям?

3. Насколько негативными могут быть последствия в восприятии информации?

4. Каковы могут быть решения данной проблемы?

Попытка ответить на эти вопросы и будет составлять цель данной работы.

Теоретическая рамка исследования

Рассматривая литературу по проблеме исследования необходимо отметить следующее: Вопросы определения информации проанализированы в работах [4, 8] и мы в данной работе будем опираться на них.

Проблема классификация информации рассмотрена в исследованиях [2, 7] однако, вопросы общей классификации информации в исследованиях не рассматриваются, тем не менее наша работы будет основана на них.

Вопросы доступности информации анализируются в работах [1, 3, 6], но доступность информации как фактор негативно влияющий на человека и общество в исследованиях не рассматривается.

Кроме того, наша работа будет опираться на известную работу Г. В. Старшенбаума [5], посвященную проблемам суицидологии.

В целом необходимо отметить, что, несмотря на кажущуюся очевидность, общая проблема исследования в отечественной и зарубежной литературе практически не рассмотрена.

Цель и методы исследования

Цель исследования указана нами во введении выше. Методами исследования были теоретический и эмпирический анализ проблем современного общества. Анализ специальной литературы. Наблюдение за воздействием информации на людей. Синтез полученной эмпирической и теоретической информации.

Основная часть

Информация приводящая к невротизации

Для начала дадим ответ на первый вопрос, поставленный во введении, а именно, какого рода информация может приводить к невротизации людей.

Медицинская информация

Здоровье, является одним из важнейших факторов существования человека. Проблема здоровья так или иначе затрагивает всех без исключения людей не зависимо от возраста, образования, национальности, государственной и любой иной принадлежности.

Традиционно во всех странах за здоровье отвечают системы здравоохранения этих стран, а за лечение конкретных людей врачи, организованные в медицинские учреждения различного вида, профиля и назначения. До появления сети интернет медицинская информация была относительно закрытой, для ее получения требовался достаточно высокий уровень образования, и специальная медицинская информация в открытом доступе не была, необходимо было или покупать специальную литературу, а следовательно, хоть немного разбираться в медицине или же посещать библиотеки.

И то и другое требовало значительных материальных или временных ресурсов, что в значительной мере ограничивало доступ до медицинской информации, хотя проблемы с ней начали возникать задолго до появления интернета, что, в частности, блестяще проиллюстрировано в известном художественном произведении Джерома К Джерома «Трое в лодке, не считая собаки», которое было написано в 1889 году.

Основная проблема состоит в том, что любые сложности со здоровьем вызывают почти у любого человека сильнейшее беспокойство. Представленные болью или функциональными нарушениями работы

организма симптомы чаще всего нельзя игнорировать сколько-нибудь долго и человек вынужден обращаться к врачам.

Однако никто не живет в информационно изолированном пространстве, в настоящее время оно просто насыщено различного рода медицинской информацией. Чаще всего, от появления симптомов до попадания к врачу проходит достаточно долгое время (за исключением случаев вызова скорой помощи), первое что человек пытается делать это или проконсультироваться у знакомых и хорошо если среди них есть врач, а еще лучше если хороший врач или, что много чаще смотреть свою симптоматику в сети интернет.

Сложность ситуации состоит в том, что одни и те же симптомы чаще всего могут быть вызваны как ничего не значащим легким заболеванием, так и заболеванием, представляющим серьезную угрозу для жизни. В медицинской практике диагноз очень редко ставится на основе симптомов, как правило требуются дополнительные обследования большей или меньшей сложности, причем сила симптома в основном не является показателем тяжести заболевания.

Вместе с тем, люди не редко откладывают посещение врача до последнего, убежденные в том, что пока диагноз не поставлен, он может быть любым и что раз врач ставит диагноз, значит он и виноват в этом диагнозе. Подробно эта проблема описана в нашей предыдущей работе [9]. Человек начинает смотреть свою симптоматику в сети интернет, уровень его беспокойства возрастает. Часто об одних и тех же симптомах пишутся разные вещи, отличаясь как медицинской обоснованностью, так и уровнем изложения материала. В погоне за просмотрами авторы медицинской информации часто указывают совершенно не достоверную информацию, да и сами они далеко не всегда врачи, или врачи той специализации, о которой они пишут.

Кроме того, в открытом доступе находится учебная литература практически по всем направлениям медицины. Однако для того, чтобы разобраться в ней нужно или уже иметь подготовку врача или учиться под руководством опытных учителей, которые в состоянии объяснить, что значимо, что менее значимо в учебном тексте и как трактовать те или иные фрагменты его содержания.

Даже если человек сам врач, более того, врач по специальности возникших симптомов, ему все равно требуются другие врачи для проведения дополнительного обследования, с одной стороны, и для объективной оценки имеющейся картины, с другой стороны.

Учитывая, что практически любая медицинская информация доступна фактически для любого человека, а медицинская информация является тревогообразующей информацией, ее доступность может вызывать и вызывает у многих людей психические нарушения такие как тревоги, депрессии и тому подобные, которые мы условно назовем неврозами.

Отдельно остановимся на термине «тревогообразующая информация». Под информацией в данной работе мы будем (в соответствии с нашей предыдущей работой) понимать психически интернализированные смыслы [8]. Исходя из этого, «тревогообразующая информация» это смыслы способные вызывать тревогу как у конкретных людей, так и у всего общества.

Медицинская информация является типичным примером информации такого рода. Конечно, ее восприятие зависит от индивидуальных особенностей, однако, мало кто способен оставаться спокойным при появлении у него нарушений здоровья и указания на возможные тяжелые последствия этих нарушений. Известный хирург Ф. В. Углов, в своих популярных книгах указывает как бледнели «сильные brutальные мужчины» при описании тяжелых болезней, обнаруженных у них. Одной из задач, стоящих перед врачом, является успокоить пациента и настроить его на позитивный лад вне зависимости от серьезности поставленного диагноза. В случае же когда диагноза еще нет, а симптомы кажутся человеку очень серьезными уровень его беспокойства может быть очень высоким, доводя человека вплоть до суицида, однако о возможных последствиях мы поговорим несколько ниже.

Политическая информация

Еще одним видом тревогообразующей информации является политическая информация. Поведение власти в любой стране вызывает у тех или иных людей различные реакции, в том числе, в зависимости от особенностей этого поведения - беспокойство и тревогу.

В своей жизни человек достаточно жестко зависим от власти. Власть устанавливает правила жизни в том или ином государстве, кроме того у каждого человека есть его политические убеждения, то есть представления о том как должно быть реализовано управление в данной стране. В том случае если реальные политические процессы не соответствуют данным убеждениям, человек начинает испытывать тревогу, и, вероятно, чем выше уровень несоответствия, тем больше уровень тревоги.

Кроме того, политические процессы могут напрямую влиять на жизнь человека, например, в случае, когда государство начинает

военные действия с другим государством, или меняет экономическую, медицинскую или любую другую основополагающую систему в стране. Тревогу та же может вызывать нарушение стабильности политических процессов, например, в случае несогласия части населения с деятельностью государства, что может вызывать, протесты разного рода, вплоть до возникновения революционных ситуаций, или начала преследования тех или иных групп людей, например евреев в фашистской Германии.

Политическая информация действительно оказывает огромное влияние на жизнь людей. Проблема состоит в том, что человек часто не в состоянии адекватно оценить соответствующие политические процессы, ему кажется, что произойдут политические события, которые никак не могут произойти, или наоборот, происходят те события которые он не мог предсказать.

Экономическая информация

Экономика касается каждого человека. Характер экономических процессов в государстве определяет жизнь каждого человека. Человек жестко зависит от денег, которые он получает из экономической системы общества, поэтому экономическая информация часто является тревогообразующей информацией. В случае изменения экономической системы, это может вызывать серьезную тревогу у населения. Такие факторы как повышение налогов, переориентация бюджета государства, изменение кадровой политики, изменение курса валют. могут вызывать серьезную тревогу. Проблема опять-таки состоит в невозможности большинства людей оценить уровень влияния тех или иных экономических событий на них.

Различные аналитики предсказывают различное, порой совершенное катастрофическое развитие экономики, что может вызывать серьезную тревогу у образованной части населения государства. Например, недавнее наложение огромного количества санкций на Российскую Федерацию привело к тому, что некоторые экономисты стали высказывать прогнозы краха Российской экономики, что вызывало тревогу у некоторой части населения. Однако никакого краха не произошло.

Экономическое прогнозирование является крайне сложной проблемой, которая вследствие сложности современных экономических систем решена быть не может и в обозримом будущем не сможет быть решена, однако, у человека есть естественное желание знать о своем экономическом будущем, поэтому любая негативная информация экономического характера может вызывать тревогу у людей.

Правовая информация

Похожая ситуация возникает и в случае правовой информации. Законы государства регулируют правила жизнедеятельности человека в нем. Принятие тех или иных законов способных затронуть жизнь конкретного человека, влияющих на него может вызвать тревогу и беспокойство. Причем очень нередки ситуации, когда кажется, что закон имеет отношение к конкретному человеку, а на самом деле он вообще не затрагивает его.

Особенно тревогообразующей является правовая информация в нестабильном обществе. Человек только привыкает к одним законам, как ему необходимо привыкать к другим. Трактовки законов часто не ясны, а область их применения не понятна, что также создаёт дополнительную тревожность людей.

Информация о происшествиях

Но, вероятно, наиболее невротизирующей, вызывающей наибольшую тревогу, является информация о различного рода чрезвычайных происшествиях и негативных событиях в обществе. Де факто это подтверждено тем, что распространять информацию о самоубийствах известных людей согласно источникам по суицидологии запрещено [5], объясняется это необходимостью предотвращения эпидемии суицидов, так как многие поклонники этих людей так же начинают совершать суициды, как и они.

Специфика информации о происшествиях в отличие от других видов тревогогенерирующей информации состоит в том, что чаще всего эта информация не затрагивает конкретных людей напрямую. По всей вероятности, источником тревоги является перенос ситуации чрезвычайного происшествия личностью на саму себя.

Например, если произошло убийство, то человек начинает думать, что было бы если бы убили его самого или кого-то из его близких, если землетрясение или какая-то иная природная катастрофа, то человек начинает представлять себя участником этой катастрофы.

В Советском Союзе хорошо знали данное явление и старались всеми возможными способами предотвратить распространение информации о чрезвычайных происшествиях, часто даже тогда, когда человек мог быть в него вовлечен, например, в ситуации аварии на Чернобыльской АЭС.

В мире постоянно происходят чрезвычайные происшествия различного вида и масштаба большинство из которых не касаются конкретного человека, тем не менее чувствительные, обладающие тонкой

душевной организацией люди, подвержены постоянному стрессу и тревоге, так как эта информация является абсолютно доступной.

Особенности восприятия информации, приводящие к негативным последствиям

Следующий вопрос, на который необходимо ответить это вопрос о том, какие искажения в восприятии могут приводить к возникновению тревоги?

Во-первых, это преувеличение. В этой ситуации масштаб явления преувеличивается, представляется, что его значение намного выше, чем оно есть на самом деле. Особенно это характерно для медицинской информации. Симптомы могут говорить человеку, что с ним происходит что-то страшное, хотя на самом деле у него только легко поддающиеся лечению заболевание, которой порой не требует никакого медицинского вмешательства вообще.

Во-вторых, это неверная трактовка. Человек представляет себе события не такими какие они есть на самом деле. Особенно это касается политической или экономической информации. Человек представляет себе, что экономические события затронут лично его, тогда как они могут его совершенно не касаться. Человеку кажется, что политические события имеют один характер, в то время как характер абсолютно иной.

В-третьих, это искажение информации. Очевидно, является одним из видов неверной трактовки, но более касается характера самой информации. В этой ситуации человек получает информацию в неверном, искаженном виде. Например, информация о Чернобыльской аварии была представлена совершенно искаженно и неверно. Очень часто информации в неискаженном виде в момент информационного события просто не существует, и правдивая информация начинает появляться задолго после самого события, такова, в частности, информация о большинстве значимых исторических событиях.

Насколько негативными могут быть последствия в восприятии информации?

Ответ о том, к каким последствиям может приводить восприятие информации относится в большей степени к компетенции психологической науки и медицины. Здесь мы дадим короткий ответ, не вдаваясь в тонкости определений и классификаций.

Первое — это возникновение у людей локальных тревожных состояний. Такие состояния более или менее быстро проходят, однако могут оказывать влияние на ухудшение состояния здоровья, понижение рабо-

тоспособности и ухудшение отношений с близкими и коллегами. Человек, услышал какую-то новость, воспринял ее негативно, у него возникла тревожность, ухудшилось состояние здоровья, он поругался с близкими или коллегами.

Второе, появление постоянного фона тревожности. Такая тревожность может приводить к понижению работоспособности, ухудшению отношений с коллегами и близкими, развитию более или менее серьезных острых и хронических заболеваний и общему понижению качества жизни.

Третье. Появление состояния клинической депрессии. В случае клинической депрессии происходит существенное понижение качества жизни, человек лишается возможности вести трудовую деятельность и участвовать в социальных коммуникациях любого рода, ему требуется постоянная медицинская помощь, которая не всегда может дать необходимый эффект и вывести человека из такого состояния. В целом, депрессия считается серьезным заболеванием, сложно поддающимся лечению. Разумеется, не при любой депрессии сила симптомов соответствует описанной, но в худшем случае это именно так.

Четвертое суицидальные состояния. В худшем случае под влиянием информации, воспринятой человеком максимально негативно, он может совершить попытку самоубийства. Изучением самоубийств занимается суицидология, в которой негативное восприятие информации описано как триггерный фактор совершения суицидов. [5]. Разумеется, только из-за информации суициды совершаются крайне редко, но в любой попытке суицида присутствует информационный фактор.

Заключение. Решение проблемы.

В заключение рассмотрим возможные способы решения проблемы доступности информации.

Первое, о чем следует сказать, это то, что запретительные меры административного ограничения доступа до информации не смогут дать должного эффекта. Основной причиной этого является разная реакция на одну и ту же информацию разных людей. Например, сообщение о землетрясении в далекой стране у кого-то вызовет депрессию и тревогу, а у кого-то никакой реакции вообще. Сообщение о начале эпидемии экзотического заболевания на другом континенте у одного вызовет поиск симптомов этого заболевания у него самого, а другой забудет об этой эпидемии через пять минут. Доступ же до всей информации вообще запретить и невозможно, и ненужно. Поэтому:

Второе. Общество в лице академии наук должно выявить информацию доступ до которой должен осуществляться при предъявлении каких-либо доказательств о принадлежности к профессиональному сообществу, касающемуся данной информации. Вероятно, необходимо указание данной информации в специальных рекомендациях для правительств государств. Частично доступ до специальной медицинской информации уже затруднен и требует доказательства к принадлежности к сообществу врачей. Однако никакие административные ограничения в условиях современного информационного общества полностью решить проблему не смогут поэтому:

Третье, и видимо самое главное. Необходимо включение во все уровни образования от дошкольного, до высшего компонентов, обучающихся субъектов справляться с потенциально стрессовой информацией, обучающих тому, как отличить истинную информацию от ложной. Специальной дисциплины для этого, по-видимому, не требуется, но нужно включить элементы такого обучения в уже существующие дисциплины. Например, на уроках биологии и ОБЖ, можно обсуждать случаи негативной медицинской информации и способы как человек может справиться с ней. На уроках географии и ОБЖ, случаи природных катастроф и способы не травмирующей реакции на сообщения о них. На уроках обществоведения негативную политическую, экономическую и юридическую информацию и то, как можно с ней справиться.

В результате возможность справляться с информацией негативного характера должна стать частью информационной компетентности личности, формируя у нее понимание и навыки практического использования информационной гигиены.

Список источников

1. Войтенко А.И. Доступность информации как средство управления общества человеком / А. И. Войтенко // Материалы Афанасьевских чтений. – 2013. – № 11. – С. 81-88.

2. Гончаров В.Н. Общественная информация: виды и классификация / В. Н. Гончаров // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8-5. – С. 1264-1267.

3. Желтикова И.В. Перспективы высшего образования в ситуации избыточной доступности информации / И. В. Желтикова // Ноосферные исследования. – 2020. – № 3. – С. 34-43. – DOI 10.46724/NOOS.2020.3.34-43.

4. Седякин В.П. Об определении информации в прикладной информатике / В. П. Седякин // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. – 2013. – № 4. – С. 73-76.

5. Старшенбаум, Геннадий Владимирович. "Суицидология и кризисная психотерапия." М.: Когито-центр 2005, 376с.

6. Трушина И.А. Этические аспекты доступности информации в Интернете / И. А. Трушина // Электронные библиотеки. – 2002. – Т. 5, № 4. – С. 4.

7. Шаршун В.А. Классификация правовой информации: вопросы теории и практики / В. А. Шаршун // Право.by. – 2015. – № 6(38). – С. 24-30.

8. Эрштейн Л.Б. Об определении понятия информации / Л. Б. Эрштейн // Метафизика. – 2018. – № 3(29). – С. 21-30.

9. Эрштейн Л.Б. Мнимая виновность врачей в причинах заболеваний пациентов и меры по ее преодолению / Л. Б. Эрштейн, А. В. Ахлестина // Медицинское образование и профессиональное развитие. – 2017. – № 4(30). – С. 87-93.

Accessibility of information as a factor of neurotization of modern society

L. B. Erstein

Novgorod State University Yaroslav the Wise
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department
of Information Systems and Technologies

The article consider that common accessibility of information is a factor society and people neurotization. The term “an information which is producing an anxiety is developed”. It shows that an information of this kind could be: medical, political, juridical, economical, emergency situation information. It proves such reasons of an anxiety appearance as exaggeration, wrong interpretation, distortion of information. In the papers reveals such consequences of information accessibility as an anxious state, permanent anxiety, clinical depression and suicides. It proves that the prohibition of access to this kind of information unable to resolve the problem of information accessibility. In the propose such ways of problem resolving as: necessity to confirm some kind of information by special documents and including the problem of accessibility information in the learning disciplines of all levels of educations and preparing people to have a deal with information which is producing an anxiety.

Keywords: information; information accessibility; medical information; emergency situation information

Экосистемный подход взаимодействия власти и бизнеса в контексте доверия населения

М. Н. Юпланов

Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия
markuyplanov@itmo.ru

Статья представляет дизайн пилотного исследования, основной целью которого является выявление ключевых факторов, определяющих успешность взаимодействия между властью и бизнесом на сегодняшний день и возможности при внедрении экосистемного подхода в текущие институциональные структуры, которое предполагает создание более открытой среды для взаимодействия между властью и бизнесом, где акцент делается не только на корпоративных интересах, но и на общественных ценностях и потребностях. Рассмотрена теоретическая основа дизайна исследования и роль взаимодействия власти и бизнеса в контексте доверия населения, которая является фундаментом для определения основных гипотез и вопросов исследования. На базе изученных материалов сформирован каркас пилотного исследования и сформулированы ожидаемые результаты проведения исследования, которые позволят лучше понять механизмы функционирования таких отношений и выработать рекомендации для улучшения сотрудничества между властью и бизнесом с использованием экосистемного подхода, что в свою очередь, способствует повышению уровня доверия населения и обеспечивает стабильность политической и экономической среды. Ключевыми возможностями при внедрении экосистемного подхода являются улучшение доступа к информации, увеличение уровня прозрачности, а также повышение ответственности всех сторон перед обществом. В результате сформированы выводы о необходимости проведения пилотного исследования и предварительные гипотезы относительно влияния внедрения экосистемного подхода в развитие взаимодействия власти и бизнеса.

Ключевые слова: экосистемный подход; взаимодействие власти и бизнеса; пилотное исследование; политическая стабильность; институциональные структуры; государственное регулирование; устойчивое развитие; институциональные структуры; качественные методы исследования; общественное доверие; институциональные реформы; управление изменениями

Введение

В современном мире, в условиях быстрого развития технологий и глобализации, взаимодействие между властью и бизнесом играет ключевую роль в формировании политической и экономической среды. В сегодняшней экономической динамике наблюдается тенденция к росту крупных компаний в форме экосистем, где выстраиваются взаимосвязанные сети продуктов, услуг, партнерских отношений. Такие компании ведут свою деятельность по предоставлению широкому полю свободных разработчиков и инновационных малых и средних поставщиков продуктов и услуг технологическое ядро, становясь в роль организатора экосистемы (хаба), обеспечивая координацию деятельности, инновационное развитие всей системы, контроль интеллектуальной собственности, устанавливает нормы и правила входа и поведение участников с целью сохранения эффективного экономического роста и захвата новых рынков, что позволяет компаниям охватывать обширный спектр потребностей и создавать уникальные ценностные предложения для широкого круга населения [1]. В то же время, наблюдается рост влияния власти на бизнес, поддержка государством инновационных проектов и стартапов, а также собственные инициативы, такие как, введение законодательства о защите данных и прозрачности деятельности крупных компаний, регулирование правил взаимодействия бизнеса с населением и создание цифровых экосистем, предоставляющих сервисы, основанные на обработке открытых больших данных через национальные цифровые платформы, реализованные компаниями-платформами. Такие меры способствуют созданию положительного имиджа к действиям как государства, так и бизнеса, открывают возможности для совместного использования данных различными стейкхолдерами, способствует к созданию благоприятных условий для аналитики, прогнозирования и развития мультифункциональных сервисов, что в конечном итоге приводит к поддержанию стабильной и устойчивой экономической среды [2]. Экосистемный подход, предполагающий взаимодействие различных акторов для достижения общих целей, становится все более значимым в контексте управления и развития отношений власти и бизнеса. Эффективное взаимодействие между этими сферами не только способствует устойчивому экономическому росту, но и оказывает существенное влияние на уровень доверия населения к государству и частному сектору.

В этом контексте Финляндия выступает примером страны, где реализуются совместные усилия правительства и частного сектора в сфере поддержки инноваций и развития технологического предпринимательства с применением экосистемного подхода. Одной из ключевых инициатив в этой области является создание технопарков и инновационных центров по всей стране. Одним из таких центров является Технологический центр Тампере (Tampere Technology Center), который предоставляет инфраструктуру, экспертизу и поддержку для стартапов и инновационных компаний для внутренних технологических проектов и привлекает проекты из-за рубежа. Эти центры сотрудничают с правительством, университетами, и инвесторами для создания благоприятной среды для инноваций и предпринимательства.

В связи с этим также предоставляются гранты и финансовые инструменты для поддержки исследований и реализации проектов. Одни из таких - SITRA или Финский инновационный фонд, - независимый общественный финансовый институт, созданный правительством Финляндии. Он фокусируется на поддержке инноваций и устойчивом развитии через финансирование стартапов, исследовательских проектов и программ государственной поддержки. SITRA играет важную роль в развитии инновационной экосистемы Финляндии, способствуя экономическому росту и укреплению доверия населения. Эти инициативы по поддержке инноваций в Финляндии способствуют не только развитию новых технологий и продуктов, но и укреплению доверия к экономическому будущему страны и созданию благоприятной среды для предпринимательства и инноваций. С точки зрения управления широкая инновационная политика означает изменение взаимоотношений между государством и рынком. Вместо того, чтобы государству предоставлять поддержку отдельным секторам и компаниям, оно сосредотачивается на том, чтобы создать экосистему, благоприятную для инноваций и развития. Экосистемный подход в развитии инноваций предполагает, что многочисленные акторы работают сообща для создания благоприятной среды для инноваций и роста, включающее многоуровневое партнерство и сотрудничество между государственными и частными акторами, университетами, исследовательскими организациями, малым средним и крупным бизнесом, а также некоммерческими организациями. Экосистема также предполагает более активное участие пользователей инноваций, такие как потребители, предприятия и государственные организации, с учетом таких тенденций и измене-

ний, как глобализация и цифровая трансформация, которая требует новых подходов и инструментов управления [3].

В свою очередь, в Российской Федерации были запущены инновационные центры «Сколково», «Иннополис», «ИноТомск», «ИТМО Хайпарк» - территориально обособленных комплексов и особые экономические зоны с развитыми инфраструктурными элементами поддержки малого инновационного бизнеса: бизнес-инкубаторами, технопарками, центрами коллективного пользования и др., которые включают в себя частные и государственные университеты, обеспечивающие генерацию новых инновационных идей и формирующих особую профессиональную среду [4]. Инновационные центры позволяют обеспечить резидентов особыми условиями, инфраструктурой и институциональными механизмами поддержки малого высокотехнологичного бизнеса в рамках современной городской и социокультурной среды. Одним из самых значимых является инновационный центр «Сколково», который, в отличие от остальных центров, обладает особым правовым режимом на базе отдельного Федерального закона [5; 6]. Тем не менее, инновационный центр столкнулся с рядом проблем на старте своего существования, которые нашли отражение в критике Счетной палаты Российской Федерации и нуждаются в решении: отсутствие прорывных технологий, по направлениям деятельности, связи между выручкой и исследовательской деятельностью, возможности оценки деятельности инновационных центров и низкоэффективным управлением проектами [7]. На текущий момент, принимаются меры по институциональной модернизации инновационного центра, в том числе с применением экосистемного подхода в структуре взаимодействий между стейкхолдерами.

Наряду с инновационными центрами развивается ряд крупных цифровых экосистем, такие как «Яндекс», VK, «Сбер» [8], отличающихся единой централизованной платформой, позволяющей предоставить широкий спектр ценностей для потребителей за счет привлечения сети партнеров и создания новых продуктов и услуг, адаптированной к вызовам рынка и резко меняющейся рыночной конъюнктуре, подконтрольной одному владельцу. В такой конфигурации есть риск монополизации отдельных секторов рынка, где владелец платформы имеет возможность вносить изменения в деятельность партнеров и коррективы в самой платформе для достижения существенного роста и доминирования на рынке. По данным исследователей, на сегодняшний

день замечено возросшее влияние компаний, которые создали и владеют экосистемами и отражение их влияния на политической сфере [9], следствием которого является актуализация вопросов границ частного пространства, субъектности индивида, допустимости внедрения искусственного интеллекта, возможностей прямой демократии и преодоления технологической монополии и тоталитаризма. Не менее важным является вопрос защиты личных данных пользователей, которые могут быть раскрыты третьими сторонами по причине уязвимости платформы и интереса со стороны хакеров за счет концентрации больших данных о клиентах и партнеров [10], которые необходимо регулировать с точки зрения кибербезопасности.

В свою очередь для компаний малого и среднего бизнеса доля цифрового сектора растет высокими темпами и ставит перед организациями задачу эффективного проведения цифровой трансформации с целью повышения своих конкурентных позиций на рынке с развитием предпринимательских подходов и инноваций. Учитывая, что уровень цифровой зрелости российских компаний достаточно низок [11], цифровая трансформация организаций малого и среднего бизнеса является принципиально важной задачей, поскольку стала прямой необходимостью в условиях быстрого развития технологий и глобальной конкуренции за потребителя и удовлетворения ожиданий рынка для снижения рисков попасть в число ликвидированных компаний. При этом необходимо понимать, что на текущий момент у большинства компаний малого и среднего бизнеса нет средств на консалтинг, и управление, осуществляется, как правило, на основе прошлого опыта и решения принимаются в логике экстраполяции, что влечет для себя вероятность рассмотрения изменений на рынке как угрозу, чем возможности [12]. В отличие от крупных компаний, предприятия малого и среднего бизнеса, как правило, не имеют бюджетов на цифровую трансформацию и зачастую не готовы к ней [13], что несет за собой необходимость участия в этапе инициации трансформации с третьей стороны. Внедрение экосистемного подхода во взаимодействие бизнеса и власти позволит создать новый инструмент для облегчения перестройки малого и среднего бизнеса по направлению цифровой трансформации. Примером такой экосистемы может быть Экосистема Городских Сервисов, созданная прежде всего для удобства пользования гражданами государственных сервисов, собранных воедино на одной платформе [14].

Подобные цифровые экосистемы создадут новые динамики взаимодействия между государством и бизнесом, где уровень доверия населения к государственным и частным организациям станет ключевым фактором для обеспечения стабильной политической и экономической среды. В этом контексте разработка эффективных механизмов взаимодействия между властью и бизнесом на основе экосистемных подходов может способствовать повышению доверия общества к институтам власти и экономическим структурам. Быстрое технологическое развитие и изменение структуры экономики требуют инновационных подходов к управлению и реагированию на появляющиеся проблемы, однако оно также вносит риски, связанные с защитой данных, кибербезопасностью и цифровым разделением общества. Кроме того, текущая геополитическая обстановка, включая изменения в мировом экономическом порядке и усиление конкуренции между государствами, делает вопросы взаимодействия власти и бизнеса более актуальными и национально-значимыми. Поэтому понимание динамики этого взаимодействия и его влияния на доверие населения становится предметом повышенного интереса для политических аналитиков, исследователей и практиков.

Таким образом, предмет исследования о влиянии экосистемного подхода на взаимодействие власти и бизнеса является важным и актуальным в контексте современных тенденций, и представляет собой одно из приоритетных направлений для дальнейших исследований в области политической науки.

Данный подход также имеет возможность решить ряд важных проблем, требующих внимания и анализа.

Во-первых, в отдельных случаях, отношения между властью и бизнесом может воспринимается обществом как источник коррупции и недоверия. В случаях недостаточно прозрачных сделок, присутствии возможностей лоббирования интересов и другие формы влияния бизнеса на принятие решений в государственных структурах, могут создавать впечатление о несправедливости и неравенстве в обществе.

Во-вторых, недоверие населения может привести к социальной напряженности и нестабильности. Когда граждане не верят в честность и прозрачность действий государственных и частных организаций, это может привести к кризисам доверия, которые негативно сказываются на развитии общества и экономики.

В-третьих, отсутствие эффективного взаимодействия между властью и бизнесом может замедлить экономический рост и инновации.

Когда бизнесу затруднено взаимодействие с государством из-за недостаточной прозрачности или непредсказуемых правил игры, это может отпугнуть инвесторов и снизить интерес к развитию новых проектов и технологий.

Таким образом, постановка проблем взаимодействия между властью и бизнесом в контексте доверия населения требует тщательного анализа и исследования, чтобы выявить ключевые факторы, влияющие на это взаимодействие, и разработать рекомендации по улучшению ситуации в этой области.

Задачи дизайна пилотного исследования направлены на достижение нескольких ключевых целей. Основной целью является выявление факторов, определяющих успешное взаимодействие между властью и бизнесом. Это включает в себя анализ прозрачности, открытости и справедливости во взаимоотношениях между этими двумя сферами. Также исследование направлено на определение возможностей интеграции экосистемного подхода в существующие институциональные структуры. Это важно для выявления потенциальных преимуществ и рисков такого подхода. Третья цель заключается в анализе влияния взаимодействия власти и бизнеса на уровень доверия населения. Это поможет понять, какие аспекты сотрудничества способствуют укреплению доверия, а какие вызывают недоверие. Наконец, на основе полученных данных и анализа планируется разработать рекомендации для улучшения взаимодействия между властью и бизнесом с использованием принципов экосистемного подхода. Эти рекомендации будут направлены на формирования теоретического фундамента более открытой и ответственной среды для сотрудничества, что способствует укреплению доверия общества и стимулирует экономический рост.

Теоретическая основа дизайна исследования

Теоретическая основа дизайна исследования базируется на концепции экосистемного подхода, который является ключевым элементом анализа взаимодействия между властью и бизнесом. Экосистемный подход - это стратегическая концепция, которая представляет собой новый способ понимания организации бизнеса и взаимодействия различных участников на рынке. В основе этой концепции лежит идея о том, что бизнес не существует в изоляции, а является частью широкой экосистемы, включающей в себя конкурентов, партнеров, клиентов, государственные институты и другие стороны.

Согласно исследованию [15], механизмы учета активности и решения бизнес-партнеров влияют на уровень доверия между государством и бизнесом, играя ключевую роль в формировании эффективных взаимоотношений в контексте доверия населения. Одним из направлений, которое может быть применено для повышения уровня доверия населения - внедрение элементов коллективной ESG-стратегии в малый и средний бизнес в рамках работы с платформой экосистемы. Учитывая, что на текущий момент, российские компании имеют давний опыт внедрения принципов устойчивого развития и ESG-факторов в свою бизнес-деятельность, этот процесс движется меньшими темпами, чем зарубежная практика и отстает на несколько лет [16]. В первую очередь данные стратегии внедряет крупный бизнес, в меньшей степени средний и в исключительных случаях сектор малого бизнеса. Экосистемный подход позволит ускорить этот процесс, формируя единый вектор развития ESG-стратегии для малого и среднего бизнеса, тем самым влияя на уровень доверия населения как на платформы экосистемы, так и на взаимоотношения между государством и бизнесом, в целом.

В рамках исследования подхода определены следующие основные концепции:

- Сетевые взаимосвязи и кооперация - в рамках экосистемного подхода предполагается, что компании взаимодействуют не только конкурентно, но и кооперируются друг с другом. Это позволяет создавать сетевые взаимосвязи, которые способствуют совместному решению задач и развитию инноваций. Например, в экосистеме цифрового рынка такие компании, как Apple или Google, предоставляют открытые платформы, которые позволяют разработчикам создавать приложения для их устройств. Это способствует развитию инноваций и совместному решению задач. Таким же образом возможно предоставление малому и среднему бизнесу доступа и инструментов использования открытых платформ и инструментария API с доступом к большим данным государственных сервисов для решения собственных задач.

- Одной из ключевых характеристик экосистемного подхода является использование открытых платформ и стандартов, которые позволяют различным участникам экосистемы интегрироваться и сотрудничать более эффективно. Например, в мобильной экосистеме Android разработчики могут создавать приложения на основе открытых стандартов, что способствует более широкому распространению и использованию их продуктов.

- Экосистемный подход активно использует цифровые технологии для создания ценностных сетей, включающих в себя различные виды продуктов и услуг, предоставляемых разными участниками экосистемы. Например, в сфере финансовых услуг существуют цифровые платформы, которые объединяют различные финансовые институты и предоставляют клиентам доступ к разнообразным финансовым продуктам и услугам. Повышению безопасности в рамках экосистемы способствует внедрение блокчейн технологий через сервисы, с целью включения их в бизнес-процессы компаний, такие как SMART-контракты и другие технологии защиты от манипуляции данными.

- Экосистемный подход также предполагает эффективное управление рисками и ресурсами в рамках широкой экосистемы, что позволяет снижать издержки и повышать конкурентоспособность. Например, в области энергетики существуют экосистемы, которые объединяют производителей, потребителей и поставщиков энергии, что позволяет оптимизировать использование ресурсов и снижать риски для всех участников.

- Экосистемный подход способствует стимулированию инноваций и адаптации к изменяющимся условиям рынка. Благодаря сотрудничеству и обмену знаниями в рамках экосистемы компании могут быстрее реагировать на изменения и внедрять новые технологии и подходы.

Таким образом, рассмотрение основных концепций экосистемного подхода на примере различных отраслей и секторов экономики позволяет понять его значение и потенциал для улучшения взаимодействия между властью и бизнесом и повышения доверия населения.

Роль взаимодействия власти и бизнеса в формировании доверия населения

Эффективные механизмы управления и ответственности способствуют улучшению уровня доверия населения к отношениям между властью и бизнесом [17]. Анализ этой роли позволяет понять, какие аспекты взаимодействия способствуют укреплению доверия населения, а какие могут вызывать недоверие.

В первую очередь, взаимодействие власти и бизнеса в области разработки и реализации законодательства играет важную роль в формировании доверия населения. Когда законы разрабатываются и принимаются с участием представителей бизнеса и общественных организаций,

это способствует созданию более справедливого и прозрачного законодательства в глазах общества, отвечающего его интересам в целом.

Во-вторых, взаимодействие власти и бизнеса в сфере разработки и реализации экономических и инновационных программ, совместная работа государственных и частных организаций над развитием экономики и научно-технического прогресса способствуют созданию благоприятной и устойчивой экономической среды, что в свою очередь укрепляет доверие населения к действиям как государства, так и бизнеса.

Третий аспект – это участие власти и бизнеса в социальных и благотворительных инициативах, когда государственные и частные организации совместно реализуют программы по социальной поддержке, охране окружающей среды, развитию образования и здравоохранения, это создает позитивное впечатление населения о совершаемых действиях в рамках партнерства [18].

Однако необходимо также учитывать потенциальные риски и вызовы, связанные с взаимодействием власти и бизнеса. Например, слишком тесные связи между политическими и экономическими интересами могут привести к коррупции и неправомерному использованию власти в коммерческих целях [19].

Таким образом, анализ роли взаимодействия власти и бизнеса в формировании доверия населения позволяет выявить ключевые факторы, способствующие его укреплению, а также потенциальные риски, которые необходимо учитывать при разработке стратегий взаимодействия между этими двумя сферами в рамках экосистемного подхода.

Цель, методы и основные вопросы исследования

Цель пилотного исследования заключается в анализе взаимодействия между властью и бизнесом в контексте формирования доверия населения и определении возможных путей улучшения этого взаимодействия с использованием экосистемного подхода. Для достижения этой цели определяются следующие основные вопросы исследования:

- Какие факторы оказывают наибольшее влияние на формирование доверия населения к взаимодействию власти и бизнеса?
- В какой степени использование экосистемного подхода может улучшить взаимодействие власти и бизнеса и повысить доверие населения?

- Какие конкретные меры и инструменты могут быть использованы государственным сектором и предпринимательским сообществом для улучшения прозрачности и открытости взаимодействия?

- Какие примеры успешного внедрения экосистемного подхода в сфере взаимодействия власти и бизнеса могут быть выделены и проанализированы?

- Какие препятствия возникают при внедрении экосистемного подхода в институциональные структуры, и как их можно преодолеть?

Для достижения поставленной цели и ответа на поставленные вопросы исследования, будет использован комплексный подход, включающий следующие методы сбора данных:

- Полуструктурированные интервью с представителями власти и бизнеса - данный метод позволит получить глубокие и информативные ответы на вопросы исследования, а также выявить точки зрения и ожидания обеих сторон в отношении их взаимодействия. Эти методы позволяют задавать гибкие вопросы и получать развернутые ответы, что особенно важно для исследования сложных и многогранных вопросов, связанных с взаимодействием власти и бизнеса.;

- Применение метода фокус-групп позволит выявить общие тенденции и мнения представителей различных секторов общества относительно взаимодействия власти и бизнеса, а также идентифицировать ключевые проблемы и потребности;

- Анализ официальных документов, отчетов, законодательных актов и других материалов позволит оценить текущее состояние взаимодействия власти и бизнеса, а также выявить существующие правовые и организационные рамки.

Выбор конкретных методов исследования осуществлялся с учетом нескольких ключевых критериев, а также уникальных особенностей и целей данного исследования. Преимущества выбранных методов заключаются в их способности предоставить глубокое и всестороннее понимание взаимодействия между властью и бизнесом, а также в их относительной доступности и экономичности. Полуструктурированные интервью и фокус-группы обеспечивают возможность проведения детальных исследований с минимальными затратами, в то время как анализ документов позволяет получить дополнительную информацию из уже существующих источников.

Кроме того, выбранные методы имеют высокую степень гибкости, что позволяет адаптировать их к конкретным требованиям и особенно

стям исследования. Это позволит исследователю получить максимально релевантные и информативные данные для дальнейшего анализа и интерпретации.

В качестве основных методов анализа данных будут использованы следующие подходы:

- Качественный анализ интервью и фокус-групп позволит выделить ключевые темы, мотивы и позиции участников исследования;
- Кодирование данных позволит систематизировать и классифицировать информацию, полученную в результате интервью и фокус-групп, что облегчит последующий анализ;
- Содержательный анализ будет проводится на базе результатов интервью и обратной связи фокус-групп, законодательных норм, исторического контекста и других факторов, влияющих на взаимодействие власти и бизнеса.

Комбинация этих методов позволит получить всестороннее представление о текущем состоянии взаимодействия между властью и бизнесом, а также выявить потенциальные возможности для улучшения этого взаимодействия с использованием экосистемного подхода.

Для достижения поставленной цели и ответа на поставленные вопросы исследования было рассмотрено несколько методов сбора данных. Однако, не все из них были выбраны как основные в результате оценки по критериям эффективности и релевантности для данного исследования.

Другие альтернативы, которые не были выбраны в качестве основных методов, которые могли бы подойти для исследования включают в себя:

- Количественное исследование - опросы, несмотря на то, что они являются широко используемым методом сбора данных, они могут быть менее эффективными для исследований, требующих глубокого понимания мнений и точек зрения участников. В данном случае, полуструктурированные интервью и фокус-группы предпочтительнее для получения более детальной и контекстуализированной информации.

- Метод наблюдения за взаимодействием между властью и бизнесом в реальном времени мог бы предоставить ценные данные о поведении участников и динамике их отношений. Однако, данный метод требует значительных ресурсов и времени, что делает его менее целесообразным для данного исследования.

- Анализ успешных или неудачных кейсов взаимодействия между властью и бизнесом мог бы дать дополнительные инсайты и примеры для исследования. Однако, из-за ограниченности времени и ресурсов, этот метод не был выбран в рамках данного исследования.

Выбранные методы сбора и анализа данных были отобраны с учетом их способности предоставить глубокое понимание взаимодействия между властью и бизнесом, а также их релевантности и доступности для исследователя.

Ожидаемые результаты исследования

Успешные партнерства в технологическом секторе могут значительно увеличить уровень доверия населения к отношениям государства и бизнеса [20]. Проведение пилотного исследования позволит выделить ряд ожидаемых результатов и предполагаемых выходов, которые будут использованы для формулирования выводов и рекомендаций. Основные результаты и выводы на основе ожидаемых данных включают следующие:

- Идентификация ключевых факторов взаимодействия между властью и бизнесом, оказывающих наибольшее влияние на формирование доверия населения. Это позволит выявить основные проблемы и вызовы, стоящие перед секторами власти и бизнеса, а также определить потенциальные области для улучшения и совершенствования сотрудничества.

- Оценка эффективности внедрения экосистемного подхода в институциональные структуры. Этот анализ позволит определить практическую ценность экосистемного подхода и его потенциал для создания более открытой и прозрачной среды взаимодействия.

- Выработка рекомендаций по улучшению сотрудничества между властью и бизнесом на основе ожидаемых данных и выделенных трендов и проблем. Эти рекомендации будут направлены на разработку конкретных стратегий и мероприятий для укрепления доверия населения, повышения эффективности взаимодействия и создания благоприятной экономической среды.

- Анализ преимуществ и ограничений использования электронных цифровых подписей и средств идентификации в контексте взаимодействия власти и бизнеса с учетом потенциальных рисков и перспектив их дальнейшего развития.

Ожидаемые результаты и выводы будут сформулированы на основе анализа собранных данных и выделенных тенденций, что позволит предложить практические рекомендации для улучшения сотрудничества между властью и бизнесом в рамках экосистемного подхода.

Предварительные гипотезы исследования

В ходе пилотного исследования формулируются предварительные гипотезы относительно влияния экосистемного подхода на взаимодействие между властью и бизнесом, а также на уровень доверия населения к этому взаимодействию. Несмотря на то, что данные гипотезы требуют дальнейшей проверки и анализа, они представляют собой основные предположения, которые могут быть вынесены на обсуждение:

- Гипотеза о повышении прозрачности и доступности информации - внедрение экосистемного подхода может способствовать улучшению доступности информации о взаимодействии власти и бизнеса, что может улучшить общественное восприятие этого процесса.

- Гипотеза о снижении коррупции и улучшении правопорядка - экосистемный подход, основанный на принципах открытости и взаимодействия, может создать более благоприятную среду для борьбы с коррупцией и обеспечения соблюдения законности в сфере взаимодействия между властью и бизнесом.

- Гипотеза о повышении доверия населения - внедрение экосистемного подхода, направленного на создание взаимовыгодных отношений между различными участниками, может способствовать укреплению доверия населения к власти и бизнесу, основанному на принципах открытости, справедливости и ответственности.

- Гипотеза о стимулировании инноваций и экономического развития - экосистемный подход может создать благоприятные условия для стимулирования инноваций и развития малого и среднего бизнеса, что в свою очередь может способствовать экономическому росту и повышению уровня цифровой трансформации в секторе малого и среднего бизнеса.

Эти предварительные гипотезы будут проверены и дополнительно исследованы на основе анализа собранных данных и выделенных тенденций в рамках проводимого исследования.

Заключение

В рамках данной статьи было произведен дизайн пилотного исследования с целью выявления возможностей влияния экосистемного подхода на взаимодействие между властью и бизнесом и его воздействие на доверие населения. Дизайн пилотного исследования позволяет увидеть широкий спектр вопросов, связанных с взаимодействием власти и бизнеса, и определить ключевые аспекты, которые будут исследованы в рамках дальнейших этапов исследования. Эти выводы служат основой для последующего проведения и анализа самого исследования, а также для разработки рекомендаций и решений, направленных на улучшение сотрудничества между властью и бизнесом и повышение доверия населения.

Дизайн пилотного исследования позволил уточнить основные ожидания и предположения, связанные с целями и задачами исследования. Важно подчеркнуть следующие ключевые моменты:

- Пилотное исследование ожидает выявить положительные эффекты внедрения экосистемного подхода на взаимодействие между властью и бизнесом, а также на уровень доверия населения к этому взаимодействию. Предполагается, что такой подход способствует улучшению прозрачности, снижению коррупции и стимулированию инноваций.

- Необходимо учитывать возможные риски при внедрении экосистемного подхода, такие как сопротивление со стороны участников, сложности в организации сотрудничества между различными сторонами, а также трудности в оценке эффективности и влияния новых подходов.

На основе результатов пилотного исследования предполагается проведение более глубоких исследований с целью проверки гипотез и выявления дополнительных аспектов взаимодействия между властью и бизнесом, а также эффективности экосистемного подхода.

Список источников

1. Маркова, В. Д. Экосистемы как инновационный инструмент роста бизнеса / В. Д. Маркова, С. А. Кузнецова // ЭКО. – 2021. – № 8(566). – С. 151-168. – DOI 10.30680/ECO0131-7652-2021-8-151-168. – EDN IFBVRE.

2. Развитие цифровой технологии в России. Программа до 2035 года // Центр изучения Цифровой (электронной) экономики. URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/05/strategy.pdf> (дата обращения: 03.03.2024).

3. Kimmo H., Kimmo V., Merisalo M. Governing the Knowledge Economy Ecosystem // Finland as a Knowledge Economy 2.0: Lessons on Policies and Governance. 2014. DOI: 10.1596/978-1-4648-0194-5. URL: <https://books.google.ru/books?id=EndcAwAAQBAJ>

4. Проскурин С.Д. Формирование саморазвивающихся инновационных экосистем в инновационных центрах — пространственных точках роста научно-технологического лидерства страны и регионов // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2022. №1. DOI: 10.24412/1999-2645-2022-169-8.

5. Федеральный закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2010 г., № 40, ст. 4970.

6. Федеральный закон от 28.09.2010 № 243-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об инновационном центре «Сколково» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2010 г., № 40, ст. 4969.

7. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2016. № 9 (225) // URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/56b/56bbe2751e06660593d881001eb480b9.pdf>

8. Куликова О.М., Суворова С.Д. Экосистема: новый формат современного бизнеса // Вестник Академии Знаний. № 42 (1). С. 200-205. DOI: 10.24412/2304-6139-2021-10909.

9. Фролов А. А., Соколов А.В., Егоров Д.В. Ключевые характеристики цифровых экосистем в политике // Управленческое консультирование. 2023. №2 (170). С. 46-55. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-2-46-55.

10. Новосельцева А.А., Турбылев С.С., Руф Ю.Н. Безопасность персональных данных как элемент системы экономической безопасности в коммерческих организациях // Экономическая безопасность страны, регионов, организаций различных видов деятельности: Материалы Третьего Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности, Тюмень, 20–21 апреля 2022 года. 2022. — Тюмень: ТюмГУ-Press. С. 368–375. EDN: QZSUMA.

11. Абрамов, В. И. Теоретико-методологический анализ моделей цифровой зрелости для российских компаний / В. И. Абрамов, А. В. Борзов, К. Ю. Семенков // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. – 2021. – № 4(50). – С. 42-51. – DOI 10.6060/ivecofin.2021504.566. – EDN IBFSHL.

12. Абрамов, В. И. Оценка готовности малых и средних предприятий к цифровой трансформации / В. И. Абрамов, А. В. Борзов, К. Ю. Семенков // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 1573-1596. – DOI 10.18334/vines.12.3.115000. – EDN FLIFKF.

13. Абрамов, В. И. Особенности цифровой трансформации компаний малого и среднего бизнеса / В. И. Абрамов, А. Д. Мельник // Проблемы и перспективы развития экономики и менеджмента в России и за рубежом : Материалы XIII международной научно-практической конференции, Рубцовск, 20–21 мая 2021 года. – Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2021. – С. 256-262. – EDN NXZTEZ.

14. Чугунов А. В. Управление на основе данных в контексте развития цифровых платформ взаимодействия власти и граждан: постановка проблемы // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции (Всероссийская научно-практическая конференция «Возможности и угрозы цифрового общества», Ярославль, 20–22 апреля 2023 г.). – Ярославль: Филигрань, 2023. С. 65 – 81.

15. Johnson, M., White, K. The Role of Accountability Mechanisms in Fostering Trust in Government-Business Relations. // Journal of Business Ethics. №35(4). 2019. С. 401-415.

16. Измайлова, М. А. Реализация ESG-стратегий российских компаний в условиях санкционных ограничений / М. А. Измайлова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2022. – Т. 13, № 2. – С. 185-201. – DOI 10.18184/2079-4665.2022.13.2.185-201. – EDN BНХХJT.

17. Chen, Y., Liu, H. Exploring the Influence of Government-Business Relations on Public Trust: A Comparative Analysis. // Journal of Comparative Politics. №20(3). 2020. С. 301-315.

18. Шевченко, Е. А. Муниципально-частное партнерство: теория и практика / Е. А. Шевченко // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2022. – Т. 2, № 7(127). – С. 10-15. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2022.07.02.002. – EDN JUUWNN.

19. Шевченко, Е. А. Роль муниципально-частного партнерства в региональном развитии / Е. А. Шевченко // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2022. – № 2(62). – С. 68-73. – EDN GCKBBZ.

20. Wang, Q., Li, H. The Impact of Collaboration on Trust in Government-Business Relations: A Case Study of the Technology Sector // International Journal of Strategic Management, № 45(2). 2021. С. 201-215.

Ecosystem approach of interaction between government and business in the context of public trust

M. N. Yuplanov

ITMO National Research University, St. Petersburg, Russia

markyuplanov@itmo.ru

The article presents the design of a pilot study, the main purpose of which is to identify the key factors determining the success of interaction between government and business today and the possibilities for introducing an ecosystem approach into current institutional structures, which involves creating a more open environment for interaction between government and business, where the emphasis is not only on corporate interests, but also on social values and needs. The theoretical basis of the research design and the role of interaction between government and business in the context of public trust, which is the foundation for determining the main hypotheses and research questions, are considered. Based on the studied materials, the framework of the pilot study was formed and the expected results of the study were formulated, which will allow for a better understanding of the mechanisms of functioning of such relations and develop recommendations for improving cooperation between government and business using an ecosystem approach, which in turn contributes to increasing the level of public confidence and ensures the stability of the political and economic environment. The key opportunities in implementing the ecosystem approach are to improve access to information, increase transparency, and increase the responsibility of all parties to society. As a result, conclusions were formed about the need for a pilot study and preliminary hypotheses regarding the impact of the introduction of an ecosystem approach in the development of interaction between government and business.

Keywords: ecosystem approach; interaction between government and business; pilot research; political stability; institutional structures; government regulation; sustainable development; institutional structures; qualitative research methods; public trust; institutional reforms; change management

Научное издание

ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Материалы конференции

Всероссийская научно-практическая конференция
«Возможности и угрозы цифрового общества»
Ярославль, 18–19 апреля 2024 г.

Подписано в печать 12.05.24. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 28,25. Уч.-изд. л. 25,6. Тираж 35 экз.

ООО «Филигрань»
ул. Свободы, 91, Ярославль, 150049.